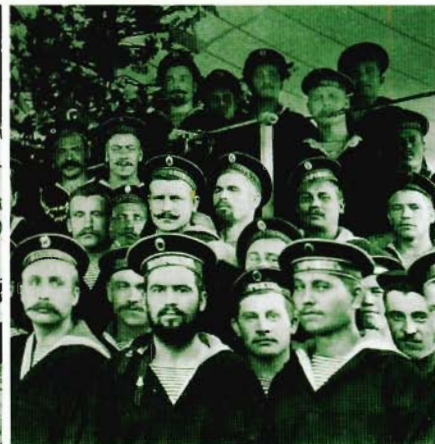
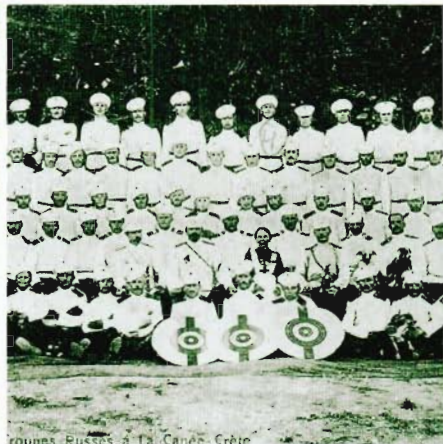

О.В. СОКОЛОВСКАЯ

РОССИЯ НА КРИТЕ

Из истории первой миротворческой операции XX века

Российская академия наук
Институт славяноведения

Российская академия наук
Институт славяноведения

О. В. Соколовская

Россия на Крите

Из истории первой миротворческой операции XX века

Москва «ИНДРИК» 2006

УДК 94(4)"19"
ББК 63.3(0)53
С 59

Издатели благодарят компании **ЭПРО** и **ИНУЛОН**
за помощь в издании книги

Научные консультанты:
доктор исторических наук *В.И. Косик*
кандидат исторических наук *А.В. Карасев*

Соколовская О.В.

Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. —
М.: Индрик, 2006. — 148 с.; ил.

ISBN 5-85759-361-1

Исследование посвящено неизвестной теме участия российских военно-морских и сухопутных сил в миротворческой акции Великобритании, Италии, России и Франции на Крите на рубеже XIX - XX веков. В монографии показана предыстория критского вопроса в контексте Восточного вопроса в XIX веке, борьба великих держав за влияние в Восточном Средиземноморье, внутривосточная борьба в Греции и на Крите по вопросу о будущем острова. В центре внимания — разносторонняя деятельность русских военных и моряков, а также российской дипломатии в вопросе сохранения и укрепления мира на «великом острове Средиземноморья» в один из наиболее острых моментов его истории — в период автономии в составе Османской империи и вооруженной борьбы критян за присоединение к Греции. Основой исследования являются дневники Русского экспедиционного корпуса императорских войск на Крите за период с 1899 по 1909 г., обнаруженные автором монографии в Историческом архиве Крита в фонде «Архив императорского русского консульства на Крите. 1860-1919». В книге широко использованы неизвестные документальные материалы московских и петербургских архивов, таких как Архив внешней политики Российской империи, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив военно-морского флота и другие. В работе показана повседневная жизнь как критского населения, так и миротворцев четырех великих держав, в основном русских, чьи имена носят улицы в городах Крита. Украшение монографии — многочисленные фотографии начала XX в., сделанные выдающимся греческим фотографом Дьямантопулосом.

Для специалистов-историков, политологов и широкого круга читателей.

© Соколовская О.В., текст, 2006

© Издательство «Индрик», 2006

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. Кризис на Крите и великие державы	
Предпосылки и последствия критского восстания 1896-1897 гг.	11
Критский вопрос и греко-турецкая война	23
Высадка и укрепление международных сухопутных войск	30
Попытки умиротворения острова и русские войска	43
Резня в Кандии и вывод турецких войск с острова	50
ГЛАВА II. Крит под управлением принца Георга и Россия. 1899-1903 гг.	
Окончание кризиса и русский отряд	61
На рубеже веков	72
Крит и российская дипломатия в 1901-1903 гг.	80
ГЛАВА III. Восстание 1905-1906 гг. и миротворцы	
Накануне восстания	87
Начало восстания в Териссо и попытки умиротворения	94
Инсургенты почувствовали силу	103
Положение серьезное. Русские силы в Платании и Кастели	109
Восстание идет на убыль	116
ГЛАВА IV. Укрепление автономии Крита и вывод иностранных войск с острова	
Создание административной комиссии и Россия	123
Выборы 1906 г. и брожение в итальянском секторе	127
Окончание «несчастливого режима»	132
А. Заимис и русские войска	135
Вывод международных сил с Крита	140
ПОСЛЕСЛОВИЕ	145

Введение

На протяжении всего XIX — начала XX в. Османская империя трещала по швам от крепнущего желания немусульманских народов осуществить свои национальные мечты и создать самостоятельные государства. Одним из очагов национально освободительного движения был Крит — «великий остров Средиземноморья», как его издавна называли греки. Расположенный между тремя частями света, он имел важное стратегическое и политическое значение, и неоднократно критский вопрос оказывался в центре пресловутого Восточного вопроса, являясь причиной головной боли великих держав.

Восточный вопрос, вобравший в себя весьма широкий круг проблем, охватывал все уровни и аспекты противоречий между многими субъектами мировой истории, как ведущими, так и малыми. Многие русские историки XIX–XX вв. — С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. Я. Данилевский и др. — свидетельствовали, что Восточный вопрос нельзя рассматривать только в дипломатической или политической терминологии и сводить к вопросу о черноморских проливах и судьбе освобожденных из под турецкого ига славянских и греческих территорий. Соловьев называл Восточный вопрос мировым, протянувшимся сквозь тысячелетия, соперничеством между Европой и Азией¹. Критский вопрос в широком смысле и миротворческая акция великих европейских держав на острове в 1897–1909 гг. представляют собой яркий пример именно борьбы цивилизаций, когда существовавшие между европейскими державами противоречия отошли на второй план по сравнению с необходимостью защиты христианства и европейских ценностей на Крите и на всем Ближнем Востоке.

***

Если международная составная критской проблемы в конце XIX — начале XX в. относительно хорошо изучена в зарубежной литературе, то история миротворческой акции великих держав на Крите в 1897–1909 гг. никогда ранее не являлась предметом отдельного исторического исследования.

Изучаемому в данной монографии периоду истории Крита — 1897–1909 годам — в зарубежной литературе непосредственно посвящены лишь труды К. Своллопулоса, М. Деторакиса, Ж. Дутковского, С. Папананусакиса, П. Бордо² и некоторых других. Однако даже в немногочисленных трудах практически не уделялось внимания позиции России в критском вопросе. Так, в докторской диссертации К. Своллопулоса на основе обширной документальной базы

(здесь использованы архивы Великобритании, Франции, Греции, обширная западная пресса, а также все доступные исследователю опубликованные источники и литература) всесторонне показана внутрисполитическая обстановка на Крите и политика великих держав покровительниц — Франции, Великобритании и Италии, в меньшей степени политика Германии и Австро-Венгрии. И лишь позиция России, также являвшейся державой покровительницей Крита и игравшей ключевую, наряду с Великобританией, роль в период последней фазы решения критской проблемы, осталась в силу многих объективных причин как бы за рамками исследования. Докторская диссертация Ж. Дутковского, богатая фактическим материалом, посвящена главным образом международно-правовым аспектам одного из первых опытов миротворческой деятельности великих держав — оккупации и международного управления Критом. До последнего времени имелась лишь одна малоизвестная статья националистического толка критского автора Э. Замбетакиса «Россия и Крит»³, посвященная русской политике на Крите в 1897–1909 гг. и частично касающаяся присутствия русского экспедиционного отряда на Крите. Статья знаменательна для нас тем, что в ней упоминается богатый «Архив Российского императорского консульства на Крите (1860–1919)». Работы остальных греческих и западноевропейских исследователей этого периода дают поверхностное изображение событий на Крите и часто изобилуют ошибками при изложении, даже кратком, позиции России.

Несколько интересных работ по истории Крита (до XIX в. — Кандия) были опубликованы в России еще в конце XIX в. Это «История Крита» И. Капнист, очерки Ю. Абегга и К. Шильдбаха по истории греко-турецкой войны 1897 г., а также статья под инициалами С. Т., в которой достаточно объективно описывались международные аспекты критского вопроса в 1897–1913 гг.⁴. В советское время И. С. Галкин был единственным ученым, кто исследовал историю Крита с точки зрения национально освободительного движения, изучая в основном социальные аспекты⁵. В монографии, к сожалению, ни слова не говорилось об этно-религиозном конфликте на Крите, нет даже упоминания русского экспедиционного отряда в составе международных войск. В конце XX в. к новой истории Крита обратились российские историки: Т. В. Никитина (МГУ), В. П. Меньшиков, С. П. Цехмистренко, О. В. Соколовская (Институт славяноведения РАН)⁶.

Интерес к истории пребывания миротворческих или, как их называют греки, «оккупационных» сил на Крите с конца XX в. все более возрастает в историческом мире, свидетельством чему появление одновременно научных статей российских и английских исследователей⁷. Это связано не только с открытием ранее

1. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Т. 13. С. 25; Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 147.

2. Σβολόπουλος Κ. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η πολιτική κρίσις εις την αυτονόμου Κρήτης 1901–1906. Αθήνα, 1974; Η Κρητική Πολιτεία από το 1899. ΙΕΕ ΙΔ, 1977. σελ. 199–215 και 280–282; Δετοράκης Μαν. Ιστορία της Κρήτης. Αθήνα, 1986; Παπαμανουσάκης Στρ. Η Ξενοκρατία στην Κρήτη, Απτ. τ. 104. 20 εβ.; Dutkowski J. S. L'occupation de la Crete. Une experience d'administration internationale d'un territoire (1897–1909). Paris, 1953; Bordeaux P. E. L'occupation internationale de la Crete, La participation française. Paris, 1946.

3. Записки Епх. Ой Рёвои στην Κρήτη. ΚΧ 18, 1964. 54–106.

4. Капнист И. Очерк истории Крита // Русская мысль. СПб., 1899. Ч. 20. Кн. 2.; Шильдбах К. Греко-турецкая война 1897. СПб., 1898; Штиглиц А. Остров Крит, мирная блокада и международный плебисцит. СПб., 1897; С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4; Абегг Ю. Заметки о Крите. Греко-турецкая война. СПб., 1898.

5. Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960.

6. Соколовская О. В. Главы по истории Греции и Крита // В пороховом погребе Европы. М., 2003; Никитина Т. В. Критское восстание 1895–1896 гг. и внутрисполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 155–172; Меньшиков В. П. Российская дипломатия и автономия Крита 1898 г. // Там же. С. 173–189 и др.

7. Σοκολόφουκας Ο. Ρωσικό εκστρατευτικό σώμα στην Κρήτη // Η τελευταία φάση του κρητικού ζητήματος. Ηράκλειον, 2002; Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissioner of Prince George of Greece in Crete, 1898–1906. Op. cit. P. 31–44; Phillips R. Candia — 6 th September (25th August 1898); Op. cit; Μιχάλης Τρούλις. Ρωσικοί στρατιωτικοί περίπατοι στο Ρέθυμνο (19 Μαΐου – 31 Ιουλίου 1897). σ 500–507.

Критский пантеон

секретных архивов, но прежде всего, видимо, с тем, что спустя столетие решение сложных международных проблем с помощью «миротворческих акций» стало почти нормой международных отношений.

Изучению данной темы во многом способствовало открытие ранее недоступных для исследователей архивов как в России, так и в Греции в последнее десятилетие XX в. Для нашей монографии наиболее важными оказались материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), составившие огромные архивные фонды: Политархив (1897–1909), Канцелярия, Греческий стол, Миссия в Афинах, Вторая газетная экспедиция и некоторые другие. Материалы архива представляют собой целый комплекс дипломатических документов. Это переписка между МИД России и великими державами по истории международного отряда на Крите за 1897–1909 гг., между иностранным ведомством в Петербурге с императорскими посольствами и миссиями в столицах великих держав, Греции, Османской империи, с генеральным консульством в главном административном центре Крита — Канее (ныне — Ханья); это секретные телеграммы, депеши, письма, отчеты в МИД России, инструкции российским представителям за рубежом, донесения военных агентов на Балканах, переписка

министров иностранных дел М. Н. Муравьева и В. Н. Ламздорфа с морским и военным министрами по поводу присутствия на Крите Средиземноморской эскадры, отдельного отряда судов в Средиземном море; это переписка генеральных консулов России в Канее Н. Н. Демерика, А. А. Гирса, Н. Н. фон Эттера, А. Н. Броневского, Б. П. Пелехина и А. Ф. Шебунина с начальниками Русского экспедиционного корпуса (затем — отряда) полковниками Ф. А. Шостаком, Б. Б. Кене, К. И. Урбановичем, М. Рошковским и С. Войцеховским. В монографии использована также переписка русских представителей в Греции с МИД России по вопросам введения на острове Крит автономного управления и назначении верховного комиссара великих держав на Крите принца Георга Греческого и многие другие документы — ноты, циркуляры, записка верховного комиссара Крита принца Георга правительству России за 1906 г.

В работе также широко использованы многочисленные материалы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА). Документы, касающиеся пребывания Русского экспедиционного корпуса (затем отряда) на Крите, хранятся в фондах Генерального штаба, Главного управления Генерального штаба, Канцелярии военного министра, Военно-ученого

комитета, Коллекции Военно-ученого архива — «Греция», в фондах Одесского военного округа, штаба Одесского военного округа, Главного интендантского отделения и некоторых других. Ценными для работы являются донесения русских военных агентов в Греции, на Крите и в Турции: о состоянии вооруженных сил Греции и Турции, о военном и политическом положении на Крите, об оказании помощи пострадавшему от восстаний населению Крита (как христианскому, так и мусульманскому), об участии греческих офицеров в Критском восстании 1896 г. Часть материалов посвящена вопросам формирования и перевозки войск на Крит, заходу пароходов Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) и Добровольного флота в Судскую бухту на Крите, вопросам обустройства русского корпуса, состоянию здоровья и военным занятиям войск. Важны для работы также переписка с Министерством финансов по поводу перевозке войск на Крит, ведомости расходов русского экспедиционного отряда на Крите, сообщения об обеспечении довольствием и деньгами русского отряда.

Большое значение для раскрытия темы имеют богатые фонды Российского государственного архива военно-морского флота (далее — РГАВМФ) и Военно-Морского музея в Петербурге. Они позволили назвать многих русских моряков и военных, в том числе тех, чьиими именами были названы улицы и площади городов Крита. Эти фонды содержат донесения военно-морских агентов с Крита, из Турции и Греции, судовые журналы кораблей отдельного отряда судов в Средиземном море и донесения штаба контр-адмирала Н. И. Скрыдлова, руководившего в составе «совета адмиралов» устройством Крита после восстания 1896–1897 гг. Это также судовые журналы морских стационаров в критских водах — канонерских лодок, которые наряду с судами других великих держав осуществляли морскую блокаду Крита и постоянно находились в его водах. Каждые две недели, а в особых случаях и чаще, командиры военных кораблей посылали на имя командующего морским отрядом в критских водах свои донесения. В донесениях, кроме сведений, требуемых морским уставом и приказами по отряду, подробно сообщалось о политическом состоянии острова, обо всех выдающихся событиях его внутренней жизни, о действиях на Крите иностранных представителей и частных предпринимателей, об отношениях мусульманского и христианского населения между собой, о числе иностранных судов в критских водах и о многом другом.

Сведения, содержащиеся в фондах: «Морской генеральный штаб (Генмор)», «Главный морской штаб», «Балканский стол», «Канцелярия морского министерства», «Вахтенные журналы канонерских лодок» и некоторых других, охватывают многие стороны критской жизни, рассказывают о гуманитарной помощи России пострадавшим критянам, о тушении русскими моряками и военными пожаров. Донесли до нас архивы и факты бомбардировки русской канонерской лодкой «Храбрый», оказавшейся в центре событий очередного критского восстания 1905 г., греческих инсургентов, повлекшей разрушения и даже жертвы. Поэтому особый интерес представляют судовые записи, телеграммы, секретные рапорты морскому министру от командира канонерской лодки «Храбрый» капитана 2-го ранга Петрова.

Большой интерес представляют не введенные ранее в научный обиход письма греческой королевы — русской великой княжны Ольги Константиновны Романовой — к российскому импера-

тору Николаю II, ее племяннику, а также к брату великому князю Константину Константиновичу, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ). Переписка эта, прежде всего, свидетельствует о стремлении греческой королевы способствовать сохранению православной веры на Ближнем Востоке.

Документальной основой монографии служат «Дневники экспедиционного корпуса (затем отряда) русских императорских войск на Крите в 1898–1909 гг.», которые были выявлены автором монографии в 1996 г. в Историческом архиве Крита (далее — ИАК) в г. Ханья в фонде «Архив императорского русского генерального консульства на Крите (1860–1919)». Поиск данных дневников занял не один год и сопровождался большими трудностями. Потребовалось два года упорной, но безрезультатной переписки с греческими министерствами, чтобы в один прекрасный день получить доступ в архив «по знакомству», за что благодарю греческих коллег историков.

О существовании этого архивного фонда историки, как в России, так и в Греции, знали давно, но из-за не прекращающихся и поныне споров между архивными ведомствами двух стран доступ к нему исследователям ограничен. Исторический архив Крита является частью Главного государственного архива Греции. Огромный архив Русского императорского консульства на Крите остался в Греции после прихода к власти в России большевиков и фактического разрыва дипломатических отношений между двумя странами и был передан в Исторический архив Крита последним российским консулом. Однако и после возобновления дипломатических отношений в 1924 г. архив остался в Греции. Первая попытка обработки и описания архива была предпринята греческой стороной в феврале 1979 г., когда, видимо, и был впервые поднят вопрос о передаче фонда в СССР. Переговоры велись на уровне министерств иностранных дел. Греки просили взамен архивы греческих консульств, оставшиеся в России после Октябрьской революции 1917 г.

Архив Императорского консульства России на Крите достаточно обширен: содержит переписку дипломатического, политического, экономического характера, газетные вырезки, библиотеку консульства. Русские материалы были подразделены греками на две группы: политический и ведомственный архивы. К сожалению, документы находятся в архиве Крита в беспорядке: пыльные и ломкие от времени, они хранятся в огромных черных пластиковых мешках и только небольшая часть — в папках. Большинство документов на французском и новогреческом, а небольшая часть — на русском языке. Официально о существовании указанного фонда сообщила в печати греческий историк архивист М. Колива Каралеку в 1994 г., опубликовав статью в критском университетском сборнике под заголовком «Архив императорского русского консульства на Крите. 1860–1919. Первое приблизительное описание»⁸. В кратком обзоре фонда впервые указывалось на существование дневников Русского экспедиционного корпуса на Крите. Мое знакомство с этими дневниками, их расшифровка и археографическая обработка показали уникальность данного исторического источника, так как в российских архивах хранятся лишь фрагменты копий дневников, о чем впервые было доложено на международном симпозиуме «Последняя стадия критского вопроса» в августе 1998 г. в Ираклионе⁹.

8 Колива-Каралеку М. Αρχείο Αυτοκρατορικού Ρωσικού Προξενείου Κρήτης. Χρ. 1860–1919. Πρόπη προσέγγιση-χαρτογράφηση // Ρεβόνια. Τιμή στον Μ. Ι. Μανώλσκα. Ρέθυμνο, 1994

9 Sokolovskaya O. The Expeditional Detachment of the Russian Imperial Army in Crete. The unknown Diaries (1899–1909). Thesis // Последняя стадия критского вопроса. Международный научный симпозиум. Ираклион. 21–23 августа 1998. С. 75–76 (греч. яз.)

Дневники экспедиционного корпуса русских императорских войск на Крите за 1899-1909 гг. охватывают 10 из 12 лет пребывания его на острове. Хранятся дневники в двух объемных папках за номерами Д 18 (1899-1906) и Д 15, Д 16 (1906-1909) и представляют собой рукописные тексты, написанные целиком на русском языке старой орфографии и сброшюрованные по 5-7 страниц каждый. Документы все ветхие, постраничная нумерация в большинстве случаев отсутствует, имеются номера лишь самих дневниковых записей. Дневники велись начальниками русских экспедиционных войск в Ретимно: полковником бароном Б. Б. Кене — в 1899 г.; с декабря 1899 по январь 1909 г. подполковником, а затем полковником К. И. Урбановичем, принимавшим участие в подавлении восстания в Териссо; непродолжительное время в 1908 г. полковником М. Рошковским и затем полковником С. Войцеховским, осуществлявшим эвакуацию русского отряда с Крита в 1909 г.

Дневники подписаны лично начальниками отряда и являются подлинниками. Все дневниковые записи построены по одному образцу — первая часть посвящена наиболее интересным событиям, произошедшим в месте дислокации войск за неделю, затем — отчет о строевых учениях и, наконец, санитарное состояние отряда. Дневники озаглавлены «В городе Ретимно», «В городах Канея и Ретимно», где находились русские войска. Записи велись почти ежедневно и раз в неделю отправлялись российскому генеральному консулу в Канею. Данный источник можно условно разделить на три части, которые соответствуют политической ситуации на острове и деятельности русского отряда в составе международных оккупационных войск.

Все дневниковые записи 1899-1903 гг. говорят об исключительно мирном характере взаимоотношений в русском секторе между населением и войсками. Записи в дневниках также дают представление о деятельности отдельного отряда судов Средиземного моря под командованием контр-адмирала Н. И. Скрыдлова, находившегося в критских водах с 1896 г. вплоть до его отозвания в Россию в 1903 г., его взаимоотношениях с ретимским отрядом русских сухопутных войск. Дневники подробно повествуют о прошедших по всему острову манифестациях за присоединение Крита к Греции, о начале и ходе восстания на Крите 1905 г., о деятельности русских сил, значительно увеличенных, которые участвовали в подавлении восстания. Тексты дневников за 1905 г. доходят до 20 с лишним страниц и представляют собой уникальный исторический материал, повествующий в деталях о восстании в Териссо и деятельности русских войск на Крите, как их видела русская сторона. Уникальным историческим источником можно назвать имеющуюся в дневниках переписку начальника русского отряда К. Урбановича с рос-

сийским генеральным консулом Броневским о военных и политических задачах, о стратегии и тактике отряда. Благодаря дневникам мы имеем подробнейшее описание всех передвижений повстанцев в ретимском округе. Достаточно объективно описываются стычки между инсургентами и русскими войсками, введение военного положения в Ретимно и других населенных пунктах, постепенно менявшееся отношение к русским со стороны греческого духовенства и всего населения. Подробно описаны первые бои с повстанцами и участие русских кораблей в подавлении восстания. Интересна переписка Урбановича с лидерами повстанцев. Дневники дают представление об отношении разных слоев населения к повстанцам. Великолепны по четкости изложения страницы, посвященные подготовке и проведению с помощью войск и жандармерии выборов на Крите.

Дневники за 1906-1909 гг. посвящены в основном созданию национальной полиции, новым административным реформам и эвакуации международных войск с острова Крит. Они все уже напечатаны на машинке — легки в чтении, но гораздо менее интересны, так как слишком кратки и сухо написаны. Заканчиваются записи осенью 1909 г., когда последние российские силы после многих трагических событий, наряду с английскими, французскими и итальянскими войсками, покинули Крит. Эвакуацией последнего эшелона русских войск в 1909 г. в Россию после почти 12 летнего их пребывания на острове руководил хорошо известный на Крите полковник С. Войцеховский. После этого на Крите оставались лишь иностранные морские стационары, которые менялись ежегодно.

Дневники, которые будут почти полностью опубликованы в Греции (на новогреческом языке), дают возможность рассматривать многие совершенно неизвестные ранее стороны российской политики в Восточном Средиземноморье и на Крите. Кроме того, они не менее важны для восстановления событийно исторической обстановки тех лет на Крите и ее специфики. Автор благодарит директора Исторического архива Крита г-жу Симандираки за помощь в ксерокопировании части дневников, а также президента критского фонда «Хрисостомос» г-на Петрулакиса за разрешение использовать в книге многочисленные фотографии известного фотографа начала XX в. Дьямантопулоса.

Исследования исторического прошлого балканских народов и рост их национального самосознания, роль России и великих европейских держав в становлении независимых балканских государств, в защите христианской веры на Востоке — темы, обладающие постоянной научной актуальностью.

Задача данного исследования — на основе ранее неизвестных архивных материалов, касающихся участия русского экспедиционного отряда императорских войск в миротворческой акции великих европейских держав на Крите, максимально объективно показать политику России в критском вопросе в конце XIX — начале XX в. В центре исследования — разносторонняя деятельность русских военных и моряков по сохранению спокойствия на острове, включая некоторые военные операции, работа по установлению и укреплению автономии острова, участие русского экспедиционного отряда в жизни православного Крита. В работе также раскрыты неизвестные или малоизвестные стороны жизни греческого и частично мусульманского населения острова, включая некоторые этнографические реалии.

Знаменитый критский фотограф
Периклис Дьямантопулос

Глава 1

Предпосылки и последствия критского восстания 1896-1897 гг.

Величественный, воспетый еще Гомером и знавший времена царя Миноса, Крит был самым большим (за исключением Кипра) островом, издавна населенным греками. В XIII-XVI вв. на Крите господствовали венецианцы, при которых остров пережил период расцвета, но пришел в упадок после захвата его турками в XVII в. Однако венецианцы присутствовали в Канее (древнее название — Кидония) и Кандии (ныне Ираклион) до конца XVII в., а в бухте Суда и на острове Спиналонгу — до начала XVIII в.¹

Чуть более двух веков продолжалось владычество турок на Крите. За этот короткий по историческим меркам период плодородный и густо населенный остров с налаженной торговлей, многочисленными доходными промыслами, хорошими городами и оборудованными гаванями превратился в беднейший вилайет Османской империи. В известном словаре Брокгауза и Ефрона Крит XIX в. описывался уже как остров с редким, озлобленным населением, часто ютящимся вокруг грязных, пришедших в упадок городов с запущенными промыслами и обмелевшими гаванями, а также постоянно воюющими между собой христианами и мусульманами. В цветущие времена венецианцев число жителей на Крите доходило до 1 млн. человек, а к концу XIX в. их осталось всего 281 тысяча (184 тыс. христиан, 93 тыс. мусульман и 3200 евреев)². Турция так и не смогла полностью подчинить себе критян: по культурному уровню критяне стояли выше турок, и большинство из них не восприняло ни чуждую им культуру, ни язык. Но в целом греческое население острова было на грани уничтожения. Турецкую власть защищали турецкие войска, стоящие в основном в гарнизонах, преимущественно в городах. В горах и подальше от городов греки всегда пользовались независимостью, а на попытки турок установить там свою власть отвечали восстаниями.

Крит пережил много потрясений в XIX в.: в 1824-1840 гг., захваченный войсками Мехмет паши, он был поставлен под контроль Египта; в 1841, 1858, 1866-1869, 1878, 1896-1897 гг. его сотрясали национально освободительные восстания греческого православного населения.

Если на протяжении почти всего XIX в. соотношение между православными греками и мусульманами на острове определялось как 3:1, то к концу XIX века — уже как 2:1. Мусульмане составляли большинство в трех наиболее крупных городах Крита — административном центре вилайета Канее, Ретимно и Кандии. Во всех других городах и населенных пунктах преобладали православные христиане. Исключительно греческими по составу населения были районы Сфакии и Лассити³.

Мусульманская община состояла в основном из греков, диссимилировавшихся в XVI-XVIII вв. в силу экономических и политических причин: принятие ислама освобождало подданных Османской империи от уплаты подушного налога, открывало доступ к административным должностям и в армию. Благодаря своему происхождению, критские мусульмане сохранили немало общего с христианами: язык, обычаи, обряды и привычки. Еще в середине XIX в. нередко были смешанные браки, создание совместных торговых предприятий, проживание христиан и мусульман в одних и тех же районах города. В то время еще существовала основа для мирного проживания двух этнорелигиозных групп населения. Однако после Великого критского восстания 1866-1869 гг. усилилась тенденция к обособлению мусульманского меньшинства от своих христианских соплеменников, а к концу века эта тенденция приобрела необратимый характер. Мусульманские власти стали поощрять оскорбление религиозных верований христиан, в результате чего уже в период Восточного кризиса 70-х гг. «ненависть между двумя элементами критского народонаселения значительно увеличилась»⁴.

Христиане были большей частью греческого происхождения. Самая многочисленная христианская община Крита была чрезвычайно неоднородной, что не позволяло в силу многих причин, в том числе геополитического фактора, достичь единства взглядов и привести к преобладанию одного из направлений в национально освободительной борьбе греков островитян.

По своему географическому положению Крит легко можно было бы поделить на две различные природные зоны. Северная часть острова — долина с преобладанием сельского хозяйства, в которую входили все крупные города острова. Центр и юг Крита представляли собой изолированные горные районы. Наиболее уязвимым во время каких либо конфликтов было население севера, и поэтому оно было настроено всегда на мирное разрешение споров. Христианское население горных районов имело совершенно иной менталитет. Сохранившаяся к концу XIX в. пат-

Критская семья

1 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4. С. 198.

2 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедия. СПб., 1895. С. 779-780.

3 Цехмистренко С. П. Революционные и реформистские тенденции в национально-освободительном движении на острове Крит в 1875-1878 гг. // Революции и реформы на Балканах. Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994. С. 104; Никитина Т. В. Критское восстание 1895-1897 гг. и внутриполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11. С. 155-173.

4 См.: Арш г. Л., Соколовская О. В. Главы, посвященные истории Греции и Крита // Формирование национальных независимых государств на Балканах: Конец XVIII — 70-е гг. XIX в. М., 1986; Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. М., 1986; Цехмистренко С. П. Революционные и реформистские тенденции... С. 105.

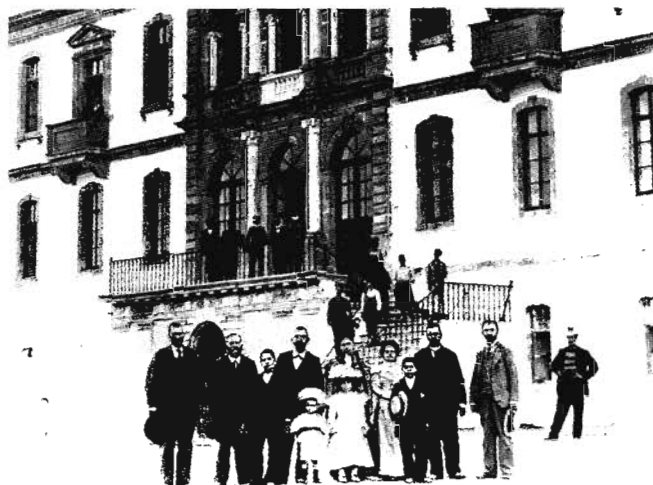
Парусник и пароход на фоне Канейской набережной

Критские турки

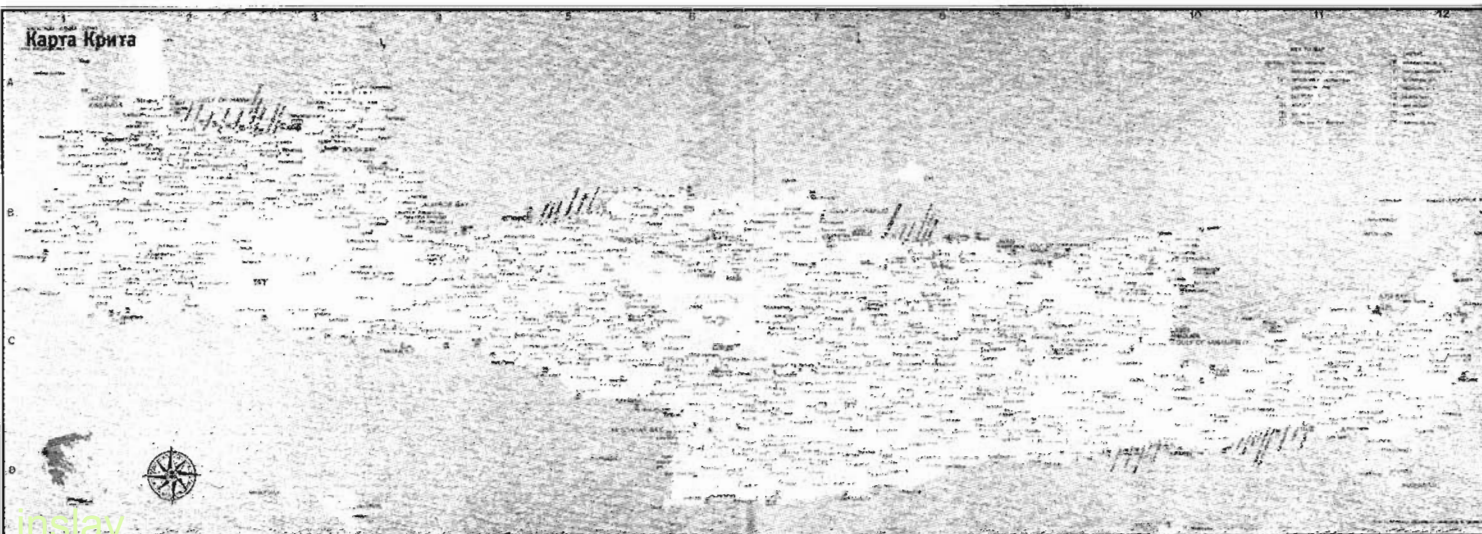

Канея. Вид с залива

Канея. Здание Администрации

Карта Крита

Критский турок

риархально-клановая структура выполняла на протяжении веков помимо социально экономической также и военные функции; глава клана пользовался огромной, почти авторитарной властью, и это позволяло в нужный момент превратить клан в боевую единицу. Такая система одновременно представляла собой помеху для успешной организации любого общекритского восстания⁵. Революционная психология находила отклик у горцев также потому, что члены кланов не были скованы недвижимым имуществом, так как основой хозяйства было скотоводство, а горы также всегда были лучшим союзником повстанцев. Среди горцев выделялась группа сфакиотов из западного Крита, более чем другие, сохранивших национальный характер. Они имели особый режим налогообложения, вольно пасли скот, занимались изготовлением знаменитых сфакийских сыров и торговлей. Это была самая воинственная часть критян, хотя в некоторые периоды даже сфакиоты не отвергали реформистских путей решения греческого национального вопроса на острове. Наиболее развитой в экономическом отношении была восточная часть острова, и его население было более всех заинтересовано в спокойствии на Крите по сравнению с менее развитой западной частью, население которой, как правило, отвергало гибкое решение национального

Турецкое духовное лицо

вопроса⁶. Существовали и классовые противоречия внутри христианской общины Крита, но в условиях нерешенности национального вопроса они всегда отходили на второй план. В результате классовая борьба на Крите в XIX в., да и в начале XX в. принимала национальную и религиозную окраску и проявлялась главным образом в тех случаях, когда объекты противостояния принадлежали к разным этнорелигиозным группам.

Отношения между турецкой администрацией и населением Крита в середине XIX в. регулировались «Органическим регламентом» 1868 г. и некоторыми другими правовыми документами. В соответствии с ними остров Крит в административно политическом отношении представлял собой отдельный вилайет, управлявшийся генерал-губернатором — вали. При нем состояли два советника, один из которых был христианином. Народное собрание — Генеральная ассамблея, созданная еще во время Великого критского восстания 1866-1869 гг., — превращено было в постоянный совещательный орган, собиравшийся каждый год на 40 дней. Христиане были допущены в административные советы, в суды. Греческий язык мог употребляться практически повсеместно, так как «округами со смешанным населением» были все населенные пункты острова⁷. Принятие «Органического регламента»

5 Там же, с.106; *Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους*, Αθήνα, 1977. Τ. I'Γ, Σ.334

6 Цехмистренко С.П. Революционные и реформистские тенденции..., с.107

7 Там же, с.114

Северный Крит. Хутор на Канейской равнине

Канея. Критские аристократы

Деревня Неаполи Мерабеллу

Отец с сыновьями в традиционном критском костюме

Хаджи-Михали Яннарис с повстанцами в Кидонии

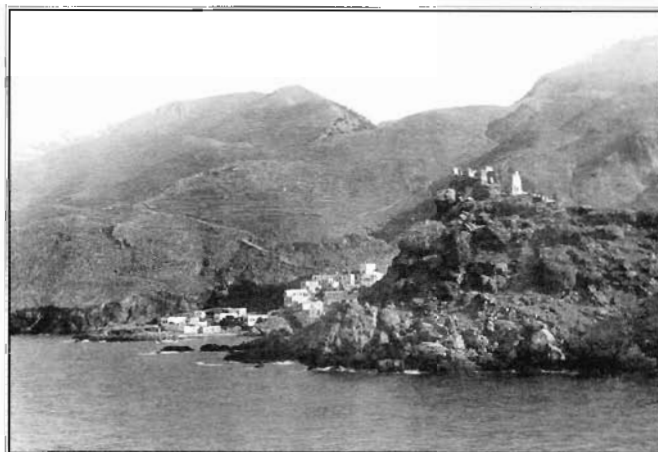
и многих других постановлений султана могло стать существенным этапом на пути к автономии Крита. Однако многие пункты даже самых лучших постановлений оставались лишь на бумаге, а жалобы на их неисполнение — без ответа.

Несмотря на подавление очередного восстания на Крите в 1878 г., султан вынужден был пойти на расширение привилегий христиан. В соответствии с Халепским пактом, принятым под давлением великих держав в октябре 1878 г., на остров был назначен вали (генерал-губернатор) сроком на 5 лет. Если он принадлежал к христианской общине, то теперь его единственным помощником назначался мусульманин, и наоборот. В целом была ослаблена зависимость от Константинополя, расширялось участие христиан в органах управления. Годы правления на Крите христианского вали Фотиадис бея в 1878–1886 гг. были самыми спокойными в течение всего XIX в., однако нерешенность критского вопроса неоднократно приводила к новым потрясениям на острове.

Постепенно возможность компромисса между основными этнорелигиозными группами населения Крита была сведена к нулю, а попытки развить критское национально-освободительное движение в реформистском направлении, предпринятые в 70-х гг. XIX в., стали утопией.

Крит представлял собой пример полного отсутствия разумного управления, в результате чего остров был постоянной головной болью великих европейских держав. Султан еще в 1895 г. объявил православным критянам «священную войну», в результате чего положение на острове было постоянной причиной обострения Восточного вопроса. Политика натравливания мусульманского меньшинства на православное большинство привела к насилию, а нежелание султана изменить что либо на острове, а также издание им недействительных или попросту не приводимых никем в действие различных законодательных актов и фирманов (повелений султана) вынуждало греческое население братья за оружие. Причем необдуманная политика султана на острове была даже не в его интересах, и становилось ясно, что рано или поздно остров все равно станет частью Греции. Критяне, уставшие от бесконечных изменений, к концу века не признавали более никаких реформ, а получая значительную моральную поддержку из Греции и греческих диаспор в мире, требовали лишь присоединения к Греции. Политика Османской империи, несмотря на огромную роль греческой православной церкви — Константинопольской патриархии — и греков фанариотов, занявших ключевое положение среди всех немусульманских народов империи, не оставляла надежд на мирное решение критского вопроса.

К концу XIX в. христиане и мусульмане находились в постоянной взаимной вражде. Виной тому была не только политика турецких властей, заинтересованных в сохранении и укреплении своего господства на Крите, — они постоянно улучшали положение мусульманского населения, повышали уровень его образования и благосостояния за счет христианского большинства, — но также и политика независимого Греческого королевства, которая препятствовала развитию национально-освободительной борьбы на Крите по реформистскому пути. Греческое правительство считало, что только вооруженная борьба против турецкого гнета на острове может привлечь внимание великих держав к греческому вопросу, а критский вопрос мог быть решен только в контексте греческого.

Сфакийский край

Деревня восточного Крита

Турецкие офицеры в крепости Фирка

Самое сильное влияние на позицию христиан Крита оказывал внешний фактор, игравший роль катализатора критского национально-освободительного движения, а именно политика Греческого королевства, стержнем которого был эллинизм и националистическая идея воссоздания Великой Греции в рамках бывшей Византийской империи. Греческое население Крита, гордое и мужественное, хранившее память о былом величии острова, всегда отождествляло себя с греческой нацией, которая после четырех веков подчинения османам нашла в себе достаточно сил, чтобы первой из балканских народов начать войну за независимость (1821-1829 гг.) и создать самостоятельное государство. Война эта была неравной по силам, и завоевать независимость грекам помогли великие державы — Россия, Франция и Великобритания.

Одним из внешних факторов была деятельность эмигрантов с Крита, значительные колонии которых были в Афинах, на Сиро-се (один из Кикладских островов в Греции) и в Триесте (Австро-Венгрия). Естественно, среди критян эмигрантов преобладали радикальные настроения. В Афинах действовал Критский комитет, осуществлявший подготовку к восстаниям и имевший полную поддержку как общественного мнения, так и материальную от правительства Греции.

Хаджи-Михали Яннарис и епископ Агафангелос

Огромные материальные и духовные ресурсы тратились Грецией на поддержку восстаний на Крите, который по воле великих держав не вошел изначально в состав королевства эллинов. Следует отметить, что другие балканские державы не претендовали на Крит. Тем не менее великие державы боялись, что пример будет слишком заразителен для других народов и Османская империя рухнет окончательно слишком быстро и с непредсказуемыми последствиями. По мнению большинства историков XX в., великие державы много раз упускали возможность решить критскую проблему в пользу греков и закрыть критский вопрос навсегда. Так было еще во время крупнейшего восстания на Крите в 1866-1869 гг., когда великие державы, достаточно цинично проигнорировав все материальные и духовные затраты критян и греков, согласились на принятие фирманов о реформах («Новый органический регламент», 1868 г.), которые редко воплощались в жизнь турецкой администрацией. «Западная Европа закрывала глаза или отказывалась признавать тот очевидный факт, что мусульманское правление и законы не отвечали духу XIX века», — отмечала американский историк Б. Елавич. Конгресс в Берлине 1878 г. также не изменил положение христиан Крита, так как Халепский пакт 1878 г. был всего лишь незначительным изменением Органического регламента.

В 1887-1889 гг. новые волнения потрясли Крит, и вновь Европа оказалась не готова радикально решить критскую проблему. В ответ на провозглашение партией «юнионистов» союза с Грецией, султаном был издан фирман, который вообще отменил положения Халепского пакта. Только благодаря вмешательству великих держав султан вынужден был вновь увеличить число членов Ассамблеи до 65, давая христианам 40 мест, и назначить христианского губернатора. Но дальше этого великие державы не пошли. Уступки, сделанные султаном, при коррумпированности и некомпетентности турецкого режима, ничего реально не давали Криту⁸. И все же православные критяне не упускали ни одного благоприятного момента, чтобы поднять восстание, целью которого было присоединение к Греции. Важным этапом освободительной борьбы греков стал ближневосточный кризис 1896-1898 гг. Восточный вопрос и в этот раз вовлек в свое решение многие субъекты международных отношений и выявил противоречия не только между ними, но и между Востоком и Западом.

Еще в 1895 г. среди греческого населения Крита стало нарастать движение против произвола турецких чиновников, фактически отменивших в значительной степени самоуправление, полученное критянами по Халепскому пакту 1878 г. Очень медленно из объекта международных отношений население Крита превращалось в активный субъект международной политики, находившийся в поле зрения всех великих европейских держав. Экономическая отсталость, религиозное угнетение христиан, господство турецкой администрации — наиболее характерные черты Крита конца XIX столетия, которые вызвали законный гнев большей части критян. Одним из руководителей движения был юрист Манусос Кундурос, выступавший еще с 1895 г. за автономию острова. Движение охватывало все более широкие слои населения, и только жесточайшими мерами — убийствами и сожжением целых деревень — турецким властям удавалось на время гасить вспышки недовольства.

8 См.: Jelavich B. Russia's Balkan entanglements, 1806-1914. Cambridge, 1991, p. 243-212; Jelavich B. and B. The establishment of the Balkan national states, 1804-1920. Wash., (D. C.), 1980

Канея в огне 4 февраля 1897 г.

Критяне с самого начала восстания возлагали надежды на помощь европейских держав, и более всего России. Герой Великого критского восстания Хаджи Михали Яннарис возглавил делегацию критян из провинции Кидония, направившуюся с просьбой о помощи к русскому посланнику в Афинах М. К. Ону. Ону делегацию не принял, а критскому герою сообщил, что если критяне хотят «сохранить благоволение России, то они могут этого достигнуть только спокойствием и терпением». В свою очередь он сообщал в Петербург о необходимости заставить султана соблюдать дарованные христианам Крита права⁹.

После волнений в столице Крита — Канее в конце мая 1896 г. великие державы, обеспокоенные ситуацией на острове, заставили султана дать обещание провести новые реформы на Крите в пользу христиан, возобновить действие Халепского пакта и даже расширить его. Султан обещал назначить христианского губернатора, провести судебную реформу и назначить судей христиан, сформировать по европейскому образцу жандармский корпус и пр. Естественно, вскоре обнаружилось, что, как и раньше, турецкие власти не собирались способствовать успеху реформ. Турки продолжали вооруженные нападения на очаги недовольства — греческие населенные пункты в горах, оскверняли православные святыни. Так, греческий консул с Крита телеграфировал в июле 1896 г. министру иностранных дел Греции о нападении одной тысячи турок на деревню Анаполис, где было убито 32 христианина, 8 тяжело ранено, было разграблено и осквернено пять церквей, сожжено три ближайших деревни и угнаны тысячи голов скота¹⁰.

Все попытки нового генерал-губернатора Крита приступить к реформам (учреждение Комитета, имевшее чисто политические цели, и др.) еще больше разделили две враждующие группы населения Крита. Само назначение христианского губернатора вызвало возмущение со стороны мусульман, объявивших джихад грекам христианам и привело к новой вспышке насилия. Недовольство турецким правлением постепенно охватывало все большие слои христианского населения острова, и его вожди в конце 1896 г. решились обратить на себя внимание Европы путем настоящего мощ-

ного вооруженного восстания, которое немедленно охватило весь остров и носило этнонациональный характер. В селах шла ожесточенная борьба, но перевес сил был на стороне мусульман, которым помогали турецкие солдаты. Инсургенты осаждали турецкий гарнизон в деревне Вамос, а совет инсургентов был создан в Апокорона, близ Канеи. В мае кровавая борьба перекинулась уже в Канею, где турки убили двух кавасов (переводчиков) русского и греческого генеральных консульств на Крите. Христианские депутаты обратились к греческому королю Георгу I с просьбой о вмешательстве.

Греческое королевство поддержало справедливую борьбу островитян не только словом, но и делом. Греческой националистической организацией «Этники Этерия», организованной в 1894 г. греческими офицерами, и Критским комитетом была оказана большая материальная помощь сражавшемуся православному греческому населению острова. В Греции проходили бурные манифестации, на которых одно требование оказать военную поддержку Криту сменяло другое, еще более настойчивое.

В Афинах, как пишет английский историк принц Майкл Кентский, «горячие националисты во главе с премьером Т. Делианнисом и молодые армейские офицеры по глупости дали своим патристическим чувствам вытеснить дипломатию, и вскоре 1,5 тыс. плохо вооруженных добровольцев из Пирея приплыли на помощь инсургентам, подражая успехам Гарибальди в Сицилии во время Итальянского Рисорджименто, но Т. Делианнис не был Кавуром»¹¹.

Контр-адмирал Н.И. Скрыдлов

⁹ Микитина Т. В. ... // Политические и общественные ... Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹ С. Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 199; Michel of Greece. The Royal House of Greece. L. P. 30.

Вначале восставшие христиане требовали возвращения и расширения автономных прав Крита, но очень скоро целью восставших стало не проведение бесполезных, с их точки зрения, реформ и даже не автономия острова, а полное прекращение турецкого господства и засилья мусульман (особенно крупных феодальных земельных собственников) и присоединение к родине матери Греции, с которой они связывали свое политическое и экономическое развитие.

Усилению национального самосознания греков во многом способствовали прошедшие в 1896 г. в Афинах первые, возрожденные по инициативе горячего эллиофила француза барона Пьера де Кубертена (1863-1937) и при содействии короля Георга I, Олимпийские игры. Чемпионом в марафонском беге стал греческий крестьянин Спирос Луис. Игры вызвали небывалый прилив патриотизма. В Афинах в это время была значительная колония богатых критян и критских беженцев, и именно по их инициативе греческое правительство обратилось ко всем великим державам с просьбой заставить султана провести на острове реформы, облегчающие жизнь христианского населения.

В связи с событиями на Крите осенью 1896 г. великие державы вынуждены были из зрителей превратиться в действующих лиц и послать в критские воды свои военно-морские силы. Царское правительство, обеспокоенное событиями на Крите, направило туда Средиземноморскую эскадру во главе с контр-адмиралом Андреевым 1 м.

Непосредственно в критских водах накануне и в период Восточного кризиса находились многочисленные российские корабли Средиземноморской эскадры, а затем отдельного отряда судов в Средиземном море, а также РОПиТа: броненосцы «Наварин», «Император Николай I», «Сисой Великий», броненосец береговой обороны «Грозный», морские канонерские лодки «Запорожец» и «Черноморец» и др.¹² Многие из этих военных судов затем приняли участие в русско-японской войне и Первой мировой войне, многие погибли или были взяты в плен.

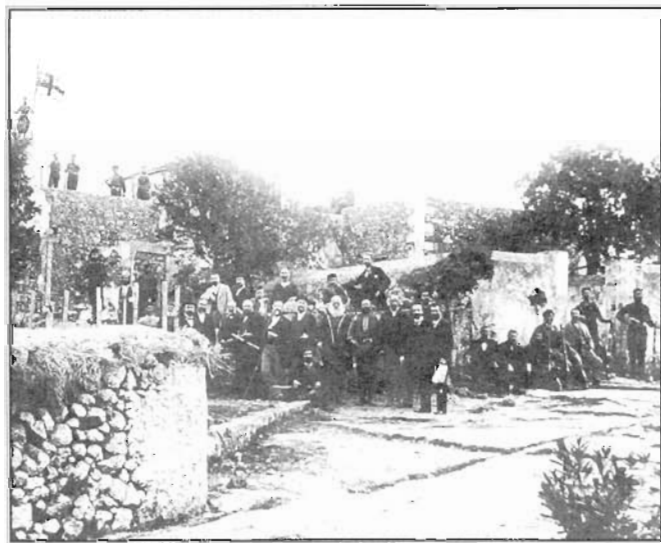
Отдельный отряд судов Средиземного моря принял в дальнейшем участие в блокаде острова военно-морскими силами великих держав, отказавшихся признать присоединение острова к Греции.

Христианский район, пострадавший от пожара и резни, устроенных турками в 1897 г.

Повстанческий отряд Акротиря. 1897-1898 гг.

Исполнительный комитет инсургентов в деревне Плакурес на Акротиря. 1898 г. Председатель — Иоаннис Сфакьянакис

Повстанцы Кидонии. 1898 г.

¹² Морской Сборник. СПб., 1897. № 3. Д. 2.

Греческий король Георг I

Элефтериос Венизелос

Королева эллинов Ольга Константиновна

Костис Фумис, член триумвирата в Териссо с женой

Смотр турецких войск

Во главе отряда стоял контр-адмирал Николай Илларионович Скрыдлов, который находился на Крите постоянно во время всего критского кризиса и покинул с отрядом остров лишь в 1903 г. Его именем будет названа одна из площадей Ретимно и улица в Канеи. Н. И. Скрыдлов вошел в историю как крупный деятель военно-морского флота — адмирал с 1904 г., командующий Тихоокеанским флотом; погиб в дни красного террора.

В январе 1897 г. борьба на острове вспыхнула с новой силой: мусульмане жгли христианские районы Ханьи и устроили настоящее избиение христиан, которые вынуждены были спасаться на военных судах великих держав или на греческих пароходах, идущих в Пирей. Вожди повстанцев (инсургентов) в январе 1897 г. переместили политический центр из Канеи на полуостров Акротири, к востоку от городских предместий, сформировали повстанческий отряд, состоявший вначале всего из 650 человек, и подняли греческий флаг. Среди шести вождей повстанцев находился уже известный преподаватель права, адвокат и депутат критской палаты, будущий премьер министр Греции Элефтериос Венизелос, критянин по рождению, который через два десятилетия сумеет увеличить территорию Греции вдвое, а затем свергнуть монархию и изменить лицо новогреческого государства. Он будет назван выдающимся деятелем Греции. Кроме него движение возглавляли также весьма яркие личности — К. Фумис, Н. Пистолакис, Х. Пападакис, А. Сифакас, Х. Милонояннакис.

Стараясь как то приглушить конфликт на острове и постепенно взять его под свой контроль, великие державы решили объединить усилия Соединенными морскими силами, которые прибыли на Крит в течение первой недели 1897 г., и их десантами командовал, как старший по чину, начальник итальянской эскадры вице адмирал граф Н. Каневаро. Он же принял на себя роль

председателя совета адмиралов. В совет вошли также контр-адмиралы: французский — Потье, русский — Андреев 1 й, австрийский — фон Гинке и британский — сэр Роберт Гаррисон, а также германский капитан 1-го ранга Кельнер. Все мероприятия великих держав на острове, следовавшие после прибытия их представителей, предпринимались лишь с их общего согласия. Адмиралы, как показало время, получали инструкции от своих правительств лишь в самом общем виде, а стремительно сменявшие друг друга события на острове заставляли их действовать быстро — на свой страх и риск.

Пока державы искали общий знаменатель их политики в отношении Крита и стремились выработать проект новых реформ, Греция спутала своими действиями все карты и предприняла попытку захватить остров силой.

Так, не успели в январе 1897 г. флагманские корабли великих держав встать на якорь на канейском рейде, как восставшие в Акротири объявили (24 января) о своем союзе с Грецией и получили долгожданную военную помощь из Греции.

Принц Георг, второй сын короля Георга I и королевы эллинов Ольги, получивший морское образование на родине отца — в Дании, прибыл на остров во главе отряда военных кораблей с намерением силой помешать прибытию туда новых турецких подкреплений из Константинополя. Греческое королевство, таким образом, сделало попытку привлечь внимание международного сообщества к проблеме Крита и, если получится, силой присоединить остров к Греции.

Уже через несколько дней, 2 февраля в Колимбари, близ столицы Крита, бросили якорь три греческих коммерческих судна, с которых на берег высадился вооруженный добровольческий отряд в 1500 человек во главе с подполковником адъютантом

греческого короля Т. Вассосом. Этот отряд прибыл на помощь восставшим критянам также с благословения короля Георга I. В отряде находилось также 120 студентов волонтеров, хорошо обмундированных и обученных в одной из патриотических организаций Греции — «Эллинизм». Единственным требованием афинского кабинета было — не вступать в конфликт с десантом великих держав¹³.

Сразу после высадки греческих войск генеральный консул на Крите Геннадис поднял греческий флаг над консульством как символ греческого суверенитета над островом. Высадившиеся отряды Вассоса напали на аванпосты турок, и одновременно инсургенты попытались занять некоторые аванпосты, высоты и форты Суды. Восставшие нанесли ряд серьезных ударов по турецким войскам. Греческие войска провели два небольших сражения с турками, отступив затем в горы. Турки, испугавшись боевого духа греков, предпочли эвакуировать два форта. Сражение было расценено как победа, и Вассос, получив поздравления кронпринца и полное одобрение греческого правительства, продолжил продвигаться по критской земле и встал лагерем возле административного центра Крита — Канеи.

Все греческое общество сочувствовало критянам в их стремлении к объединению с Грецией, несмотря на сильнейший экономический кризис в самой Греции. Он был вызван не только постоянной помощью Криту, но и полным закрытием рынков для основного экспортного продукта — греческой коринки (сухого изюма без косточек). Большие партии оружия и патронов укрывались на острове из Греции. Даже греческий король, который, по словам русского посланника М. К. Ону, после его 32 летнего «осторожного и благоразумного царствования» также увлекся идеей присоединения Крита, говорил об обязанности Греции прийти на помощь Криту, даже жертвуя своим экономическим благосостоянием. В Афинах царил общий национальный подъем. Вооруженная и организованная масса христиан-повстанцев на Крите насчитывала в своей среде достаточно большое количество греческих офицеров, многие из которых принадлежали к высшему обществу¹⁴. Греческие патриоты обратились с воззванием к эллинофилам во всем мире и получили живой отклик.

Державы покровительницы, чье внимание в это время в большей степени было приковано к армянской резне в Константинополе, не сумели остановить восстание, прежде всего из-за сильных разногласий между ними. Даже к началу 1897 г. не был введен Критский статут, который, по мнению держав, мог бы стать панацеей от дальнейшего нарастания недовольства. Зимой Порта приняла все требования держав: был восстановлен Халепский пакт и открылось Народное собрание, но в действительности никакие реформы на острове уже не могли остановить освободительное движение.

С началом восстания вмешательство европейских держав реально выразилось лишь в немедленном запрещении турецким властям предпринимать наступательные действия, направленные против инсургентов, и увеличивать свое военное присутствие на острове. Однако военное положение на острове было очень опасным, так как в городах находилась хорошо вооруженная и организованная мусульманская рать (башибузуки). Кроме того, на ост-

рове присутствовало до 12 тыс. регулярных турецких войск, служивших в гарнизонах и в отрядах на аванпостах. Они были сосредоточены в основном в больших городах — Канеи и Кандии — или же где-то поблизости от них. Значительное превосходство мусульман в военной силе привело вскоре к резне во всех городах и селах, а в городах с турецкими гарнизонами — к жарким уличным схваткам. Вскоре христианские повстанцы заняли остров вплоть до городских валов.

Высадка греческих добровольцев на Крите и их действия вызвали в Европе шок. Европейские державы были чрезвычайно озабочены возможной реакцией Турции на критские события, учитывая слабость Греции. Все мыслящие люди опасались, что в случае начала военных действий Турции против Греции войска султана не встретят никакого серьезного сопротивления от Фессалии до самых ворот Афин, что могло повлечь непредсказуемые последствия для Европы в целом. Поэтому великие державы попытались остановить помощь, которую оказывала Греция восставшему острову, и готовы были силой заставить Грецию вывести с Крита войска.

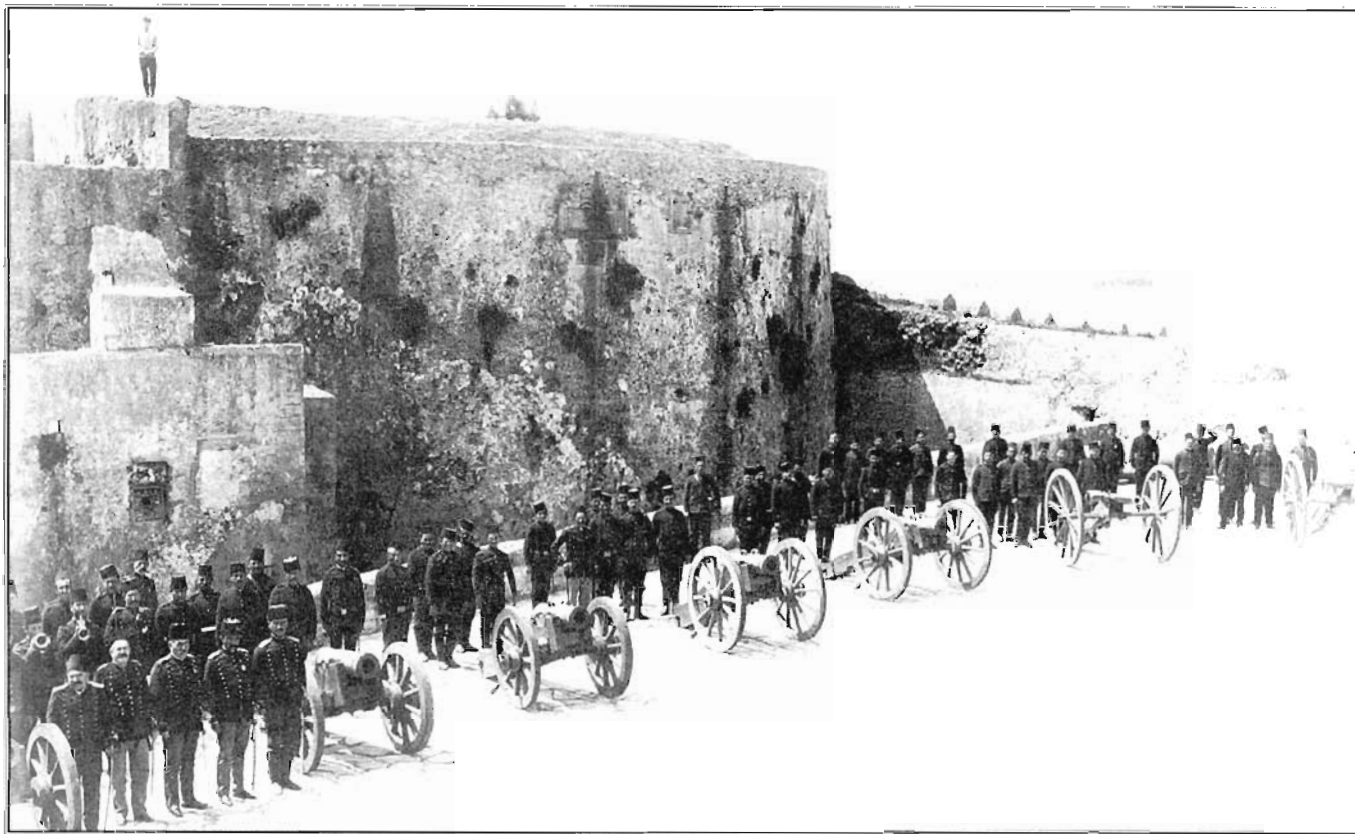
Германский кайзер Вильгельм II, узнав о погрузке в Пирее на корабли отряда полковника Вассоса, в бешенстве воскликнул: «Это война! Скорее послать флоты к Пирею, пока еще не поздно». Германия начала плести различные интриги, чтобы заставить Грецию отказаться от помощи критским инсургентам. Кайзер предложил державам установить военно-морскую блокаду Греции, но его предложение не нашло поддержки ни внутри Германии, ни со стороны других европейских держав. Опытные германские политики потребовали от кайзера большей сдержанности, и была выработана «политика сдержанности», суть которой вскоре они уточняли так: «Не двигаясь вперед, мы тем не менее серьезно

Турецкая артиллерия в крепости Фирка

13. Μαυρομάτης Γ. Ένας πόλεμος σε δύσκολη πόρτα. Η Κρήτη στις Αρχές του Αιώνα μας, Αθήνα, 1988, σ. 14.

14. Никитина Т. В. Критское восстание..., С. 164–165.

Турецкие солдаты в парадном строю перед крепостью Фирка

работаем в анти реческом направлении». Англия, имея общие интересы с Грецией на море, была против блокады Греции. Министр иностранных дел Великобритании лорд Солсбери в ответ на предложение Германии о блокаде греческого побережья заявил, что лучше думать о предоставлении острову «привилегированного положения», т. е. о широкой автономии в составе Османской империи. Французское правительство под воздействием эллинофильских чувств, господствовавших в парламенте и в обществе, так же как и Англия, отказалось от решительных мер против Греции; Италия тоже была в целом согласна с англичанами и предпочитала выработать политику умиротворения острова¹⁵. Правительство России, имевшее также сильные позиции в Константинополе и заинтересованное в добрососедских отношениях с Турцией, долгое

время вообще не отвечало на предложение о блокаде, хотя готово было поддержать Германию¹⁶. Отклонив в конце концов это предложение, Россия старалась примирить крайние позиции Англии и Германии и высказывалась за компромиссное решение, которое не нарушало бы status quo и не затрагивало бы целостность Османской империи. Султан должен был предоставить Криту автономию, а Греция — вывести войска с острова¹⁷. Если Греция откажется, державы должны принять меры принуждения. Фактически все державы уклонились от принятия германского предложения, и против Греции никаких акций проведено не было. Предложение же России поддерживали как наиболее взвешенное. Великие державы ограничились совместной блокадой берегов Крита, чтобы не допустить присоединения его к Греции.

15. Ерусалимский А. Г. Внутренняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.: Я., 1948. С. 323-325; Меньшиков В. П. Российская дипломатия и автономия Крита в 1898 г. В кн. Революция и реформы на Балканах, М. Балканские исследования. Вып. 12. С. 121.

16. Jelavich B. Russia's Balkan entanglements... P. 211.

17. Меньшиков В. П. Российская дипломатия... С. 121.

Критский вопрос и греко-турецкая война

Греческий премьер Т. Делияннис горячо поддерживал не только авантюристическую «флибустьерскую» экспедицию на Крит, но также Делияннис необдуманно поддержал нерегулярные части, которые появились на турецкой границе в Фессалии, что создало угрозу новой войны. Его несколько не останавливало даже то, что султан мог легко опировать на фронт до 1 млн. человек, хорошо вооруженных и обученных германскими военными инструкторами. В Грецию немедленно полетели телеграммы королевы Великобритании Виктории, германской императрицы Фредерики, русского императора Николая II, в которых все они умоляли Георга I удержать Грецию от вступления в войну с Турцией, но Георгу не удавалось противостоять воинственному духу афинян.

Опасность греко-турецкой войны и обострение критского вопроса заставили великие державы зимой 1897 г. вмешаться, чтобы предотвратить нависшую опасность присоединения Крита к Греции.

Эта мера оказалась действенной и они приступили для начала к блокаде Канейского залива, перекрыв канал доставки оружия, и уже 20 февраля захватили греческий пароход «Лаврион», доставлявший оружие инсургентам. Однако, понимая, что эти меры не оказывают должного действия на инсургентов и греческие войска, 9/21 февраля адмиралы приказали открыть огонь с судов по инсургентам в Акротире, которых и так уже атаквали турки¹. Германский крейсер «Императрица Августа» первый открыл огонь. Эта бомбардировка Акротире по указанию итальянского вице-адмирала графа Н. Каневаро, начальника итальянской эскадры и председателя совета адмиралов, хотя и обошлась без жертв, наделала много шума в Европе, так как была воспринята как помощь туркам, и адмиралам пришлось оправдываться перед общественным мнением Европы, особенно греческим, что они «поступили так, чтобы избежать кровопролития на острове, не покровительствуя туркам более, чем инсургентам»². Адмиралы особенно подчеркивали, что все их решения принимались сообща и единогласно. Все это не увеличило доверия к европейцам, и возставшие решили идти до конца, делая войну с Турцией неизбежной.

К февралю 1897 г. в критских водах находились внушительные военно-морские силы великих держав, которые в любой момент могли оказать давление на непослушных греков.

Каждая из эскадр, находящихся в феврале в Критских водах, в случае надобности могла высадить десант в количестве 1/5 общей численности ее судовых команд. Цифры эти были впечатляющими: итальянская эскадра могла высадить 900 человек, английская — 890, русская — 850, французская — 300, германская — 150.

Даже Германия вынуждена была присоединиться к другим великим державам, чьи корабли уже стояли в критских водах, и послать туда германский крейсер. Вдоль побережья встали военные корабли великих держав, в том числе русские.

С конца 90-х гг. XIX столетия все великие державы — Великобритания, Франция, Россия, Италия, Германия и Австро-Венгрия — вынуждены были занять более активную позицию в делах Ближнего Востока, где вновь обострилась ситуация в армянских землях Османской империи, назревал греко-славянский конфликт в Македонии, а на Крите вспыхнуло очередное восстание.

В это время великие державы были заняты переделом других регионов мира и были чрезвычайно заинтересованы в сохранении спокойствия на Ближнем Востоке. Поскольку внимание России было сосредоточено на дальневосточных делах, ее правительство также стремилось погасить все эти очаги напряженности на Ближнем Востоке, которые в разной степени касались территориальной целостности империи султана. В каждом случае державы кооперировали свои усилия, чтобы восстановить спокойствие и предотвратить еще больший международный кризис. Они панически боялись преждевременного, как им казалось, сближения балканских народов, а также опасались, что «союз острова Крит с Грецией приведет к соответствующим просьбам и требованиям других балканских государств»³, особенно в Македонии, и обострит неспокойную международную обстановку.

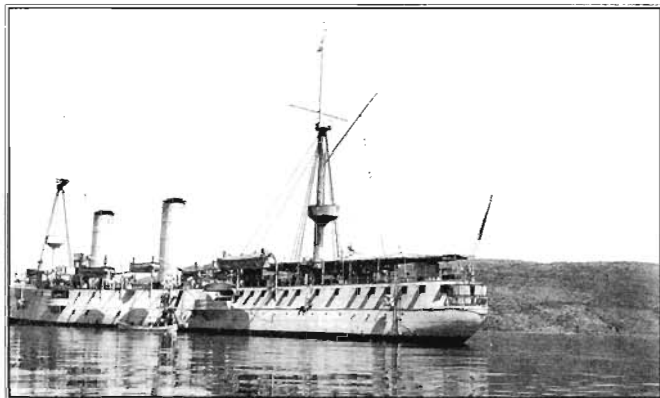
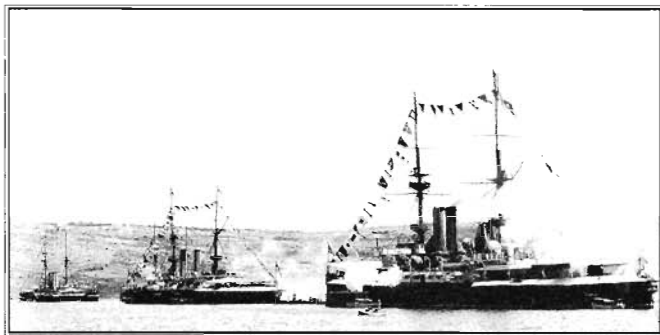
Русское правительство теперь вынуждено было уделять больше внимания положению в Восточном Средиземноморье, а также одному из главных его стратегических форпостов — острову Крит. «Этот регион, — писал военный министр России в 1898–1904 гг. генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин в письме к российскому императору Николаю II, — включает в себе некоторые первостепенные наши интересы и должен получить особое значение вследствие проникновения туда германского влияния»⁴. Остров был важен для царской России как осколок христианства на Ближнем Востоке, которое следовало укреплять, а также как удобную морскую стоянку для средиземноморской эскадры и других военных кораблей. В связи с этим возрастала и важность российской военной агентуры в Восточном Средиземноморье: Россия в 1895 г. заменила русского военного агента в Афинах на офицера, полковника Генштаба Эммануила Христиановича Калнина. В марте-октябре 1898 г. Калнин посетил Крит, после чего греческий король пожаловал ему орден Спасителя командорского креста 3-й степени. В 1899 г. он был переведен в Константинополь. Россия была крайне недовольна вновь возникшей критской проблемой, хотя в 60-х гг. во время Великого критского восстания оказывала всяческую помощь повстанцам. Активная политика России, однако, была направлена на сохранение спокойствия в этом регионе и своих православных храмов и паствы. Россия не могла также не беспокоиться за будущее черноморских проливов, которые в случае обострения ближневосточного кризиса могли попасть в руки Англии или какой-либо другой великой державы.

1 Miller W. A History of the Greek People (1821–1921). L. P. 105.

2 Морская хроника // Морской сборник. № 3, 1906, II. 4.

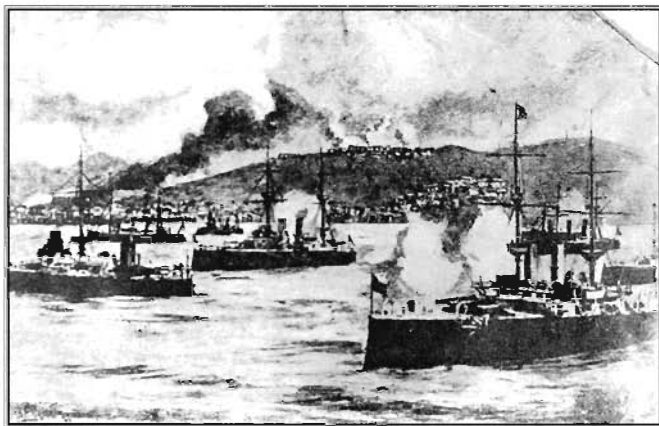
3 Baron Rosen. Forty Years of Diplomacy. Л.-Х., 1922. Т. 1. P. 144.

4 ЦГБКА. Ф. 480. Оп. 5. Д. 60. Л. 23, 183.

Военные корабли великих держав в заливе Суда

В свою очередь, действия Германии, Австро-Венгрии и некоторых других великих держав были направлены к тому, чтобы не допустить усиления национально освободительного движения в Османской империи, в том числе на Крите. Германия, не заинтересованная в расширении Греции за счет Крита, всячески уклонялась от давления на султана. Германское правительство находилось в постоянном контакте с русскими дипломатами. Министр иностранных дел России известный русский дипломат граф М. Н. Муравьев также настаивал на том, чтобы *status quo* на Ближнем Востоке был сохранен. С этой целью Муравьев предложил, чтобы великие державы высадили на Крите небольшой десант. Германия поддержала это предложение, но за свое участие в десанте требовала признания всеми державами, что «сохранение Крита в составе Османской империи останется частью европейской программы»⁵.

Бомбардировка восставших в Акротири объединенным флотом великих держав в феврале 1897 г.

Англия продолжала вести двойную игру. Как справедливо отмечал советский историк А. С. Ерусалимский, «английская дипломатия... глубоко равнодушная к судьбам национального движения в Греции... стремилась лишь разжечь конфликт и впутать в него континентальные державы». По его мнению, за этим крылось стремление Англии «возбудить восточный вопрос в целом, отвлечь политику России с Дальнего Востока на Ближний, обострить здесь различные противоречия европейских держав с тем, чтобы самой успешно продолжить свою политику колониальных захватов, как за счет отдельных провинций Османской империи, так и за счет земель в Африке»⁶.

Великобритания, имевшая самый сильный флот и самые большие интересы в Греции, прикрываясь или используя эллинофильские чувства, всегда царившие в Англии, холодно и трезво решала свои экономические, политические и стратегические задачи. Англия цепко держалась за Грецию, стремясь окончательно подчинить ее своему влиянию. Через Грецию шла ее торговля с Левантом, подвергавшаяся теперь остракизму со стороны Германии и Австро-Венгрии, которые имели все большее влияние во всех балканских странах. Греция была для Англии единственным плацдармом, с которого она могла вести борьбу за проникновение в страны Юго-Восточной Европы, в Малую Азию, Левант и особенно в Египет. Борясь за свое влияние в Греции, английское правительство учитывало «и тот богатый урожай, который можно ожидать от конца турецкого владычества»⁷. Учитывались и традиции эллинофильства, заложенные во времена Байрона, которые сохранялись на рубеже веков. Английская пресса всегда бурно выражала свою поддержку восставшим христианам на Крите и стала постоянно писать о конце турецкой империи, ее распаде. Вспоминая, как ловко Великобритания отхватила после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Кипр, многие подозревали, что англичане хотят теперь завладеть еще и Критом. Англия предлагала дать Криту автономию.

2 марта 1897 г. великие державы, после длительных переговоров послов в Константинополе, предъявили совместную ноту Греции и Турции. Державы сообщали королю Георгу I, что не допустят присоединения Крита к Греции, что при настоящих

5 Ерусалимский А. С. Внешняя политика... С. 323-326.

6 Там же. С. 326.

7 Там же. С. 318, 322.

обстоятельствах Крит ни в коем случае не может быть аннексирован, и требовали отозвания с острова греческого отряда и военных судов. Султану сообщалось, что державы, действуя в интересах мира и сохранения целостности Османской империи, не допустят присоединения острова к Греции и потребуют от Греции вывести все войска и флот с Крита. В то же время они предложили султану дать заверения державам, что он предоставит Криту автономию. Фактически державы даровали автономию Криту сами⁸. Нота эта обострила разногласия между великими державами и между Грецией и Турцией. Султан, как и раньше, с легкостью дал требуемые от него заверения, согласившись предоставить острову автономию; греческое же правительство ноту отклонило, настаивая на присоединении острова к Греции, считая это единственно правильным решением проблемы.

Десант должен был защитить столицу Крита, если ее атакуют инсургенты и греческие войска. На бастионах Канеи были подняты флаги великих держав. 16 февраля адмиралы сообщили грекам, что с этого дня они берут под защиту Канею, а также Ретимно и Кандию. Целью держав было, оставаясь нейтральными, решить критскую проблему без кровопролития. Поэтому адмиралы заявили, что любое действие со стороны греков или турок против этих городов будет встречено десантами и флотами держав⁹.

Полковник Вассос остановил движение греческих войск и связался с греческим правительством.

В соответствии с решением Константинопольской конференции от 2 марта 1897 г. адмиралы приняли решение высадить морской десант во всех городах Крита и взять остров под контроль и покровительство великих держав. Они пообещали вывести с острова все турецкие войска. Целью международных оккупационных войск было, во первых, предотвратить назревавший военный конфликт между Грецией и Турцией, во вторых, преустановление и поддержание порядка на острове и помощь в создании автономного режима, провозглашенного 6 марта 1897 г., который фактически означал бы конец господства Османской империи.

6 марта 1897 г. совет адмиралов провозгласил на острове автономный режим. Адмиралы четырех держав — Потье, Ноэль, сменивший в начале года сэра Роберта Гаррисона, Беттоло, Скрыдлов, сменивший вице адмирала Андреева 1 го, — приняли на себя управление Критом. Восставшие критяне не приняли автономный статус и требовали союза с Грецией, подчиняясь только полковнику Вассосу, и критский конфликт снова обострился.

Французский министр иностранных дел предложил местную власть на Крите передать адмиралам до выборов гражданского генерал губернатора. Великобритания соглашалась и выражала готовность послать дополнительно 600 человек с Мальты на Крит. Италия настаивала на том, чтобы войска держав не были использованы во внутренних районах Крита, а только в уже занятых основных фортах и городах. Греция немедленно отозвала свой флот с Крита, но стала вооружать флот и концентрировать его возле западного побережья Греции (Эгейского моря). Никто и слышать не хотел об отозвании греческих войск с Крита. Однако в целом греческое общество поддержало планы великих держав, считая, что с помощью оккупации Крита вопрос будет решен и державы предстанут перед *fait accompli*.

Канея. «Энетикос Фарос» («Венецианский маяк»)

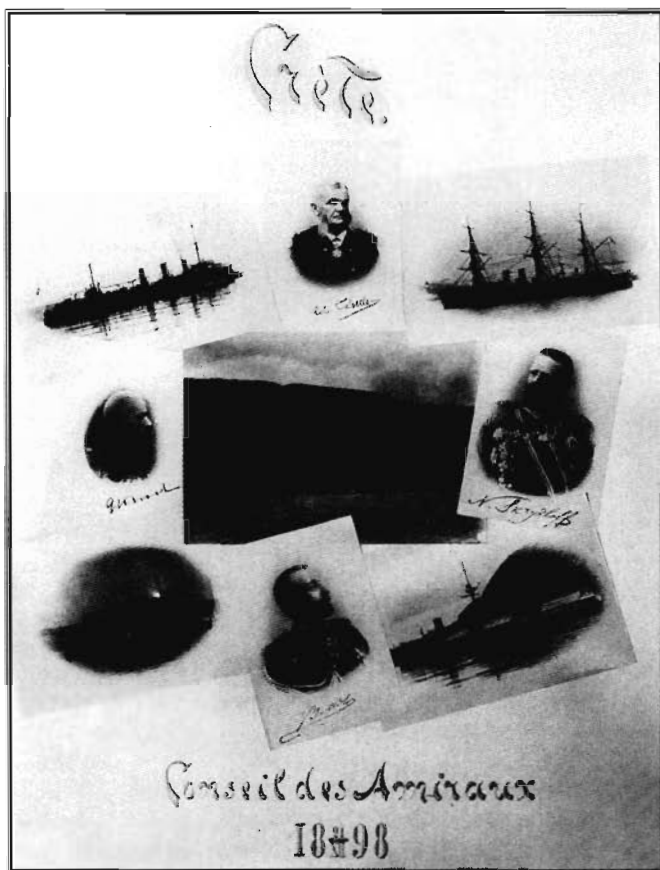
Греция категорически отказалась отозвать свои войска с Крита, но согласилась отозвать военные корабли. В ответной ноте державам покровительницам Греция выражала надежду, что державы, наконец, «позволят самому народу Крита решить, как он хочет управлять», фактически намекая на то, что остров должен быть присоединен к Греции. Премьер министр Великобритании лорд Солсбери поддержал предложение оставить греческие войска в качестве полицейской силы для умиротворения острова под руководством высших союзных офицеров. Германия, до крайности возмущенная ответом Греции, настаивала на самых строгих мерах воздействия на нее и пыталась заручиться в этом согласием России.

Еще в середине марта 1897 г. в афинских газетах было опубликовано обращение короля Георга I к российским дипломатам, в котором он подчеркивал длительность борьбы критян за объединение со своими соплеменниками за пределами Крита. Король заявлял, что он не надеется более на помощь великих держав, но его желание присоединить Крит является законным, в отличие от захвата Англией Кипра или аннексии Шлезвиг Гольштинии Германией, а также Боснии и Герцеговины Австрией. Если великие державы решатся на применение силы, то он, при поддержке всего греческого народа, военные силы с Крита не уберет. Посланник Великобритании передавал в Форин оффис, что война неизбежна, так как накал в афинском обществе достиг критической силы «из за строгих мер, предпринятых адмиралами против христиан Крита, и слухов о блокаде Греции державами». Русское правительство также было обеспокоено взрывной ситуацией ввиду приближения дня независимости Греции¹⁰ (от блокады Греции решено было воздержаться).

8 Jelavich B. Russia's Balkan entanglements, 1806-1914. Cambridge, 1991. P. 100.

9 Michel of Greece. The Royal House of Greece... P. 31; Stavrianos L.S. The Balkans since 1453. N. Y. P. 95.

10 Op. cit. P. 103.

«Совет адмиралов»: Нозль, Потье, Скрыдлов, Каневаро

Блокада критского побережья должна была помешать грекам вести дальнейшие военные действия на Крите, чтобы присоединить остров к Греции. Так и произошло: в тот же день турецкий губернатор опубликовал указ о признании султаном автономного статуса острова.

23 марта на переговорах четырех держав Россия предложила дать полномочия адмиралам держав-покровительниц Крита — Великобритании, Франции, России и Италии, «чтобы приступить к воплощению дарованной автономии острову ранее, нежели будет выбран новый губернатор Крита». Инициатива России была поддержана и выработан план операций для адмиралов, который был передан также Турции, несмотря на ее протесты¹¹.

В то время как Россия призывала державы действовать как можно теснее, в международной прессе распространился слух, будто сама Россия сделала сепаратное предложение греческому королю. Николай II якобы сообщил Георгу I, что, если греческий король уберет с острова полковника Вассоса и греческие войска, Россия гарантирует ему, что через полгода остров Крит будет княжеством во главе с принцем Георгом. В соответствии с этим планом принц якобы должен будет создать жандармерию из греков, т.е. фактически занять остров с помощью греческих войск, подготовивших что то вроде переворота в духе Восточно Румелий-

кого в 1886 г. Как известно, в результате восстания, вспыхнувшего в 1885 г. в Восточной Румелии (южных областях Болгарии) — автономной провинции Османской империи, в феврале 1886 г. Турция фактически признала воссоединение Болгарии и назначила болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии.

Этот слух возбудил греческое общественное мнение, и греческие газеты опубликовали статью, в которой говорилось: предложение приведет к распаду единства греческой нации, так как у нас будет отдельное княжество во главе с принцем Георгом сегодня, с принцем Николаем — завтра в Эпире, а послезавтра — часть Македонии станет княжеством во главе с принцем Андреем. Когда же своих принцев не хватит, то можно будет пригласить принца из Дании (намекая на происхождение Георга I, принца датского Вильяма Фердинанда Адольфа Георга, сына короля Дании Кристиана)¹². Таким образом, это будет выгодно только России и принцам, которые смогут сделать выгодное предложение русской принцессе. Поэтому предложение это, заключал автор, есть коварство и позор. Такое отношение к вопросу о критской автономии разделялось и оппозицией: ее лидер Д. Раллис говорил, что ни за какие деньги нельзя пойти на это предложение, которое будет против реального объединения с Грецией, и угрожал правительству революцией. Греческое правительство отвечало, что единственным решением мог бы стать принц Георг как принц Крита, с греческим флагом, греческими политиками в его совете администрации, греческими офицерами, проводящими реформы на острове, греческой жандармерией, поддерживающей порядок на нем, и т.д.

Германия, лишенная возможности открыто осуществлять активную военно-экспансионистскую политику в Средиземном море, не имея достаточного флота, взяла курс на разжигание греко-турецкой войны. Она всячески стремилась сохранить целостность турецкой империи и усилить там свое влияние, и германский император и король Пруссии (1888-1918) кайзер Вильгельм II (1859-1941) довольно открыто подталкивал Турцию к войне с Грецией. Вместе с тем некоторые заявления в английском парламенте также увеличивали решимость афинской партии войны¹³.

На этот раз критский вопрос, впервые после войны за независимость 1821-1829 гг., вовлек Грецию в войну с Турцией. Греко-турецкие противоречия обострились до предела весной 1897 г. в связи с восстанием греческого населения Крита, требовавшего присоединения острова к Греции. Противоречия между великими державами, и особенно англо-германские, только усилили кризис в греко-турецких отношениях. Критское восстание 1896-1897 гг., по мнению большинства греческих историков, не сумело побудить великие державы оценить важность момента, что привело к греко-турецкой войне. Султан чувствовал поддержку Германии, а греческий король Георг I всегда опирался на Англию.

Весной 1897 г. в Вене, Петербурге и Берлине сложилась формула политики на Ближнем Востоке и Балканах — status quo. События на Крите способствовали в немалой степени тому, что Россия и Австро-Венгрия пришли к соглашению по балканским делам, а германская дипломатия этому всячески содействовала¹⁴. В апреле 1897 г. во время обострения критского вопроса и греко-

11 Op. Cit. P. 132.

12 Op. Cit. P. 134.

13 Miller W. A History... P. 106; Ерусалимский А. С. Внешняя политика... С. 327.

14 Там же. С. 313.

турецких разногласий австрийский император Франц Иосиф в сопровождении министра иностранных дел А. Голуховского нанес визит в Петербург, где и было решено лет на десять заморозить Восточный вопрос. Обе державы договорились о сотрудничестве по поддержанию status quo на Ближнем Востоке, т. е. фактически о сохранении Османской империи в неприкосновенности. Однако было решено, что, когда распад Оттоманской империи будет неминуем, державы выработают меры справедливого разрешения территориального вопроса не за счет какого либо одного балканского государства. За признание аннексии Австро Венгрией Боснии и Герцеговины Россия получала гарантию, что проливы будут держаться на замке, т.е. вход иностранным военным кораблям в Черное море будет закрыт¹⁵.

Весной 1897 г., как раз когда была выработана формула сохранения стабильности международного положения в балканском регионе и на Ближнем Востоке, между Грецией и Турцией вспыхнула война, угрожавшая полностью нарушить status quo. Король Георг I объявил себя солидарным со своим народом, хотя и понимал, чем это чревато.

В начале апреля греческие войска перешли греко турецкую границу: в Фессалии, Эпире и Македонии начались военные столкновения, а 18 апреля Турция объявила войну Греции. Турецкая армия, подтянутая к границе Фессалии, была на этот раз гораздо лучше вооружена благодаря крупновским пушкам, имела германских инструкторов и численное превосходство над греками. Исход войны был очевиден, но греческому монархическому режиму неудачная военная кампания все таки была выгоднее, чем антидинастический переворот. Так, русский посланник в Афинах полагал, что война успокоила «разбушевавшийся эллинизм». Без этой войны, писал М. К. Ону, «произошла бы внутренняя революция», а «если бы король не согласился отправить отряд на Крит, они вырвали бы у него это согласие или низложили бы его»¹⁶.

Уже через неделю турецкие войска вошли в Лариссу в Фессалии. Германская дипломатия тайно рекомендовала Турции продолжить наступление, чтобы поскорее вынудить Грецию к капитуляции¹⁷. Императрица Фредерика была возмущена поддержкой Германии султана и беспокоилась за судьбу своей дочери Софии, чей муж — кронпринц Константин Греческий получил боевое крещение в этой войне как главнокомандующий.

Начиная с Турцией войну, которая не могла стать победоносной, Георг I, безусловно, рассчитывал, что великие державы не допустят военных действий и спасут его репутацию. Греческие националисты во главе с Делианнисом, развязавшие войну, наивно полагали, что остальные балканские нации также восстанут против турок, но они не вмешались. Греческое правительство и король срочно обратились к балканским странам с просьбой о помощи, но все великие державы сделали все, чтобы не допустить разжигания балканской войны, и убедили балканских соседей Греции воздержаться от помощи грекам. Турция в ответ на это разрешила новые болгарские и сербские школы и приходы в Македонии. После отказа болгарского царя оказать помощь Греция

обратилась к великим державам с просьбой о посредничестве, ища выход из проигранной войны.

Король еще никогда не был так близок к потере трона. В Афинах антидинастическая оппозиция угрожала расправой над королем и династией, уничтожала портреты короля¹⁸. Гарибальдисты (по выражению М. К. Ону — «опасные анархисты»), возвращавшиеся с фронта, куда они отправлялись на помощь грекам, также были угрозой трону, но генерал Ричиотти Гарибальди мудро отправил¹⁹ самых рьяных из Афин.

Державы были готовы высадить десант в Афинах, но греческому правительству удалось восстановить порядок. Только смена премьер министра спасла Грецию от династического переворота. Умеренный Д. Раллис, возглавлявший оппозицию, сменил драчливого Делианниса.

Греческая королева Ольга Константиновна умоляла своего племянника императора Николая II «ускорить посредничество держав для прекращения безумного кровопролития»²⁰. Командующим греческой армией был легкомысленно назначен кронпринц Константин, авторитет которого был в результате полного провала кампании подорван на долгие годы. В начале мая принцесса София, жена наследника греческого престола Константина, также обратилась к своему родному брату кайзеру Вильгельму II с просьбой ускорить дипломатическое вмешательство держав. Вильгельм холодно потребовал от Греции сначала принять все турецкие (а по сути — германские) условия.

16 мая Георг I послал в Петербург срочную телеграмму с просьбой о помощи в прекращении войны, а на следующий день Д. Раллис обратился к посланнику М. К. Ону, говоря, что только вмешательство России может спасти Грецию от окончательного разгрома. Просьба единоверного королевства была немедленно удовлетворена²¹. Единственным героем греко турецкой войны стал полковник Смоленский, который завоевал огромный авторитет в войсках и мог, как пишет английский историк Миллер, стать греческим диктатором, если бы имел вкус к политическим интригам. Делианнис после поражения в греко турецкой войне оказался в ссылке в Канне, где умер, брошенный своими соратниками, которые посмертно называли его «величайшим политическим деятелем современной Греции»²².

После месяца военных действий (апрель-май 1897 г.) великие державы предприняли дипломатические шаги, оказывая давление на Грецию и на Турцию одновременно.

Большую активность на конференции послов проявила Германия, вызвав сильное беспокойство Великобритании, опасавшейся перехода греческого торгового флота под германский контроль. Германия требовала, чтобы Греция выплатила значительные компенсации Турции. Россия была против этого. Но и между другими участниками переговоров — Англией, Францией, Италией и Россией — единства во мнениях ни по одному вопросу не было. Работу по выработке территориальных условий мирного договора вела комиссия военных атташе великих держав, финансовые эксперты изучали вопросы контрибуции и т. д. Россия отвечала

15 Jelavich B. Russia's Balkan entanglements... P. 212, 231.

16 Никитина Т. В. Критское восстание... С. 168.

17 Ерусалимский А. С. Внешняя политика... С. 333.

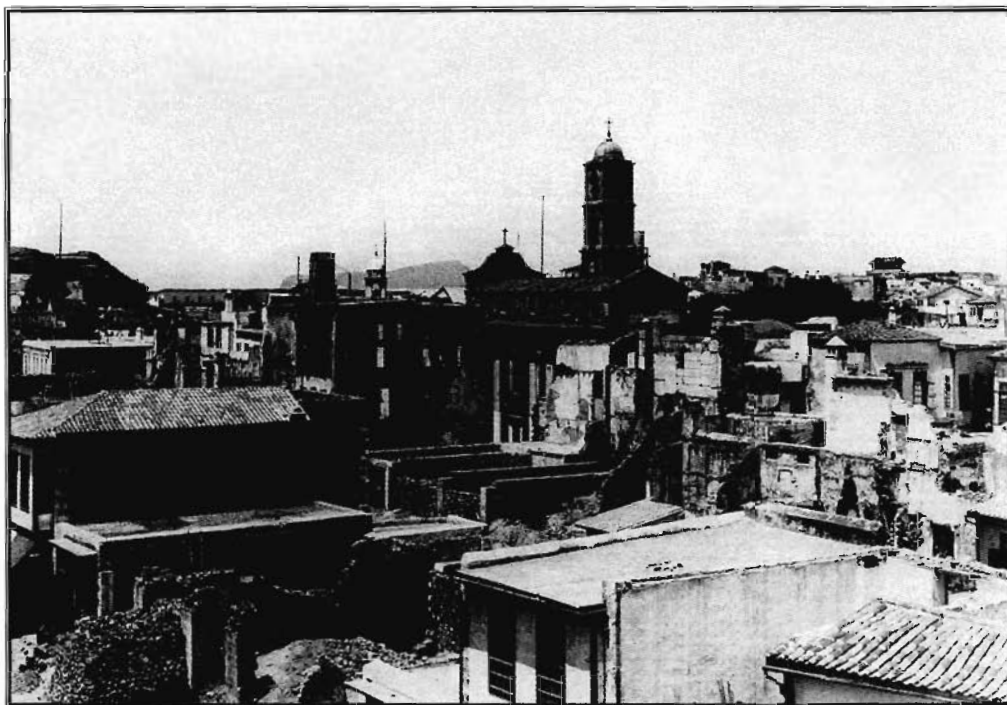
18 Шильдбах К. Греко-турецкая война 1897 года. СПб., 1898. С. 133.

19 Miller W. A History of the Greek People... P. 106.

20 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 9. Л. 325.

21 Шильдбах К. Греко-турецкая война... С. 182.

22 Miller W. A History of the Greek People... P. 104, 106; Michel of Greece. The Royal House of Greece... P. 31

Христианский район Канеи после пожара, устроенного турками в 1897 г.

за территориальные вопросы, которые были наиболее сложны, так как Турция настаивала на сохранении за ней части оккупированной греческой территории. Россия и западные державы добивались сохранения Фессалии, переданной Греции еще в 1881 г., за Грецией.

«30 дневная война» закончилась подписанием греко-турецкого перемирия от 19 мая. Греческое правительство согласилось вывести войска с острова, после того как было сказано, что автономия является лишь предварительным условием для окончательного решения критского вопроса. 23 мая 1897 г. греческие войска во главе с Вассосом покинули остров. Посадка отряда на суда происходила в бухте Платания и осуществлялась английскими офицерами с крейсера «Хоук». Уход отряда Вассоса способствовал умиротворению острова, и вскоре блокада была ослаблена, но формально не снята. По просьбе королевы Виктории русский император выступил посредником в мирном урегулировании. 10 мая Георг спокойно подписал перемирие, по которому его войска выводились с Крита и прекращались действия в Эпире и в Фессалии. Английское судно было направлено в Фалиро для защиты королевской семьи.

Греция в результате неудачной войны была отстранена от решения критской проблемы, и это привело к еще большей зависимости критской политики от воли великих держав.

Несмотря на то что политика России, в соответствии с договором с Австро-Венгрией от апреля 1897 г., была направлена на сохранение стабильности на Ближнем Востоке и целостности Османской империи, Россия стремилась всячески помогать православным балканским государствам. Русский и греческий монархические

дворы связывали особые отношения, и русское правительство старалось сделать для Греции и для Крита все, что было в его силах. Не говоря о том, что российское общество всегда было на стороне греков, а не турок. Отказываясь, с одной стороны, способствовать осуществлению законного требования греческого народа об объединении Греции с Критом, населенным преимущественно греками, Россия, с другой стороны, сделала все возможное, чтобы смягчить для Греции удар после разгрома в скоротечной греко-турецкой войне в апреле-мае 1897 г. Россия способствовала заключению на более мягких условиях предварительного мирного договора от 18 сентября 1897 г. и Константинопольского мира от 4 декабря 1897 г. (в вопросе об ограничении территориальных притязаний Турции и уменьше-

нии размера контрибуции). Фессалия была возвращена грекам. Народное возмущение было теперь направлено не против националистов, развязавших глупую войну, а против короля и его семьи. 26 февраля анархист сделал 6 выстрелов в Георга в то время как он ехал с принцессой Марией в экипаже по дороге в Фалирон. Никто не был ранен, но это преступление смягчило сердца и вновь изменило отношение к династии. Участники Генеральной ассамблеи в июне-июле 1897 г. соглашались на автономию острова только при условии вывода с Крита турецких войск. Переговоры по Криту продолжались целый год. Решение критской проблемы затягивалось в связи со сложностью подбора кандидатуры нового генерал-губернатора.

Несмотря на то что Россия в этот период противилась присоединению острова к Греции, она оказала щедрую материальную помощь критянам. Так, 22 сентября 1897 г. царь предоставил им кредит в 5 тыс. рублей на восстановление пострадавших от пожара зданий христианской общины в Канеи, а также на устройство больницы в Ретимно, на восстановление церквей в Акротири, на немедленную выплату пособий беднейшему населению острова²³.

В конце июля Россия предложила немедленно приступить к созданию на Крите органов управления, взяв на себя ведущую роль в критских делах. Она предлагала, не дожидаясь введения автономного управления, избрать временную власть для установления на острове порядка и спокойствия²⁴.

Августовский меморандум великих держав 1897 г. включал в себя пункт о новой системе управления на острове. Великие державы гарантировали, что берут на себя переговоры с Портой. Это была коллективная гарантия критскому населению, и

23 ГАР. Г-14.

24 Меньшиков В. П. Российская дипломатия... // Балканские исследования. Вып. 12. С. 122.

в результате критяне приняли хартию доброй воли и сложили оружие. Однако Турция всячески затягивала проведение реформ в жизнь, что заставило критян еще раз усомниться в желании великих держав повлиять на Турцию.

Что же касалось самих критян, то наученные горьким опытом нескольких поколений, они верили только в интервенцию великих держав, а реформы казались им совершенно бесполезными при сохранении власти султана. По уверению Афин, критяне готовы были признать реформы необходимыми. Однако их претворение в жизнь могло осуществиться только при военной поддержке держав или какой-то жесткой акции с их стороны, предотвращающей военные операции султанской армии на Крите, что не исключалось и на этот раз.

В течение нескольких осенних месяцев 1897 г. послы великих держав на конференции в Константинополе вели напряженную работу по выработке «временного регламента» управления островом. Крит получал статус автономии, а затем и христианского генерал-губернатора. Проект, окончательно названный «Органический регламент», предусматривал автономию Крита в составе турецкой империи. Была проведена реорганизация финансовой системы через гарантии займов великими державами.

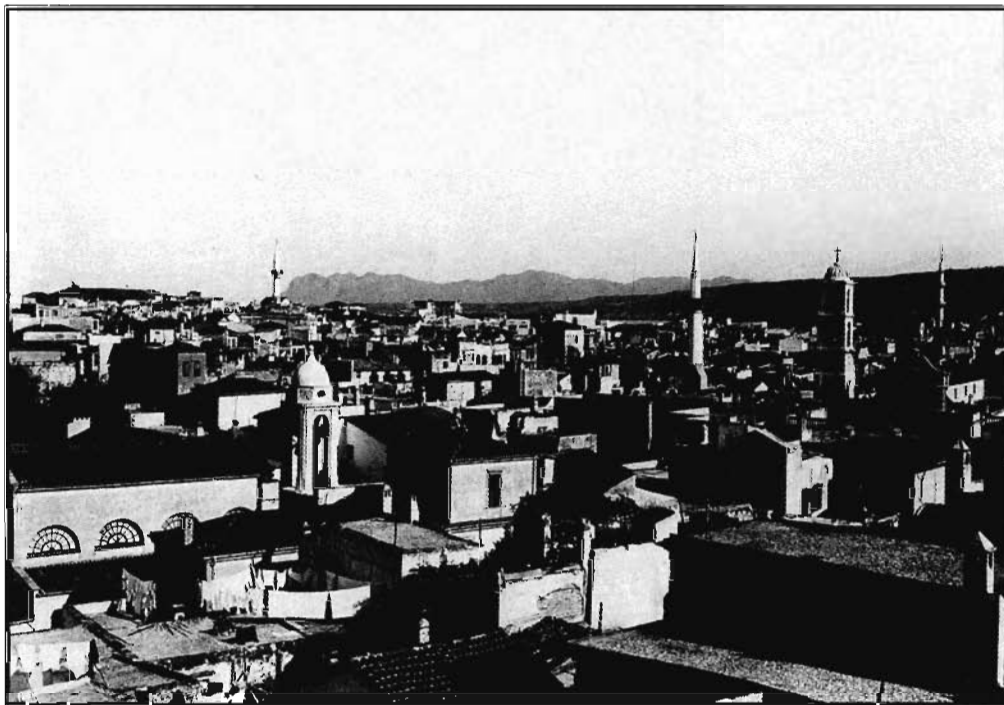
Эвакуация греческих войск с острова частично развязывала руки туркам²⁵. Предполагался отзыв турецких войск с острова или пребывание их лишь в нескольких фортах.

Окончательные условия мира были подписаны в Константинополе 4 декабря 1897 г. По условиям мирного договора Крит становился автономией. Фессалия была возвращена Греции и вскоре стала еще более «греческой» в связи с быстрой эмиграцией почти всех мусульман-землевладельцев, похожей на бегство.

В результате активной политики великих держав, несмотря на сокрушительное поражение Греции в войне христиане Крита ничего не потеряли, но, напротив, получили удовлетворение большей части своих чаяний. Криту не позволялось стать частью Греции, но был закреплен его автономный статус, причем с согласия Великобритании и России.

После этого разделение Крита с Грецией стало носить формальный характер, чему в значительной степени способствовало назначение греческого принца Георга верховным комиссаром держав на острове.

Назначение нового генерал-губернатора было одним из острых вопросов после подписания мирного договора. Согла-

Восстановленный после пожара 1897 г. христианский район в Канее

шаясь предоставить автономию Криту, Турция стремилась сохранить свое влияние на острове и предложила избрать губернатором автономного Крита одного из сыновей турецкого султана. Распущенное сопротивление Турции заставило державы послать на остров своего представителя. Россия приняла самое живое участие в выборе кандидатуры нового генерал-губернатора Крита.

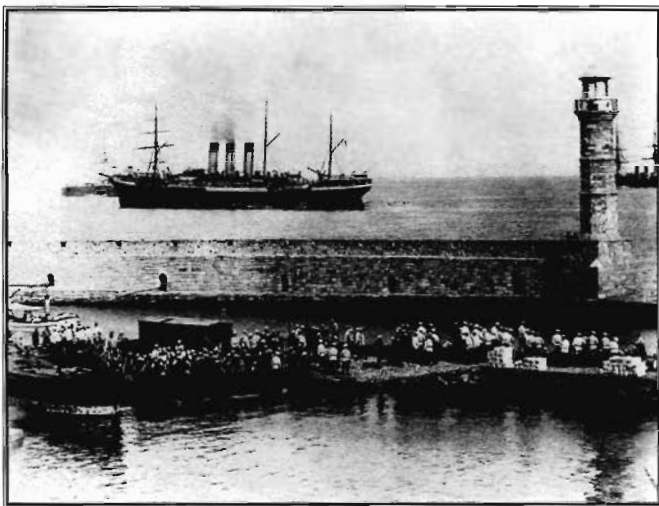
После долгих дебатов на пост верховного комиссара острова был выбран предложенный российским императором Николаем II принц Георг Греческий. Усилия Николая II добиться назначения принца Георга на Крит были обусловлены не только и не столько династическими связями, но также личным обязательством: греческий принц спас наследника русского престола от нападения на него японского фанатика во время их визита в Японию в 1891 г.

В марте 1898 г. русские пароходы привезли на Крит муку на 3 тыс. рублей²⁶. Позже русское правительство также проявило инициативу в проведении необходимых реформ и создании органов автономного управления во главе с верховным комиссаром. Российские военные и дипломатические представители были искренне озабочены установлением автономного режима, активно участвовали в создании на острове органов власти, способствовали скорейшему выводу с Крита турецких войск.

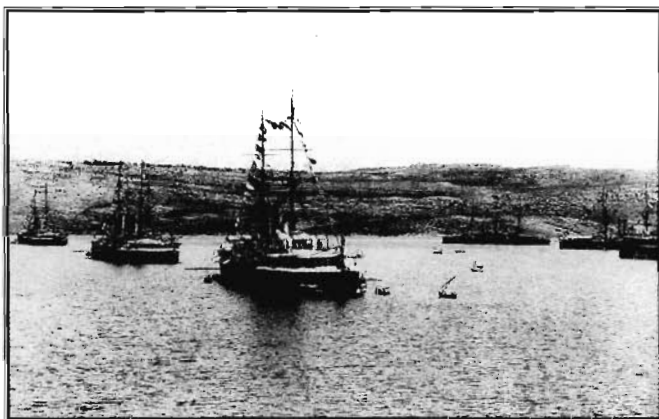
Вполне реалистичная и достаточно активная политика русской дипломатии во многом отвечала интересам критян. Россия призвала великие державы, забыв о разногласиях, сосредоточиться на главном — на умиротворении населения, установлении и укреплении автономного режима на острове Крит, что могло бы стать основной для его дальнейшего присоединения к Греции.

25 Там же. С. 123.

26 РГАВМФ. Ф. 414. Оп. 1. Д. 1793. Л. 11, 66об., 74.

Высадка русских войск в Ретимно с парохода Добровольного флота

Военные корабли великих держав в Суде

Военные корабли на рейде в Суде

Высадка и укрепление международных сухопутных войск

Международный контингент на острове Крит первоначально был составлен из смешанного морского десанта, высадившегося на канейском берегу в начале марта 1897 г. с военных судов великих держав Великобритании, Италии, России и Франции, Австро-Венгрии и Германии и не превышал 500 матросов. Вскоре, в связи с нуждами объявленной блокады, он был заменен сухопутными войсками. Первые батальоны стали прибывать и высаживаться в различных пунктах побережья Крита в начале марта 1897 г.

Так, 12 марта 1897 г. из Одессы на Крит были отправлены первые русские войска: 1-й батальон 14-го стрелкового полка на пароходе Добровольного флота «Воронеж». 22 марта 1897 г. пароход «Херсон», приняв на борт в Севастополе горную батарею из 6 орудий, 6 офицеров, 257 нижних чинов, 163 лошади, 1598 пудов груза, пошел в Одессу. Там он принял на борт еще 17 офицеров, 657 нижних чинов, 20 лошадей, 13 повозок, большое количество интендантского провианта и фуража. В 5 вечера 13 апреля 1897 г. отошел из Одессы 1-м срочным рейсом другой пароход РОПиТа с заходом на остров Крит ¹.

Русские войска доставлялись на остров Крит пароходами частных русских пароходных компаний, с которыми Генштаб России заключил соглашение в соответствии с правилами о военно-судовой повинности. Это были корабли русского Добровольного флота, но в основном — Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ): «Император Николай I», «Азов», «Королева Ольга», «Чихачев», «Царь», «Гурзуф» (возил дрова на Крит), «Игорь», «Царица», «Воронеж», «Херсон» и др. Между РОПиТом и Генеральным штабом России было заключено соглашение, по которому пароходы прямой александрийской линии должны были еженедельно заходить на Крит в бухту Суда и в порт города Ретимно на все время пребывания там русских войск. За неудобства, которые приходилось теперь испытывать клиентам РОПиТа, (александрийская линия отклонялась теперь на 124 мили от обычного курса), обществу причиталась от государства дополнительная плата в 248 рублей за каждый рейс. Пароходство обязывалось посещать Крит (бухту Суда) еженедельно почтовыми пароходами ². Несмотря на то, что государственная повинность доставляла компаниям много хлопот и сложностей, эти пароходные общества очень хорошо и много поработали на Крите за время пребывания на острове русских войск. Тем более что среди сотрудников этих компаний было большое число греков, а агентами на Крите были только греки. Так, например, в июне 1898 г. на Крит в Канею был назначен специальный представитель РОПиТа — г. н Бумаридис ³. Работы было предостаточно, так как русские войска на Крите постоянно то увеличивались, то сокращались, то менялись и т. д. Интересен факт сотрудничества русского пароходства РОПиТ, Генштаба и греческой армии. С помощью русских почтовых пароходов греческие военные попытались дрессировать около 100 почтовых голубей на линии Пирей-Суда. Испытание выдержали лишь 10 голубей, которые были взяты отрядом полковника Вассоса на Крит и доставили оттуда в Афины 4 депеши ⁴.

1 РГВИА. Ф. 400. Оп. 24. Д. 2618. Л. 16, 19, 33.

2 Там же. Л. 15-18.

3 ИАК. А 16.

4 Отчет военного агента в Афинах Калнина за 1898 г. // ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 5. Д. 60. Л. 40-44.

Спустя еще три недели, т. е. в середине апреля, в связи с напряженностью положения, международные силы по просьбе адмиралов были значительно увеличены присылкой других частей.

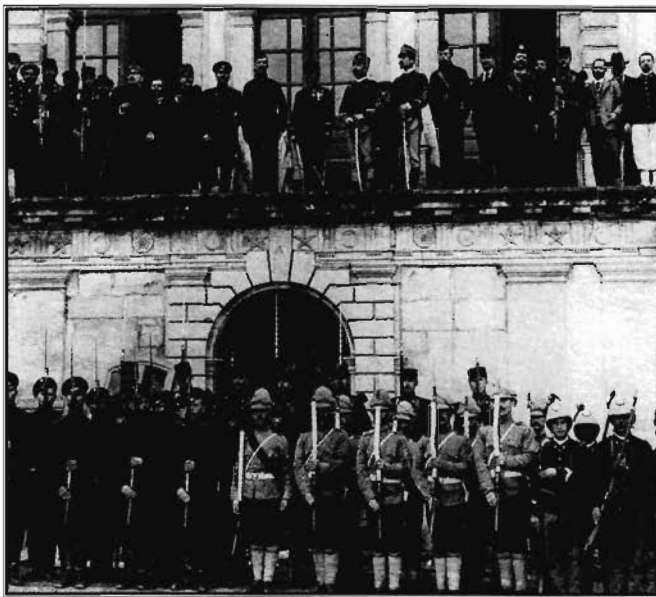
Великобритания, Италия, Франция и Россия прислали на остров по два батальона и по одной горной батарее (кроме французов). При этом два английских батальона по 900 человек каждый по численности равнялись трем русским батальонам. Пехотные силы Франции, Италии и России были приблизительно одинаковы по численности. Австрийцы прислали всего один батальон, а Германия ограничилась нахождением в критских водах одного военного корабля — крейсера «Императрица Августа» — и охраной своего флага в Кане. К лету англичане увеличили свой кандийский гарнизон на 450 человек.

Первое время на международном участке в Кане, постепенно расширявшемся, служба иностранных войск ограничивалась охраной порядка в самом городе, но с течением времени им была вверена защита некоторых местностей вне городских стен, в районе и на линии турецкого кордона. Так, сначала смешанным отрядом был занят южный форт Субаши для охраны городского источника. Затем были установлены три поста разных держав со стороны полуострова Акротери и приняты военные меры по обеспечению безопасности на шоссе, ведущем из Канеи в Суду. Кроме того, был послан смешанный, а вскоре замененный австрийским батальон в 450 человек в помощь турецкому гарнизону в форт Изеддин; десяток итальянских матросов были также направлены в старую крепость на островке Суда.

К осени европейские отряды стали полностью замещать турецкие аванпосты (для наблюдения за передовой линией), а линия европейского кордона уже охватывала всю южную пригородную равнину.

В самой столице Крита — Кане — находилось 1045 человек, в том числе итальянский десант в 475 солдат и 75 матросов, занимавший одно из зданий генерал-губернатора — Конак, где теперь находилось также управление столичного коменданта Аморецци. 10 немецких матросов при офицере охраняли лишь германский флаг на международном крепостном бастионе. 150 австрийцев разместились в зданиях арсенала в Суде, а часть — в форте Изеддин. Две французские роты (275 человек) в Кане заняли казарменные здания на юго-восточной крепостной стене, остальные были расквартированы в двух кварталах пригородного аристократического района Халепо, в том числе роты, прибывавшие из Ситии для поправки здоровья. Итальянцы на двух аванпостах канейского участка были размещены в домах селян и в городском саду; часть пользовалась казармой, часть жила в палатках. Артиллерия была размещена в бывшей турецкой кавалерийской казарме в Халепо. Английских войск в Канеи практически не было, за исключением караулов у ворот, поочередно дежуривших с итальянцами и австрийцами. В Халепо они стояли лагерем в палатках и отряжали незначительный пост на Акротери. Русские аванпосты были размещены частью в сельских домах, частью в палатках.

К 4 октября 1897 г. в Халепо было 180 англичан, 130 итальянцев, 375 французов, всего 685 человек. На аванпостах наблюдали за передовой линией 300 русских, 20 англичан, 325 итальянцев, всего 645 человек. В Суде и в форте Изеддин было 450 англичан, 10 итальянских матросов, т. е. всего 460 человек. В целом строевой состав международного европейского отряда в Кане и Суде

«На караул!» Офицеры и солдаты великих держав в Ханье

Русские казармы в канейской крепости

Русский военный лагерь в южной части венецианской крепости в Кане

Французский военный корабль в Суде

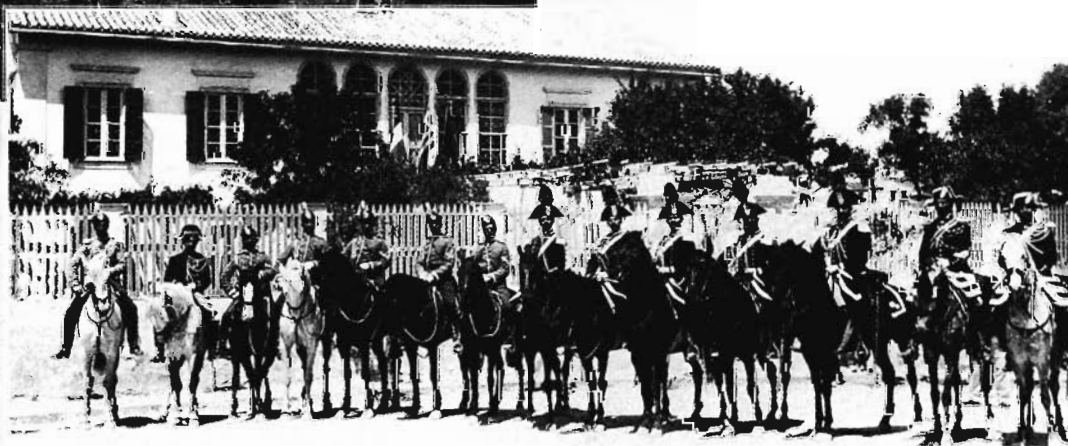
Броненосец «Император Николай I»

Броненосный крейсер «Россия»

Австрийские офицеры-конники на Крите. 1897 год.

Офицеры великих держав перед домом Э. Венизелоса в Халепе

составил 2875 человек, из них 300 русских, 600 австрийцев, 200 англичан, 10 немцев, 1015 итальянцев, 710 французов, 40 черноморцев⁵.

При этом турецких войск на острове было, по донесению российского генерального консула в Канея (в 1897-1898 гг.) коллежского советника Н. Н. Демерика, около 10 тысяч человек, т. е. более чем в три раза больше сил держав. (По другим источникам — 12 тыс. турецких войск.)

До прибытия верховного комиссара греческого принца Георга реальная власть на острове находилась в руках адмиралов великих держав — Потье, Ноэля, Беттоло, Скрыдлова, — которые командовали как морскими, так и сухопутными силами, высадившимися в течение 1897 г. на Крит. Координацию усилий сухопутных отрядов великих держав осуществляли генеральные консулы держав покровительниц. Местные органы власти были поставлены полностью под контроль держав, несмотря на сопротивление османских властей.

Для умиротворения острова великие державы направили войска во все города, где было мусульманское население. По решению совета адмиралов (протокол № 126) вся территория острова была теперь поделена на сектора, которые контролировались войсками четырех держав покровительниц, и также были распределены зоны ответственности адмиралов. Были также установлены кордоны, за которые мусульманское население острова не могло проходить, дабы не вызвать столкновений с христианским населением. Великие державы также решили, что турецкие силы должны быть оставлены только в главных фортах Крита.

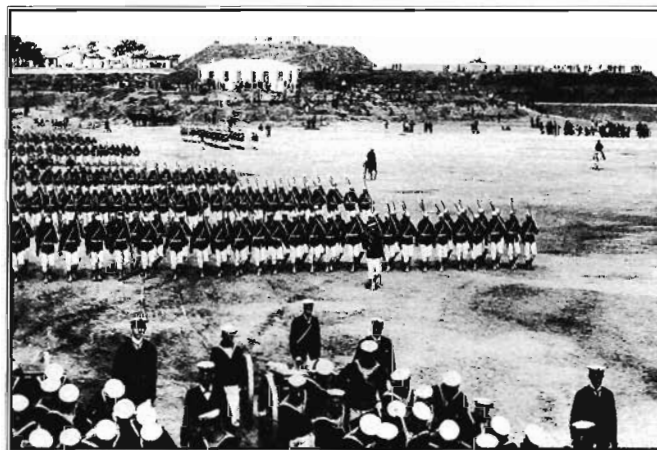
Деление острова на сектора приспособлялось главным образом для целей морской блокады Крита, т. е. распределение провинций по секторам, входящим в ведение различных начальников, было сделано не придерживаясь административных границ. Так, провинция Апокорона, тяготеющая к столице Канея, была отнесена в ретимский сектор, с главным городом которого не было почти никакой связи. То же самое было и с провинцией Пириотисса, отнесенной к ретимскому сектору, но имевшей все интересы в городе Кандии, к которому она ранее по своему административному делению принадлежала. Позже, разделение было приведено в большее соответствие с нуждами населения и административным делением. Апокорона, соответственно, отошла в итальянский сектор, а Пириотисса — к англичанам⁶.

Критский отряд России располагался в городах Ретимно и Канея. Русские солдаты несли постоянную караульную службу — наряды на отдельные заставы по два часа в три смены. Занятия в русском отряде велись постоянно с самого начала. Командующим русскими силами в Канея и в Суде был подполковник К. С. Короев, ставший весьма популярным на Крите. Главным участком для русских войск был г. Ретимно и окрестные провинции. Там на передовую линию, протяженностью в 1 км и разбитую на 8 участков с отдельными постами, была выставлена, вместо турецких войск, русская рота. В Ретимно были заняты турецкие казармы, а также несколько смежных зданий христианской общины и пара частных домов. Всего к осени 1897 г. там находилось 1153 человека⁷.

Английские оккупационные силы в 1730 человек были в основном сосредоточены в Кандии, где с самого начала были разбиты палатки на широком крепостном валу. Спуски на городские

Канея. Русский подполковник К.С.Короев

Смотр английских войск на Марсовом поле в Канея

5 РГВМФ. Ф.417. Оп. 1. Д. 1735. Л. 38.

6 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 264 об.

7 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1735. Л. 39.

Канея. Магазин христианской общины, восстановленный в 1900 г.

Офицеры Австрии, Италии, Франции и России с черногорскими наставниками критских жандармов у источника возле мечети Юсуфа-паши. (Сегодня археологический музей)

Вид на Ретимно с городской стены

Сития. Выделяется крепость «Казарма»

Ретимно. В середине снимка выделяются казармы русских войск

улицы немедленно были вымощены камнем во избежание пыли и грязи. Войска постепенно стали устраиваться надолго.

Распределение секторов оккупации между четырьмя странами — Великобританией, Россией, Францией и Италией — на первый взгляд казалось равномерным. Что же касалось трудности поддержания порядка и спокойствия, то они сильно отличались один от другого. Одни изобиловали плодородными землями, были густо заселены и имели много богатых жителей, большие торговые и административные центры. При этом население было склонно соблюдать спокойствие и решать критскую проблему эволюционным путем. В этих центрах было сосредоточено большое число населения, повинующегося турецким гражданским и военным властям. В то же время это население противодействовало исполнению распоряжений адмиралов и начальников христианского оккупационного отряда. К таким секторам относились кандийский и ретимский, занятые соответственно англичанами и русскими.

Совершенно в других условиях находились сектора, занятые итальянцами и французами: ни первый, ни второй не имели ни больших городов, ни обширных плодородных пространств, ни административных или военных центров. Как в Киссамо у итальянцев, так и в Иерапетре у французов имелось только по роте турецких войск на каждый сектор и по одному незначительному турецкому чиновнику. При населении этих городов, не превышавшем несколько сотен мусульман, и общем редком населении сектора, управление ими делалось очень несложным. Итальянский участок, соприкасаясь с областью, занятой международными войсками, находился в наилучших по сравнению с другими условиях⁸. Население здесь было в основном греческое православное.

При сравнении кандийского (английского) и ретимского (русского) секторов, очевидны были все преимущества английского. Отличаясь плодородием, кандийский сектор был населен более богатыми жителями, которые не нуждались в продуктах, производимых на землях, оставленных мусульманами. Часть продукции была даже лишней, поэтому возвращение мусульман на свои земли не произвело бы в хозяйствах христиан того расстройств, которое могло произойти у жителей ретимского сектора. Своих земель у христиан Ретимно было недостаточно, и возвращение мусульман на свои земли стало бы для них катастрофой. Кроме того, мусульманскому населению в Кандии, городе с оживленной торговлей, всегда был обеспечен заработок, чего не было в Ретимно, торговля которого сильно сократилась за предыдущие годы.

Кроме всего прочего, с военной точки зрения кандийский сектор имел то преимущество перед ретимским, что военные суда в Кандии имели безопасные стоянки — бухты скрывали их от штормов, тогда как в Ретимно в случае штормов суда, которые были единственной защитой русского отряда, уходили в море, что при тяжелых политических обстоятельствах было очень опасно.

На французском участке, в Спиналонге, матросы жили в небольшой крепости вместе с несколькими турецкими артиллеристами. В Ситии помимо казармы, освободившейся после отозвания турецкого наместника, они взяли внаем за 600 франков в месяц несколько частных домов и держали в палатках один небольшой пост в часе езды по дороге в христианское село Пискокефали.

Черногорский капитан Бойович,
наставник критских жандармов

Высокопоставленный
турецкий офицер

Всего там служило 570 человек. После наступления осени и ненастной погоды вопрос о помещениях получил особую важность.

Итальянцы (500 человек) на своем участке в Иерапетре разместились в предместье города, за его стенами. Там у них находилось 5 охранных постов, устроенных на расстоянии 1-2 км от города, был насыпан небольшой вал для отражения атак инсургентов. Были также взяты внаем частные дома и заказаны из Италии разборные дома.

Англичане также заказали деревянные домики и ожидали их в ближайшее время. Австрийцы первые получили пять разборных домов, которые вмещали по 35-40 человек. Два домика австрийцы предполагали отправить в форт Изеддин.

К числу европейских отрядов относился также отряд черногорцев в 80 человек при двух офицерах и итальянские карабинеры, которые несли жандармскую службу и обучали критских жандармов. Первые, разделенные на два равных взвода, несли службу в Канее (30 человек при трех офицерах), в Иерапетре — 7, а остальные в Ретимно. Вскоре они все оказались в Канее и некоторые из них служили с русскими солдатами.

***

Начальником Экспедиционного отряда русских императорских войск на Крите в 1898–1899 гг. был полковник Федор Анатольевич Шостак (с 1900 — генерал майор), в его подчинении находились также жандармские чины в русском секторе Ретимно. Именем Шостака будет вскоре названа набережная Ретимно. Однако до конца 1898 г. на Крите командовали адмиралы, и главным среди русских был командующий Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирал Н. И. Скрыдлов, который возглавлял «высочайше вверенный морской и сухопутный отряды» в той части острова, которая временно была под управлением русских. Русские войска задержались на Крите почти на 12 лет — до лета 1909 г.

К началу 1898 г. стало понятно: войска на Крит пришли надолго, что требовало более внимательного отношения к условиям пребывания их на острове. В связи с этим в феврале по просьбе контр-адмирала Н. И. Скрыдлова была образована комиссия врачей под председательством начальника экспедиционного отряда полковника Ф. А. Шостака. В комиссию входили судовые врачи с эскадренных броненосцев «Император Николай I» и

8 Там же. Ф. 417. Д. 1748. Л. 265.

Полковник А.Ф. Шостак.
Ретимно. 1898 г.

«Император Александр II», а также врачи 14-го стрелкового полка, 6-й батареи 13-й артиллерийской бригады, 56-го пехотного Житомирского полка. Комиссия должна была в течение целого года знакомиться со всеми обстоятельствами жизни сухопутного отряда, а затем выработать программу санитарных мер, «которые бы оградили здоровье людей как отряда сухопутного, так и могущего быть десанта при различных обстоятельствах их дальнейшей службы на острове в зависимости от времени года, условий и исключительных обязанностей возлагаемой на отряд службы»⁹.

Все иностранные отряды имели свои больницы. Для английских матросов были наняты два верхних этажа большого дома в Кане, поблизости от турецкого артиллерийского управления, а для сухопутных отрядов больница была устроена в их лагере в Халепе в палатке. В Кандии к их услугам оказался большой недостроенный госпиталь на 150–200 человек, который они привели в порядок. Австрийцы в Суде имели больницу на 40 коек. Российский покой (больница) находился также в деревне Суда.

Климат на Крите был опасен для европейцев, особенно болотистая местность Ситии во французском секторе. В первые же месяцы было много случаев лихорадки и тифа, причем со смертельным исходом. Немалую часть русского отряда пришлось отправить на родину в одесский госпиталь¹⁰.

По климатическим условиям год на острове Крит можно было разделить на два периода: жаркий с 1 апреля по 1 октября и прохладный и влажный с 1 октября по 1 апреля.

В конце первого периода, когда из пустынь Африки и с Аравийского полуострова задувал сухой и жаркий сирокко, начиналась болотная лихорадка (малярия), которая, как правило, хорошо поддавалась модному в те времена хинину, которого не жалели. Он выдавался два раза в день — утром и вечером. Малярией на Крите фактически болели круглый год, и болотная лихорадка была признана самым характерным для Крита заболеванием. Причиной малярии считали в то время влияние почвы. Вся площадь острова, занятого русским экспедиционным отрядом, представляла собой гористую местность, и лишь незначительные участки были покрыты тонким слоем почвы, которая содержала массу влаги вследствие обилия в каменистых породах подпочвенных вод, которые, выходя на поверхность в отдельных местах, застаиваются и в них в изобилии размножаются болезнетворные бактерии. Стоило разрыхлить или вскопать почву для каких либо целей, и солдаты немедленно заболевали. Были места изначально «нездоровые», такие как деревни Нерокуро, Мурниес, Цикалара, Субаши и пр. Малярия была болезнью, присущей живущим на

Крите не только из-за климата, но и ввиду социальных условий. Местное население почти все страдало малярией в большей или меньшей степени, а изнуренных лихорадкой людей, с явными признаками «болотного худосочия» без различия возраста или пола можно было видеть повсеместно. В конце лета ежегодно возникал тиф, но болели им в основном горожане.

Критские города отличались особой скученностью построек, теснотой улиц, отсутствием внутренних дворов, дающих доступ воздуха и света в жилые помещения, крайней запущенностью жилищ. В городах процветала страшная антисанитария. Например, у местных жителей было принято устраивать в подвальных этажах домов ямы для мусора, а в полах жилых помещений отверстия для сметания в них сора и сливания в подпольные пространства жидкостей, которые представляли собой постоянный источник заразы.

Русские врачи отмечали, «что издавна установившийся способ устранения отходов и нечистот, как жидких, так и твердых, из дома прямо на улицу, придавал этим улицам вид помойных ям. Причем человек, шедший по улице, рисковал быть облитым помоями из верхних этажей домов и принужден был вдыхать в себя зловонные испарения разлитых по мостовой разлагавшихся нечистот, а иной раз и трупов выброшенных животных. «В жаркое время эти нечистоты, высыхая и превращаясь в пыль, разносились ветром повсеместно, проникая в жилище, а в дождливое время разносились по домам на обуви». Местных врачей и медицинского персонала было так мало, что все случаи тифа также считались малярией и практически не лечились, и смертность была очень высока как у христиан, так и у мусульман. В конце лета, когда город переполнялся нечистотами, смерть косила людей, пока не начинались проливные дожди, которые смывали нечистоты и уносили их в море. В 1897–1898 гг. от тифа умерло особенно много людей. Связано это было с огромным притоком мусульманского населения, бежавшего из деревень в города, и большой скученностью населения. Так, например, в Ретимно вместо обычных 9 тыс. жителей, не считая русских войск, оказалось около 30 тыс. человек.

Первые случаи заболевания тифом среди русского отряда в Ретимно появились уже в июне, а настоящая эпидемия разразилась к октябрю и прекратилась только в ноябре месяце. Русские солдаты болели особенно сильно, что выражалось как в угнетении нервной системы, так и в глубоком изъязвлении и прободении тонких кишок, что приводило к летальному исходу. Русские врачи следили за гигиеной в отряде — купание как в море, так и в пресной воде было запрещено, но в жару это было так мучительно, что часто запрет нарушался. Солдатам запрещали дышать, лежа на сырой земле; на аванпостах были разбиты палатки и установлены нары для солдат. Запрещалось пить сырую воду, взамен в неограниченном количестве выдавался чай с сахаром и ромом. У местных жителей запрещалось покупать какие либо продукты, на рынок отправлялись не в одиночку, а командами под наблюдением старшего. Была устроена собственная хлебопекарня. С нижними чинами постоянно проводились беседы о чистоплотности и опасности заражения тифом. Еще в марте 1897 г. была проведена массовая вакцинация русского отряда от свирепствовавшей на острове оспы.

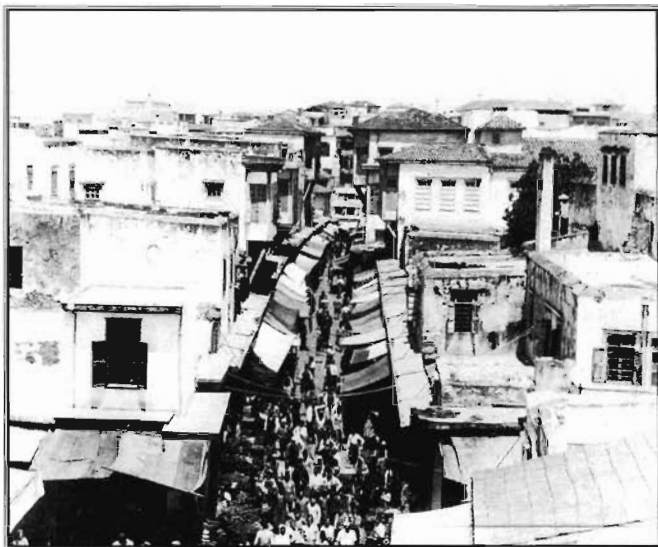
9 Там же. Л. 199–207об.

10 АВПРИ. Ф. Политархив 1897. Д. 2435. Л. 27–32; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1735. Л. 36–40.

Еще одной и самой тяжелой эпидемией в русских войсках на Крите была эпидемия глазных болезней — в основном трахомы, но она была, видимо, завезена из России, где в то время хватало тяжелых недугов. Ни в отрядах других великих держав, ни среди местного населения такой болезни не было. Не было ее и до прибытия на остров новых частей. Посетив Ретимно в конце июня, Н. И. Скрыдлов был сильно удручен, застав в изоляторе сразу 62 солдат, «больных глазами»¹¹. Тяжелому протеканию трахомы способствовал критский климат, особенно жара. В середине лета эпидемия трахомы, конъюнктивита и других болезней глаз затронула и русский морской отряд, но она была быстро остановлена, а в сухопутном отряде число больных постоянно увеличивалось. В августе 1898 г. врачи приняли решение эвакуировать с Крита около 480 человек, страдавших трахомой¹². К июлю из 300 человек 15-й и 16-й рот Модлинского полка глазных больных было 235 человек. На Крит в июле были вызваны из России окулисты московского и одесского военных госпиталей¹³. Скрыдлов просил присылать новые подкрепления войск со своими одеялами, подушками, тюфяками, набитыми свежей соломой и одеждой¹⁴. Лихорадка сильно ослабляла человека и вела к другим болезням — дизентерии, тифу, гриппу и т. п. Поэтому рацион питания на Крите был установлен по меркам военного времени, т. е. с увеличением количества белков и жиров. Порция в сутки на человека была следующая: один фунт мяса, давалось соленое коровье масло с хлебом за утренним чаем, как на флоте, прибавка масла к каше или к вечерней каше. Хлебная порция была не менее трех фунтов в сутки. Чай выдавался в течение всего дня в неограниченном количестве для уменьшения потребления сырой воды. Прибавкой к чаю служил ром или красное местное вино, которое имело тонизирующее действие.

Постоянно осуществлялось «купание в банях», а летом здоровых — в море. Выдавались небольшие порции хинина как профилактики, лимоны к чаю. Рекомендовалось беречься от укусов комаров и москитов, которые могли послужить причиной заболевания, как уже в то время было доказано наукой. Открытые части тела смазывали эфирными веществами: древесным уксусом, эвкалиптовым маслом, скипидаром, разведенным в оливковом масле, и др. Врачи рекомендовали не присылать на Крит совсем молодых солдат, чьи организмы еще не окрепли.

Солдатам рекомендовали после заката солнца всегда находиться в палатках, поскольку перепады температур вели к переохлаждению тела. Для критского отряда были присланы тонкие шерстяные фуфайки, которые носили поверх нательной рубахи. Сами критяне, постоянно имея дело с лихорадкой, поголовно носили фуфайки из грубой шерсти домашней работы или же широкие и теплые набрюшники, не снимая их в течение целого года. Особенно хороши были на Крите в зимнее время русские форменные бушлаты, но русские врачи рекомендовали делать их для Крита на вершок ниже колен. Для караульной службы выделялись дождевые плащи накидки, которые хорошо защищали от частых проливных дождей и росы. Хотя суконные брюки рекомендовали заменить нанковыми черного цвета, вряд ли это было сделано неповоротливыми чиновниками. Русские солдаты завидовали весьма полезным в жарком климате английским легким шлемам с двумя козырьками и вен-

Рыночная улица (затем улица Потье) в Канее

тиляцией внутри; русские же носили белые фуражки на легком каркасе с белым же козырьком и назатыльником, пришитым к тулье. В них было порой нестерпимо жарко, но к чему не привыкал некапризный русский солдат, вызывавший восхищение как у критян, так и у итальянцев и французов. Обувь в каменистой и гористой местности изнашивалась очень быстро и через полгода требовала замены. Особенно жарко и неудобно было в высоких сапогах, которые постепенно были заменены башмаками из нечерненной кожи.

Огромную роль в жизни русского отряда сыграли, безусловно, врачи и весь медперсонал. Но для истории остались лишь немногие имена. Это доктор Сакс, врач международного санитарного совета, младший врач Степанов, работавший в Ретимно, младший врач 58-го пехотного Пражского полка, надворный советник Кутырев, фельдшеры Перелегин и Пупынин, сестра милосердия из Канеи Максименко.

Прощаясь с отрядом в конце 1898 г., Скрыдлов отмечал в своем последнем отчете рапорте в морское министерство: «Из за климатических условий тяжелая работа выпала на долю медицинского персонала, которому кроме присущих Криту тяжелых болезней — тифа, малярии и др. пришлось бороться и с завезенными сюда эпидемиями из России. Благодаря дружной сплоченной и неутомимой работе, тщательному изучению местных условий, эпидемии были в первый же год локализованы, а смертность значительно уменьшилась по сравнению с предыдущим 1897 г. Такие прекрасные результаты, — писал Скрыдлов, — могут внести в свою врачебную практику отрядный врач коллежский советник Семенский и все служащие под его руководством врачи». Не забыл адмирал в своем отчете и сестер милосердия во главе со старшей сестрой А. К. Алишkevич, которые «были на Крите, как и везде, на высоте призвания и своей неустанной заботливостью спасли отряду не одну солдатскую жизнь»¹⁵.

11 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 248.

12 РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 20, 40-44, 46.

13 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 286.

14 РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 40-44, 194.

15 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 105206.

Смотр русских войск контр-адмиралом Н. И. Скрыдловым в Ретимно в 1898 г.

После года пребывания на острове русским отрядом был приобретен богатый и достаточно тяжелый опыт, который теперь использовался для устройства на зимние квартиры и на более длительный срок пребывания на острове. Некоторые офицеры устраивались на частные квартиры, в которых начинали с наведения чистоты, но даже таких относительно чистых квартир было мало.

С июля 1898 г. на Крит из России был командирован инженер полковник Будницкий и началось строительство казарм, пригодных для зимнего жилья, и приведение в порядок старых в Кане. Правительство взяло на себя все расходы по пребыванию войск на Крите, причем довольствие выдавалось по нормам военного времени¹⁶.

В связи с крайней антисанитарией в Ретимно, во всех снятых для русских солдат и офицеров частных домах, а также в казармах перед входом расстилали рогожки и циновки, смоченные сулемой для дезинфекции обуви. Даже побелку стен и мытье полов осуществляли, добавляя в воду сулему. Следили за проветриванием помещений, привезли из России переносные печи, так как местные мангалы (глиняные жаровни с древесным углем) давали мало тепла и много угара. Каждому давался топчан. Солома для тюфяков и подушек менялась. Тюфячные подушки и наволочки кипятились в щелоке. Были устроены особые осмоленные изнутри ящики для мусора с крышками и на колесах, которые по мере заполнения вывозились и мусор сжигался. На лето устраивались навесы из зеленого кустарника, под которыми проводилась большая часть дня в самые жаркие месяцы. Были также разбиты большие палатки при передвижении войск, полы покрывались специальными циновками, которые не пропускали влагу. С одной стороны палатки ставилась каменная стенка для защиты от постоянно дующих сильных ветров.

Вскоре по рекомендации русских врачей русские военные приступили к наведению чистоты и в самом городе Ретимно. Врачи потребовали от местной администрации, во первых, приступить к очистке улиц от нечистот и к починке канализации; во вторых, жителям запретить выбрасывать из окон мусор и трупы животных,

Контр-адмирал Скрыдлов и русские офицеры на велосипедной прогулке в Суде. (На заднем плане турецкий мавзолей)

а также выливать жидкие нечистоты на улицу; В третьих, привести в надлежащее состояние христианские кладбища, которые были крайне запущены и могли также служить источником инфекций; в четвертых, навести порядок на городских скотобойнях. Полковник Шостаков немедленно приступил к выполнению рекомендаций русских врачей и добился определенного прогресса, благодаря помощи наиболее сознательных людей из местного населения, которое одобряло новшества, снижавшие эпидемии и смертность.

Для улучшения санитарного состояния Ретимно и для его благоустройства по инициативе начальника русского экспедиционного отряда Шостакова городской управой был принят целый ряд мер, которые энергично приводились городским управлением в исполнение. К таким мерам принадлежали: очистка уличных сточных труб, расширение улиц, снятие части высоких каменных стен, мешавших притоку воздуха, урезка, до известных пределов, так называемых киосков (крытых балконов). Местами эти балконы доходили до середины улицы, где, соединяясь с киосками домов с другой стороны, образовывали арки и делали улицы темными. Кроме того, в киосках турецких домов располагались и отхожие места, поэтому уничтожение их стало в санитарном отношении необходимым. К сожалению, работы эти не были закончены ко времени передачи русского управления критским властям. Ввиду того, что жители Ретимно не платили никаких городских налогов, город остался совершенно без средств и дома беднейших жителей со срезанными киосками остались открытыми для холода и дождя. Был создан благотворительный фонд, из которого было выдано по 1 тыс. франков как грекам, так и туркам. Русский отряд выдавал пособия вдовам, производил за свой счет достройку домов.

С самого начала пребывания русского отряда в Ретимно под руководством полковника Ф. А. Шостакова была проведена работа не только по наведению порядка, но и организации управления в округе. Первая же из задач, поставленных Скрыдловым начальнику экспедиционного отряда и подчиненным ему лицам, — «восстановить прерванные междоусобицей сношения между мусульманским и христианским населением округа» — по словам самого русского адмирала, была выполнена «блестательно». Через месяц

после прибытия в Ретимно отряда стали проводиться ежедневные базары на площадях и улицах Ретимно. Удачный пример быстро распространился на остальные местности острова. Успеху во многом способствовали добрые дружественные отношения (хотя бы внешне), которые сразу установились между местными жителями, как христианами, так и мусульманами, и русскими солдатами и офицерами отряда. «Строгое выполнение служебных обязанностей, полное понимание воинской дисциплины всеми чинами отряда, постоянная его боевая готовность и беззаветная преданность делу, — писал Скрыдлов, — скоро превратили находившийся в состоянии анархии город в благоустроенный. Все это сохранило в неприкосновенности Ретимно, единственный из больших городов острова, не подвергшийся погрому за время русского присутствия. И не было ни пожара, ни беспорядков, ни жалоб или недоразумений с нашими солдатами, ни в Ретимно, ни в каком либо другом месте округа»¹⁷.

Россия была инициатором проведения различных гуманитарных акций. Наряду с выделением пособий для беднейших критян начал обсуждаться вопрос о постройке в Ретимно больницы, что оказалось для русского правительства очень не простым делом, хотя решение было принято без промедления. Так, Скрыдлов сообщал генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу (1850–1908), который с 1882 г. возглавлял морское ведомство: «Постройка больницы в г. Ретимно имеет высокогуманные цели, но польза, приносимая ею, и даже само ее существование, при действующих на Крите порядках, будут мало обеспечены, если ее

Русские солдаты в казарме

оставить в руках местных властей и общества». Содержание больницы с первых же дней ее существования, как и предсказывал Скрыдлов, вызвало большие расходы на содержание коек для больных, а также медицинского и хозяйственного персонала, а также на производство текущего ремонта. Связано это было с тем, что «местные власти или общество не хотели брать эти расходы на себя...»¹⁸

Русские сухопутные офицеры, врачи, сестры милосердия и священники на Крите

17 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1051об.

18 Там же. Л. 1234-1234об.

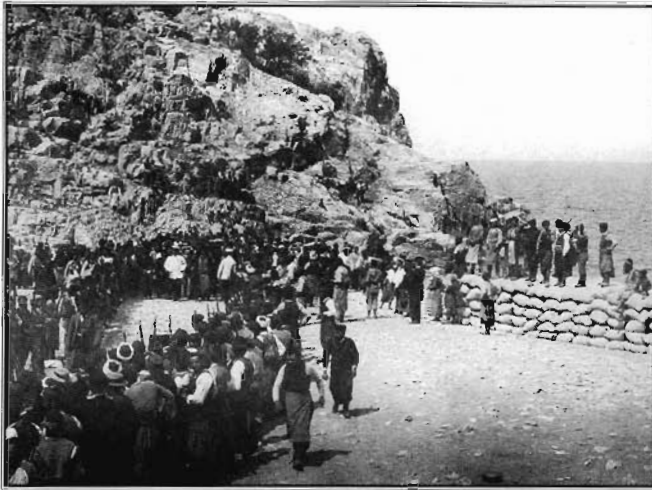
Проезд принца Георга по улице Каневаро в Канее

Другим шагом было оказание гуманитарной помощи. В марте 1898 г. в связи с бедственным положением критян после восстания и угрозой голода российский император решил пожертвовать для критского народа хлеба на 30 000 руб., который в виде муки был вскоре закуплен в Одессе у фирмы Вейнштейна. Дело раздачи хлеба возлагалось на командующего Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирала Скрыдлова. О высочайшем пожертвовании было немедленно сообщено и. о. генерал-губернатору Крита Измаил бею. Главное управление кораблестроения и снабжения было проинформировано, что весь хлеб следует прислать мукой, а не зерном. Нуждающемуся мусульманскому населению острова, получающему ежемесячно регулярную помощь от султана и мусульманских благотворительных обществ, было назначено по одной оке (греческая единица веса = 1250 грамм. — О. С.) муки на человека, т. е. в общей сложности 894 мешка, которые были переданы местным турецким властям. Для распределения муки по разным областям острова среди христианского населения была собрана комиссия под руководством Скрыдлова. В нее вошли критский митрополит епископ Кидонийский и Канейский Никифор, естественно российский генеральный консул Н. Н. Демерик, член христианского благотворительного комитета Миталаки, командующий русскими частями в Канее и в Суде подполковник К. С. Короев и капитан 2-го ранга барон Индрениус, непосредственно руководивший приемом и раздачей муки¹⁹.

Мука была роздана христианскому и мусульманскому населению в Канее, Киссамо, Ретимно, Кандии, а также в других пунктах Крита: Мальвезии, Педиаде, Ситии, Иеропетре, Апокороне. Всего было прислано из России 21 425 пудов (4285 мешков) муки. Фирма Вейнштейна от себя пожертвовала еще 115 мешков, так что всего было получено и роздано 4400 мешков. Часть муки была передана в распоряжение полковника Ф. А. Шостака в Ретимно, часть подполковнику Короеву в Канею для раздачи бедным в виде печеного хлеба, а часть — особенно расположенному к русским, командиру судского порта контр-адмиралу Сами паше для раздачи по его усмотрению бедным. Вся мука была привезена и выгружена в кратчайший срок. Погода также благоприятствовала. В другие районы мука доставлялась на канонерской лодке «Грозный», на броненосце «Император Александр II», и на нанятом для этого буксирном пароходе. Первая раздача хлеба состоялась на второй день праздника Святой Пасхи в г. Ретимно, куда специально прибыл и сам контр-адмирал Скрыдлов на броненосце «Император Александр II». Во время разгрузки епископ Дионисий при участии греческих и русских певчих отслужил в соборе благодарственный молебен. Епископ произнес проповедь, поясняя великую милость русского государя критскому народу, окропил святой водой выстроенные на площади сухопутные войска и десантную роту с броненосца и «Грозного» и благословил хлеб, после чего передал благотворительному комитету ретимского округа 700 мешков муки. Затем комитет приступил к раздаче муки. С утра на площади собралось около 600 человек. Всем роздано было по куску хлеба в 1 фунт и по тарелке супа (обед этот предназначался как для христиан, так и для мусульман, о чем было заявлено турецким властям, но мусульмане не пожелали явиться ни в Ретимно, ни в Канею). Скрыдлов писал: «Воодушевление было крайнее и известному греческому возгласу «зито» государю императору и единовверному русскому народу не было конца». 7 апреля торжественная раздача муки состоялась в столице Канея, епископ Никифор в соборе произнес соответствующую проповедь. Скрыдлов присутствовал на раздаче муки в Канее и в киссамском округе. Офицеры канейского русского отряда и французские сухопутные офицеры тоже пожелали участвовать в этой благородной акции выражали свое сочувствие «этому делу благотворительности». Раздача хлеба и супа происходила во дворах русских казарм. Затем Скрыдлов отправился на эскадренном броненосце «Император Александр II», на который было загружено 1306 мешков муки, в Кандию, Теменос, Мальвезию и Педиаду. 200 мешков были отвезены в горную деревню Арканис на английских повозках, предоставленных полковником Чермсайдом, командующим английским сухопутным отрядом в Кандии. В остальных частях острова были наняты мулы у мусульман, для того чтобы дать некоторый заработок скопившимся в портовых городах мусульманам и «этим привлечь их к более дружелюбному отношению к христианам»²⁰. В горной деревне Арканис Скрыдлов присутствовал на раздаче хлеба вместе с английскими офицерами, пожелавшими видеть все своими глазами. В Кандии как со стороны командира и офицеров броненосца «Роял Оук», так и со стороны офицеров сухопутных войск Скрыдлов «встретил любезную предупредительность и услужливость, но за исключением повозок, на которых была доставлена часть муки до английских аванпостов, не было надобности пользоваться их услугами». Затем на броненосце «Император

19 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1793. Л. 47-48.

20 Там же. Л. 48об, 50об.

«Прибытие начальника отряда на берег в Пальеокastro»

Александр II» состоялся парадный обед с приглашенными английскими офицерами в знак благодарности за радушный прием и помощь в раздаче муки²¹. На рассвете броненосец ушел из Кандии в Херсонисос, взяв с собой для разгрузки четыре баржи. Встречал хлеб епископ Агафангелос. Был разгружен хлеб для Педиады. Вечером пришли в Палеокастро, выгрузили хлеб для Мальвезии, а затем вернулись в Суду.

Скрыдлов впоследствии рассказывал, что округ Апокорона не был первым в списке. Однако население этого округа, жившее по соседству с Судой и Канеей, так сильно пострадало во время восстания, что Скрыдлов по своей воле распорядился передать ему 100 мешков муки, разгруженной в бухте Каливиос и оттуда отвезенной в деревни Арменос и Вамос. Важно было и то, что округ этот находился в ведении русских, а само население, как писал Скрыдлов, «представляло собой один из самых беспокойных, с крайне революционными идеями, элементов, поэтому я считал нужным уделить этому округу некоторую часть муки...»²².

В письме к графине Инне Капнист, русской патриотке и славнофилке, интересовавшейся судьбой Крита, епископ Ретимский и Месопотамский Дионисий позже писал из Ретимно, что русских солдат и моряков критяне осыпали цветами, ежедневно служили молебн за русского царя и что «русское имя дорого для Крита»²³. Н. И. Скрыдлов участвовал почти во всех раздачах муки на Кри-

«Возвращение начальника отряда из деревни Херсонисос к шлюпкам»

те и на все благодарственные речи критян отвечал, «что наилучшею благодарностью их для государя императора будет твердая их решимость сохранять мир, жить спокойно и с терпением ожидать решения великими державами судьбы острова». Раздача хлеба проходила очень споро. Скрыдлов только сожалел, что качество самой муки было слишком хорошо, и считал, что было бы полезнее для дела, если бы количество было увеличено в ущерб качеству. Кроме того, познакомившись лично с положением дел, Скрыдлов пришел к выводу, что присылать нужно было зерно, а не муку, так как почти в каждом селе была своя мельница, а мука могла легко попасть в руки к спекулянтам, в то время как зерно, и преимущественно ячмень, сохранилось бы критянами «для посева и многие годы напоминало бы им имя высокого жертвователя»²⁴. Скрыдлов выделял большую роль и. о. русского вице-консула в Кандии М. Митсотаки, хорошо знакомого с бытом и нуждами населения Крита, и рекомендовал наградить его орденом Св. Станислава 3-й степени, что подняло бы его в глазах многочисленного мусульманского населения и упрочило бы его положение в английском секторе. Всего на раздачу хлеба было израсходовано на Крите русскими войсками 2500 франков. Вскоре стало очевидным, что следующий урожай хлеба на Крите будет богатым, и поэтому таких акций Россия более не предпринимала.

21 Там же. Л. 270-271об.

22 Морской сборник... С. 10.

23 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 248об, 266об.

24 Там же. Л. 287-288.

Русские офицеры следят за раздачей муки мирным жителям различных концессий в Ретимно в 1898 г.

«Обед критянам в Ретимно перед раздачей высочайше пожертвованной муки»

«Обед критянам в Канее перед раздачей высочайше пожертвованной муки»

Русские офицеры с женами и моряки с крейсера «Адмирал Нахимов» на Крите, 1898 г.

Попытки умиротворения острова и русские войска

После ухода отряда Вассоса и всех греческих войск, а также греческого консула с Крита в конце мая 1897 г. была ослаблена «строгая блокада» острова, хотя формально она не была снята. Жесткие меры адмиралов, казалось, возымели действие, что позволило державам приступить к совместной с критянами выработке *modus vivendi* для противоборствующих партий с целью окончательного умиротворения острова.

Занимаясь сугубо мирными вопросами, российские представители на Крите еще с осени 1897 г. отмечали нараставшее среди мусульманского населения недовольство, которое становилось все сильнее по мере осуществления начавшихся на Крите преобразований. Еще 16 октября 1897 г., после получения многочисленных телеграмм командующего Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирала Н. И. Скрыдлова о неспокойном поведении мусульман Крита, МИД России разослал своим представителям в Париже, Берлине, Вене, Лондоне и Риме сообщение о начале брожения на острове, «которое, в случае дальнейшего развития, может привести к весьма серьезным беспорядкам». Царское правительство обращало в связи с этим внимание адмиралов на необходимость вести очень осмотрительную политику в отношении мусульман, и например, по возможности не прибегать к смертной казни в отношении мусульман, что «слишком явно нарушало бы верховные права султана», дабы не вызвать серьезных беспорядков в будущем¹. У русского начальника сухопутных войск в Ретимно отношения с мусульманами города были превосходными. Многие мусульмане, однако, беспокоясь о будущем своих детей, обращались в российское консульство за справками о возможности перехода мусульман острова в русское подданство².

В свою очередь христианское население, как следовало из доносений генерального консула в Канеэ статского советника Н. Н. Демерика за октябрь 1897 г., обвиняло англичан и конкретно полковника Чермсайда в политике невмешательства во время вылазок мусульман, скопившихся в Канеэ (около 5 тыс. человек) по ту сторону кордона, в желании англичан «в нужную минуту воздействовать на общеевропейскую политику». «Христиане, — писал Демерик, — усматривают в этом поведении англичан умышленное ухаживание за мусульманским большинством в Канеэ в расчете, что оно может пригодиться им на случай нового оборота в международном положении критского вопроса»³.

В Канеэ было теперь неспокойно. Сухопутный отряд принимал деятельное участие в охране порядка на острове. По указанию Н. И. Скрыдлова русский пост был снят в деревне Мурниес и 25 человек были отправлены в крепость «Фирка» в форте Изеддин, где русские несли службу по очереди с итальянцами, французами и англичанами. Зреющее недовольство мусульман началом реформ на острове, возможно, более всех ощущал контр-

адмирал Скрыдлов, который постоянно сообщал своему командованию о неполном составе русских военно-морских сил, что представляло опасность в такое, по его мнению, «тревожное время». Он даже не считал возможным отпустить из отряда единственное большое судно «Император Александр II», которое срочно понадобилось в посылке⁴.

В марте 1898 г. итальянский и французский адмиралы обосновались в Канеэ, Скрыдлов оставался со своим штабом в Суде, где ожидал прибытия нового командира канонерской лодки «Грозный» В. Чертова, с которым они затем сделали обход острова для раздачи муки, присланной из России для Крита. При обходе острова Скрыдлов посетил места расположения французских и итальянских войск. Канонерская лодка «Уралец» по просьбе русского посланника в Афинах большей частью находилась в Пирее, где команда приняла участие в тушении пожара на пароходе РО-ПиТа «Царь», севшем на мель при входе в Пирейскую гавань. Затем канонерская лодка «Уралец» был направлен в залив Воло для наблюдения за порядком эвакуации турецких войск из Фессалии в соответствии с условиями прелиминарного мирного договора⁵. 28 июня он вернулся в Россию, но к отряду вскоре присоединилась канонерская лодка «Донец». В июне 1898 г. в критских водах находились также эскадренный броненосец «Император Александр II», миноносец № 119, минный крейсер «Посадник» и др.⁶.

Все суда отдельного отряда постоянно находились в боевой готовности в бухте Суде, занимаясь десантными учениями и стрельбой на берегу⁷. Миноносцы № 119 и № 120 производили стрельбу минами Уайтхеда при различных условиях, например, на ходу, в бухте Каливиас. В отчете говорилось, что «производилось до 51 выстрела за одно учение и никаких случайностей не было»⁸. В учениях принимали участие все офицеры, все минные стрелки и все ученики со всех судов отряда. Лодка «Грозный» также проводила свои учения по стрельбе. Проходили дружеские встречи с экипажами других эскадр, например, с командой итальянского броненосца «Сардиния».

«Группа после завтрака у Джевада-паши»

1 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1735. Л. 26.

2 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2435. Л. 24.

3 Там же. Л. 23-23 об.

4 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 98об; Д. 1743. Л. 26.

5 Там же. Л. 98.

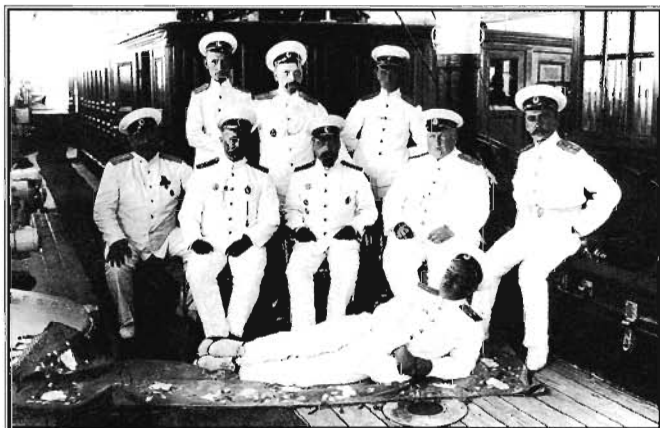
6 Там же. Л. 211-214.

7 Там же. Л. 100.

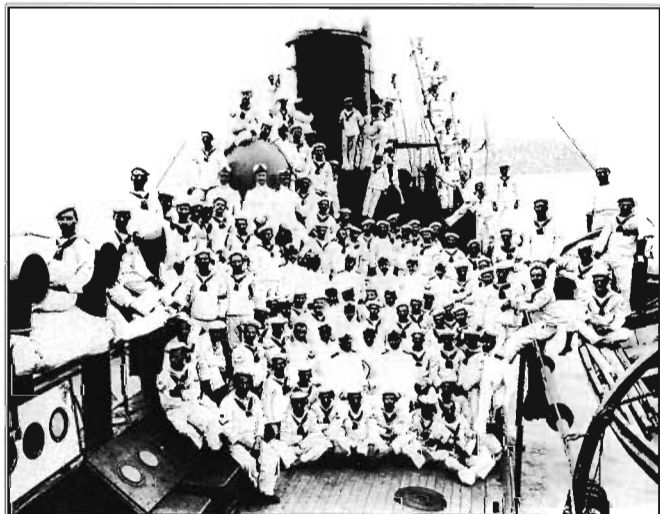
8 Там же. Л. 96.

Русские матросы, французский и русский полевые офицеры изображают для греческого фотографа П.Дьямантопулоса учебную стрельбу из орудия Барановского

Русские морские офицеры на палубе

Английские моряки и офицеры на палубе крейсера

Неспокойно было и в Кандии. Для оказания моральной поддержки английскому сухопутному отряду 22 марта согласно другому приказу Н. И. Скрыдлова начальнику экспедиционного отряда на острове Крит полковнику Ф. А. Шостаку, в Кандию из Ретимно был направлен на несколько дней отряд, состоявший из 3-й и 4-й рот стрелков с командой «охотников» и взводом горной батареи (всего 7 офицеров, 1 врач, 171 стрелок, 83 артиллериста, 2 горных орудия и 69 лошадей). С отрядом отправился и сам Шостак, который впоследствии описывал консулу этот один из первых длительных походов русского отряда так: «Люди были в рубашках и походном снаряжении. На всем протяжении пути следования отряд был приветствуем мужчинами, женщинами и детьми, со священниками, пришедшими в иные пункты из деревень, удаленных на 15-20 верст, и как по пути, так и на далеком расстоянии по сторонам его гудел колокольный звон и раздавалась приветственная ружейная пальба местных жителей, нарочно сбежавшихся взглянуть на православное войско и выражавших свою радость восторженными криками в честь нашего Государя и крестным знамением». На бивак отряд прибыл в полшестого вечера без оставших, но без подков и одного орудийного колеса, вдребезги рассыпавшегося по пути. Хотя до ночлега оставалось всего 26 верст, этот переход оказался труднее первого. Дорога была крайне тяжела, крутые и продолжительные подъемы сменялись беспрестанно такими же крутыми спусками. Существовавшая некогда почти на всем протяжении мощная дорога в начале восстания была умышленно перерыва греками, которые опасались прихода к ним турецких войск, а затем не имели средств отремонтировать ее. «Переполившие дорогу камни, ускользая из под ног, не давали им твердого опора ни при подъеме, ни при спуске. Стрелки, сами с трудом поднимавшиеся в горы, тем не менее охотно помогали артиллерии, лошади которой с такой же энергией и так же безостановочно взбирались на кручи, как затем осторожно спускались, скользя, но не падая, по скалистому грунту вниз». Вместо ночлега в деревне Гази, которая была во власти башибузуков, привал был сделан на 3 версты ближе, в деревне Тилисос, в которой было православное население... После устройства войск русские певчие по просьбе местных жителей приняли участие в службе, совершенной в местной церкви игуменом, специально прибывшим за 16 верст, и, как писал Шостак, «стройное церковное пение произвело глубокое впечатление на греков». В Тилисосе из-за близости враждебно расположенных к русским башибузуков отряду пришлось ночевать с особыми мерами безопасности, которые оказались излишними. Утром отряд направился в Кандию, «сопровождаемый до пределов турецких аванпостов массой греков»⁹. В 4 верстах от города их встретили два английских офицера, майор и лейтенант, прибывшие специально для встречи русских войск из Кандии. Несколько далее был построен почетный караул турецких войск, высланный для той же цели местным губернатором. Русских ожидал почетный конвой английских войск «при хоре музыки» (военном оркестре) и, следуя во главе русского отряда, довел его до городских ворот. Здесь на удобной для отдыха людей площадке почетный конвой остановился и отдал честь проходившему мимо него отряду, причем оркестр исполнил российский гимн. На площадке были уже разбиты палатки для офицеров и накрыты столы для нижних чинов. Тут же

9 Там же. Л. 102-105об.

Башибузуки в Кандии (под № 1 самый известный — Али Умбаши). Многие из них были казнены англичанами 7 ноября 1898 г.

ожидал командующий английскими войсками. Он «попросил быть их гостями, по крайней мере, одни сутки, на что ввиду сделанных им приготовлений для нашего приема пришлось согласиться», — вспоминал не без явной благодарности Ф. А. Шостак. Еще на первом переходе Шостак перелом правой ноги от удара копытом лошади, что заставило его принять приглашение английского полковника пересечь с лошади на лазаретный экипаж и в нем доехать до офицерского собрания.

По предложению Скрыдлова Шостак отправился затем на «Грозный», который уже ожидал в Кандии, передав командование отрядом штабс-капитану 6-й горной батареи Хлебникову.

Через несколько дней, 31 марта 1898 г. в Кане произошло событие, которое обеспокоило все великие державы: близ судских ворот турецким солдатом было сделано несколько выстрелов по французскому пехотинцу, не пожелавшему уступить ему дорогу¹⁰. Черногорцы, подоспевшие первыми, разоружили турка. Вскоре началась перестрелка с турками. Это происшествие произвело в городе небывалую панику — все ожидали начала столкновений между христианами и мусульманами. Весть дошла до инсургентов, и они начали спускаться с гор в Суду и Канею, сообщая о своей готовности идти на помощь.

Адмиралы, обсудив это происшествие, обратили внимание на несоразмерность турецких сил и международного отряда. В то еще сравнительно спокойное время в Кане в самом городе находилось 2500 человек международных войск, тысяча человек христиан ремесленников и торговцев, 4500 турецких солдат и 8000 вооруженных мусульман. Такое соотношение сил считалось опасным, и адмиралы пришли к выводу о необходимости укреплять международным отрядом стратегические позиции, что было поручено итальянскому адмиралу Каневаро и командиру английского броненосца «Кампердаун» капитану Крейджи. Адмиралы обратились к державам с просьбой об увеличении на Крите сухопутных сил. Начальники отрядов усилили контроль за спокойствием на вверенных им территориях.

23 мая 1898 г. из России на пароходе РОПиТа «Император Николай II» прибыли две роты Модлинского полка из 330 человек, назначенные в Канею. Прибывшие роты, как писал Н. И. Скрыдлов начальнику Главного морского штаба адмиралу Федору Карловичу Авелану, были плохо подготовлены для жизни на Крите. Например, у них были разные лагерные и походные палатки, но не было шатров, защищавших от палящего солнца по русски одетых солдат. Это вызывало у Скрыдлова опасение, «что в наступающую сильную жару люди будут сильно страдать, не имея настоящего прикрытия от солнца, и будут болеть». Понимая, что экспедиция затягивается, он просил прислать хотя бы лазаретные шатры. Присылка и смена прочих шести рот сухопутного отряда предполагалась в две очереди, 29 мая и 5 июня. 24 мая на другом пароходе РОПиТа «Королева Ольга» отправились в Россию две роты 56-го пехотного Житомирского полка¹¹.

Занимаясь устройством отряда, Н. И. Скрыдлов не забывал и гражданских дел. В конце мая он посетил представителей Исполнительного комитета, альтернативного Народного собрания Крита, находившихся в главной квартире на Акротири в селении Плакурис. Там контр-адмирал был встречен председателем комитета Сфакьянакисом и членами представителями (в их числе Э. Венизелосом), с которыми за завтраком они обсудили положение на острове. Все греки высказывали опасение по поводу событий, которые могли произойти во время наступающего на острове сбора урожая и самое главное — сбора оливок в сентябре и октябре. Оливки (и оливковое масло) — главное богатство большинства жителей острова, их урожай «управляет на острове как торговыми оборотами, так отчасти и другими событиями». В этом году судя по цветению деревьев урожай обещал быть необыкновенно обильным.

«Надо принять во внимание, — писал Скрыдлов 23 мая 1898 г., — что после бывших погромов владение землей на острове находится в самом беспорядочном положении: турецкие землевладельцы, спасаясь от преследования христиан, бросили свои селения и земли и бежали в главные города острова, под защиту турецких властей и войск. Христиане, заняв селения мусульман, стали считать себя хозяевами оливковых рощ, от прав на которые не отказались и мусульмане — настоящие владельцы, внимательно следящие издали за своими участками. Пока деревья отдыхали, затем цвели и теперь, пока плоды на них зреют, обе стороны одинаково спокойно ожидают урожая, но когда наступит время его сбора, незаконные хозяева станут собирать урожай, обещающий им после целого

Критяне в национальных костюмах

10 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1793. Л. 260б.

11 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 181.

Адмирал Потье

года лишений большое благосостояние. Трудно ожидать, чтобы настоящие владельцы турки, находящиеся в одинаково печальных условиях, остались бы к этому равнодушны». А так как никакие вопросы среди населения не достигали такой остроты, как земельные, то необходимо было ожидать, как то и предвидели лидеры Исполнительного комитета, что в сборе урожая оливок «олицетворяется весь земельно-имущественный вопрос двух сторон критского населения». «Затушенный силою междуна-

родного вмешательства, он в населении, доведенном до отчаяния непрекращавшимися неурядицами, должен разрешиться кровавыми событиями, при которых население в своем отчаянии пренебрежет всеми указаниями держав. Люди, доведенные до отчаяния, не знают благоразумия, и с тысячами таких людей правительствам великих держав придется иметь дело», — заключал русский контр-адмирал ¹².

В разговоре со Скрыдловым инсургенты обращали внимание на пылкость характера и воинственность критян, их готовность умереть и существовавшую издавна рознь между двумя религиями. Они предвидели, что население, потерявшее веру в обещания адмиралов о реформах, возьмется само решать давно назревшие вопросы, что вызовет на острове нужду и бедствия, размеры которых трудно теперь предвидеть.

Сложность заключалась также в том, что действовать приходилось в присутствии на острове турецких войск. Полагаю, писал контр-адмирал 9 мая 1898 г. начальнику морского ведомства России великому князю Алексею Александровичу, что «предупредить эти события лежит в обязанности держав, и меры к этому должны быть приняты безотлагательно». Он считал необходимым «вселить в мусульман уверенность», что время турецкого владычества миновало, что остров управляться турками никогда не будет и что христианские жители могут не опасаться того, что после ухода войск великих держав с острова турецкие власти восстановят свои права и жестоко отомстят за нынешнее их унижение.

В том же духе писали и англичане. Английский офицер, служивший на Крите, вспоминал: «Служившими на Крите офицерами всегда сознавалось, что в этом удержании турецких войск и заключалась вся трудность положения, и вот почему: христианские торговцы, адвокаты, доктора и лавочники в городах, находившиеся теперь вне их, не решались вернуться к своим обязанностям и очагам, сознавая, что в случае восстания мусульман турецкие войска не окажут им защиты. С другой стороны, поселяне и землевладельцы магометане, бывшие в данный момент в городах, понимали, что их безопасность зависит всецело от попечения и охраны турецких войск. Положение было совершенно безвыход-

ным, и всякая попытка выработать какой либо *modus vivendi* заранее была обречена на полное фиаско, но ни одно правительство не брало на себя почина дела» ¹³.

Главным условием прекращения турецкого владычества на острове русский контр-адмирал, с головой окунувшийся в политику и детали жизни островитян, теперь считал вывод турецких войск. «И меру эту необходимо привести в исполнение как можно скорее, — заключал Н. И. Скрыдлов, добавляя: — Можно с уверенностью предсказать, что уход турецких войск из русского сектора, т. е. из Ретимно, совершится без осложнений». Он хорошо видел, что христиане Крита были убеждены, что единственной задержкой в решении их судьбы была эвакуация турецких войск из Фессалии, но теперь «на терпеливое ожидание дальнейших решений великих держав трудно рассчитывать». «Считаю своим нравственным долгом напомнить, — писал русский контр-адмирал, — что задолго до моего вступления в командование адмиралы торжественно объявили населению, что их правительства дадут острову независимость (автономию), в осуществление которой, по заявлению высших представителей острова, жители его начинают терять веру» ¹⁴. Спокойствие на Крите нарушалось ежедневно, небольшими пока стычками или перестрелками в той или другой части острова, зачинщиками которых, как правило, были в основном христиане. Скрыдлов объяснял неспокойное поведение христиан тем, что в народе очень глубоко укоренилось мнение, будто, несмотря на заверения адмиралов о предоставлении острову самостоятельности, и на этот раз ждать нечего. С другой стороны, из разговоров русского контр-адмирала с турецкими землевладельцами было ясно, что они почти убеждены в прочности турецкого господства на острове и что, кроме того, они не продают свои земельные владения, так как отъезд с острова и продажа здесь своей собственности запрещена мусульманам турецким правительством ¹⁵. Это распоряжение Константинополя держалось в строжайшей тайне от европейцев и до Скрыдлова дошло совершенно случайно. Немало способствовали этому убеждению среди мусульманского населения местные муллы.

Освобождение от турецкой власти составляло главную цель восстания христиан, успешно ими достигнутую. Мусульмане, таким образом, поневоле принуждены были скапливаться в городах, в свободных домах христиан, уехавших с Крита, которые, в свою очередь, не имели возможности вернуться на остров. При этих условиях никакие попытки урегулировать жизнь на острове не могли быть успешными без принятия каких либо серьезных решений. Русские военные и морские начальники на Крите также волновались, что чрезмерное скопление в городах пришлого населения — мусульман, превосходящего во много раз обычное число жителей (так, в Кандии скопилось около 30 тысяч вместо 5-7 тысяч жителей), причем без соблюдения каких бы то ни было санитарных и гигиенических требований, могло вызвать эпидемии. Жертвами этих эпидемий могли стать и войска в Ретимно, население которого также возросло на несколько раз ¹⁶.

В конце мая вместо итальянского адмирала Каневаро, бывшего инсургентов в Акротири год назад, был назначен контр-адмирал Беттоло. Накануне своего отъезда с Крита Каневаро

¹² Там же. Л. 181-182.

¹³ Морской сборник. СПб., 1899. № 3. С. 9-10.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 182об.

¹⁵ Там же. Л. 215.

¹⁶ Там же. Л. 215об.

решил совершить «прогулку» на возвышенность Акротери, где находилась главная квартира повстанцев. Там, где год назад раздались по его приказу пушечные выстрелы великих держав, теперь давался завтрак, который, кроме адмиралов и их штабов, были приглашены все «главари инсургентов»¹⁷. Встреча с инсургентами была неслучайной. Вся обстановка на острове говорила о том, что может произойти очередная вспышка, и напоследок Каневаро пытался еще что то сделать.

Контр-адмирал Беттоло в международной эскадре в критских водах был теперь младше по званию (производству), чем французский контр-адмирал Потье и русский контр-адмирал Скрыдлов. В течение 1898 года германский и австрийский отряды были отозваны, так что оставались отряды только четырех держав. Таким образом, председательство в совете адмиралов перешло к французскому адмиралу Потье. Это вызвало радость Скрыдлова, который считал, что Потье обладает всеми необходимыми качествами для руководства советом: он был прекрасным администратором и дипломатом. Следующим главой адмиралов должен был стать вскоре сам Скрыдлов. Его штаб состоял всего из двух флаг офицеров, на которых ложилась вся переписка по хозяйственной части отряда и почта, и он заранее просил Морское министерство России увеличить его штаб.

В июне на заседании совета адмиралов (Потье, Нозль, Беттоло, Скрыдлов) обсуждался проект временного управления островом, полученный адмиралами от своих правительств. Скрыдлов, из-за нерасторопности русского бюрократического аппарата, не получил проекта, и заседание было отложено. Остальные проекты были приблизительно идентичны: управление островом должно быть передано собранию народных представителей, не удаляя с острова в то же время ни турецких властей, ни войск. Все адмиралы единодушно признали такое сочетание временным. В то же время заседавший еще раз совет признал, что скорейшее восстановление управления островом необходимо, так как очень остро ощущается вакуум власти. Различные административные меры, принятые советом адмиралов с целью восстановления порядка и спокойствия на острове, в действительности не могли удовлетворить ни одну из сторон. Торговля оживилась, но только потому, что, по словам участников событий, «ружья международного войска мешали покупателям и продавцам схватить друг друга за горло»¹⁸.

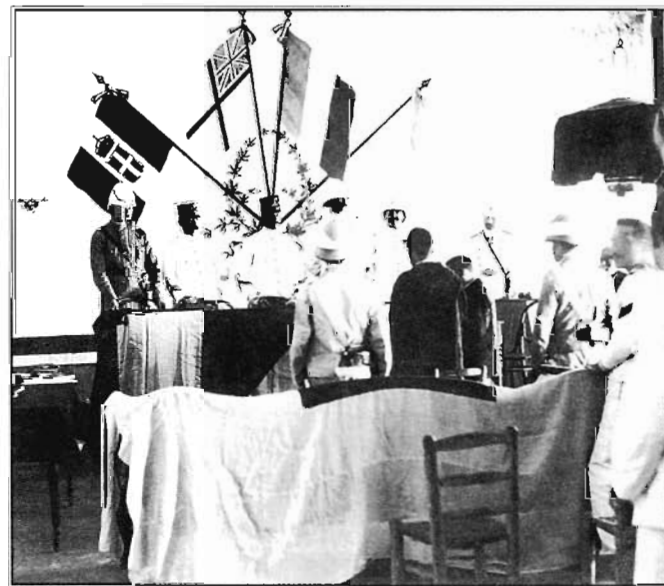
Решались и финансовые вопросы. На очередном заседании адмиралы пришли к заключению, что необходимо иметь в своем распоряжении денежные средства для введенного только что критского самоуправления. Далее стоял вопрос о средствах для устройства жандармерии, на которую нужно было тратить не менее 75 тыс. франков в месяц при численности ее в 1500 человек. До сих пор касса пополнялась «пошлинным обложением — трехпроцентным сбором с прибывающих на остров товаров, т. е. 370 тыс. франков. Сумма эта находилась в ведении консулов. Вскоре был решен вопрос и о ввозных пошлинах. Поэтому адмиралы взяли под свой контроль постепенно не только таможенные, но и все другие сборы. В конце июля было принято решение взять в свои руки доходы также и с вывозной пошлины

на продукты, производимые на острове. Было признано справедливым, чтобы пошлина, собираемая исключительно с сельских жителей, шла бы на устройство управления в той части острова, где они проживают, а именно за кордон, повинующейся Исполнительному комитету.

Вслед за англичанами в русском секторе полковником Шостаком была организована почтовая служба в Ретимно и еще в 13 пунктах Айя Галини, Амари, Гаразо, Кастели, Маргаритис и др. В 1898-1899 гг. было отпечатано более 18 тыс. различного вида марок и почтовых открыток. Однако почта просуществовала очень недолго¹⁹.

Для установления правильности правосудия по решению адмиралов на острове в мае постановили каждой из четырех держав учредить в занятой ею части острова военные суды, действующие по законам своей страны, оставив в столице международный трибунал, действующий по итальянским законам. В Ретимно был учрежден «отрядный суд» для разбора дел, возникающих между местными жителями. Необходимость учреждения таких судов вызывалась отсутствием законного правосудия на острове, которое осознавалось всеми жителями. Поэтому учреждение их приветствовалось представителями народа, «как давно желанная мера». В эти суды после ухода с острова турецких властей должны были привлекаться представители от христиан и мусульман, т. е. развиваться местные суды²⁰.

Деление острова на четыре округа, хотя оставалось в принципе, но были более четко определены их границы, учитывая исторически сложившиеся связи деревень и городов между собой. Критское собрание хотело также организовать полицию острова из местных жителей с начальниками из европейцев: один главный начальник, пять его помощников и двенадцать унтер-офицеров, что не получило одобрения держав²¹.

Военный суд великих держав на Крите объявляет свое решение

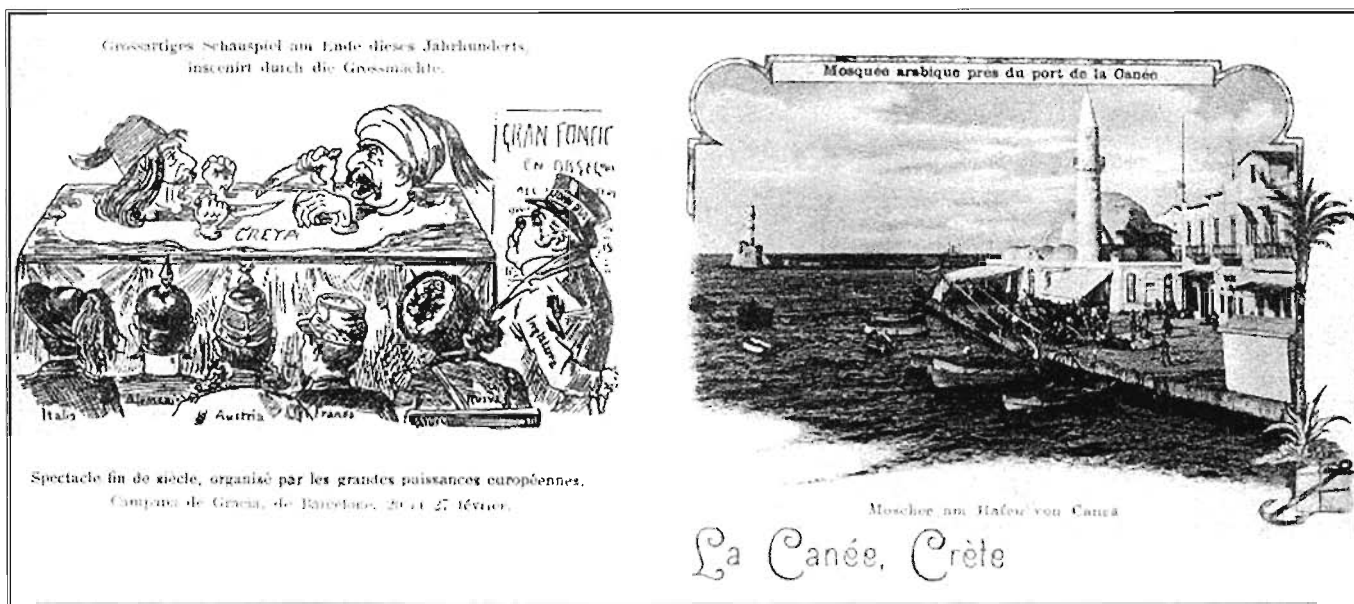
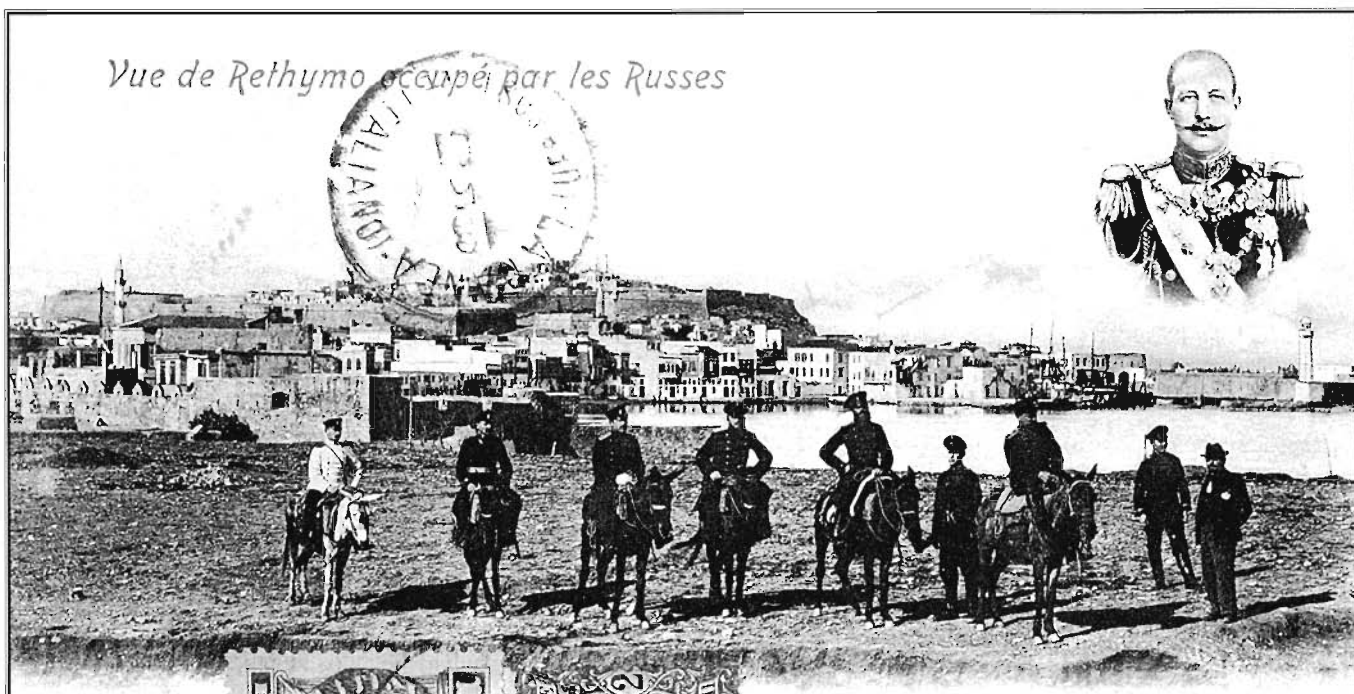
17 Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1793. Л. 32об.

18 Морской сборник... Л. 11.

19 Feenstra P. M. Crete, Postal history. Postal and Revenue stamps. Coins and bank notes. (Collectioned.) Athens, Greece, 2001.

20 РИЗФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 101об.

21 Там же. Л. 249.

Открытки и марки, изданные на Крите русским командованием в 1898 г.

В воскресенье 5 июля на острове открылось собрание ста критских депутатов (расширенное народное собрание Генеральная ассамблея под председательством Сфакьянакиса), представлявшее население различных частей острова. Депутатов на военных судах доставили в столицу для обсуждения и выработки представленного советом адмиралов на их рассмотрение проекта правил временного управления островом и составления ответа на записку адмиралов о его учреждении. Предложения великих держав были приняты в принципе. Было внесено предложение о том, что до тех пор, пока турецкие власти и войска останутся на

острове, ни один мусульманин не будет допущен во внутренние его области. Народное собрание избрало исполнительный комитет, который должен был согласовывать свои действия с советом адмиралов великих держав.

Реальные цели, которые преследовали адмиралы и консулы четырех держав, были весьма ограниченными — они лишь хотели положить конец положению, когда Крит никем не управлялся, восстановить законность и порядок, оживить экономическую жизнь. Но на самом деле все они хорошо понимали, что этого недостаточно.

Удаление турецких войск также вставало в повестку дня заседаний совета адмиралов. Турция была обеспокоена желанием держав вывести турецкие войска. В связи с этим турки хотели пойти на хитрость. Командующий турецкими силами в Кане Джевад-паша обратился к державам с просьбой заменить старые войска новыми. Получив однозначный отказ великих держав, он более на этом предложении не настаивал, но пошел на новую хитрость. Русские офицеры заметили, что с каждым пароходом, приходящим из Турции, на остров прибывает по несколько человек офицеров или нижних чинов, объясняя этим их возвращение из отпусков и другими причинами, которые признавались адмиралами уважительными, но когда 3 июля в Суду прибыл пароход с несколькими турецкими офицерами и 50 солдатами для усиления гарнизона в Кандии, адмиралы постановили не допускать на остров новых турецких войск. Они объяснили это тем, что встречались затруднения в определении личности возвращавшихся из Турции, и подозрением (имея на это все основания), что возвращаются на остров другие чины вместо отпущенных. 6 июля адмиралами было решено впредь ни под каким предлогом не допускать высадки на остров турецких военных.

Вводимое постепенно под контролем адмиралов временное управление островом вызывало все большее беспокойство и недовольство турецкого населения «властью неверных». Во многих случаях брожения подстрекались турецкими властями, что было особенно заметно в Ретимно, где многочисленное население состояло в основном из мусульман. Огромные толпы мусульман собирались на набережной у таможни к приходу каждого парохода. Русские офицеры беспокоились, что мирные демонстрации легко могут вылиться во враждебные действия. Полковник Ф. А. Шостак обратился к Н. И. Скрыдлову с просьбой прислать в Ретимно военное судно, которое одновременно следило бы за недопущением на остров новых турецких сил, прибывающих тайно на рейсовых пароходах. Канонерская лодка «Донец», сменившая «Уралец», была немедленно отправлена в ретимскую гавань. Вся международная эскадра перебазировавшись к этому времени в тихую бухту Суды, где не так ощущалась штормовая погода, господствующая в критских водах в это время года. В связи с тревожным состоянием умов мусульманского населения Канеи, где находилось большое число европейцев и были сосредоточены немалые торговые интересы, адмиралы решили на время отсутствия в Канеи международной эскадры держать по очереди постоянно один крейсер. Не имея в своем распоряжении крейсера, Скрыдлов послал на дежурство минный крейсер «Посадник», который стоял на якоре в гавани. При настоящем составе отряда иметь два стационарных крейсера было невозможно, и Скрыдлов предпочел обезопасить русские войска в Ретимно. Однако «Посадник» по малой своей величине нести службу в здешних водах не мог: стоянка на открытых рейдах была ему не под силу, а тесные старинные критские гавани для него были малы²².

Несмотря на все признаки возобновления беспорядков на острове, в том числе в английском секторе Кандии, английский оккупационный отряд был сокращен до минимальной численности. Гарнизон состоял лишь из одного полка легкой шотландской пехоты, при этом две роты были выделены в Канею. Английского контр-

Джевад-паша

адмирала сэра Роберта Гаррисона отозвали с Крита еще в начале года, число английских судов сократили до трех — одного броненосца (командир которого заседал в совете и обыкновенно находился в Суде), одного крейсера и одной канонерской лодки²³. Скрыдлов отмечал в своем рапорте от 4 июля 1898 г., что «англичане по прежнему продолжают менять свои большие суда в критских водах и, таким образом, английские представители в совете адмиралов меняются почти каждый месяц, конечно не успевая в такой короткий срок ознакомиться, хотя бы приблизительно, с критскими делами». Новый командир броненосца «Кампердаун» также не собирался оставаться здесь надолго.

В Канеи также постепенно сокращались отряды европейских держав, которые переводили свои силы в места их основной дислокации. Так, английский отряд сократился до 150 человек. Итальянцы получили предписание своего правительства отозвать в Италию находящуюся в Киссамо горную батарею. Однако адмиралы не рекомендовали русским отзывать свою батарею из Ретимно, посчитав момент неподходящим в связи с большим количеством там мусульман²⁴. В этих непростых условиях, несмотря на постоянно увеличивающееся число европейских жителей, коммерческих представительств и предприятий, а также вообще имущества, подлежащего охране европейскими отрядами, вместо 2500 человек и 8 орудий в Канеи осталось 1700 человек пехоты и ни одного орудия²⁵. От оставшихся частей это требовало более напряженной службы, чем было им по силам.

22 Там же. Л. 270-271об.

23 Морской сборник... С. 10.

24 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 248об, 266об.

25 Там же. Л. 287-288.

Резня в Кандии и вывод турецких войск с острова

По сравнению с началом 1898 г. положение на Крите становилось все более опасным. Мусульмане с беспокойством ожидали новых льгот христианскому населению, как им казалось, за свой счет. Подстрекаемые извне различными патриотическими обществами и находясь под защитой турецких властей острова, они готовы были сами силой попытаться восстановить свои прежние права. Мусульманам все труднее становилось сдерживаться, и постоянно происходили небольшие вспышки и беспорядки. Английский консул в Кане Альфред Билиотти докладывал в начале лета министру иностранных дел Великобритании лорду Солсбери, что остров никем фактически не управляется, а общество расколото на враждующие части. Исключением был совет адмиралов, что само по себе было уже достаточно важным результатом после греко-турецкой войны. Он описывал ограбления домов христиан, нападение на их имущество со стороны турецких солдат (из фортов). Писал, что положение бесправных и нищих мусульман, возможно, еще того хуже. «Настоящее положение вещей не является более политическим вопросом, но становится вопросом гуманитарным», — заключал он ¹.

Таким образом, при значительно худшем настроении мусульман и при большем числе беззащитных христиан, подлежащих охране, число защитников и средств защиты, по единодушному мнению адмиралов, было недостаточно. «Конечно, в боевом отношении, — писал контр-адмирал Скрыдлов, — волнение турецкого населения не представляет опасности для международных отрядов, но беззащитное христианское население может пострадать очень сильно и дать много жертв, пока войска установят порядок» ².

Озабоченный неблагоприятным состоянием значительной части ретимского отряда и ожидая крупных беспорядков, Н. И. Скрыдлов умолял свое правительство не откладывать с присылкой на Крит свежих сил для замены двух русских рот Модлинского полка, почти полностью больных трахомой, и снова говорил о необходимости вывода турецких войск. «Присутствие на острове турецких войск оказывает неблагоприятное влияние на ход дел, и удаление их является одним из главнейших условий для решения критского вопроса», — писал Скрыдлов 25 июля 1898 г. ³. А уже в начале августа ему пришлось лично принимать участие в урегулировании вспыхнувшего в Ретимно конфликта между христианским и мусульманским населением.

В первых числах августа незаметно вышло из Ретимно за кордон около ста мусульман с целью пасти овец, лишенных внутри кордона корма, а также сторожить свой урожай оливок. Они объявили, что защищать их они готовы даже ценою жизни ⁴. Это была первая после введения адмиралами временного управления попытка мусульман протестовать против основного решения критского Народного собрания — не допускать мусульман внутрь острова до удале-

ния с него турецких войск и властей ⁵. Весть о выходе мусульман быстро дошла до христиан, которые, вооружившись, стали собираться на окрестных высотах. Скрыдлов поспешил в Ретимно, где при содействии представителей Исполнительного комитета, с одной стороны, и местных турецких властей, с другой, а также при содействии городских верхов и духовенства удалось уладить дело.

Объяснив местным турецким начальникам, что вся ответственность за выход мусульман за кордон падет на пропустившие их турецкие войска, Скрыдлов приказал также арестовать главного зачинщика беспорядков араба Митулиса (главаря башибузуков). Вскоре инцидент был исчерпан.

Не только мусульмане служили причиной беспорядков. Полковник Ф. А. Шостак сообщал, что у христиан между собой также возникают стычки. Так, в окрестностях Ретимно жители деревни Асигонис, известные своими разбойничьими наклонностями, были уличены в краже овец и осаде богатой деревни Айос Константинос. Для прекращения беспорядков исполнительный комитет вынужден был сформировать и послать туда отряд жандармов христиан, 20 русских солдат и 10 черногорцев при одном офицере. После этого случая совет адмиралов безотлагательно выдал значительную сумму Исполнительному комитету на формирование жандармерии, начиная с ретимского округа как самого беспокойного ⁶. Державы пришли также к выводу, что потребуется займ для покрытия расходов временного управления островом.

Крайне неудовлетворительное положение дел на Крите, продолжавшееся все лето, вылилось в страшные события в английском секторе в конце августа 1898 г. В своем очередном строевом рапорте Скрыдлов докладывал главе морского ведомства генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу: «Событием недели, перед которым бледнеют остальные, является избиение христиан и нападение на английский гарнизон в г. Кандия, случившееся 25 августа» ⁷. Подробности об этих событиях были изложены в многочисленных донесениях, телеграммах и рапортах в Россию. Что же произошло?

«Международный парад 14 марта 1898 г. По случаю дня рождения короля Италии»

1 Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissioner of Prince George of Greece in Crete. 1898-1906. P. 31.

2 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 188.

3 Там же. Л. 288об.

4 Там же. Л. 299-299об.

5 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2470. Л. 7.

6 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 300об.

7 Там же. Л. 391.

В 1898 г. при перераспределении секторов («сфер влияния») между державами покровительницами Крита Великобритания снова достался округ Кандия, где наводить порядок было нелегко с самого начала. Кандия (ныне Ираклион) — большой город, служивший уже в начале восстания местом жарких схваток. Так описывал этот город английский контр-адмирал Нозль: «Вынужденное к бегству весьма многочисленное магометанское население окрестных деревень, укрывшись в этом городе, вело в нем непривычную и не приходившуюся ему по вкусу жизнь, отравленную к тому же сознанием, что его враги жнут, где не сеяли, уничтожают его оливковые деревья и разоряют его жилища. Турецкий гарнизон состоял всего из каких нибудь 5 тыс. человек, от которых мало можно было ждать помощи в деле охранения порядка. Несколько сот христиан, имевших в городе собственность, решились туда вернуться, а с другой стороны, туда же явились в большом числе и более беспокойные мусульманские обыватели других прибрежных городов, особенно Ситии»⁸. Налицо были все элементы для возобновления прежних беспорядков в английском секторе в Кандии, которые закончились резней между христианами и мусульманским населением.

Для наблюдения за событиями, происходившими в Кандии, и для информирования об этом русского правительства Скрыдлов отправил туда вместе с канонерской лодкой «Донец» старшего флаг офицера при своем штабе лейтенанта Стеценко 1 го. Благодаря прекрасному знанию языков, Стеценко был переводчиком командира английского броненосца «Кампердаун» во время заседаний командиров судов в Кандии и был хорошо знаком с англичанами. Капитан Халлет в письме к Скрыдлову благодарил за существенную помощь, оказанную ему Стеценко, говоря, «что не знал бы, что без него делать»⁹. Следует сказать, что русские офицеры оказали громадную помощь в сообщении между адмиралами, морскими офицерами и английским отрядом в Кандии.

События, произошедшие в Кандии в конце августа — начале сентября не были неожиданностью для русских офицеров на Крите, которые неоднократно докладывали своему руководству о возможности подобной катастрофы. Поражала русских «нераспорядительность и непредусмотрительность англичан» во время этих событий. «Самоуверенность их доходила до того, — писал Скрыдлов, — что на одном из советов адмиралов, когда я поднял вопрос о слабости сухопутных международных отрядов, английский командир, опираясь на слова своего полковника в Кандии, мало знакомого с положением дел на острове, заявил, что имеющегося в Кандии батальона в 500 человек более чем достаточно и что в случае беспорядков в Кандии или Ретимно он может отделить от роты часть... а вообще, что престиж, окружающий английское имя, так велик в Кандии, что беспорядка там быть не может!»¹⁰. Такое ужасное незнание ситуации на Крите можно было объяснить только частой сменой английского сухопутного отряда и его начальников на Крите, который служил лишь промежуточным пунктом при движении английских войск в Египет. К этому времени идея

о превращении Крита в английскую военно морскую базу значительно потускнела. В этой трагедии сыграли роль и очень плохие отношения между руководителями английского морского отряда и начальником сухопутных сил, которые практически не общались между собой. Как уже было сказано выше, английский оккупационный отряд в Кандии был слишком мал, морские силы, вызывавшие обычно уважение и страх, были на этот раз представлены лишь канонерской лодкой «Хазард». Самоуверенные англичане забыли заручиться присутствием на рейде Кандии большого судна, которое могло уменьшить решимость зачинщиков.

Поводом для вспышки недовольства, обусловленной многими причинами, стало решение совета адмиралов собрать через своих уполномоченных некоторую часть таможенных вывозных пошлин, чтобы затем использовать ее на общее благо острова, но по своему усмотрению. Беспечность как консула, так и начальника английского отряда в Кандии, которые ограничились при сборе пошлин лишь небольшим сопроводительным конвоем, привела к резне с множеством жертв.

За день до катастрофы английский консул сэр Альфред Билиотти, служивший уже 20 лет на острове, телеграфировал своему министерству иностранных дел, что введение нового порядка сбора пошлин вызовет беспорядки, но, зная расположение местных жителей к англичанам, даже он был уверен, что они не будут направлены против англичан! День для церемонии передачи кандийской таможни в руки англичан был выбран очень неудачный. Население и так было в крайне возбужденном состоянии, проходили митинги, где противники держав, прежде всего фанатик мусульманин Эджем паша, губернатор города, объясняли, что деньги будут отданы «врагам».

Нападение, произведенное фанатиками и хорошо вооруженной толпой на часть британских солдат и матросов и одновременно на английский лагерь и госпиталь на другом конце города, видимо произошло по заранее заготовленному плану. Беспорядки начались со стрельбы с баррикад, воздвигнутых башибузуками напротив английского лагеря. Англичане оказывали сопротивление при полном попустительстве турецких войск. Погибли 17, а по новейшим документам — 28 английских офицеров и солдат¹¹. Затем толпа набросилась на более беззащитную добычу — христианских обывателей¹². Около 600 христиан, в том числе детей и женщин, было убито и сожжено в домах. А волна бесчинств все нарастала.

Вскоре прибыли два английских крейсера под командованием контр-адмирала Нозля. Нозль сошел на берег, где осмотрел место избиения англичан. Через несколько часов после начала боев английский командующий приказал снести 40 домов вокруг английского лагеря. Несмотря на бесконечные увертки и отговорки, турки подчинились и вскоре сдали 5 тыс. единиц оружия¹³.

Зачинщиками событий были, по всем сведениям, чиновники, собиравшие эту пошлину ранее и лишившиеся теперь своих очень доходных мест. Турецкие власти знали об этом и бездействовали¹⁴.

8 Морской сборник... С. 10.

9 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 391об.

10 Там же. Л. 392.

11 РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 89; Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissioner of Prince George of Greece in Crete. 1898-1906... P. 31.

12 Морской сборник... Л. 11-12.

13 АВПИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 66.

14 РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1748. Л. 292об.

Французские морские офицеры на палубе броненосца

Многие критяне обвиняли в происходящих событиях самих англичан, всегда потворствовавших мусульманам, и встретили с большим энтузиазмом русский катер, который 27 августа прибыл в Палео Кастро за находившимся там русским вице консулом. На берегу русского офицера встретили основательно вооруженные критяне, которые сообщили ему, что давно ожидают русских на смену англичанам. Они спрашивали: отчего русские, заняв Ретимно, не занимают Кандию? отчего русское судно не стреляет по туркам в защиту христиан? Офицеры через переводчиков отвечали, что все суда, стоящие у Кандии, пришли, чтобы прекратить беспорядки, и если сочтут необходимым, то будут стрелять все суда. В заключение критяне, потрясая оружием, кричали: «Да здравствует русский царь! Да здравствует царь Никола!»¹⁵. Н. И. Скрыдлов передавал в Россию, что, по мнению адмиралов, беспорядки были «спровоцированы если не по внушению с Босфора, то, во всяком случае, с ведома Порты... и вспыхнули при первых же преобразованиях, которые должны были положить конец турецкому владычеству». Опыт русских военных властей в Ретимно показывал, что турецкие власти и войска действовали в тесном единении с мусульманским населением, как и во время избиения армян в Константинополе, где солдаты принимали участие и даже руководили бесчинствами толпы¹⁶.

Убийство христиан в Кандии дало повод христианскому населению острова отвергнуть временное управление и заявить, что ничего временного они более не желают, а просят окончательного решения судьбы острова. Оценивая всю опасность положения, члены исполнительного комитета временного правительства заявили, что они слагают с себя полномочия и готовы остаться посредниками между адмиралами и христианами. Н. И. Скрыдлов телеграфировал российскому правительству о необходимости скорейшего назначения генерал губернатором принца Георга, что успокоило бы христиан, а также скорейшего проведения всех намеченных реформ.

Христиане были также вооружены и руководствовались теперь одним лишь общим лозунгом: месть мусульманам за христи-

анские жертвы в Кандии. Они создавали повстанческие боевые отряды и различные патриотические организации. Волнения христиан представляли серьезную угрозу международным отрядам, которые могли оказаться между двух огней или, того хуже, открыто встать на сторону одной из враждующих сторон. По мнению русского адмирала, успокоение Кандии «может быть достигнуто только насильственным удалением большей части мусульманского населения (башибузуков) и перевозкой его, с разрешения турецкого правительства, в какую либо из местностей Турции»¹⁷. Беспорядки могли перекинуться и на другие города и населенные пункты острова. Возникла угроза и для международного отряда в Кане, Ретимно и других местах. Доводы Скрыдлова о возможных беспорядках на Крите были убедительными, и адмиралы решили укрепить позиции держав, в первую очередь в столице Крита.

Среди христианского торгового населения в Кане (европейского в основном) усиливалось тревожное настроение, доходящее то и дело до настоящей паники, так как стационары не всегда находились в Суде, а работа телеграфа не была достаточно обеспечена.

В русском секторе в день, назначенный для сбора пошлин по новым правилам, весь гарнизон был поставлен под ружье: артиллеристы у своих орудий, на рейде находились в готовности мореходная канонерская лодка «Донец» и минный крейсер «Посадник». К сбору пошлин полковник Шостак приступил точно в назначенный адмиралами час, «без колебаний». Такие четкие действия не дали начаться беспорядкам, которые, по имеющимся секретным сведениям, также готовились в Ретимно. В этот день все мусульманское население вооружилось и стояло в окнах домов за притворенными ставнями, готовое по сигналу принять участие в погромах христиан. За успех предприятия полковнику Шостаку была объявлена благодарность адмиралов. Для большого спокойствия сухопутного отряда в русском секторе, а также для постоянного напоминания мусульманам о серьезности обещанных репрессий в случае нарушения ими спокойствия контр-адмирал Скрыдлов поставил стационаром в Ретимно эскадренный броненосец «Император Александр II», а сам перебрался на канонерскую лодку «Донец», куда перенесли флаг. В Кандии ее место заняла лодка «Грозный». Беспокойство Скрыдлова все возрастало, и он просил русское правительство прислать в критские воды военное судно большего размера, например, крейсер 1-го ранга «Герцог Эдинбургский» (находящийся в то время в Плимуте). Тем более что все другие иностранные эскадры, по случаю беспорядков в Кандии, усиливали на одно или два судна свои эскадры. Скрыдлов ссылаясь на то, что стоянка на открытом и беспокойном рейде Ретимно даст не меньшую практику, чем где бы то ни было, а нахождение его в отдалении от флагмана даст полную возможность беспрепятственно выполнять всю программу обучения. Иначе русский отряд не сможет отпустить флагманский броненосец для очистки подводной части, в чем обнаружилась крайняя необходимость. Этот вопрос тщательно обсуждался в Морском министерстве, и доводам Скрыдлова вскоре вняли.

Более того, русский контр-адмирал встретился с представителями мусульманского населения Ретимно и его окрестностей — мусульманским духовенством, турецкими властями и местной

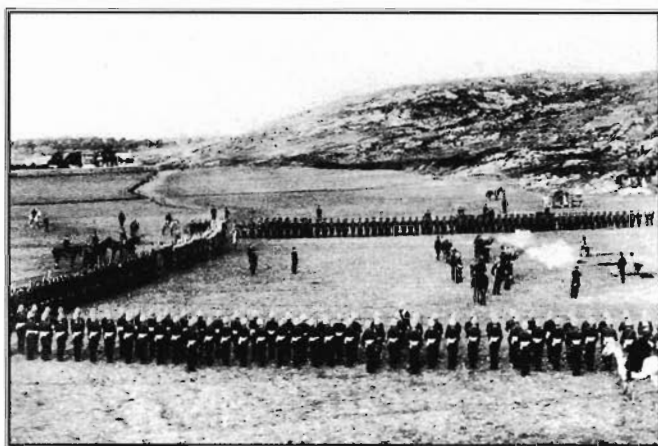
15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 700б (Выписка из рапорта командира «Донца» от 29 августа 1898 г.).

16 Там же. Л. 8-9об.

17 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 393.

аристократией. Он обратился к ним с просьбой для их же безопасности употребить все свое влияние на необразованную часть населения для сохранения спокойствия и порядка в городе, дабы избежать повторения событий в Кандии. Скрыдлов предупредил, что ответственность падет на турецкие власти, тем более что адмиралы обвиняют их в бездействии во время событий в Кандии и они будут подвергнуты соответствующему наказанию. В Ретимно, в случае беспорядков, их будет судить на месте военно полевой суд по русским законам. Любые выстрелы в Ретимно, произведенные турками, будут расценены как враждебные по отношению к русскому отряду и т. д. Имам, муллы и представитель местной знати обещали, что спокойствие в русском секторе будет сохранено. По их мнению, в значительной мере спокойствие в Ретимно было сохранено «благодаря благоразумию русских начальников и добродушию и ласковости нашего (русского. — О. С.) солдата»¹⁸. Оновременно с выдачей турками зачинщиков беспорядков в Кандии были созданы следственная и судебная комиссии. Все участники беспорядков предстали перед судом в Кане, а убийцы английских подданных — перед полевым английским судом¹⁹. Англичане получили разрешение своего правительства на применение смертной казни. Суд вынес семерым обвиняемым смертный приговор, и они были казнены через публичное повешение на самом высоком бастионе Кандии. К таким публичным казням англичане прибегли еще дважды, так как считали, что они «в весьма сильной степени содействовали водворению в городе порядка»²⁰. Следует сказать, что донесения Н. И. Скрыдлова в морское ведомство немедленно сообщались в МИД России на Певческом мосту, и суть докладывалась ежедневно царю. На этот раз царское правительство сочло высшую меру наказания, предложенную авторитетным контр-адмиралом для применения также в русском секторе, все таки несвоевременной. Товарищ министра иностранных дел граф В. Н. Ламздорф (1897-1900) разъяснил Скрыдлову, что МИД России не имеет права оспаривать решения военных судов, но лишь полагает желательным воздержаться от вынесения смертных приговоров или не исполнять их до полного очищения острова турецкими войсками²¹.

Все население Крита с напряженным вниманием ожидало решения участи виновников резни. Нетерпение христиан беспрестанно прорывалось наружу. Так, около деревни Нерокуро солдат французского аванпоста два дня подряд осыпали градом пуль за то, что помогли одному из жителей этого местечка — мусульманину — вывезти свои прессы для отжима оливкового масла в Канею и этим сохранить от конфискации греками — христианами. В другой приморской деревне — Каливиас, расположенной близ Суды, христиане самовольно не давали пристать к берегу турецким военным шлюпкам для снабжения турецкого караула и стреляли по шлюпкам, как только они пытались пристать к берегу. «Вообще христиане начинают держать себя по отношению к представителям европейских держав вызывающим образом, — писал Скрыдлов, — и даже к избранным ими же самими представителям». В Кане, в модном у христианской интеллигенции кафе «Аутономия»,

Казнь башибузука смешанным отрядом великих держав

был избит член Исполнительного комитета, подписавший во время кандийских беспорядков опубликованное по просьбе адмиралов воззвание к христианам с призывом соблюдать спокойствие. Войдя в кафе, представители христиан из Апокорона, расходившиеся во взглядах с комитетом, обвинили публично членов комитета в измене родному краю и публично избили одного из них — Хаджидакиса. Избивший попал по распоряжению начальника международного отряда в Канею в тюрьму на полгода²².

Убийство и резня в Кандии взбудоражили все кабинеты Европы и решили окончательно вопрос о потере Турцией острова Крит. В связи с кровавыми событиями 1898 г. в английском секторе было решено не только увеличить экспедиционный международный отряд, но и убрать турецкие войска и власти с Крита. Теперь не только русский адмирал Скрыдлов, а в сентябре уже и все адмиралы заговорили как о скорейшем назначении правительства, генерал губернатора, так и об отзывании турецких войск и властей с острова как главном условии осуществления автономии Крита.

Беспорядки на Крите в августе-сентябре 1898 г. произвели тяжелое впечатление в самой Греции, которая на этот раз не провоцировала их. Русские дипломаты констатировали, что ни греческая печать, ни правительство «ни в чем не переступили пределов благоразумия». Из депеши 1-го секретаря российской императорской миссии в 1898-1903 гг., камергера, статского советника А. А. Смирнова из Афин от 30 августа 1898 г.: «Пароходы привозят раненых с Крита, много новых беженцев, которые не без преувеличения рассказывают о зверствах турок. Греки, — писал он, — высказывают надежду, что события ускорят удаление турецких войск и разрешение критского вопроса»²³. Положение было настолько опасным, что адмиралы обратились к своим державам с просьбой безотлагательно прислать по одному батальону подкреплений²⁴. Французский и итальянский адмиралы потребовали для Канеи по одному батальону пехоты, вторые батальоны просили держать наготове. С прибытием новых итальянских и французских батальонов служба русского отряда в Канею стала значительно легче.

18 Там же. Л. 394-395.

19 Там же. Л. 556об.

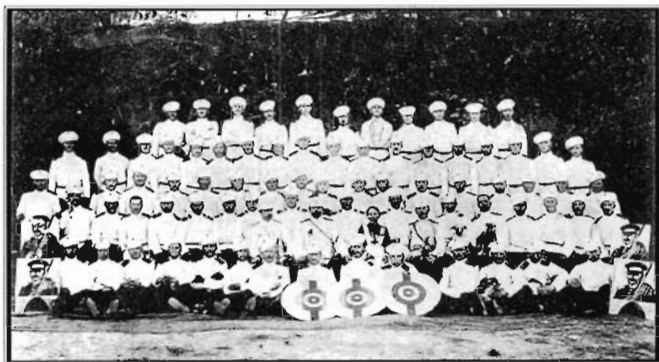
20 Морской сборник... С. 14.

21 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 464.

22 Там же. Л. 557об.

23 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 464.

24 Там же. Ф. Политархив. Д. 2470. Л. 26; ЦГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 76.

Канея. 6-я горная батарея 13-й артиллерийской бригады. 1898 г.

На канонерской лодке «Грозный», 1898 г.

Великобритания немедленно отправила с Мальты 250 человек при двух картечьницах, а еще 250 были уже в пути. Командующий английскими оккупационными войсками Чермсайд говорил Скрыдлову, что Англия в случае надобности может легко отправить на Крит 40 тыс. человек (англичане имели к середине сентября 1898 г. 5 тысячный отряд)²⁵. Скрыдлов, однако, отмечал, что английский контр-адмирал Нозль, распоряжаясь совершенно самостоятельно в Кандии, «чрезвычайно скуп на всякие сообщения о принимаемых им мерах»²⁶.

Вскоре возникли серьезные разногласия между адмиралами великих держав. Английский адмирал отказался присоединиться к торжественной телеграмме совета адмиралов, требуя воспользоваться присылкой свежих подкреплений для начала разоружения мусульман по примеру, начатому в Кандии повсеместно. Итальянский и французский адмиралы просили прислать также помимо войск еще два больших судна и по одному транспорту для отправки турок.

Скрыдлов, беспокоясь о числе невинных жертв в случае отказа Турции убрать войска с Крита, день за днем просил русское правительство прислать подкрепление в виде двух рот и одного исправного военного судна (или пароход на 1200 человек, или задержать пароход РОПиТа) для удаления турецких войск, если будет необходимо, силой 27. Но вскоре он телеграфировал, что «для этого потребуется добавить не две роты, а два батальона и 100 кавказских казаков». Скрыдлов обращал внимание также на то, что при действиях войск на острове, требующих особой осмотрительности и находчивости, имеет смысл увеличить число «тактических лиц и начальников»²⁸.

В сентябре вопрос о присылке войск был решен положительно, тем более что его горячо поддерживали царь и министр иностранных дел граф Ламздорф 29. Николай II считал, однако, что лучше послать на Крит еще один батальон, но казаков не трогать! Ламздорф, в свою очередь, просил послать подкрепления не через Босфор и Дарданеллы, дабы не требовать разрешения на это от Порты 30.

В середине сентября военный министр сделал распоряжение об отправке еще одного батальона со штабом полка из Одесского военного округа в числе 16 офицеров и 600 солдат. 15 сентября на пароходе Добровольческого флота «Киев» прибыл батальон Замосцкого пехотного полка и командир 57-го пехотного Модлинского полка полковник Протасьев с полковым штабом. Отряд успешно высадился на берег, и пароход должен был вернуться в Одессу, но затем был задержан и направлен в Порт Саид для оказания помощи потерпевшему аварию пароходу «Орел». Вскоре прибыл пароход РОПиТа «Трувор», который доставил для отряда различные грузы из Кронштадта и Петербурга 31.

В сентябре 1898 г. великие державы еще увеличили число своих войск на Крите, а также военно морские силы. К началу сентября численность европейского отряда выражалась в следующих цифрах: Канея — 4600 человек, 8 орудий, Кандия — 5 тыс., Ретимно — более 1500 человек и 6 горных орудий. Отряд русских был самым незначительным и имел против себя такое же количество турецких солдат 32.

Вскоре русские войска на Крите состояли из двух батальонов 57-го пехотного Модлинского и 59-го Люблинского полков с 6-й батареей 13-й артиллерийской бригады в составе 35 офицеров, 1449 строевых и 99 нестроевых нижних чинов. Полковник Протасьев командовал сводным отрядом частей пехоты и артиллерии в Ретимно. Главный штаб России посчитал, что трех батальонов для Крита достаточно, если действовать искусно. Ретимский гарнизон был также усилен отрядом черногорцев в 42 человека при офицере³³. 10 октября 1898 г. на пароходе Добровольческого флота «Херсон» на Крит отправились, кроме того, 1,5 батальона 60-го Замосцкого полка в 35 офицеров и 1207 нижних чинов³⁴. Таким образом, русский отряд был доведен до 2456 человек в Ретимно и 310 — в Канее. (Для сравнения: Великобритания имела только

²⁵ Там же. Ф. 434. Д. 17. Л. 133, 159.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 472.

²⁷ РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 144, 168; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2472. Л. 25.

²⁸ РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 72, 159.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1748. Л. 457об.

³⁰ РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 72.

³¹ Там же. Л. 100, 133-133об, 137; ЦГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 556.

³² РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 166.

³³ Там же. Л. 33об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 71, 110, 134.

³⁴ Там же. Л. 90.

в своем секторе в Кандии 4465 человек.) Россия фактически укомплектовала штат своего критского отряда до размеров военного времени, после чего русский отряд стал устраиваться надолго — строить и благоустраивать казармы в Канее, Ретимно и т. д.³⁵.

Однако смешанный отряд русской пехоты был очень неудобен в управлении: по одному батальону от 57-го Люблинского, 59-го Люблинского и 60-го Замосцкого полков (со штабом). В связи с этим было решено вернуть с Крита батальон Модлинского полка и отправить ему на смену батальон Замосцкого полка с его штабом. Эта перегруппировка войск, вызванная неразберихой в русском генштабе, стоила России 50 тыс. рублей, как было сказано в одном из докладов по генштабу³⁶.

В критских водах в октябре 1898 г. находились следующие суда русского флота: присланный на подкрепление крейсер 1 ранга «Герцог Эдинбургский»; в Суде — эскадренный броненосец «Император Александр II» с капитаном 1-го ранга Хмелевским, минный крейсер «Посадник», миноносец № 119; в Ретимно — канонерская лодка «Грозный»; в Кандии — канонерка «Донец»; в Канее — миноносец № 120³⁷.

Положение на Крите постепенно привело адмиралов и европейские правительства к убеждению, что для успеха дела умиротворения острова необходим вывод с острова турецких сил — это — главного дестабилизирующего фактора.

Державы пришли также к выводу, что потребуется займ для покрытия расходов временного управления островом. В октябре совет адмиралов установил главные пункты сбора податей на острове и приступил к формированию «особых присутствий» по образцу турецких, но из числа христианского населения. Полковник Шостак объявил мусульманским властям, что они к сбору податей более допущены не будут. Это был сильный аргумент в пользу того, что турецкой власти на острове наступает конец. Турецкие власти агонизировали.

***

Еще начиная с весны 1898 г. контр-адмирал Н. И. Скрыдлов не устал в каждом послании в Петербург повторять, «что для умиротворения острова необходимо удалить с него турецкие войска». Он полагал, что «только это делает невозможным главное условие дальнейших реформ — водворение на свои места жителей». Скрыдлов своими глазами видел, что города острова переполнены мусульманами, оттесненными христианами во время беспорядков со своих владений и поселившимися в домах христиан, в свою очередь эмигрировавших в Грецию. По его мнению, пока турецкие войска не удалятся, христиане, завладевшие внутренней частью острова, ни под каким видом не пустят туда турецких владельцев, так как при настоящем положении вместе с ними вглубь острова незаметно снова проникнет и авторитет турецкой власти, которой они подчиняются³⁸.

Настойчивость, с которой уважаемый всеми контр-адмирал в каждом своем недельном строевом рапорте в Морское министерство говорил об этом, наконец заставила начальника Главного

морского штаба адмирала Ф. К. Авелана обратиться в МИД с просьбой поставить перед державами вопрос о выводе турецких войск, на что вскоре Авелан получил весьма интересный ответ от министра иностранных дел России (1897-1900) графа М. Н. Муравьева, суть которого сводилась к пожеланию впредь знать свое место в политических делах. «Критский вопрос был всегда предметом общего рассмотрения между всеми заинтересованными в нем державами, — отвечал Муравьев в начале июля, — причем старания императорского правительства особенно направлены были к тому, чтобы неизменно сохранить за ним таковой международный характер». Россия боялась выступить против интересов Турции, что грозило открытием проливов для военных судов иностранных держав и т. д. «Все негодные для Турции меры Россия предпочитала осуществлять как бы от имени всех держав в целом, и правильно! Хотя министерство иностранных дел иногда и брало на себя инициативу тех или других предложений, но, стараясь сохранять общее между кабинетами согласие, оно никогда не решалось на какие либо самостоятельные мероприятия, кои были бы противны политике, положенной им в основу своего образа действий в критском вопросе. Таким образом, в настоящем случае министерство лишено возможности дать контр-адмиралу Скрыдлову какие либо указания по возбужденным им вопросам вне тех общих решений, кои будут приняты державами, имеющими ныне свои эскадры в критских водах. Посему считаю долгом присовокупить, что переговоры по критскому вопросу не прекращаются, что имеющие значение отдельные подробности дела не ускользают от внимания держав, и что адмиралы будут своевременно извещены через послов в Константинополе обо всех решениях, кои будут приняты заинтересованными сторонами...»³⁹. Россия не хотела испортить отношения с соседней турецкой империей из за Крита, что было чревато новыми военными конфликтами. Инициативу по выводу турецких сил все европейские державы с радостью предоставили Англии. По этому поводу чрезвычайный и полномочный посол России в Турции в 1897-1909 гг., известный русский дипломат, действительный тайный советник И. А. Зиновьев (1835-1917) в депеше в МИД от 3 сентября 1898 г. писал: «Для нас конечно выгодно, что не на нас выпадает обязанность принимать относительно Турции принудительные меры, которые могли бы неблагоприятно отозваться на наших отношениях к султану»⁴⁰ и «вызвать противодействие турецкого правительства, во власти которого находилась выдача разрешения на пропуск наших транспортов с войсками через проливы»⁴¹.

Державы постоянно оказывали давление на Порту с тем, чтобы она постепенно сокращала свои вооруженные силы на Крите, однако в какой то момент она, напротив, пыталась всячески их увеличить. Все отчетливее становилась необходимость разорвать этот гордиев узел и убрать с Крита турецкие войска навсегда. Даже критские мусульмане стали обращаться к английскому консулу Билюотти с просьбой заставить султана эвакуировать форты. Они постепенно приходили к мнению, что единственной гарантией сохранения сюзеренитета султана и процветания критских

35 РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 72; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 99.

36 РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 17. Л. 178, 185.

37 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 6206.

38 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 215.

39 Там же. Л. 172-173об.

40 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2471. Л. 47.

41 РГВИА. Ф. 434. Д. 17. Л. 190.

Вывод турецких войск. Суда, 2 ноября 1898 г.

мусульман как раз и является вывод турецких сил с острова⁴². В начале октября 1898 г., в связи с опасностью распространения беспорядков на другие области Крита, Великобритания, Россия, Италия и Франция пришли к заключению о необходимости обратиться к Османскому правительству с предложением об отозвании с острова в определенный срок всех турецких войск. Они потребовали наконец убрать главную причину смут и беспорядков среди критского населения и главную помеху к умиротворению острова. 5 октября послы четырех великих держав в Константинополе потребовали от Порты исполнить их требование в двухнедельный срок. В случае несогласия Порты державы решили немедленно приступить к насильственному удалению с острова турецких войск при помощи европейских отрядов, обязуясь при этом взять на себя ответственность за личную и имущественную безопасность мусульманского населения⁴³. Адмиралы решили начать операцию по выводу турецких сил с острова всем одновременно по прибытии дополнительных национальных сил.

В ожидании эвакуации турецких сил в октябре в русском секторе были сосредоточены все морские и сухопутные силы, а сам Скрыдлов на канонерской лодке «Донец» прибыл в Ретимно.

Несмотря на то, что Вильгельм был возмущен, Германия не вмешивалась. Вильгельм II в октябре 1898 г. откровенно описывал свои чувства к христианам повстанцам в письме к русскому царю: «Провалились они все к черту! Они желают выгнать мусульман, которые такие же критские природные туземцы, как и христианские повстанцы, только обращенные в ислам. Они являются землевладельцами, после того как те потеряли все, что имели. Теперь нужно передать эти имения христианам, которые до сих пор были арендаторами и рабочими у мусульман, а теперь взбунтовались против своих хозяев. Такова в кратких словах сущность критского вопроса! Это то, что я называю денной грабеж!»⁴⁴. Крупная немецкая буржуазия не видела никаких оснований для благожелательного отношения к движению в Греции и на Крите. Бывшие когда то в Германии среди буржуазии и

Отплытие турецких войск из залива Суда, 2 ноября 1898 г.

интеллигенции филэллинские настроения к концу XIX в. полностью исчезли. В хороших отношениях с Грецией были заинтересованы только узкие торговые круги, которые вели дела в Греции, пользовались услугами греческих купцов, державших в своих руках значительную долю торговли на Ближнем Востоке. Приходилось также считаться и с держателями ценных бумаг по греческим займам. В Германии было размещено греческих бумаг на сумму в 200 млн. марок. Держатели были возмущены активностью Греции в критском вопросе, что все более приводило к расстройству греческих финансов и, как следствие, к обесценению бумаг, однако Германия легко пожертвовала их интересами. Важнее было то, что любой, даже мелкий дипломатический шаг Германии в сторону Греции был направлен против турецкого султана, в то время как в целом баланс торговых отношений Германии с Грецией был несопоставим с ее крупными интересами в Османской империи⁴⁵. Порта, чувствуя поддержку Германии, поначалу резко отвергала попытки великих держав начать переговоры о выводе войск с острова. Твердая и согласованная позиция адмиралов вскоре охладила турецкий пыл. Кроме того, к началу октября численность европейского отряда была уже достаточной для проведения операции по мирной эвакуации турецких войск с острова без согласия Порты.

Четко следуя своей политике умиротворения острова, русские представители высказывали беспокойство за оставшееся мусульманское население Крита. «Теперь, более чем когда либо, — писал Скрыдлов, — следует подумать о мусульманском населении в 11 тыс., которое останется без пропитания, что неизбежно повлечет за собой новые беспорядки. В случае сопротивления будет много невинных жертв, а дело умиротворения острова надолго отодвинется, так как в столкновение будут неминуемо вовлечены христиане». Русский адмирал просил употребить все доводы убеждения, чтобы Порта убрала войска мирным путем. Именно поэтому он считал, что «быстрая присылка подкреплений, несомненно, явится одной из главных причин для добровольного удаления турок без оскорбления воинской чести»⁴⁶.

42 Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissionership of Prince George of Greece in Crete. 1898-1906.

Р. 32 (Донесение генерального консула Великобритании в Кание — Билиотти за ноябрь 1898 г.).

43 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 83-84 (Всеподданнейшая записка 17.01.1906); РГВИА. Ф. 434. Д. 17. Л. 144.

44 Ерусалимский А. С. Германская дипломатия... С. 314.

45 Там же. С. 314.

46 РГВИА. Ф. 434. Д. 17. Л. 168.

28 сентября была обнародована телеграмма адмиралов, требовавшая немедленного вывода с острова турецких вооруженных сил. В ней державы покровительницы заявляли о своей готовности начать военные действия против турецких войск в Суде, а если и после этого Порты не уступит, будут предприняты военные действия против них в Кане, Кандии, Иерапетре, Спиналонге, Киссамо и Ретимно. Губернатору Крита был вручен ультиматум, в котором говорилось, что после 18 октября турецкие власти и войска, находящиеся на Крите, будут считаться неприятельскими⁴⁷.

После некоторых колебаний турецкое правительство изъявило готовность выполнить требования великих держав. Оно понимало теперь, что только так можно достичь умиротворения Крита и спасти мусульманское население.

По просьбе губернатора Шакир паши все турецкие аванпосты в Ретимно были заменены русскими с целью дать туркам время подготовиться к отходу — получить жалованье, раздать долги и т. д. С уходом турецких войск полагалось расширить кордон, окружавший город, что позволило бы мусульманам собрать урожай со своих полей и положить начало их водворению на своих землях. Мусульманское население, успокоенное обещаниями, почти примирилось с мыслью об уходе турецких властей и войск. По словам Скрыдлова, «при эвакуации турецких войск такт и предусмотрительность русских военных властей и добродушие русских солдат способствовали успешной и быстрой отставке турок, при сохранении с ними самых дружественных отношений»⁴⁸.

Через 15 дней после представления Турецкой империи ноты началась эвакуация, причем несколько тысяч турецких войск были посажены на турецкие военные суда и транспорты. Эвакуация турецких войск прошла достаточно спокойно, хотя и не была фактически проведена в указанный срок, и к 19 ноября операция была успешно завершена и поставлена точка в более чем двухсотлетнем господстве турок на острове⁴⁹.

Эвакуацией турецких сил из Кандии командовал английский контр-адмирал Нозль. Он принял на себя тяжелую ответственность, так как многие опасались новых беспорядков: ведь даже в последний день эвакуации — в середине декабря — на Крите оставалось еще 600-700 турецких воинских чинов, и если бы они решили воспротивиться и держаться до конца, их могли поддержать несколько тысяч хорошо вооруженных башибузуков. К счастью, силы англичан были достаточно велики и находились в боевой готовности.

В конце октября 1898 г. после успешного вывода с острова турецких войск наступил самый трудный период для международного экспедиционного отряда. Для завершения поставленной задачи великие державы приступили к созданию на острове местной и центральной административной власти. В результате деятельность гражданских учреждений в русском секторе не была прервана вообще⁵⁰.

Управление городом Ретимно после ухода турецких войск и властей было передано в руки русских беспрепятственно. Деятельность администрации и городских учреждений продолжалась наполовину тем же составом чиновников, а наполовину была обновлена введением христиан и 10 строевых русских офицеров.

Здание современной монархии в Ретимно, где находилась русская администрация

В ретимском секторе на русских сухопутных офицеров перешли ответственные обязанности, например, юристов — от председателя суда до прокурора и судебного следователя все управление городами и селениями, заведование таможней, санитарным состоянием города и прочими городскими службами. Весь сложный правительственный механизм приводился в движение офицерами отряда, и это было сделано, по словам Скрыдлова, «толково, умело, а главное, с любовью и желанием принести пользу»⁵¹. В начале ноября полковник Шостак, оставаясь начальником экспедиционного отряда русских войск на Крите, был назначен также начальником гарнизона и временно военным и гражданским губернатором Ретимно и четырех окрестных провинций.

Для наблюдения за порядком внутри острова были посланы еще две роты в южные провинции, вдобавок к находящимся за кордоном⁵². Русские национальные знаки были подняты на таможне и конаке, а турецкий флаг был оставлен в крепости рядом с нашими военными. Измученное тяготами последних лет, население охотно сдавало оружие и мечтало вернуться к своим мирным занятиям. Жители города сдавали свое оружие, как они говорили, по просьбе «царя миролюбца»⁵³. В распоряжении Ф. А. Шостака также находились ретимские жандармы, состоявшие ранее на турецкой службе, набранные из критских мусульман. Они выразили желание

Критские жандармы

47 Там же. Л. 190, 194об.

48 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1051об.

49 РГВИА. Ф. 434. Д. 17. Л. 194об.

50 Там же. Л. 195.

51 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1052.

52 Там же. Л. 101, 212.

53 Там же. Л. 210-212.

Прибытие принца Георга в Суду

Празднично украшенный Крит встречает принца

Принц Георг произносит речь в Канее

остаться и после окончания срока их службы. Форму жандармерии оставили без изменений, сняв лишь признаки принадлежности к турецкой армии, а вооружили револьверами, привезенными с судов. Русские войска должны были все более углубляться внутрь острова, и, как сообщал Скрыдлов в это время в Петербург, «всюду наши войска встречали восторженными приветствиями»⁵⁴. Свою миролюбивую политику на Крите Россия старалась подкреплять помощью беднейшим слоям критян всех вероисповеданий. В мае 1899 г. полковник Шостак возглавил раздачу пособий критянам от русского правительства⁵⁵.

К концу 1898 г. уже можно было ответственно рапортовать в Петербург, что в городе Ретимно и округе царит полное спокойствие, что работа гражданских учреждений не прекратилась, а многие, как то: школы, земские органы и др. — учреждены заново. Ретимно служило во всем примером для остальных округов острова. Сдача оружия, и притом добровольная, началась именно в Ретимно. Добровольная эвакуация турецких войск была начата в русском секторе. Отправка турецкого имущества и тяжелых крепостных орудий окончена первой в русском секторе.

Чуть позже, подводя итоги деятельности русского морского и сухопутного отрядов за десять месяцев 1898 г., контр-адмирал Н. И. Скрыдлов, который покидал Крит и складывал с себя полномочия члена совета адмиралов, как и другие, в связи с прибытием верховного комиссара великих держав принца Георга Греческого, писал: «Такие блестящие результаты достигнуты благодаря неутомимым трудам начальника экспедиционного отряда полковника Ф. А. Шостака, к высоким служебным качествам которого присоединились присущий редким людям такт, доброта и настойчивость в требованиях». Читая свой рапорт перед собравшимися по этому случаю командами, Скрыдлов говорил: «Чувствую нравственную потребность просить глубокоуважаемого Федора Александровича принять мою глубокую душевную признательность и как образцового подчиненного, и как доброго сослуживца». Скрыдлов, покидая остров, объявлял свою «благодарность также полковникам: барону Кене и Томашевскому; подполковникам: Толочко, Урбановичу, Судовщикову, Михайлову; капитану Кучеровскому, штаб ротмистру Савиничу и всем прочим господам офицерам». Свой последний строевой рапорт он не забыл закончить фразой: «Молодцам солдатам мое сердечное спасибо». С удовольствием свидетельствовал адмирал и о превосходной и полезной службе прикомандированных к русскому отряду черногорцев во главе с капитаном Божовичем и поручиком Бечировичем, которые «своею исполнительностью и образцовым поведением с достоинством поддерживали доброе имя своей славной родины»⁵⁶. Пребывание адмиралов четырех держав на Крите заканчивалось.

Вопрос о корабле, на котором должен был прибыть на Крит верховный комиссар принц Георг Греческий, был очень важен для греческой королевской семьи. Так, королева Ольга, пользуясь родственными связями, писала императору Николаю II из Афин 22 ноября 1898 г.: «Прелесть моя, спешу черкнуть Тебе два слова до отхода парохода, чтобы просить Тебя об одной

54 Там же. Л. 195, 200-201.

55 ИАК. Г 14. № 13.

56 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1052-1052об.

Принц Георг проезжает по улицам Канеи, где вывешены флаги держав - покровительниц

очень важной для нас вещи. Это касается судна, на котором Г. отправится на Крит. Мы просили Тебя настоять, чтобы он пошел на нашей яхте «Амфитрида». Дело в том, что если не на нашей яхте, то Г. придется идти на французском корабле, так как французский адмирал старший в чине на Крите. Скрыдлов уверен, что приход George на Крит на французском произведет дурное впечатление, так как весь Крит знает, что George выбран Тобою... После этого пришло предложение от Каневаро, чтобы George шел на «Амфитриде»... Дипломаты теперь уже с неделю пережевывают этот вопрос...» Державы пошли навстречу греческой династии⁵⁷.

6 декабря четыре флагманских корабля держав вышли на о. Милос, куда на следующий день прибыл принц Георг. Встреченный со всеми почестями, подобающими принцу крови греческого дома, он перешел со своей яхты на французский крейсер «Бужо» — флагманское судно старшего из адмиралов, вице адмирала Потье. После этого в 11 ночи все четыре флагманских корабля «Герцог Эдинбургский», «Бужо», «Ревендж», «Франческо Моросини» — снялись с якоря и пошли обратно к Криту. На следующее утро они уже были в Суде, где принц Георг сошел на берег под приветственные крики толпы и принял от адмиралов бразды правления. Поднятие по этому слу-

чаю критского флага сопровождалось салютом со всех четырех судов международного флота.

Этот день стал праздничным днем греческого календаря, знаменуя собой прибытие первого греческого правителя после венецианских, египетских и турецких завоевателей. Принц Георг, назначенный верховным комиссаром на Крит на три года, пробыл там почти 8 лет.

Успех адмиралов заключался, по мнению английских моряков, в привычке к дисциплине, а также в большом авторитете, которым пользовались председатели совета адмиралов Каневаро и Потье, которые «возбуждали во всех служивших под их начальством чувство глубокого доверия, почтения и уважения». Русский вице адмирал Н. И. Скрыдлов также пользовался огромным авторитетом как в России, Греции, так и на Крите среди всех слоев населения. Офицеры и нижние чины различных национальностей служили часто бок о бок, действовали сообща во многих и разнообразных операциях. Все они учились друг от друга. Гармония эта ни разу не была нарушена. Солсбери, приветствуя английских морских офицеров на родине, заключал: «Суровая служба в условиях блокады — постоянная высадка на берег патрулей, команд, посылаемых на выручку умирающим с голоду, рабочих отрядов для устройства гаваней и

стенки, высадка тысячных отрядов со всеми их запасами и орудиями, оккупация форт, городов, консульств и пр., тушение горящих городов и селений, наконец когда нужно, то и бой — все эти военные и мирные операции, с готовностью выполнявшиеся людьми в условиях дурной погоды, опасности, плохих якорных стоянок и невозможности съезда на берег вследствие возбужденного состояния местного населения, все это вместе взятое составляет драму, которая навсегда останется в памяти ее участников. Те, кому довелось видеть, как критский вопрос постепенно подвигался к благоприятному решению, могут не без некоторого чувства удовлетворения сознавать, что при всей заслуге адмиралов некоторая часть ее падает и на долю тех, которыми, по словам известной старой фразы, "они имели честь командовать". Сама эскадра, доставившая принца Георга на Крит, что было равносильно освобождению острова от турок и передаче его грекам, была международной, что было хорошим символом сотрудничества наций во благо народов. Английский автор позже писал: «Состоявшая из четырех судов четырех наций с четырьмя на них адмиралами, эскадра эта превосходно маневрировала, крейсировала в замечательном порядке и представляла собой зрелище никогда, вероятно, ранее не виданное и вызывающее на размышления...»⁵⁸.

Скрыдлов отмечал в своем последнем за декабрь 1898 г. отчете превосходные, никогда не рушившиеся добрые отношения между членами совета. Особую роль в совете адмиралов, безусловно, играл французский адмирал Потье. Благодаря его мудрости и добродушию самые сложные вопросы быстро улаживались к общему удовлетворению. Отношения эти в последние два месяца, в период труднейшей работы на острове из за резни в Кандии, «перешли в чисто товарищеские», несмотря на то, что все обсуждаемые вопросы приводили каждый раз к самым горячим спорам. Поистине, трудности сближают! Пример адмиралов не мог не отразиться на офицерах международных отрядов, отношения между которыми были также самые товарищеские. Они проявлялись не только в шумных манифестациях (застоль-

ях, приемах, визитах и балах), но, главным образом, в доверительных отношениях в работе. Как мы помним, нареканию подвергался лишь один начальник английских сухопутных войск. Такие же доверительные отношения существовали и между всеми без исключения генеральными консулами, находившимися в постоянном общении⁵⁹.

12/25 декабря адмиралами на берегу в Суде был дан прощальный завтрак, на котором главным лицом теперь был верховный комиссар великих держав — принц Георг. Гостями были также все офицеры международных оккупационных отрядов, консулы, т. е. лица, сотрудничавшие с адмиралами «в деле умиротворения острова», а также представители местного общества. Завтрак этот по воле случая совпал с днем рождения греческого короля Георга I, в честь которого и был поднят первый тост председателем совета адмиралов — адмиралом Потье. Утром следующего дня в понедельник 14 декабря 1898 года в г. Кания в присутствии верховного комиссара состоялась закладка нового дома епископа и христианской общины, сооружаемых по высочайшей воле русского императора на русские деньги⁶⁰.

Прибытие верховного комиссара великих держав принца Георга Греческого и прекращение блокады Крита кораблями великих держав означали, что кризис 1896-1898 гг. миновал. Соответственно пребывание адмиралов Потье, Нозля, Беттоло, Скрыдлова теперь стало неуместным. Совет адмиралов провел свое последнее заседание, запротokolировав его под № 159.

13 декабря 1898 г. члены совета адмиралов — Потье, Нозль, Беттоло и Скрыдлов — на своих флагманских кораблях вышли из Суды и оставили Крит, который в течение двенадцати месяцев фактически находился под их управлением, которое они передали из рук в руки принцу Георгу Греческому. Никто не мог бы сказать, что они плохо справились со своими обязанностями. Лорд Солсбери, к удовольствию морских офицеров, воздал похвалу адмиралам и в своей приветственной речи не без юмора пожелал, чтобы европейские кабинеты могли бы работать с таким же воодушевлением и быстротой⁶¹.

58 Морской сборник... С. 19.

59 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1050об.

60 Там же. Л. 1050об; Морской сборник... Л. 18-19.

61 Там же. Л. 18-19.

Глава II

Окончание кризиса и русский отряд

Как мы уже писали, 20 октября 1898 г. Россия официально предложила на пост генерал-губернатора острова 27-летнего принца Георга Греческого. Несмотря на все протесты султана, который лично обращался к Николаю II, все великие державы кандидатуру одобрили и 26 ноября запросили у Георга I разрешения на назначение его сына на эту должность на три года. Но называться он должен был верховным комиссаром четырех великих держав, дабы упростить процедуру его назначения, которая в этом случае не требовала одобрения Порты. Главной задачей верховного комиссара было умиротворение острова, организация на нем автономного управления, жандармерии, национальной милиции. При этом сюзеренитет султана признавался неукоснительно. Турецкий флаг, к ужасу критян, по-прежнему развевался над одним из фортов острова, а критский своим видом все равно напоминал о турецком господстве. Права султана, а также мусульманского населения Крита гарантировали четыре державы-покровительницы. Назначение верховного комиссара означало окончание

Принц Георг Греческий

кризиса и переход к новой фазе развития Крита. Мать принца Георга королева эллинов Ольга писала российскому императору Николаю II из Афин 11/23 апреля 1898 г.: «Мой родной, дорогой Ники!.. Что касается Крита, то разлука с Georgy будет очень тяжелой; однако я мирюсь с этим, находя, что мы обязаны приносить своей стране всякие жертвы, если мы убеждены, что эта жертва послужит на ее пользу. Georgy на Крите нам кажется единственным средством для успокоения многострадального острова. Ты можешь себе представить мои чувства, когда я только подумаю, что мы всем обязаны России и что если другие державы к ней в этом присоединились, то только потому, что на этом настояла Россия»¹. И через несколько дней снова: «Окончательное назначение Georgy мне кажется... очень тяжело, но это такое великое событие для страны, что я молчу и только радуюсь за общее дело и мысленно не перестаю благодарить моего царя, устроившего все это! Храни Тебя Господь»².

Во время прощального свидания в декабре 1898 г. верховного комиссара с русским контр-адмиралом Н. И. Скрыдловым, покидавшим остров, принц отметил, что только одни русские власти, строго следуя решениям совета адмиралов, не настаивали на присутствии своих представителей при верховном комиссаре, которые давали бы ему советы по управлению островом. Принц Георг и так был ставленником России и близким родственником российского императора. И оба они радели за сохранение православия на Востоке!

Итальянцы и французы намеревались организовать жандармерию, а англичане, не довольствуясь второстепенными должностями, сообщали, что охотно видели бы генерала Чермсайда в роли ближайшего советника верховного комиссара. Скрыдлов охотно поверил этому, так как еще на последнем заседании совета адмиралов была попытка обязать принца иметь своих иностранных советников. Предложение это было, естественно, отвергнуто принцем³.

Вскоре были проведены выборы в местные органы власти, избрана Критская ассамблея (палата), принята конституция, создано правительство, предоставлен займ в 4 млн. франков (по млн от каждой державы-покровительницы). Крит стал по настоящему автономным. Над островом взвился двухцветный флаг автономного Крита, фоном для которого были выбраны цвета, как и у греческого флага, — белый крест на синем фоне, а синяя пятиконечная звезда на красном каре вверху напоминала о турецком сюзеренитете⁴.

В первой автономной критской Ассамблее, выбранной в начале февраля, заседали 138 христиан и 50 мусульман, пропорционально составу населения. Ассамблея одобрила проект критской конституции. Процесс создания автономии Крита представлял собой позитивный момент, который, в конечном счете, привел к присоединению острова к Греции. Двухсотлетнее правление турок над «великим островом Средиземноморья» закончилось навсегда.

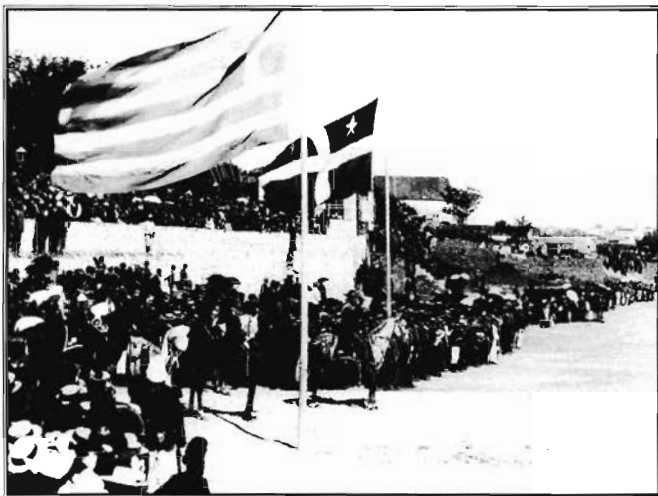
Остров Крит с окружающими его островками, говорилось в конституции, представляет собой автономное государство в условиях, определяемых державами-покровительницами.

1 РГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 113.

2 Там же. Л. 118.

3 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1050а, 1050об.

4 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 202.

Принц наблюдает за парадом войск на Марсовом поле в Канее

Территория Крита не может быть отчуждаема. Защита страны и поддержка порядка возлагается на местную жандармерию и милицию. Все религии пользуются равными правами. Во главе находится верховный комиссар, который управляет под покровительством четырех держав — Великобритании, Франции, Италии и России. Комиссар назначает пятерых советников частью из критских мусульман, которым поручает внутренние дела: финансы, общественные работы, народное образование, безопасность и проч. Советники являются ответственными лицами. Они разрабатывают проекты законов и представляют их верховному комиссару. Комиссар может объявить на острове военное положение. Палата депутатов, Народное собрание, состоит из выборных членов (по одному на 5 тыс. населения, т. е. 65 членов). Десять депутатов в выборную палату могут назначать сам верховный комиссар. Критская палата депутатов собирается ежегодно (помимо чрезвычайных сессий) и переизбирается раз в два года⁵. Палата утверждает бюджет и вотирует законы. Но первые два года верховный комиссар имеет право издавать временные законы. Провозглашалась независимость судов, свобода печати, собраний, равенство всех перед законом⁶.

В соответствии с соглашением, достигнутым державами, и проектом конституции, принятой Ассамблеей, принц Георг, прибывший на остров, назначил комитет из шести известных критских деятелей и дал ему полномочия для выработки административных программ⁷. Элефтериос Венизелос, один из вождей инсургентов, блистал там уже 10 лет, а через несколько лет встал во главе национального греческого движения. Венизелос с самого начала своей карьеры в качестве лектора, адвоката, политика был ярким антимонархистом и не упускал возможности ограничить власть принца на острове, а затем приложил немало сил, добиваясь его высылки.

В руках принца сосредоточивалась достаточно большая власть на острове, которая требовала от него умения управлять,

дипломатического такта, больших знаний в различных областях. С первого дня можно было с уверенностью сказать лишь то, что принц прежде всего любил этот остров и готов был работать и налаживать отношения с представителями всех главных концессий на острове.

Назначение принца Георга олицетворяло собой, особенно для многочисленного сельского населения острова, неизбежность будущего присоединения острова к Греции. Однако установление автономного управления островом во главе с принцем Георгом решило только одну часть проблемы, которая беспокоила Европу, но не удовлетворяло национальные устремления критских христиан.

Большая роль в реформировании всех институтов власти на Крите отводилась по-прежнему генеральным консульствам и консулам великих держав покровительниц Крита. При этом дипломатия великих держав поддерживала также постоянную связь с греческим правительством и династией через послов. Генеральные консулы великих держав покровительниц были связующим звеном между верховным комиссаром Крита и своими правительствами. Они принимали активное участие в деятельности консульской комиссии, которая составляла и подписывала доклады, разрабатывала проекты законов и представляла их верховному комиссару острова, который вначале фактически только исполнял готовые решения⁸. В обязанности консулов входила

Комитет шести (Исполнительный).
Первый слева Элефтериос Венизелос

5 Miller W. A History of The Greek People... P. 111.

6 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 203.

7 Dutkowski J. S. L'occupation de la Crete. Une experience d'administration internationale d'un territoire (1897-1909). P. 88; Miller W. A History of The Greek People... P. 111.

8 Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905-1912 гг. С. 25-26; Dutkowski J. S. L'occupation de la Crete... P. 88, 106.

Посещение принцем Георгом и Венизелосом муфтия Канеи

координация усилий верховного комиссара с критскими властями. На Крите существовало шесть штатных консульств; пять мест предоставлялось также иностранным представителям в муниципальных советах трех городов — Канеи, Ретимно и Кандии⁹. Бывая в Афинах, принц Георг часто жаловался на всех консулов (особенно на итальянского — барона Фатиотти), за исключением российского — Аркадия Николаевича Броневского, назначенного позже — 12 мая 1904 г., который принимал самое горячее участие в защите ставленника русского императора¹⁰.

Ведение русской политики на острове было вверено императорскому генеральному консульству на Крите с резиденцией в Канеи, которое существовало еще с 1864 г. Русскими генеральными консулами на Крите с 1896 по 1909 г., т. е. в изучаемый нами период, были Н. Н. Демерик, А. А. Гирс, Н. Н. фон Эттер, А. Н. Броневский, Б. П. Пелехин и А. Ф. Шебунин. В качестве внештатных сотрудников в консульствах всегда служили критяне, как христиане, так и мусульмане. Так, например, в 1904 г. их было: в Канеи — 3, Кандии — 2, Ретимно — 4. Драгоманом генерального консульства с самого его основания прослужил грек Булгаридис, нередко заменявший самого управляющего консульством¹¹. Внештатным вице консулом в Ретимно был Георгий Хаджи Григоракис, награжденный в мае 1898 года, по ходатайству Н. И. Скрыдлова, орденом Св. Станислава 3-й степени. Вице консулом в Кандии был М. Митсотакис. Награждены русскими орденами были и другие: кавас в Канеи Василис Матиудакис и Халим Хасакис¹². Большую помощь оказывал русским кораблям на Крите агент РОПиТа грек Муссурис. Используя свои связи в торговом и мореходном мире он приносил большую пользу при получении грузов и отправлении людей, казенных грузов, известий и значительно сокращал расходы русского правительства, за что также был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1899 году генеральным консулом был назначен А. А. Гирс, прослуживший там до 1901 года. В последствии директор Санкт Петербургского телеграфного агентства, а затем посланник в Черногории.

Несмотря на уход адмиралов с Крита, кроме стационаров четырех держав, многие иностранные суда оставались в критских водах. Так, целью пребывания русских военных кораблей здесь было «оказание нравственной, а когда того потребуют обстоятельства, то и вещественной поддержки государственному устройству острова, установленному на нем великими державами»¹³.

Ввиду признания русским правительством нового административного устройства острова Крит — автономии, порядок отношений между представителями власти на Крите и иностранными военными кораблями, действовавшими во время занятия его вооруженными силами европейских держав, отменялся, и вместо них вступали в силу отношения, определенные морским уставом как с дружественной державой... Это являлось еще одним доказательством уважения к властям Крита.

Все сношения с центральными и местными властями острова отныне должны были, согласно ст. 97 морского устава, производиться через русского консула на Крите. Русские военные корабли не состояли в прямом непосредственном распоряжении верховного комиссара. Но при сношениях с ним рекомендовалось «постоянно иметь в виду, что назначение настоящего правителя острова состоялось по настоянию государя императора и что принц Георг находится в близких родственных отношениях к нашему царствующему дому»¹⁴. Т. е. определялся приоритет во всех действиях российских представителей на острове. Этот приоритет никогда представителями России не нарушался, и это следует помнить!

По прибытии на остров, а также после длительных отлучек с острова командиры русских военных кораблей должны были представляться принцу Георгу. В случае обращения верховного комиссара с просьбой доставить его в какой либо пункт острова на русском военном корабле помощь могла производиться без согласования с командующим морским отрядом. Но если принц обратился бы за военной помощью, во избежание недоразумений просьба эта должна была быть письменной, исходящей непосредственно от принца и согласованной с консулом России на Крите. В ином случае командирам судов рекомендовалось «уклониться от выполнения под благовидным предлогом». В случае совместных действий военных кораблей различных наций рекомендовалось приступить к ним не иначе как по единогласному решению собрания всех старших командиров эскадр. Однако ответственность за какие либо военные действия, даже одобренные всеми, лежали на его исполнителе. Все совместные действия должны были производиться по указанию старшего и в случае открытия огня по его сигналу, не ранее второго его выстрела. Командиры военных кораблей в критских водах ни в какие отношения с представителями местной власти на острове не могли входить и никакие ее просьбы выполнять не были обязаны. Однако рекомендовалось «устанавливать как можно шире частные знакомства с представителями местных властей», так как «это даст возможность иметь сведения о положении острова из наиболее сведущих кругов»¹⁵.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 118об.

10 Там же. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 4об.

11 Там же. Л. 76.

12 ИАК. А 16. Д 3. В 17.

13 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1212.

14 Там же. Л. 1212об.

15 Там же.

Русская эскадра, находящаяся в критских водах, должна была строить все свои действия в соответствии с указаниями консула, способствуя, таким образом, достижению целей, к которым в данное время стремилось русское правительство. Действия командиров кораблей в критских водах не подчинялись непосредственно консулу, но они, по инструкции, должны были внимательно прислушиваться к мнению и указаниям консула «как лица, имеющего непосредственные сношения с центром и осведомленного лучше других об истинном положении дел на острове»¹⁶.

Между консулом и командирами морского и сухопутного отрядов на Крите были установлены самые тесные отношения, причем свидания контр-адмирала Н. И. Скрыдлова с консулом происходили в обязательном порядке раз в неделю. В свою очередь, начальник сухопутного отряда раз в неделю отсылал консулу самый подробный отчет о происходящих на острове и в отряде событиях.

Все взаимоотношения наших отрядов с местными властями, духовенством и населением, а также с береговыми властями иностранных государств также осуществлялись по согласованию с консулом. Все представительства, визиты, церемонии также согласовывались с консулом.

Несмотря на то, что никаких прямых служебных отношений между командирами кораблей и начальником сухопутного экспедиционного отряда на Крите не существовало, для успеха общего дела они должны были действовать в согласии. В свою очередь между личными составами морского и сухопутного отрядов существовали дружеские отношения.

Не реже одного раза в месяц корабли в критских водах снимались с якоря для практики и доставки грузов и почты для сухопутного отряда. Передвижение кораблей между бухтой Суда, городами Ретимно и Канея осуществлялось по решению командиров судов, но при уведомлении верховного комиссара острова, консула и начальника сухопутного отряда, на случай, если им потребуется воспользоваться этим передвижением судов. Командиры судов каждые две недели посылали свои донесения на имя командующего Отдельным отрядом.

Для нужд русской эскадры в бывшем порту в бухте Суда были заняты сараи для хранения имущества и материалов морского отряда, а также несколько участков внутри ограды порта. В ведении старшего командира состоял бывший казенный дом в деревне Суда, где помещалось недавно организованное по инициативе штаба Скрыдлова Морское собрание. (Оно просуществовало до 1904 г.)

Скрыдлов в декабре 1898 г. с Отдельным отрядом судов в Средиземном море ушел с Крита, но затем, летом, на броненосце «Император Александр II» вновь прибыл на остров. Контр-адмирал имел возможность наблюдать те изменения, которые произошли на Крите за время его отсутствия. На острове, по его мнению, установилось спокойствие, причина которого коренилась как в доверии критян к своему новому правительству, так и в значительной эмиграции мусульманского населения с острова, понявшего, что оставаться на нем в меньшинстве, по сравнению с христианами, мало ему симпатизировавшими, не представляется возможным. Мусульмане хорошо понимали, что, несмотря на заверения принца Георга, интересы меньшинства в реальности теперь будут попираны.

На острове происходила активная деятельность по восстановлению разрушенных во время междоусобиц зданий, и остров

приводился в порядок. Поля вновь были возделаны, восстанавливались заброшенные на время междоусобиц виноградники, было посажено много новых масличных деревьев — главного источника богатства острова. Население с радостью и облегчением вернулось к своим обычным мирным занятиям. Установившийся на острове мир и появившаяся надежда на хорошие прибыли при предстоящем промышленном развитии, вызванном новой политикой, привлекли на Крит много предпринимателей из разных стран и особенно греков. Вблизи бухты Суда и города Канея иностранцами было скуплено много участков земли¹⁷.

Обновленная политическая структура острова внесла оживление и в общественную, и культурную жизнь. Относительно политической жизни острова Н. И. Скрыдлов подмечал следующее: лично принц Георг был очень популярен, особенно среди сельского населения Крита, которое видело в нем представителя православной династии. Принц всегда настойчиво и открыто говорил о присоединении острова к Греции как о вопросе, не имеющем иного решения. Непросвещенное население Крита, не отдавая себе отчета в последствиях, относилось к политике принца очень сочувственно. Нельзя того же сказать об образованных людях на Крите, понимавших истинное положение вещей, которые, во всяком случае, находили, что поднимать такой вопрос несвоевременно. Вполне соглашаясь с таким мнением, Скрыдлов считал долгом высказать русскому правительству, «что возбуждение вопроса о присоединении Крита к Греции, помимо несвоевременности, представляется небезопасным, как для спокойствия на Крите, так, равно, и для Греции, и Турции, и что... он будет служить причиной многих хлопот для держав, принимающих участие в судьбе острова»¹⁸.

Критская интеллигенция и политики, оставшиеся не у дел при формировании новой администрации верховного комиссара, сформировали две новые политические партии, и образовалась оппозиция, в рядах которой оказался и бывший председатель Народного критского собрания И. Сфакьянакис, отказавшийся принять на себя обязанности одного из советников (министров) верховного комиссара. Одни стремились воссоединиться с Грецией. Другие, однако, считали, что для Крита, пользующегося теперь особым покровительством держав, нет никакой пользы от присоединения к обремененному долгами, слабейшему среди прочих европейских государств — Греции. Они опасались, что Крит превратится в одну из греческих провинций. Обе эти партии сходились, однако, в том, что до приведения острова в порядок поднимать вопрос о каких-либо задачах внешней политики преждевременно. Эти же лица, видя всю неустроенность греческой государственной системы, находили ее совершенно неподходящей для введения на острове. К немалому неудовольствию Греции, Крит устроил свое народное образование и суды не по ее образцам.

25 августа, в годовщину резни в Кандии, молодой известный адвокат Манусакис произнес прочувствованную речь, в которой сказал, что эти события положили конец всем сомнениям и явились началом эпохи возрождения. Последние жертвы, за упокой которых православная церковь возносит горячие молитвы, купили своей кровью мир, спокойствие и благоденствие своей родины. Обращаясь к великим державам, он призвал их «водворить мир, согласие, спокойствие в стране, разоренной непрерывными смутами, и положить начало порядку, благоденствию, процветанию и благоустройству»¹⁹.

16 Там же. Л. 1213об.

17 Там же. Л. 1240.

18 Там же. Л. 1239.

19 ИАК. Д-16. № 10. Л. 10.

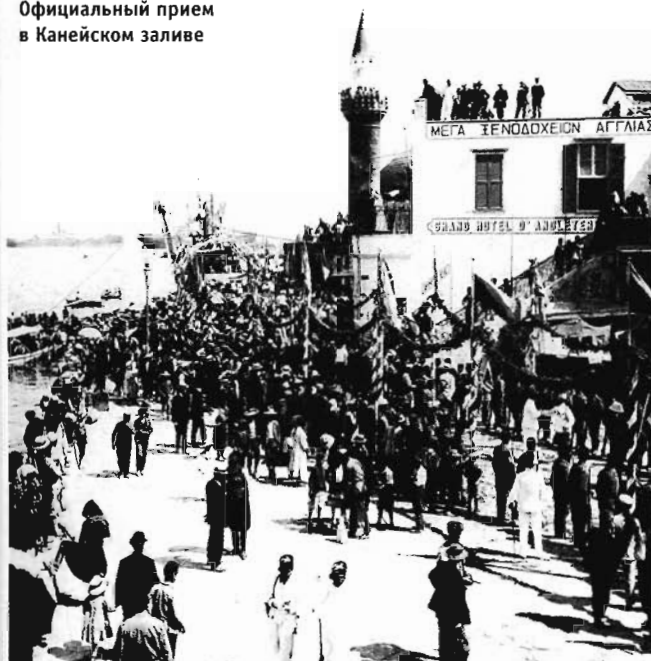

Французские барабанщики

Канея. Оркестр возле кафе
напротив крепости Фирка

Официальный прием
в Канейском заливе

Оркестр английских моряков на палубе корабля

Крит. Принц Георг с матерью королевы эллинов
Ольгой Константиновной
и принцессой Марией

Для критского общества нахождение там международных войск и прибытие на остров в качестве верховного комиссара греческого принца Георга имело также большое положительное значение в смысле оживления культурной жизни. Устраивались музыкальные концерты, давались театрализованные представления, проводились спортивные соревнования, играли военные оркестры на площадях и в парках острова, а города были прекрасно иллюминированы и украшены. Частыми гостями на острове была мать принца Георга греческая королева Ольга Константиновна Романова, а также греческие принцы и принцессы. В их честь давались балы в офицерских собраниях и в резиденции принца Георга. Праздники по случаю тезоименитства членов королевских семейств Европы и национальные праздники в миссиях, офицерских собраниях четырех держав, в резиденции верховного комиссара сменяли один другой.

Все это говорило о восстановлении спокойствия на острове. В рапорте от 8 ноября 1899 г. начальник русского экспедиционного отряда, сменивший в середине лета Ф. А. Шостака, барон Б. Б. Кене записывал в отрядном дневнике: «Сего числа по случаю дня тезоименитства итальянской королевы Маргариты обществом офицеров итальянского оккупационного отряда дан бал, на который были приглашены все офицеры с женами всех прочих сухопутных и морских оккупационных войск, консулы и городские власти. Бал этот почтили своим присутствием королевич Георгий и принцесса Мария. Их высочества принимали участие в танцах и отбыли в половине 12-го во дворец. Бал же продолжался до 4-х часов ночи и окончился роскошным ужином. Убранство входа, помещений, открытый буфет и сервировка отличались большим изяществом. Все необходимое было выписано из Италии. На бал этот правительством было отпущено 6 тыс. франков. В городском саду в этот день в здании депутатского собрания итальянцами был устроен обед с вином для фельдфебелей и унтер-офицеров всех войск, расположенных в Канеи»²⁰.

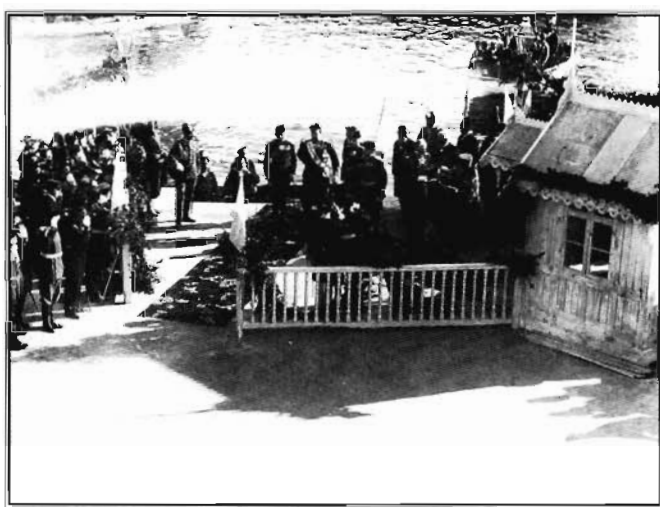
Почти все офицеры, находящиеся в Ретимно, были женаты.

Уже при К. И. Урбановиче, который вскоре сменил Кене, было открыто офицерское собрание. Туда они могли прийти для чтения, бесед, тематических занятий, выборов, заседаний суда, а также для нечастых приемов здесь иностранных офицеров других отрядов иностранных армий в случае их приезда в Ретимно. Здесь же была и маленькая комната для приема офицеров, приезжающих из других городов. Досуги младших чинов сухопутных и морских отрядов также были разнообразны. Так, для русских солдат за неимением «волшебного фонаря» на Крите стали устраиваться под руководством офицеров солдатские спектакли, был организован солдатский полковой хор, который вскоре стал выступать на всех праздниках и пользовался колоссальным успехом у местных жителей. Устраивались спортивные состязания, которые собирали также огромное число жителей²¹.

Спокойная обстановка, воцарившаяся на острове уже к лету 1899 г., побудила правительства великих держав задуматься об общем сокращении численности международного экспедиционного отряда. Русский отряд решено было уменьшить до размеров таких же отрядов других держав, которые их уже сократили до одного батальона. 3 июля отбыл из Ретимно в Одессу 1-й батальон 59-го пехотного Люблинского полка²². На Крите оставалось, таким образом, 10 русских рот. Проводы проходили в исключительно торжественной обстановке. На броненосце «Император Александр II» в Ретимно прибыл верховный комиссар принц Георг в сопровождении контр-адмирала Скрыдлова, нового генерального консула (1899-1901) статского советника А. А. Гирса, офицеров двух русских рот, находившийся в Канеи²³. К назначенному часу на площади против пристани был выстроен почетный караул от 2-й роты 60-го Замосцкого полка «при знамени и хоре музыки» под начальством командира роты капитана Фролова. Принц Георг прибыл ровно в 6 часов утра на пристань, проследовал вдоль почетного караула, поздоровавшись с ним на русском языке, а также похвалив на русском каждое отделение выстроенной роты. Из порта принц проследовал по украшенным улицам на центральную

Русские моряки разыгрывают спектакль

Принц Георг высаживается в порту Ретимно

20 ИАК. Там же. № 24. Л. 44.

21 ИАК. Там же. № 18. Л. 41.

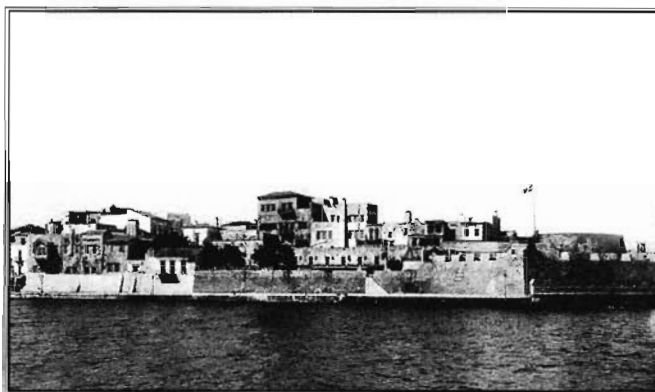
22 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 32.

23 ИАК. Д-16. № 5. Л. 1.

площадь, уже получившую имя Скрыдлова, где был построен 1-й батальон Люблинского полка. Посреди площади находились духовные лица: епископ Ретимский и Милопотамский Дионисий, отрядный священник и другие. Поздоровавшись с батальоном, принц Георг проследовал в церковный намет, разбитый на площади, после чего начался молебен и окропление рядов покидавших остров люблинцев святой водой. После этого началось прощание верховного комиссара с офицерами, а с нижними чинами Георг попрощался по русски: «Спасибо, братцы, за службу! Прощайте, счастливый путь!» Мощное «Рады стараться Ваше королевское высочество!» и громкое «Ура!» прокатилось над Скрыдловской площадью. В офицерском собрании был дан прощальный обед, на котором, уже по французски, Георг от души благодарил русских офицеров за оказанную помощь в умиротворении острова. На следующий день городом был дан прощальный обед в честь полковника Шостака и Люблинского батальона, на котором звучали искренние слова благодарности за огромную работу по налаживанию жизни в Ретимно и его благоустройстве. Неоднократно поднимались тосты за прочно установившиеся братские дружеские отношения между жителями и русскими войсками. Вечером полковник Шостак передал все дела и печать новому начальнику экспедиционного отряда полковнику барону Б. Б. Кенне. На пароходе РОПиТа «Азов», зафрахтованном Одесским военным округом, на следующий день люблинцы отбыли на родину. За блестяще проведенные действия по высадке и устройству сухопутного отряда русских войск полковник Ф. А. Шостак получил в том же году звание генерал-майора. Шостак был талантливым человеком, и его посылали всегда в «горячие точки», где он мог применить свой не только военный, но и дипломатический и, скажем, человеческий талант. Позже он возглавил «Гражданское агентство в Македонии», где снискал уважение греков, болгар и сербов, что просто удивительно в той обстановке.

В конце августа из Ай-Васильевского округа прибыла 1-я рота 60-го пехотного Замосцкого полка, был произведен смотр 1-й и 3-й рот Замосцкого полка, а затем 9-й роты. 11-я рота переместилась из деревень Спили и Амари поближе к Ретимно, так как там появилось большое число скорпионов и гадюк. Люди были размещены в отремонтированном и продезинфицированном просторном доме бывшего турецкого губернатора Гусни паши. На замену ушла 11-я рота, но в половинном составе. Роты постоянно меняли дислокацию, заменяли одна другую, давая людям отдохнуть от напряженной караульной службы или принять участие в учениях. Расположенные в Кане, в Суде и в форте Изеддин караулы были интернациональными. Форт постепенно становился главной тюрьмой острова — «Фирка», на что было отпущено великими державами 25 тыс. франков. Тюрьма охранялась также интернациональными силами²⁴.

Как докладывал Скрыдлов в Петербург в сентябре 1899 г., сухопутный экспедиционный отряд на Крите находился в полном порядке, но из разговоров с начальником у него сложилось впечатление, что настоящее назначение отряда ему не вполне ясно. Порядок подчиненности приводил только к значительным затруднениям, не был также ясен характер его отношений с представителями русской и местной власти на Крите, особенно во время отсутствия морского отряда, так как четких инструкций, наподобие морских, данных контр-адмиралом, у него не было.

Крепость Фирка со знаменами великих держав

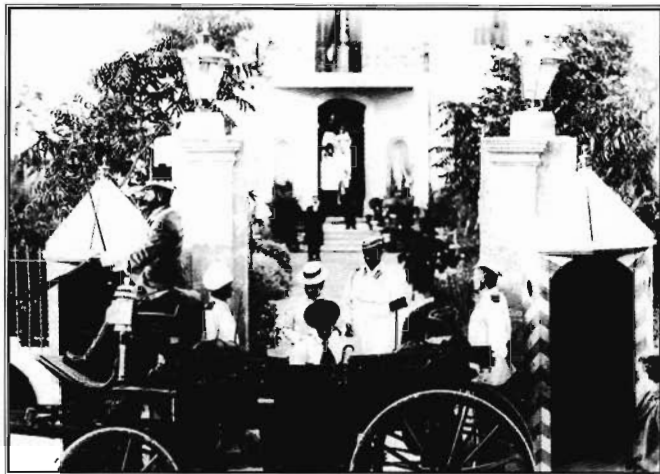

Европейский караул в крепости Фирка

Критская милиция, а также офицеры и солдаты великих держав охраняют критский флаг

24 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 32.

Русские часовые, охраняющие дворец принца Георга в Халепе. Рядом с принцем — его мать, греческая королева Ольга и сестра принцессы Мария

Со времени прибытия на остров верховного комиссара принца Георга его мать — королева греческая, великая русская княгиня Ольга Константиновна — стала уделять много внимания русскому экспедиционному отряду, который теперь находился под ее постоянным покровительством. Ольга неоднократно посещала на Крите своего сына и каждый раз — русские отряды. Так, в августе королева эллинов сообщила Скрыдлову о разрешении, полученном ею от русского императора, прибыть на броненосце «Император Александр II» на Крит для свидания с принцем Георгом. Отплыли вместе с принцессой Марией из Фалиро 2 сентября. И через день были уже в бухте Суды.

Несмотря на то, что королева эллинов пребывала на острове неофициально, ее визитам очень многие придавали политическую окраску. «Ее величеству представлялись как местные, так и иностранные власти, духовные лица и выдающиеся лица местного общества, — писал барон Кене. — Повсюду появление ее величества вызывало восторженные встречи и народное ликование»²⁵. Набережная была эффектно расцвечена боевыми фонарями интернациональной эскадры. Королева Ольга останавливалась всегда во дворце Халепе у сына²⁶. Несмотря на то, что королева прибыла на Крит инкогнито, министр внутренних дел сообщал начальнику русского отряда о ее прибытии. На теплые поздравления русского отряда Ольга отвечала письменно: «До глубины души тронута приветом дорогой русской военной семьи». Ольга пригласила полковника барона Кене, а также его жену, с которой познакомилась еще ранее в госпитале в Афинах, состоящем под ее покровительством, посетить ее в Канее²⁷.

В начале сентября 1899 г. Скрыдлов на канонерской лодке «Запорожец» прибыл в Ретимно, а после непродолжительного визита ушел обратно в Суду вместе с Кене для встречи с королевой эллинов. Затем за ними прибыл личный адъютант королевы капитан 2-го ранга Карпуни и доставил прибывших офицеров в Халепе.

Ольга расспрашивала о быте солдат и о здоровье отряда, отправила свои портреты сестрам милосердия, а также тяжело больному туберкулезом образ Спасителя с собственной надписью «Господи, помоги болящему рабу Твоему». 15 сентября Ольга посетила Судское кладбище, где были похоронены моряки с броненосца «Сисой Великий», погибшие в 1897 г. от взрыва на корабле, а затем остров Занте (Наварин), где была в торжественной обстановке установлена, по ее желанию и на ее средства, плита на могиле командира корабля «Победа» капитана 1-го ранга Новокшенова, погребенного там в 70-х гг. XVIII в. По просьбе Ольги военными историками была проделана большая работа по восстановлению его биографии. Королева постоянно обменивалась телеграммами с отрядом, приблизительно следующего содержания: «23 августа. Полковнику барону Кене. Ретимно. Глубоко тронута дорогим вниманием, от всей души благодарю Вас, офицеров и полковых дам. Ольга». Ольга благодарила за поздравления с ее именинами²⁸.

Ольга Константиновна завязала искренние отношения с русским морским и сухопутным отрядами и не пропускала ни одного ротного или другого праздника, чтобы не поздравить отряд. В ответ летели благодарственные телеграммы. Интерес королевы к русским морякам был привит ей еще с детства ее отцом — великим князем Константином Николаевичем, адмиралом генералом, возглавлявшим долгие годы Морское министерство России и сделавшим много полезного флоту (хотя бы отменив 25-летнюю службу для моряков). Греческая королева также постоянно опекала всех членов русской эскадры и отряда, особенно следила за порядком в лазаретах, помещала на лечение тяжелобольных в ее больницу в Пирее и Афинах. Любовь к русскому флоту она пронесла через всю жизнь. Моряки, в свою очередь, называли ее искренне королевой матерью русского флота, а в Морском министерстве за ее постоянные хлопоты — «царственная нищая». Во дворце в Афинах она создала свой морской музей, где собрала уникальную коллекцию, хранящуюся в наше время в Историческом музее в Афинах.

В сентябре королева эллинов, находясь в Канее, посетила русские бастионы, которые были украшены греческими и русскими флагами. Встречали ее выстроенные караулом 13 и 14-я роты 60-го Замосцкого полка, играла музыка. Прибывших королеву и принца Георга встречали контр-адмирал Скрыдлов, все русские офицеры во главе с командующим русскими ротами в Канее К. И. Урбановичем. Были также личный секретарь королевы статский советник Философов, камергер двора граф Мессала и обер-гофмейстерина Н. Теохарис. Ольга Константиновна приняла рапорт дежурного офицера, поприветствовала построенный отряд словами: «Спасибо, ребята!», после чего осмотрела казармы и лазарет. Затем сфотографировалась со всем русским отрядом, пригласив всех нижних чинов присоединиться. Проведя весь день в русском отряде, королева к вечеру отбыла под звуки греческого гимна обратно в Халепе в резиденцию сына²⁹. Всем нижним чинам Ольга вручила по экземпляру Евангелия с собственной надписью, а также передала деньги на церковный хор для раздачи нижним чинам, на венки на кладбище. Ольга пробыла на Крите

25 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1246об.

26 ИАК. Д-16. № 18. Л. 41.

27 ИАК. Там же. № 18. Л. 15, 41.

28 ИАК. Там же. Л. 18; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1246об.

29 ИАК. Д-16. № 28. Л. 23.

недолго, покинув его в середине сентября на эскадренном броненосце «Император Александр II».

Сама королева так описывала свое посещение Крита в письме к племяннику российскому императору Николаю II:

«Халепа, 22 сентября/4 октября 1899 г.

«Мой дорогой, милый мой Ники!

Не могу покидать Крита, не написав Тебе хоть двух слов отсюда, где я на каждом шагу с благодарностью думаю о Тебе. Я так была счастлива, что Ты позволил мне идти на бр[оненосце] «Император Александр II» и не знаю, как благодарить Тебя за эту радость!

Мне Крит ужасно нравится и природа, и население! Нельзя не удивляться, какая здесь произошла радикальная перемена с тех пор, что Георге появился на острове; теперь здесь все так же спокойно, как и где бы то ни было. Отложив мою материнскую скромность, я не могла налюбоваться, как он сумел себя поставить здесь, как умело он взялся за новую, трудную работу. Сердце мое умиляется, слыша выражение любви и привязанности к нему со стороны христиан и магометан одинаково. Он знает, чего хочет, действует обдуманно и энергично, входит во все подробности правления; он строго останавливает в зародыше всякие проявления партийного духа и требует от всех служащих строгого выполнения долга — дисциплина здесь замечательная и скоро Крит будет нам в Афинах показывать пример!..

Надо отдать справедливость народонаселению — критяне всеми силами стараются доказать своим хорошим поведением, что они не тот буйный элемент, за который они проявили себя. И что они только и желают жить в мире и согласии под справедливым правлением.

Ужасно слышать рассказы очевидцев: много, что здесь происходило под турецким благословением... Особенно трогательно видеть стариков, т. к. промучились всю свою жизнь и наконец дожили до исполнения своих самых заветных мечтаний.

Я здесь волнуясь и умиляясь на каждом шагу — этому не мало способствует вид наших родных солдатиков, они такие прелестные, такие молодцы и представляют такой разительный контраст с другими войсками, с французскими и итальянскими замухрышками, т. к. те ни стоять, ни ходить не умеют, особенно французские; итальянские еще туда сюда. Я ужасно огорчена, что не могла съездить в Ретимно, посмотреть на наше войско, но мне предписали быть строжайше инкогнито, так что мне в провинцию нельзя было ехать, зато командир полка и 17 офицеров замосцев приезжали сюда, и я их видела. На днях в Канеи на бастионе, где помещаются 13-я и 14-я роты, представь себе, что эти ангелы меня приняли, встретили хлебом солью. Ты легко поймешь до чего я была растрогана и счастлива, вот уж право не снилось мне, что я так далеко от родины увижу наше чудесное войско, заслужившее здесь всеобщую любовь и уважение!!! Каждый день меняется караул у дома Георге и через двое суток являются наши солдатики молодцы, к великой моей радости; они отдельными партиями приходят на двор и я им раздаю Евангелия и болтаю с ними и... конечно наслаждаюсь!..»³⁰.

В ноябре принца Георга на Крите посетили кронпринц Константин с Софией. На пароходе РОПита приезжал греческий принц

Андрей. Принцы не раз посещали офицерское собрание в Суде.

В октябре контр-адмирала Н. И. Скрыдлова на посту командующего отдельным отрядом судов в Средиземном море сменил контр-адмирал Вальронд. Покидая Крит навсегда, Скрыдлов на прощание писал в морское ведомство о «добросовестной, усердной и образцовой службе всех чинов вверенного ему отряда, а также частей сухопутных войск в течение всех 12 месяцев его командования. Он писал: «Дружественной совместной работе я приписываю успех, увенчавший усилия русской власти в деле умиротворения острова»³¹. Скрыдлов, уезжая в Россию, направил барону Кене телеграмму, где выразил благодарность «за содействие в деле поддержания обаяния русского имени на о. Крите»³². И это была правда! Критяне с искренней симпатией относились к единоверному русскому отряду.

Полковник Б. Б. Кене продолжил полезную деятельность на пользу Ретимскому округу, начатую Шостаком. Так, по просьбе префекта Ретимно русские офицеры приняли самое активное участие в топографической съемке в западной части округа для изыскания наиболее соответствующей коммерческим и административным целям дороги в Суду. Кене сам возглавил экспедицию.

Русские офицеры принимали участие в проекте конно железной дороги из Канеи в Халепо и многим другим. Русские строительные компании получили концессию на возведение набережной в Ретимно, проведение в столице первого трамвая. В конце 1899 г. полным ходом работала артель по строительству дороги, и в ней было занято большое число жителей. Формирование этой артели и начало строительства дороги привело к тому, что жители целого ряда близлежащих деревень пожелали, чтобы их ежегодная трехдневная повинность была увеличена так, чтобы их работа на дороге составила 20 тыс. рабочих дней. После этого появилась реальная надежда закончить строительство к весне 1900 г.

Как и предсказывал ранее Скрыдлов, трудности были с находившейся до сих пор в русском управлении больницей, построенной на средства, дарованные императором. Городское управление Ретимно известило императорского консула, что за неимением средств оно отказывается от содержания больницы. «Если Россия пожелает пожертвовать какие либо новые средства Криту, — писал Скрыдлов, — все таки прежде всего нужно отремонтировать епископский дом в Ретимно, занимавшийся нашими войсками в течение двух лет и находящийся в плохом состоянии». Во вторых, он рекомендовал на христианском кладбище Суды привести в порядок и содержать в надлежащем виде памятники морякам, погибшим при несчастном случае на броненосце «Сисей Великий».

В ноябре в Ретимно вновь заработала школа для малолетних детей по методу Фребеля, которая была одно время закрыта из за отсутствия средств. Теперь в ней возобновились занятия, благодаря тому, что барон Кене взял на себя частично оплату обучения 26 детей неимущих жителей острова из русского благотворительного фонда. Однако носить имя и находиться под покровительством королевы Ольги, как было раньше, она не могла, так как была теперь полностью частной³³.

30 РГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 133-135.

31 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1252.

32 ИАК. Д-16. № 18. Л. 40.

33 ИАК. Там же. № 22. Л. 49.

Хор греческих певчих под управлением поручика 60-го Замосцкого полка Сиренко. Ретимно, 28 ноября 1899 г.

Одной из серьезных мер, предпринятых новым начальником сухопутного отряда бароном Кене, было запрещение тридцати восьми прокаженным, жившим в селении в 400 метрах от русской казармы, собирать милостыню рядом с отрядом и появляться в городе ³⁴. Удивительно, что раньше никто не обращал на это внимания, но теперь случаи проказы участились.

Большое внимание в русских войсках уделялось духовному здоровью и религиозному воспитанию солдат. Два раза в неделю отрядным священником проводились духовно нравственные беседы ³⁵. Епископом Дионисием для русского богослужения была предоставлена церковь Св. Варвары: служба совершалась отрядным священником отцом Николаем Шутовым, хор состоял из русских певчих. Богослужение посещалось и местным греческим населением, которому очень нравилось церковное пение при участии русских офицеров ³⁶. Постепенно службы стали проводиться совместно с греческими священниками в кафедральном соборе. По просьбе местного епископа и греческого населения был составлен хор из 50 греческих певчих, которых обучал поручик Сиренко. Занятия проводились ежедневно с 7 до 8 вечера ³⁷. Все службы проходили в кафедральном соборе Ретимно, причем всенощное бдение совершалось русским отрядным священником с хором полковых певчих и исключительно на церковнославянском языке. Литургия совершалась совместно с греческим духовенством, и песнопения чередовались на русском и греческом языках ³⁸. По случаю дня рождения членов царствующего дома России в кафедральном соборе епископом Дионисием совместно с русским отрядным священником и греческим духовенством служились литургии и молебны в присутствии чинов отряда, вице консула, местных властей, представителей города. Проводились также церковные парады, а вечером в казармах для нижних чинов — спектакли, на которых присутствовали также все офицеры с семьями и местная интеллигенция ³⁹.

В русском отряде в некоторых ротах нашли приют малолетние греческие сироты мальчики. Некоторые из них очень быстро заговорили по русски и стали служить переводчиками для нижних чинов, отправлявшихся в город за продуктами для отряда и по другим делам. Барон Кене передавал русскому консулу, что многие из этих детей, потерявших родных на острове, просят взять их с собой в Россию. В связи с тем, что натурализация их в России связана с большими трудностями, Кене отдал приказ о том, что единственным легальным способом является их усыновление православными отрядами, и некоторые дети таким образом попали в Россию ⁴⁰.

Ретимский отряд постоянно проводил учения как с офицерским, так и с рядовым составом, совершал учебные походы. Так, в ноябре расположенные в Канее роты прошли более 20 верст, посетив деревни Епископи, Адель, Су Баши, Мурниес, Нерокуро, Суда, и вернулись в Канею. Кене докладывал в Россию, что им «приняты соответствующие меры и усилен надзор за нижними чинами из евреев», которые, видимо, вели политические разговоры, а некоторые промышляли торговлей ⁴¹.

В тот год погода осенью выдалась очень плохая: дожди сменил сирокко, однако в хорошую погоду интенсивные учения продолжались, так как жары не было. С офицерами два раза в неделю по вторникам и пятницам проводились тактические занятия; раз в неделю собирался полковой офицерский хор; два раза в неделю офицеры, по частной инициативе, занимались французским языком, а трое младших офицеров выучили греческий, один — турецкий и персидский языки ⁴². Прибыл из Одессы по окончании курса в стрелковой офицерской школе командир 14-й роты капитан Смерчинский ⁴³. 13 октября была торжественно отмечена годовщина прибытия на остров Замосцкого полка. По инициативе Кене были сделаны проекты памятников и устроены братские могилы для усопших на Крите русских воинов.

В Канее появились в это время эмиссары английского правительства, вербовавшие солдат из расположенных в городе войск на войну в Южную Африку. Они предлагали по 3000 франков одновременно, кроме усиленного содержания и разных других преимуществ ⁴⁴.

В конце октября 1899 г. Крит торжественно отметил годовщину удаления с острова турецких войск. Критские мусульмане были обижены активным участием нового начальника русского экспедиционного отряда, полковника барона Кене, в подготовке торжеств. Русское правительство просило его впредь быть осторожнее ⁴⁵.

В октябре также состоялось радостное событие, взбудоражившее весь город. В местном соборе было совершено венчание сверхсрочного служащего унтер-офицера жандармской команды Гладкого и «греческой девицы» Порселаки. Местное население очень сочувственно отнеслось к первому браку русского с гречанкой, и в соборе присутствовала вся греческая образованная публика,

34 ИАК. Там же. № 5.

35 ИАК. Там же. № 18. Л. 41.

36 ИАК. Там же. № 10.

37 ИАК. Там же. № 14. Л. 26.

38 ИАК. Там же. № 22. Л. 515.

39 ИАК. Там же. № 23. Л. 53.

40 ИАК. Там же. № 15. Л. 28-29.

41 ИАК. Там же. № 15. Л. 46.

42 ИАК. Там же. № 23. Л. 54.

43 ИАК. Там же. № 22. Л. 50.

44 ИАК. Там же. № 21. Л. 45.

45 АЕПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 37-37об.

настроенная прорусски⁴⁶. В кафедральном соборе во время служб, начиная с октября 1899 г., уже пел не только полковой хор певчих, но и обучавшийся в течение трех месяцев ежедневно у поручика Замосцкого полка Сиренко хор местных греков.

9 ноября в Кане состоялось еще одно знаменательное событие. По приглашению епископа Ретимского офицеры присутствовали при поднятии на соборную колокольню восьми полученных из Венеции колоколов. Колокола эти были перелиты из старых полопавшихся колоколов собора на средства, переданные грекам полковником Ф. А. Шостаком в качестве пожертвования. Деньги эти были выделены Шостаком из собранных с продаж марок внутренней губернской почты — 40 наполеонов (1 наполеондор = 7 руб. 50 коп. = 20 франков 50 сантимов). На каждом из колоколов кроме обыкновенной надписи, состоящей из клейма фабрики, года отлития и т.д., имелись еще следующие надписи на греческом языке: на первом — «Полковник Шостак», на втором — «60-й пехотный Замосцкий полк», на 3-м — «59-й Люблинский полк», на 4-м — «57-й Модлинский полк», на 5-м — «56-й Житомирский полк», на 6-м — «14-й стрелковый полк», на 7-м — «6-я горная батарея 13-й артиллерийской бригады» и на 8-м — «Крит освобожден». Таким образом, население Ретимно отблагодарило скромный вклад русских военных в дело освобождения их родины от турецкого ига⁴⁷.

В начале декабря делегации от городов Крита поздравляли принца Георга с годовщиной его прибытия на остров. В торжествах по этому случаю наряду с другими играли русские военные оркестры, пел русский хор певчих и греческий хор, обученный поручиком Сиренко. Через два дня состоялось торжественное открытие гимнастического общества, и город был прекрасно украшен и иллюминирован, несмотря на проливной дождь. В торжествах принял участие принц Георг⁴⁸.

В ноябре-декабре на острове прошла перепись населения. В Ретимском округе числилось: христиан — 52 207 человек, мусульман — 11 463 человека. За ноябрь прибыло мусульман 97, а убыло 105. Т. е. мусульманское население стало неуклонно сокращаться⁴⁹.

Умиротворение острова, казалось, было непоколебимым. В декабре 1899 г. это побудило верховного комиссара и великие державы приступить к обсуждению дальнейшего сокращения численности войск на острове. Принц Георг объяснял это недос-

татком свободных помещений в городах для создаваемой критской жандармерии, а также для различных учебных учреждений, которые хотели бы возобновить свою работу⁵⁰.

Русский генеральный консул А. А. Гирс писал, что между русскими силами и местным населением Ретимно установилась тесная связь и что население «привыкло видеть в присутствии русского отряда вернейший залог поддержания порядка и вместе с тем доказательство деятельного участия императорского правительства в устройстве судьбы острова»⁵¹. В декабре Николай II дал указание правительству сократить русские силы на Крите до пяти рот, и вскоре половина экспедиционного корпуса вернулась в Россию.

26 декабря 1899 г. 5-я рота 60-го пехотного Замосцкого полка и штаб экспедиционного отряда под начальством полковника барона Кене ушли в Россию из Судской бухты на срочном пароходе РОПиТа «Император Николай II».

Новым командующим русских сухопутных сил с декабря 1899 г. был назначен подполковник командир 1-го батальона 60-го пехотного Замосцкого полка Константин Иосифович Урбанович, 1859 года рождения, католик. Командуя ротой в Кане, а затем состоя на должности начальника гарнизона канейского сектора русских войск, был замечен начальством. В июле 1901 г. он станет полковником. Впоследствии будет награжден греческим королем Георгом I командорским крестом Спасителя. Из оставшихся на Крите пяти русских рот 60-го пехотного полка две роты находились в Кане, три — в Ретимно, а в Кане также находился отряд полевого жандармского эскадрона для сопровождения верховного комиссара Крита, «назначенный с высочайшего соизволения для сопровождения его высочества королевича Георгия в случае официальных выездов его высочества». Впредь было решено именовать оставшиеся силы не экспедиционным отрядом, а Отдельным отрядом русских императорских войск на Крите, подчеркивая этим ограниченность поставленных перед ними скромных задач «успокоения умов и умиротворения острова»⁵².

Критская правительственная пресса подняла шум в связи с сокращением на острове международного отряда. Она считала, что сохранение на острове международных сил впредь до окончательного административного устройства острова является безусловно необходимым и лучшим средством против возможного нарушения внутреннего порядка⁵³.

46 ИАК. Д-16. № 18. Л. 39.

47 ИАК. Там же. № 21. Л. 45

48 ИАК. Там же. № 24. Л. 61-62

49 ИАК. Там же. № 24. Л. 57

50 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 42

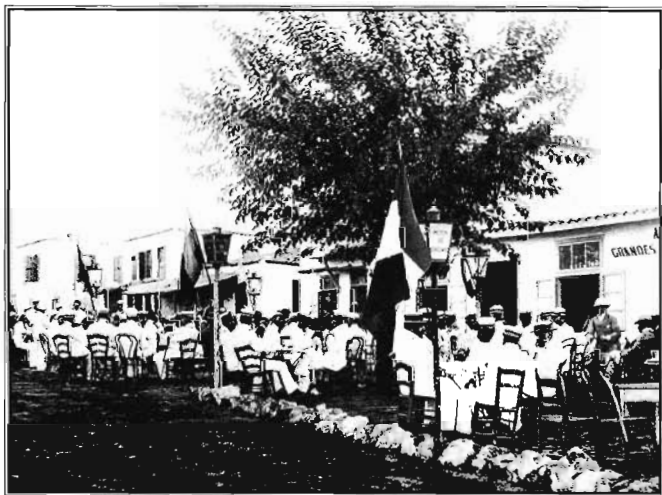
51 Там же. Л. 54об

52 ИАК. Там же. № 27. Л. 63; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 54об.

53 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 32.

Рождественская елка на канонерской лодке «Запорожец», 1900 г. Крит

Канея. Офицеры европейских держав на отдыхе

Жандармы упражняются

На рубеже веков

1900 год для русского отряда, как и для всех международных войск, на Крите был самым спокойным. Весело и пышно прошли проводы XIX века и новогодние праздники, полные оптимистических надежд; своим чередом прошли елки на кораблях и в сухопутном отряде. Все важнейшие православные праздники теперь праздновались критским православным населением и русским отрядом совместно; в соборах постоянно провозглашались многие лета особам королевских дворов по поводу тезоименитств царских домов, различных юбилейных дат — коронования и т. п. Пели в соборе хоры певчих: один греческий и один русский, сформированный еще при полковнике бароне Б. Б. Кене. С уходом пяти рот в Россию русский хор уменьшился, но вскоре усилиями нового начальника отряда подполковника К. И. Урбановича вновь был увеличен за счет нового состава русских войск.

В марте константинопольский Святейший Синод предпринял попытку запретить совместное богослужение греков и русских на Крите, якобы «в угоду русских войск, не знавших греческий язык». Особенно был огорчен ретимский епископ Дионисий, который говорил, что «привык смотреть на русских братьев как на своих духовных детей». Распоряжение Вселенского патриарха произвело удручающее впечатление на местных жителей. Газеты писали, что «за два года совместных служб с русскими братьями никаких затруднений никто не испытывал». Но вскоре Патриархат вновь совместные службы восстановил. «Благодарю Бога, просветлившего подлежащих лиц, — писал Дионисий начальнику русского отряда, — благодаря чему мы будем впредь прославлять Господа вместе с нашими братьями — русскими солдатами»¹.

Для отдыха младших чинов в Канее и в Ретимно стали устраиваться состязания с призами, в которых принимали участие и критские жандармы. Спортивные соревнования собирали толпы народа на площадях. Во всех праздниках в Ретимно участвовали 1, 3 и 13-я русские роты в полном составе. Устраивались «игры с призами, представления ряженных, пляски под скрипку, гармонику, балалайку, дудку и бубен». Иногда присутствовали на праздниках критские мусульмане. Так, на парад по случаю очередной годовщины коронования Николая II были приглашены мусульмане, удостоившиеся получения русских медалей за совершенный ими подвиг — спасение офицера и матросов с броненосца «Император Александр II», которые были выброшены с перевернувшегося в море у скалистого берега катера и погибли бы неминуемо в ледяной воде². В новом офицерском собрании в Ретимно кипела жизнь: делались сообщения об особенностях вооружения и обмундирования иностранных отрядов на Крите и другие, «дающие пищу для размышлений». Накануне столетия со дня кончины великого русского полководца генералиссимуса князя А. В. Суворова (1730-1800) в местном соборе была совершена заупокойная литургия, а во всех ротах отряда ротными командирами по приказанию военного министра были сделаны сообщения о жизни Суворова («описание его заслуг, характеристика его личности» и т. д.)³.

1 ИАК. Д-16. № 37. Л. 94.
2 ИАК. Там же. № 43. Л. 107.
3 ИАК. Там же. № 42. Л. 27.

Обстановка в столице Крита также была спокойной. Благотворительное общество «Эллипсис» устраивало городские балы, собирая значительные суммы в пользу бедных жителей. На балах присутствовал верховный комиссар принц Георг, местные власти, а также офицеры всех международных сухопутных отрядов и морских команд. Не прошло мимо внимания местного общества и русских офицерских жен, с каким удовольствием все еще холостой 30 летний принц Георг танцевал с женой своего личного секретаря Пападымантопулоса и женой городского головы. Благотворительные балы давались также и в иностранных отрядах и на кораблях; в моде были костюмированные балы, где особым вниманием пользовался английский консул Гревс в костюме маркиза времен Людовика XIV. В мае в здании конака принцу Георгу в чрезвычайно торжественной обстановке командующий английской эскадрой в Средиземном море вице адмирал Фишер, прибывший на флагманском броненосце «Реноун», вручил орден Бани, пожалованный королевой Великобритании Викторией. Для этого в Судскую бухту прибыла английская эскадра в составе 4 броненосцев и крейсеров. Присутствовал также английский контр-адмирал лорд Бересфорд. Торжественная церемония закончилась приемом на верхней палубе броненосца «Реноун» под громадным шатром из флагов всех наций мира⁴. Торжества — приемы, балы и т. п. — растянулись на несколько дней. Ради такого торжества принц Георг позволил себе поднять над своей резиденцией греческий флаг, но ему тут же сделали замечание консулы великих держав⁵.

Спокойствие, воцарившееся на острове на рубеже веков, способствовало проведению реформ и созданию новых административных органов власти автономного Крита.

В марте на всем острове была создана особая критская почта: были открыты новые почтовые отделения для присылки простой и заказной корреспонденции, денежных переводов, для чего критским правительством были впервые выпущены в обращение почтовые марки девяти видов стоимостью от одного сантима до пяти франков. Однако для иностранных государств, за исключением Греции, критские марки пока были недействительны и существовали почты иностранных государств, в том числе русская почта⁶. Была предпринята попытка укрепить экономику Крита. Так, в августе в Критском банке была получена партия серебряных монет в 1 франк на сумму 500 тыс. франков, и тотчас же эта партия была распределена между главными городами острова. Монеты имели на одной стороне портрет принца Георга, а на другой греческий королевский герб и название по краям монет — «критское государство». Через два года на Крите по распоряжению его правительства хождение иностранной валюты было запрещено⁷. Занимаясь политическими и административными вопросами, принц не забывал и благотворительности, которая могла бы укрепить его авторитет на острове. Так, весной 1900 г. он сделал значительное пожертвование — 32 тыс. франков из собственных средств — на постройку нового госпиталя за пределами Канеи, так как старый находился в плачевном состоянии и не подлежал ремонту.

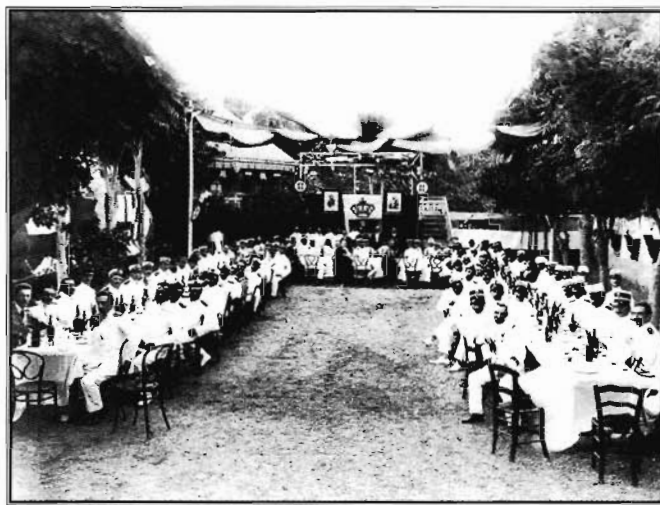
25 марта — день годовщины греческой независимости — был торжественно отмечен как в Канеи, так и в других крупных городах Крита.

Прием в Адмиралтействе

На офицерском празднике четырех великих держав

Офицерский прием великих держав в национальном парке в Канеи. 24 июня 1908 г.

4 ИАК. Там же. № 52. Л. 116.

5 С.Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг... С. 205.

6 ИАК. Там же. № 32. Л. 87.

7 ИАК. Там же. № 95. Л. 154.

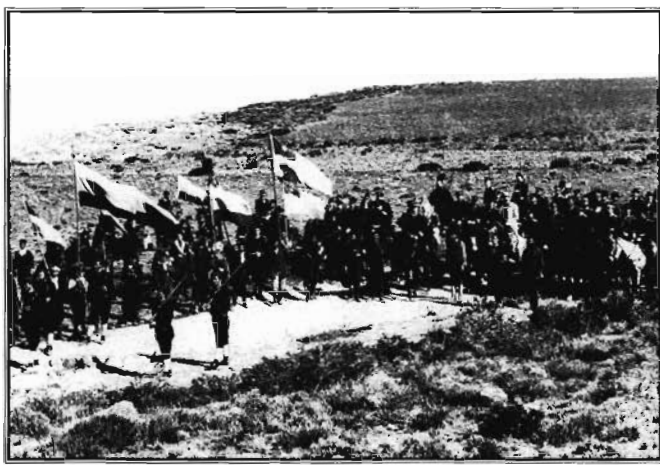
Принц Георг и начальники европейских оккупационных войск на Крите inspectируют построенные части на Марсовом поле в Кане

Ретимно был украшен греческими, критскими и русскими флагами. После молебна в кафедральном соборе около 300 человек собрались на совместное собрание научного и гимнастического обществ, на котором детские хоры пели греческие гимны, а председатели обществ выступили с пламенными речами и читались поэмы, посвященные греческой революции. Потом все участники с зажженными факелами прошли по главной улице города — Царской.

Верховный комиссар совершал постоянные поездки с инспектированием в главные населенные районы острова — Сфакийский округ, Кандию, Ретимно и другие, где стояли иностранные отряды.

В январе 1900 г. в Кане из русских сил находилась 2-я и 4-я рота во главе с капитаном Иваном Фроловым, которая несла, по очереди с другими иностранными силами, караульную службу в Суде, где развеивалось пять флагов — английский, французский, итальянский, русский и турецкий, и в форте Изеддин. Из пяти рот русского сухопутного отряда остальные три — 1, 3 и 13-я — со штабом отряда были размещены в Ретимно. Все это делало очень трудным для подполковника К. И. Урбановича, образцового вояки, проводить все необходимые по уставу учения. Об этом он постоянно информировал через консула свое правительство. Добросовестную службу на Крите несла канонерская лодка «Запорожец», которая постоянно навещала Ретимно. «Запорожец» был назначен стационаром в Афины в 1890 г. В 1899–1900 гг. он находился в критских водах. Капитанами «Запорожца» были: сначала капитан 2-го ранга Юрковский и затем капитан 1-го ранга А. В. Невражин.

В конце февраля 1900 г. ретимский отряд посетил командующий отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирал А. А. Бирилев. (Он командовал эскадренным броненосцем «Сисой Великий» в 1893 г.; в 1907 г. стал адмиралом.) Несмотря на то, что Урбанович заранее дал ему знать, что из-за волнения на море связи с берегом нет, Бирилев вышел из Суды, но высадиться в Ретимно ему не удалось. Через несколько дней командующий все-таки прибыл на эскадренном броненосце «Император Александр

Принц Георг направляется в монастырь Аркадия

II» на ретимский рейд, а затем был доставлен на берег, где ему устроили торжественную встречу. Проведя краткую инспекционную поездку, Бирилев благодарил людей «за прекрасное поведение на острове Крит». Он интересовался условиями жизни матросов и офицеров, и особенно питанием и водой. Бирилев обещал «лично доложить военному министру о том «образцовом порядке», который он нашел везде в отрядах и в Кане, и в Ретимно»⁸.

Лодка «Запорожец» доставляла постоянно в Ретимно почту, а также все необходимые грузы для ретимского отряда, привезенные на рейсовых пароходах из России (нередко на пароходе РОПиТа «Чихачев» из Одессы). Но иногда из-за плохой погоды в критских водах пароходы дальнего следования меняли курс, не заходя на остров, и отряд ожидал почту по месяцу. Начальник отряда часто сокрушался, что почта затерялась надолго и «даже неизвестно, где находится»⁹. Почта доставляла на остров не только письма и газеты, но и приказы по русскому сухопутному отряду, и они также могли легко потеряться.

На лодке «Запорожец» обратно в Канею раз в месяц на одну неделю отправлялся хор певчих и отрядный православный священник для духовных бесед с отрядом и морскими командами с военных судов в Суде, а также для других религиозных обрядов. Из России по просьбе отрядного священника Николая Шутова была выписана походная церковь Св. Плащаницы¹⁰.

Русский ретимский отряд жил своей, уже привычной армейской жизнью, постоянно совершая военные «прогулки» в различные районы своего подопечного округа, занимаясь учебными стрельбами. Начальник Отдельного отряда императорских войск К. Урбанович получил хорошо организованный и здоровый отряд. Наконец то большинство болезней, благодаря самоотверженному труду врачей и сестер милосердия, было побеждено. Начальник отряда теперь мог с удовлетворением доложить о том, что «санитарное состояние в отряде превосходное; в лазаретах города Ретимно больных нет, а в изолированных командах (изоляторах. — О. С.) нет больных ни в Ретимно, ни в Канеи»¹¹.

8 ИАК. Там же. № 33. Л. 85–86.

9 ИАК. Там же. № 95. Л. 153.

10 ИАК. Там же. № 35. Л. 91.

11 ИАК. Там же. № 30. Л. 70.

Однако среди населения количество болезней не уменьшилось, к ним прибавились даже участвовавшие случаи проказы. С этой целью в Ретимно в марте прибыли иностранные врачи Кангейм и Эллерс для изучения проказы и принятия мер по ее предупреждению. Страшно мучили русских солдат, особенно летом, москиты.

Серьезной проблемой в это время для русского отряда был большой дефицит денежных средств, так как за время руководства отрядом полковником Шостаком «дело общественной помощи и благотворительности» было поставлено на широкую ногу, и у местного беднейшего населения сложилось твердое убеждение в том, что со стороны русского начальства никогда не будет отказа, если к нему обратиться за помощью. С отъездом полковника Шостака в Россию и с переходом денежных остатков в распоряжение полковника барона Кене это убеждение еще более окрепло. После отъезда Кене все денежные источники окончательно иссякли, так как все, что оставалось, было передано в ретимское благотворительное общество, которое практически бездействовало и никак не могло даже утвердить свой устав. Между тем нуждающиеся критяне продолжали по старой памяти стучаться в двери к «русскому начальнику». Некоторые из них тратили на писание прошений и на получение от местных властей удостоверений об их бедственном положении последние деньги. К. И. Урбанович был вынужден обратиться к правительству с просьбой выделить некоторую сумму на устройство по крайней мере общего стола для бедных в г. Ретимно и ближайших деревнях без различия вероисповедания, хотя бы в русские торжественные дни «для поддержания обаяния имени русского царя — их благодетеля»¹².

В связи с этим Урбановичу приходилось строго экономить средства самого отряда. С этой целью, например, он переместил отрядную хлебопекарню и склад хлеба непосредственно в казармы, сэкономив на аренде более 180 руб. в год. Денежное содержание отряда по его же просьбе обеспечивалось теперь не в русских кредитных билетах сторублевого достоинства, как ранее, а золотом, что также вело к экономии. Связано это было с тем, что на Крите бумажные русские деньги местные торговцы отказывались принимать и все сделки совершались лишь в золотых и серебряных монетах. При обмене же в канейском отделении Афинского банка брали 1,5 %. Исключение составляли золотые монеты всех стран и некоторые серебряные¹³.

Еще одним источником экономии было сокращение штатов, в том числе переводчиков. К. Урбановичем был оставлен один лучший переводчик — Эммануил Сотирхос, владевший новогреческим и французским языками. Вообще с переводом в отряде была проблема: оставленный в отряде Э. Сотирхос не знал ни слова по-русски, а кроме самого Урбановича, в русском отряде в Ретимно никто из офицеров не знал французского языка. Новогреческим языком, да еще с его критской спецификой, не владел в отряде вообще никто. Естественно, что все сношения с местными властями и местным населением были крайне затруднены, особенно если требовалось давать какие-либо показания в суде. Урбанович просил своего генерального консула прислать переводчика, владеющего русским и новогреческим языками, но таких не было.

Вместе с тем русский отряд продолжал тратить деньги на благотворительность, например, участвовал в составлении сметы и оплате работ по перестройке епископского дома в Ретимно, которая поручалась подрядчику Лианадаки из Афин. Также был открыт и освящен епископский дом в Канее, отстроенный после пожара на средства, ассигнованные по высочайшему повелению императора Николая II, что было приурочено к торжественному празднованию в критской столице дня рождения русского императора — 6 мая. Празднования проходили очень торжественно. После молебна в кафедральном соборе, где присутствовали принц Георг, охраняемый русскими, генеральный консул России статский советник А. А. Гирс, епископ Никифор и все духовные и

Принц Георг и епископ Ретимно Дионисий с русскими офицерами и их женами возле епископского дома, отстроенного после пожара 1897 г. на деньги России

12 ИАК. Там же. № 43. Л. 109.

13 ИАК. Там же. № 28. Л. 67.

официальные лица, состоялся парад, в котором от русского отряда участвовала 4-я рота под командованием штабс-капитана Соколовского. Георг принял рапорт из рук русского командира и поздравил всех с днем рождения его величества государя императора. Затем состоялся обход школы в епископском доме, и хор греческих девочек пропел по русски «Боже, царя храни». Завтрак был сервирован на 32 куверта, и первый тост был за царя, а второй за принца Георга. Духовные лица говорили о своей благодарности русскому монарху за все его благодеяния и отряду за помощь острову¹⁴.

Украшением и гордостью города теперь стала больница, построенная также на деньги русского императора и содержавшаяся частично на деньги русского отряда. Вообще большие города, благодаря присутствию там международных отрядов, Крита медленно преображались. Так, еще в бытность Урбановича начальником гарнизона канейского сектора им был представлен принцу Георгу проект и план устройства в Канее набережной рядом с улицей контр-адмирала Скрыдлова. Целью проекта было дать второй свободный выход из города к морю, соединить кратчайшим путем деревни Платания и Галата, расположенные по берегу моря, с главным городом Канея, следовательно, облегчить доставку продуктов из этих деревень в город, ведь ранее они доставлялись сложным кружным путем. Кроме того, новая дорога соединяла фабрику по выделке оливкового масла, основного продукта Крита, с портом, а также оживляла греческий квартал возле улицы Скрыдлова. Набережную предполагалось построить длиной в 80, а шириной в 50 м, что давало бы городу возможность устраивать на ней гуляния, а участки, прилегавшие к ней, продать за большие деньги под постройку новых домов, чтобы с лихвой вернуть затраты на постройку. Проект был одобрен верховным комиссаром Крита, а сами работы проходили под наблюдением поручика французской морской пехоты Дюрана, строившего ранее дороги из Суды в Канею и из Канеи в Халепу. Набережная была сделана превосходно — на глубине в 5-м были заложены бетонные плиты с северной стороны города. Кладка успешно выдержала январскую бурю, которая не нанесла ей ни малейшего ущерба¹⁵.

Наведению порядка на острове во многом способствовало то, что очень быстро были приняты жесткие меры по отношению к нарушителям — наказания были введены чрезвычайно строгие. Так, у известного канейского коммерсанта грека было обнаружено охотничье ружье, на которое он из экономии не взял разрешения у властей. Коммерсант был предан суду и приговорен к двухмесячному тюремному заключению и штрафу в 100 франков. Как только о таком решении стало известно, более 300 человек пожелали сдать свое оружие в префектуру. Другой пример: один крестьянин был уличен в краже овцы. За это он оказался на месяц в тюрьме в кандалах и заплатил штраф в 100 франков. Мера оказалась весьма действенной, и очень скоро таких распространённых ранее на Крите преступлений практически уже не было.

Жизнь на острове постепенно входила в мирное трудовое русло, но мусульманское население, соблюдая внешнее спокойствие, принимало новую власть с трудом. Наиболее заметным событием на Крите на рубеже веков стал суд над главным мусульманским

духовным лидером на острове — Хаджи Хассаном бабой. Это был 75-летний старик с очень приятным и выразительным лицом, который 30 лет назад занимал пост начальника таможни на острове и, вполне естественно, имел большую власть и пользовался всеобщим уважением. Но однажды, пресытившись своим положением, он бросил все, решив посвятить себя служению Аллаху, покинул свой пост, отправился в Мекку к святым местам, а вернувшись, практически перестал выходить за пределы своей усадьбы, проводя время в посте и молитвах и в помощи бедным. Любой мусульманин находил в его доме приют, совет и помощь. В конце концов мусульмане окружили его имя ореолом святости и непогрешимости. Во время последних беспорядков на острове, как было хорошо известно всем, дом Хассана бабы служил центром, где собирались главари башибузуков и откуда исходили приказы и раздавалось оружие и патроны мусульманам.

После ухода турецких властей с острова полковник Шостак объявил о сдаче всего оружия новым властям, и Хаджи Хассан баба первым сдал его. Он оставил у себя только старинное наследственное оружие в богатой оправе, перешедшее к нему от отца, с разрешения самого полковника Шостака. Однако в феврале 1900 г., совершая очередной обход, критские жандармы заметили двух мусульман, тайком пробиравшихся с огромными тяжелыми мешками к дому своего святого наставника, а когда их окликнули, бросились бежать, оставив по дороге непомерную ношу жандармам. В мешках оказались патроны к новейшим образцам оружия. Обыски в доме Хаджи Хассана бабы, в мечети и прилегающих к ней домах в предместье Мустаба, где все это происходило, принесли богатый улов, — доказательства, необходимые чтобы отдать жителей этих домов и самого Хаджи бабу под суд. Узнав об этом, мусульмане острова в тот же день засыпали власти протестами и просьбами об освобождении, а вскоре в крайнем возбуждении вышли на улицы и провели там ночь в ожидании ответа на их коллективную телеграмму верховному комиссару. Принц Георг объявил мусульманам, что перед законом все граждане острова должны быть равны, и возразить на этот ответ им было нечего — волнения стихли. Суд состоялся в середине февраля и продолжался двенадцать часов крику. Главный обвиняемый признал себя виновным, но объяснял это удаленностью своей усадьбы и необходимостью охранять деньги, предназначенные нуждающимся. Приговор вынесли мягкий — один месяц тюрьмы и крошечный штраф, а вот оружие было на этот раз отобрано. Условия, в которых содержался такой уважаемый заключенный, по приказанию верховного комиссара были приближены к домашним¹⁶. Принц Георг всячески подчеркивал, что он является на острове представителем как христиан, так и мусульман.

В мае в деревне Пиги был убит мусульманин, и верховный комиссар, ощущая серьезность события, приказал руководить расследованием дела главному прокурору острова Бенси. Сам верховный комиссар откликнулся на это убийство обращением к народу, в котором он призвал критян прийти на помощь следствию — найти убийцу, «который не уважает свое отечество, так как совершенное им преступление позорит патриотические чувства народа» и самого верховного комиссара. Обращение было распечатано в тысячах экземплярах и расклеено по улицам

14 ИАК. Там же. № 43. Л. 102.

15 ИАК. Там же. № 30. Л. 72.

16 ИАК. Там же. № 31. Л. 79.

ретимского округа. Было обещано щедрое вознаграждение в 100 наполеондоров (750 руб.) за указание, где найти убийцу, а за задержание — 200 наполеондоров, но все принятые меры не привели к желаемому результату. На след убийцы выйти не удалось, но в ходе следствия стало ясно, что убийство было совершено по политическим мотивам, а именно из стремления разжечь заглохшую было враждебность между греческим христианским и мусульманским населением округа, чтобы спровоцировать отъезд мусульман из округа. Так и произошло. Уже через три дня после убийства 150 мусульман из Ретимно и около 300 из Канеи покинули Крит навсегда. Столько же мусульман в Ретимно спешно приготовились к отъезду и ожидали первого парохода. «Несмотря на то, что в деле управления островом принимают участие обе нации, несмотря на наведенный повсюду порядок, на чрезмерно строгие наказания за убийство в критском уголовном кодексе, — писал К. Урбанович консулу, — сомнение в будущем спокойствии и в личной неприкосновенности настолько велико в среде мусульманского населения, что достаточно малейшего случая, чтобы посеять между ними панику. Никакие вразумления не действуют. Критские мусульмане твердо убеждены, что им не устоять против более многочисленного населения греческого и что рано или поздно они будут принуждены покинуть остров». «С первого взгляда действительно казалось, — писал Урбанович в другом докладе консулу, — что нет розни между греческим и турецким населением, но на самом деле глубоко затаенная ненависть первых ко вторым существует и подчас проявляется открыто». Так, например, ни один грек не покупал ничего у мусульманина, ни в лавке, ни на базаре. В результате мусульмане вынуждены были продавать свои продукты только единоверцам, а так как число турецких лавок и магазинов значительно превышало спрос мусульман, которых было численно меньше на острове, то торговцы, борющиеся до последнего, вынуждены были, убедившись в невозможности конкурировать с греческими торговцами, один за другим ликвидировать свои дела на Крите и уезжать¹⁷.

В октябре в Ретимно начался «по неизвестной причине» пожар в магазине турка Али Семимакаки, и опять злоумышленники не были найдены. По словам старожилов, в Ретимно 80 лет не было пожаров и умения тушить их было потеряно. Пожар вскоре принял угрожающие размеры, так как вспыхнули бочки с мыльным спиртом на мыловаренном заводе турка. Настоящими героями в городе стали русские военные, предпринявшие героические усилия по тушению пожара: капитан Никифор Дадыкин и его взвод, капитаны Иван Фролов, Захарий Мартынов и Петр Третьяков, прибывшие чуть позже. В Ретимно было всего два насоса, подаренные городу полковником Шостаком. Напор воды на городской станции был очень слабым, и прошло целых полчаса, пока удалось открыть там все краны. Насосы Шостака оказали большую помощь городу; жители благословляли «доброту русского военного начальника, спасшего город», газеты расписывали подвиги русских солдат и офицеров, тушивших пожар, в самых возвышенных тонах. Отмечали и смелость самого начальника русского отряда Константина

Урбановича, взбиравшегося на горящие крыши домов и руководившего всей операцией по тушению пожара в городе. Комитет города опубликовал длинное постановление, выражавшее благодарность русским военным¹⁸. В Канее в феврале 1901 г. 13-я рота помогла также потушить пожар в бакалейной лавке Дмитрия Даскалаки на Черногорской площади. Помогала ей в этом и рота французского батальона, принеся два своих пожарных насоса, которые были в те годы большой редкостью на Крите.

В мае прошел слух, что на остров Крит у деревни Георгиуполис высадился вооруженный отряд инсургентов в 46 человек, чтобы заставить правительство амнистировать их товарищей по восстанию до 1897 г., однако, как скоро выяснилось, отряд состоял всего из пяти человек, которые были тут же арестованы¹⁹.

Тем временем в русских войсках продолжались обычные учения. 1-я и 2-я роты совершили поход к каменному мосту на дороге к деревне Марулас. «По пути следования ротам задавались задачи — выбить противника, засевшего в отдельном здании или укрепившегося за отдельной высотой. При подходе к деревне Переволье обнаружилось, что деревня занята неприятельскими мародерами, и их пришлось выбивать из каждого дома... Конечно же, целью прогулки была поставлена атака и занятие моста и позади лежащих высот»²⁰.

В мае 1901 г. в русских ротах призывников 1897 г. сменили новобранцы призыва 1899, 1900 и 1901 гг. Для того, чтобы сплотить вновь сформированные роты, в Ретимском округе были произведены ротные уставные учения. Отмечались, как и прежде, все ротные и полковые праздники. В честь ротного праздника в 1-й роте был отслужен благодарственный молебен. Затем полагалась раздача «по чарке водки», но рота постановила отдать эти деньги «на украшение ротного образа, а на остальные купить лакомства». 2-я рота, праздновавшая свой праздник чуть позже, также заменила водку лакомствами и фруктами²¹. Так проходила борьба с пьянством в русском отряде. Игры и соревнования, проводившиеся обычно в такие дни, были отменены из-за ужасной жары. (Нельзя забывать, какую теплую форму должны были носить русские солдаты тех лет!)

В честь полкового праздника в первый день Святой Пасхи в начале августа состоялся в Канее парад во главе с командиром 13-й роты капитаном Дадыкиным, после чего «люди приступили к разговению». На параде присутствовал русский генеральный консул А. А. Гирс. По случаю праздника Св. Пасхи депутация из 22 человек от мусульман г. Ретимно с кади, начальником еснафа и муллой во главе прибыла в этот день на квартиру к полковнику Урбановичу с поздравлениями от всего мусульманского населения Ретимно²². Замосцы обменялись поздравлениями по случаю Пасхи и с греческой королевой Ольгой Константиновной, которая все больше внимания уделяла русским войскам на Крите, которые были самой лучшей гарантией безопасности ее сына на острове. Кроме того, королева была очень религиозным человеком и чувствовала бесконечную близость к православному народу России, а русские войска были представителями именно этого народа. На Скрыдловской площади в Ретимно проходили состязания, игры

17 ИАК. Там же. № 43. Л. 105-107.

18 ИАК. Там же. № 62. Л. 121-130.

19 ИАК. Там же. № 52. Л. 114.

20 ИАК. Там же. № 77. Л. 136.

21 ИАК. Там же. № 88. Л. 147; ИАК. Там же. № 95. Л. 149.

22 ИАК. Там же. № 83. Л. 138.

с призами, на которых присутствовали все офицеры ретимских рот с семьями. Как всегда в играх принимали участие критские жандармы, которыми руководил поручик Гарронэ. Все были оживлены и довольны, а Урбанович писал, «что не менее приятное развлечение они доставили и местным жителям, собравшимся в большом числе на площади». На следующий день все нижние чины были отправлены на военную прогулку в рощу в деревне Аделе в шести верстах от города, где были назначены гуляния по утвержденной Урбановичем программе.

По собственному пожеланию в гуляниях приняли участие также и все офицеры с семьями. Состоялась молитва за царя, «хором трижды пропели народный гимн», «фуражки полетели вверх и громогласное русское «Ура!» прокатилось по склонам окружающих возвышенностей, покрытых многолетними масличными деревьями», — писал очень довольный своей выдумкой Урбанович. Затем были розданы порции жареной баранины, хлеб, мешочки с лакомствами и чай вместо водки. После чая «начались состязания в пении хоровых песен, в исполнении казачка и камаринского и в прыганье в длину». Вручались призы победителям, в том числе солдату, прыгнувшему на 6 с половиной аршин. Затем были «игры в жугута» и атака крепости, для которой использовали остатки старинной постройки. «Игра эта прошла без серьезных повреждений». Затем состоялся забег на версту, в котором участвовало 16 человек. Затем — опять молитва за царя, и с пением строем все отправились в Ретимно в казармы, где их ждал обед, приготовленный по усиленной праздничной раскладке²³.

В августе проходили различные ротные учения, и многие нижние чины, выполнившие все упражнения были награждены серебряными или никелевыми часами на шейной цепочке с портретом государя и с соответствующей надписью на крышке часов. Всего было выдано в ретимских ротах 17, а в Канее на 13-ю роту — 5 призов. Вручение наград было произведено с подобающей торжественностью на центральной площади Ретимно при большом стечении народа, а в Канее часы были вручены не менее торжественно на Русском бастионе²⁴. В течение всего августа русские солдаты несли караульную службу в Суде, а в сентябре их сменили французы. В это время русский император с императрицей гостили во Франции, и между французским и русским

отрядами, а также генеральными консулами на Крите А. А. Гирсом и Бланом состоялся обмен телеграммами. В Канее по этому случаю состоялись приемы во французском консульстве. Гирс был деканом консульского корпуса на Крите, да еще одним из немногих дипломатов, овладевших критским диалектом, что также повышало его авторитет. В это время на Крит приезжал русский богач и меценат Ю. С. Нечаев Мальцев, чтобы заказать большее количество слепков с образцов древнегреческой скульптуры и архитектуры для будущего музея Александра III в Москве, задуманного профессором И. В. Цветаевым. Вместе с Гирсом они посетили раскопки в Фесте и Кноссе. Об этом путешествии появилась статья Соловьева в «Санкт Петербургских ведомостях».

В сентябре 1901 г. в Судскую бухту прибыла канонерская лодка «Терец» под командой капитана 2-го ранга Сапса 1-го. Контр-адмирал А. Х. Кригер, командующий отдельным отрядом судов в Средиземном море, поручил командиру «Тереца» посетить русский отряд в Суде, в Канее и в Ретимно и лично ознакомиться с нуждами отряда на Крите. В Ретимно «Терец» встречал весь город, в том числе мэр Юсуф бей и российский консул Хаджи Григоракис. На лодке вместе с капитаном Сапсом 1-м прибыл секретарь Российского генерального консула на Крите Протопопов.

Русские офицеры и матросы на палубе крейсера «Аврора»

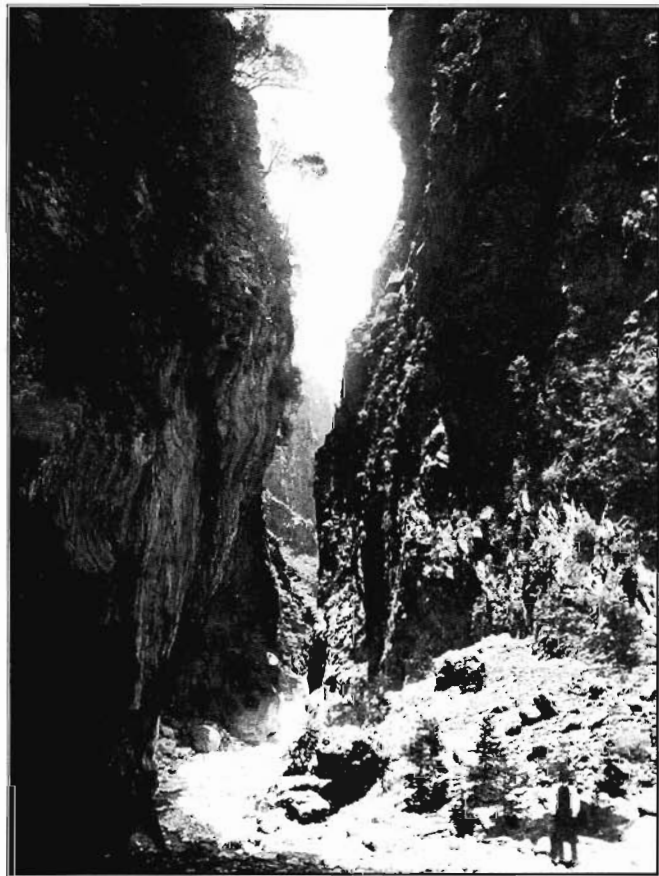

Прибытие принца Георга в Кандию (Ираклион)

23 ИАК. Там же. № 83. Л. 140-142.

24 ИАК. Там же. № 95. Л. 148, 153.

В сентябре 1901 г. исполнилось три года пребывания на острове вверенного Урбановичу отдельного отряда русских войск на Крите, и он в торжественном собрании офицеров и нижних чинов напомнил, «для какого назначения они оставлены на острове совместно с такими же отрядами международных войск и за проявление каких качеств, присущих вообще великой Русской Армии, мы можем заслужить по возвращении на родину одобрение и похвалу нашего начальства»²⁵. Сам Урбанович был счастлив, отмечая полученный за хорошую службу чин полковника. Затем роты перешли на местное православное кладбище, где были похоронены 46 солдат, и состоялась панихида и окропление могил погребенных в первые два года службы. Все могилы были убраны цветами; над могилой рядового 1-й роты Мартыненко был сооружен год назад памятник. Иностранные отряды также отмечали эту дату. На католическом кладбище священник местной итальянской католической церкви отслужил панихиду над могилами 16 солдат международного отряда. Затем был праздник, на котором «разыграна была забавная пантомима на сюжеты из солдатской жизни, закончившаяся общей пляской»²⁶. «Терец» ушел в Пирей. В декабре в Суду прибыла канонерская лодка «Храбрый» во главе с командиром капитаном 2-го ранга Шеиным. Шеин был так же, как и Сапсай 1-й, прислан адмиралом Кригером

Ущелье Сомариас

специально, чтобы узнать, в чем нуждается русский отряд на Крите. В те дни в Канее состоялись похороны русского солдата, умершего от брюшного тифа, и на похоронах присутствовали солдаты итальянского и французского отрядов²⁷.

А. А. Гирс писал в МИД России позже, что между русскими силами и местным населением Ретимно установилась тесная связь и что население «привыкло видеть в присутствии русского отряда вернейший залог поддержания порядка и вместе с тем доказательство деятельного участия императорского правительства в устройстве судьбы острова»²⁸. Действительно, русские офицеры и нижние чины были в прекрасных отношениях с местным населением Крита. Некоторые офицеры жили в домах турок. Так, например, в Ретимно они проживали в двух домах молодого зажиточного турка Мехмета бей Айгеоргиянакиса, который имел в городе несколько домов и лавку. Оказывая всякие мелкие услуги офицерам, турок, как писал Урбанович генеральному консулу России в августе 1901 г., постепенно втерся в доверие к русским и «старался везде показываться с русскими офицерами, несмотря на противодействие» со стороны Урбановича, которому это казалось подозрительным. Урбанович не ошибался. Вскоре к нему пришел квартирмейстер поручик Ровняков с докладом о том, что Мехмет бей уговаривал рядового Силецкого перевести на казенном катере на пароход сундук с ружьями, за что обещал заплатить 20 франков. Мехмет бей знал, что Силецкий каждый раз, как на ретимский рейд прибывает какой либо пароход, идет к нему на казенном катере, чтобы узнать, нет ли грузов для отряда. Так как речь шла о контрабанде оружием, что строжайше наказывалось, Силецкий сообщил об этом своему начальству. На таможенные уже знали о намерении Мехмета бей вывезти нелегально оружие и приняли меры. Турка осудили за сокрытие оружия и попытку его незаконной отправки с острова и приговорили к двум месяцам тюремного заключения и большому денежному штрафу.

Принц Георг, продолжая свои инспекционные поездки по острову, летом посетил кидонийскую провинцию, где его повсюду встречали восторженные толпы селян. На плато Омалос, поднимающемся над уровнем моря на 3940 футов, принц в течение пяти дней жил в домике Хаджи Михали Яннариса, известного руководителя критских восстаний. Хаджи Михали дважды побывал в турецком плену, но бежал в Россию, где оставался довольно продолжительное время. От русского правительства он получал пожизненную пенсию в 40 наполеондоров (300 руб.) в месяц. Хаджи Михали обладал громадной физической силой и однажды, как гласила народная молва, избил в кофейне 18 турок, которые кричали «Да здравствует султан!» и танцевали свои народные танцы, и разогнал их по домам. Его арестовали, но он бежал из канейской тюрьмы, сбив с ног турка охранника. Эта история якобы была известна русскому царю Александру III, который тоже обладал невероятной силой, и очень ему нравилась²⁹.

Несмотря на затишье на острове, великие державы не собирались выводить свои войска, так как главная задача — создать прочную базу для объединения греческого общества — еще не была выполнена. Принц и греческое население, конечно, надеялись на большее, однако державы всячески противились даже разговорам о присоединении острова к Греции.

25 ИАК. Там же. № 97. Л. 162.

26 ИАК. Там же. № 97. Л. 164.

27 ИАК. Там же. № 103. Л. 167.

28 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, 242; Там же. Д. 2542. Л. 54.

29 ИАК. Д-16. № 95. Л. 152.

Крит и российская дипломатия в 1901-1903 гг.

В декабре 1901 г. истекал трехлетний срок полномочий, данных четырьмя державами греческому принцу Георгу как верховному комиссару Крита. Это возлагало на державы, принявшие остров под свое покровительство, обязательства по определению и устройству его дальнейшей судьбы, так как, по имевшимся у верховного комиссара сведениям, христианское население Крита связывало с этим неизбежность быстрого и окончательного решения судьбы острова в смысле присоединения к Греции. Особые надежды оно возлагало на русского императора Николая II, видя его щедрость и учитывая тесные династические связи греческого и русского королевских домов. Связи эти еще более укрепились в 1889 г. бракосочетанием греческой принцессы Александры с младшим сыном Александра II — великим князем Павлом Александровичем, двоюродным братом Ольги Константиновны. Принцесса Мария, хотя и была яркой греческой патриоткой, в 1900 г. стала женой другого кузена матери — великого князя Георгия Михайловича. Николай греческий в 1902 г. женился на внучке Александра II великой княгине Елене Владимировне.

Сама королева Ольга Константиновна все больше радела о сохранении православия на Востоке, видя, как оно неумолимо рушится¹. Вся бурная политическая борьба как в Греции, так и на Крите была связана с обсуждением путей осуществления греческой программы «Мегали идея» и одной из главных ее задач — присоединения к Греции «великого острова Средиземноморья» Крита. Еще раз напомним, что в отличие от Македонии, где вскоре вспыхнет настоящая война между балканскими народами и будут сражаться критские добровольцы, ни одно из балканских государств кроме Греции не претендовало на Крит. Но великие державы не торопились выполнить обещание, и на острове опять началось брожение.

Такой поворот критского вопроса приводил греческого принца в замешательство. Если державы найдут возможным в случае беспорядков на острове употребить военную силу против зачинщиков движения, то он — принц греческого дома, не мог встать во главе международного отряда и идти наперекор критянам и всем грекам, даже будучи верховным комиссаром. Находясь в сильном беспорядке за судьбу свою и острова, желая предотвратить какие либо опасные решения Народного собрания и вытекающие из них осложнения, принц Георг решил осенью 1900 г. посетить столицы европейских держав; чтобы предупредить державы о невозможности для него при таких условиях продолжать свою деятельность в качестве верховного комиссара. Принц попытался выяснить намерения держав касательно будущей администрации острова. С этой целью он сначала посетил своего кузена императора Николая II, отдыхавшего в Ливадии. Там он убеждал российского императора, что наиболее целесообразно было бы четырем державам «по собственному почину провозгласить или допустить окончательное присоединение острова к Греции, вполне отвечающее желанию критского народа». Николай II, сначала поддавшись красноречию своего греческого родственника, да еще спасшего ему

в свое время жизнь, готов был поддержать его просьбу. Но очень скоро под давлением своих министров российский император вынужден был отдать приоритет сохранению верховных прав турецкого султана Абдул Гаида на остров по общим политическим соображениям и в соответствии с данным Абдул Гаиду обещанием. Вскоре там же, в Ливадии во время беседы русского императора с чрезвычайным посланником султана Турхан пашой критский вопрос также был затронут. Николай II говорил о желании укреплять более тесные отношения между двумя пограничными империями, считая, что и Турция «в своих прямых интересах должна искать опоры лишь в соседней могущественной России». Однако это предложение было слабо подкреплено экономически. Турецкому посланнику напомнили некоторые исторические факты 30 летней давности, а именно период борьбы султана с египетским наместником, когда Россия пришла на помощь Турции и предотвратила тяжкие бедствия, а также недавний 1896 год. Император подчеркивал, что в целях более тесного и прочного сближения необходимо, чтобы существовали более искренние и доверительные отношения, а намерения держав в текущей политике и в каждом стоящем на очереди политическом вопросе были ясны. В связи с этим Николай II дал указание российскому послу в Турции И. А. Зиновьеву (1897-1909) в откровенной беседе с султаном высказаться, между прочим, относительно критского вопроса и дать султану «ясно понять, что в критском деле возврата к прошлому нет и быть не может; что по-сему султан со своей стороны должен всячески содействовать, в интересах сохранения спокойствия в империи, мирному устройству дальнейшей судьбы острова, при котором принципиально оставались бы неприкосновенными и права падишаха как сюзерена Крита». «В самом деле, — сообщалось в секретной инструкции И. А. Зиновьеву, — султану должно быть хорошо известно, что после событий 1898 г. Турция не может ни в каком случае рассчитывать на восстановление прежней оттоманской администрации на острове и что ни одна держава не допустит посылки турецких войск на Крит, а при таких условиях не целесообразнее ли было бы со стороны султана облегчить державам предстоящую им задачу?»². Россия не хотела брать на себя инициативу в критских делах, так же как, впрочем, и остальные державы покровительницы, но посчитало своим долгом предупредить султана об истинном отношении России к критской проблеме.

Отправляясь из Ливадии в западноевропейские столицы, принц Георг намерен был предложить также еще один, совершенно новый вариант решения критского вопроса, — передать мандат по управлению островом королю эллинов с заменой находившихся на Крите международных войск греческим экспедиционным отрядом при сохранении верховных прав султана. Отрицательный ответ западных держав можно было предугадать безошибочно, тем не менее Николай II просил И. Зиновьева объяснить султану, что если бы этот проект вызвал общее сочувствие, то Россия, с чем не может не согласиться султан, конечно, «менее всякой другой державы могла бы противиться этому проекту»³. Принц Георг по ходу своих визитов в европейские столицы мог лично удостовериться, что хотя Россия и была готова всячески содействовать осуществлению его идей, но они не всегда встречают сочувственный отклик остальных европейских держав⁴.

1 См.: Соколовская О. В., Чуркина И. В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Китеевым // Славяноведение. № 4. 1996. С. 57-74.

2 АВПРИ. Ф. Политархив 1900-1909. Д. 2623. Л. 129-130.

3 АВПРИ. Там же. Л. 130об.

4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532, Л. 124об.

Несмотря на полный провал переговоров верховного комиссара острова принца Георга с европейскими кабинетами, которые Крит воспринимали как «депозит», мягкий отказ русского императора принцу Георгу казался почти согласием, и критское население связывало еще некоторое время с именем Николая II свои национальные надежды. Весь 1901 год был годом надежд на быстрое решение критского вопроса с помощью России, и настроения отличались «крайним оптимизмом». Все праздничные шествия и манифестации проходили под лозунгами «Зито прингипс!», «Зито эносис!», «Зито царос!», т. е. «Да здравствует принц!», «Да здравствует объединение!», «Да здравствует царь!»⁵. По всему Криту весной 1901 г. проходили собрания общественности для выработки напутствий депутатам Народного собрания. Так, например, в мае в русском ретимском секторе был созван муниципальный совет для редактирования петиции по случаю открытия заседаний депутатского собрания. Члены муниципального собрания мусульмане на собрание не явились, отговорившись нездоровьем. Мусульманское население было вообще сильно встревожено и ожидало демонстраций, направленных против него со стороны греческой части населения, а также делегаций крестьян из других городов и деревень округа, прибывших в Ретимно 19 мая. С раннего утра дома греков были украшены греческими флагами, и только на здании префектуры развевался флаг автономного Крита. Под звон колоколов народ собрался с утра на Соборной площади, где состоялся большой митинг. Адвокат Манусакис, молодой человек, но уже пользовавшийся известностью как политик, зачитал постановление ретимского муниципального совета, в котором от имени критского народа выражалась благодарность четырем державам покровительницам за освобождение от рабства и просьба довести до конца дело воссоединения острова с матерью Элладой. Собравшиеся под флагом греческой революции 1821 г. манифестанты во главе с местными властями двинулись по Царской улице к дому французского консула, где скандировали: «Да здравствует французский народ! Да здравствует Французская республика! Да здравствует Греция, король Георг, принц Георг и присоединение!»⁶. Потом все повторилось перед консульствами других великих держав. Несколько мальчиков, захватив греческие флаги, бросились к принцу с криками: «Зито эносис!», но были вовремя остановлены. После обеда прибыла делегация из деревни Аджипопуло, и все повторилось. Организаторы манифестаций внимательно следили, чтобы порядок нигде не был нарушен, чтобы не вызвать ответных действий турок и нареканий со стороны великих держав.

Настроения греческого населения Крита, а также неудача визитов в европейские столицы в 1900 г. заставили принца Георга повторить все сначала в конце лета 1901 г. Греческий король, в свою очередь, также отправился в Европу ходатайствовать о решении критского вопроса в пользу Греции. Афинская печать широко освещала визиты короля и принца в столицы держав покровительниц и особенно подчеркивала важность этих визитов для судеб Крита. Предсказывалась скорая и полная победа в этом вопросе. По мнению прессы, присоединение «великого острова» должно было произойти по возвращении его величества в Афины, где король должен был открыть заседание Греческой палаты и объявить народным представителям о присоединении Крита к Греции. Несмотря на отказ, вновь полученный принцем

Георгом, а затем и королем эллинов в столицах держав покровительниц, тон греческой и критской печати был весьма оптимистичным, а начало коренного поворота в судьбе острова по-прежнему приписывалось русскому императорскому правительству. Но постепенно тон статей становился все менее радужным, затем выражалась лишь надежда на присоединение, а вскоре она и вовсе угасла, и в статьях стали обсуждать только конкретные меры — замену международных войск греческим отрядом на Крите и т. п. Проявление теперь Россией большей, с точки зрения греков, сдержанности в критском вопросе было связано с тесным якобы сближением Греции с Румынией и Австро-Венгрией⁷. Но это уже другая тема!

Поездки в Европу принца Георга и греческого короля заставили русское правительство пристальнее наблюдать за развитием критского вопроса, который занимал теперь первое место в его отношениях с Грецией и был одним из сложнейших вопросов балканской политики России в целом. Несмотря на незначительность греческого королевства, Афины в конце прошлого столетия были важным узлом политических интриг великих держав, а потому и дипломатический корпус был составлен из достаточно видных дипломатов. Многие из них впоследствии стали министрами иностранных дел. В августе 1901 г. умер один из опытейших дипломатов и прекрасных знатоков Ближнего Востока российский посланник в Афинах М. К. Ону. Это был, как вспоминают его современники, весьма оригинальный и интересный человек. Службу он начал в качестве «мальчика для поручений» при канцелярии русского главнокомандующего еще во время венгерской кампании 1849 г. На него обратили внимание как на очень способного молодого человека и взяли с собой в Россию, где он окончил гимназию, затем Лазаревский восточный институт и стал большим знатоком не только турецкого, но также греческого и арабского языков. Начав дипломатическую службу в посольстве в Константинополе, Ону сделался первым драгоманом уже во время заключения сан-стефанского договора. Затем стал советником того же посольства, что бывало редко, а затем посланником в Афинах.

После смерти Ону в Афины был назначен известный дипломат барон Р. Р. Розен (1847–1922), уступивший свое место в Токио А. П. Извольскому (1856–1919), восходящей дипломатической звезде (Извольский возглавит МИД в 1906–1910 гг.) и стороннику англо-русского сближения⁸. В секретной инструкции чрезвычайному и полномочному министру России в Афинах барону Розену (1901–1902) сообщались как общие позиции русской политики на Балканском полуострове, так и конкретные соображения относительно Крита, которыми он должен был руководствоваться в своей новой деятельности. В этих инструкциях совершенно ясно прослеживалась вся сложность русской политики на Балканах, ее противоречивый характер. Россия, политика которой была направлена прежде всего на сохранение неприкосновенности владений султана, «чтобы избежать опасных осложнений, кои легко могли стать причиной несвоевременной постановки на очередь вопроса о разделе Турции», т. е. на сохранение мира на Ближнем Востоке, в то же время стремилась поддерживать «законные вождения балканских народов и способствовать самостоятельному существованию их на почве национальной самобытности»⁹.

5 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 152; ИАК. Д. 16. № 103. Л. 173.

6 ИАК. Там же. № 88. Л. 146.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 152–153.

8 Соловьев. Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 124.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 122–122об.

Россия не могла не заботиться о сохранении на Ближнем Востоке влияния православной веры, которая активно вытеснялась эмиссарами католической церкви. То же происходило и на Крите. При этом Россия никогда не упускала из виду сюзеренитет султана, хотя, по существу, дарованная Криту широкая автономия, очевидно, ограничивала права султана. Тем не менее российская дипломатия заботилась, особенно на рубеже веков, «о сохранении хотя бы фикции верховенства падишаха», не желая омрачать отношения с Турцией¹⁰. Российские представители на Крите по мере сил оказывали покровительство не только православному, но и мусульманскому населению острова.

Вместе с тем, осознавая всю сложность внешней политики Греции, руководствовавшейся великогреческими идеалами, и учитывая крайнее честолюбие греков, считавших себя законными наследниками Византийской империи, а следовательно, простиравших свои территориальные замыслы далеко за пределы новогреческого королевства, Россия готова была помогать единоверной стране, к тому же спаянной узами близкого родства между царствующими домами Греции и России.

Русские дипломаты также отмечали, что греки, хотя и не обнаруживают в полной мере своих амбициозных замыслов, всеми доступными средствами стремятся к их осуществлению, в том числе через константинопольскую патриархию. Хотя единство веры, казалось бы, должно было служить прочной связью между Россией и Грецией, на деле греки превратили церковь в орудие политических замыслов. Греция совершенно не оказывала помощи России в ее заботе о православии на Ближнем Востоке в целом, и более того — «своим воздействием на представителей восточных православных церквей укрепляла их в стремлении к достижению одних лишь целей эллинизма». В результате действия России и Греции среди православных народов Востока были непоследовательными, а защита их от иных религиозных воздействий сильно затруднена. «Пожертвовав благом церкви в угоду интересам политическим, — говорилось в секретной телеграмме МИД барону Розену, — восточные иерархи не скрывают враждебных чувств... к России, и даже решаются на проiski, имеющие явной целью повредить авторитету последней». Наглядным доказательством этого были все действия Константинопольского патриаршего синода, например на Афоне, в отношении Палестинского общества (все наветы в глазах турецкого общества исходили от греков). Естественно, Россия, несмотря на все это, продолжала свою деятельность на Востоке согласно высшим интересам православия. Большая заслуга в этом принадлежала предшественнику Розена посланнику М. К. Ону. Постоянное внимание России к критским делам, назначение и заботливое участие во всех начинаниях верховного комиссара, ставшего во главе автономного управления островом, неистинное стремление облегчить участь местного населения и щедрая материальная помощь пострадавшим критянам как нельзя лучше свидетельствовали об искренности намерений России, всегда имевшей в виду улучшение быта христиан¹¹.

В секретной инструкции новому генеральному консулу на Крите коллежскому советнику камер юнкеру двора Н. С. фон Эттеру (ноябрь 1901 — март 1904) вменялось в обязанность также «киязно напомянуть критянам, что все исторические события подготавливаются

исподволь»¹². Они требуют терпения и последовательности, а любой поспешный шаг может лишь затормозить решение вопроса. Россия также опасалась, что западные державы, «коим одинаково невыгодно нарушение существующего спокойствия, могут передать управление островом другому лицу, дабы этим путем закрепить на деле принцип автономии, положенный в основу устройства Крита. Поэтому русские дипломаты и в Афинах, и на Крите пытались убедить греков и критян «в необходимости прислушаться к голосу России, всегда готовой с искренним доброжелательством относиться к интересам Греции»¹³.

В декабре 1901 г. на Крите отмечали трехлетнее пребывание принца Георга в качестве верховного комиссара великих держав и освобождение острова. В своем очередном донесении генеральному полковнику консулу фон Эттеру К. И. Урбанович подробно описывал торжества: В Ретимно улицы, дома, окна были украшены флагами, цветами и портретами принца. В столице украшение города было, естественно, еще роскошнее. На Черногорской площади Канеи была выстроена великолепная арка с надписью: «Боже, храни принца!» и «Зито эносис!», такие надписи красовались по всему городу. Забавно, что на донесении Урбановича рукой консула сбоку была сделана приписка: «Неправда, только в одном месте и было». Торжественная служба, поздравительные адреса и телеграммы принцу от всех официальных лиц, учреждений и общественных организаций, банкеты, народные гуляния и прочие мероприятия, т. е. все атрибуты праздника были налицо. Состоялось факельное шествие тысячной толпы во главе с городскими властями. Толпа скандировала: «Да здравствует принц!», «Да здравствует объединение!». На каждом собрании народа зачитывалось обращение к великим державам с просьбой продолжить их «просветительную задачу» и помочь делу присоединения острова к Греции. Тысячная толпа подошла и к дому русского начальника отряда и принесла благодарность русскому царю за царские милости Криту. Урбанович описывал, как толпа забрасывала принца цветами, поэтому его экипаж мог продвигаться сквозь толпу только шагом. В муниципальном совете состоялось собрание, на котором выражалось желание немедленного присоединения острова к Греции. На этой странице донесения консул написал: «Совсем лишнее описание», а подчеркнув слова Урбановича, что толпа полтора часа стояла у конюшен и скандировала «Эносис! Эносис!», написал: «Неправда!» Новому консулу, видимо, ужасно не хотелось и огорчать царское правительство, и усложнять свою миссию на Крите¹⁴, при этом он старался быть объективным.

Прибыв в Афины, барон Розен был крайне изумлен, что никто из греческих государственных людей «не обнаруживал ни малейшей склонности к какому бы то ни было обмену мыслей о политических вопросах». Россия ведь была державой покровительницей Греции! Не удостоился он и «ласки двора». Как свидетельствуют источники, греческая королева недолюбливала Розена из за его прозападных взглядов, нерусского происхождения, а главное — Ольге пришлось не по душе его жена француженка. Король предпочитал также вести все политические обсуждения не с Розеном, а с командующим средиземноморской эскадрой и с консулом на Крите фон Эттером, которым он доверял больше.

10 Там же. Л. 124об.

11 Там же. Л. 123-124.

12 Там же. Л. 4-4об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2623. Л. 129-130.

13 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 125.

14 ИАК. Д 16. № 103. Л. 173-178.

Розен стал допытываться о причинах такого холодного, как он считал, отношения Греции к России и посвятил первые четыре месяца всестороннему изучению политического положения дел в Греции, с которыми в Петербурге был знаком лишь поверхностно из за своего быстрого назначения, и главному на тот момент критскому вопросу. Ознакомившись с критским вопросом ближе, барон Р. Р. Розен стал горячим сторонником присоединения Крита к Греции и до конца жизни считал, что национальное объединительное движение на Крите необходимо было поддержать более решительно, так как «оно представляло собой естественный и неостановимый процесс». В секретных донесениях в Россию он высказывал мнение, что «критяне, приверженцы присоединения к королевству, потому именно и достигнут непременно осуществления своих стремлений, что стремления эти гармонизируются с общим стихийным движением, охватывающим все человечество, как равно и в том, что автономисты, поющие песню отжившего свой век партикуляризма, обречены впредь на разочарование, несмотря на все весьма веские доводы, которые могут быть приведены в их пользу, потому что именно... их стремления идут наперекор общему историческому течению». Кстати, Розен не понял, что именно «автономисты» на Крите, которых возглавлял Венизелос, вскоре победят, а их идея автономии лишь прикрытие их борьбы с принцем и греческой монархией. Но разобравшись в этих шахматных ходах Венизелоса, особенно из Афин, было очень трудно. Вместе с тем, Розен справедливо полагал «в более или менее отдаленном будущем как Крит, так и остальные, населенные греческим племенем острова сделаются достоянием эллинского королевства...». Важной задачей русской дипломатии, по мнению Розена, было выяснить вопрос о том, соответствует или нет российским интересам такое территориальное расширение греческого королевства, а в связи с этим выгодно ли России потворствовать или противодействовать этим устремлениям греков и критян?¹⁵

Планы восходящей политической звезды Э. Венизелоса, главы оппозиции, которого горячо и открыто поддерживал предыдущий российский генеральный консул на Крите А. А. Гирс, не были поддержаны греческим двором. Особенно забеспокоилась королева Ольга, которой почудился даже заговор русских дипломатов на Крите против греческой королевской семьи и конкретно против ее сына — принца Георга. Она видела, что имя Венизелоса, ярого противника ее сына на Крите, становится все более известным и популярным среди русских дипломатов. В июне 1901 г. Ольга, находясь вместе с Георгом I в России, пыталась воздействовать на Николая II. В архиве сохранились два ее письма Николаю II по поводу скандала из за прямого обращения ее сына принца Георга к правительствам великих держав с жалобами на политику консулов на Крите, все более склонявшихся к необходимости поддержки оппозиции. В первом из них Ольга писала: «Дорогой мой Ники! Так как, кажется, по вторникам у тебя бывает доклад министра «весьма странных дел» (Министра иностранных дел. — О. С.), то спешу послать тебе вовремя копию депеши George, тем более, что мама мне только сказала, что Гирс телеграфировал, что письмо George не было отослано консулам обратно!!!»

Я знаю только, что мой сын никогда не говорит неправду, что про дипломатов сказать нельзя. Вся история на Крите произошла от бестактности, если не сказать хуже, консулов, которые себя поставили так, что George не мог им больше доверять. Естественно, он обращается

прямо к державам без посредничества консулов, которые не умеют себя вести.

Мне думается, что на его месте всякий бы так поступил! Надеюсь, что Ты дашь мне случай хорошенько поговорить с тобой и рассказать дело, как оно было, а не как его передают консулы. Сегодня... рождение George, не веселый этот день будет для него, бедного. Забыла сказать, что я слышала, что обвиняют окружающих George в интригах и хотят их спровадить и заменить другими. Это тоже ложь. George не находится под влиянием кого бы то ни было и еще меньше окружающих, которые политики не касаются. Что до личного секретаря, если его удалат, то это будет страшная обида George, который этого не заслужил — умоляю не давать George в обиду — защити его!!!»

В июле греческая королева снова писала по этому же поводу Николаю II: «Дорогой мой Ники! Я тебе несказанно благодарна за то, что Ты велел послать мне копию доверительного письма Гирса. Нескольким раз перечитала это письмо и не могу скрыть от тебя, что каждый раз с не уменьшающимся негодованием все оно с начала до конца вселяет недоверие к моему сыну и изображает его утратившим всецело свою самостоятельность. Если George предпримет реформу судебного ведомства, то уж, конечно, когда это окажется необходимым для блага острова. Я могу с уверенностью сказать, что личный секретарь George не мог бы произвести «давления» на работу комиссии, если не последовало бы приказа его начальника. George слишком хорошо знаком с афинскими политическими деятелями, чтобы опасаться их влияния сто раз больше Гирса, а Венизелос, за которого так ревностно стоит Гирс, хотя и уроженец Крита, но представляет из себя самый чистый тип такого политикана.

Удивляюсь, что Гирс называет образ действий George «глухим, но упорным преследованием Венизелоса», ведь George его открыто удалил из числа своих советников, которые утратили доверие к нему.

Весьма немногих мест административных на Крите заняты «пришлыми из Греции лицами», и эти лица именно те, которые за твердость убеждений и честность пострадали от политических партий в Афинах.

Гирс смеет приписывать влиянию окружающих George лиц решение его обойтись без посредства консулов для сношений с державами (решение вызвано исключительно поведением консулов) и обращение его к державам с жалобами на возмутительно безобразное поведение их представителей.

Общее мое впечатление от письма Гирса, что он всячески вредит моему сыну в глазах русского правительства и вопреки инструкциям вмешивается во внутреннюю политику острова, создавая этим неизмеримые затруднения моему сыну. Он, кроме того, постоянно смешивает отношения George к державам с его отношением к генеральным консулам.

...Не могу не выразить еще раз моего убеждения, что все эти затруднения прекратились бы, если бы на Крите были консулами не дипломаты, а купцы или военные агенты, не имеющие ничего общего с политикой. Горячо тебя любящая Ольга»¹⁶. Русский император внимательно отнесся к жалобам своей «тети Оли» и пытался, как мог, оказать помощь принцу, отозвав чуть позже с Крита А. Гирса, а из Афин — его единомышленника барона Р. Р. Розена. Комментарии историка, как говорится, были бы здесь излишними!

Барон Розен часто ссылаясь в своих донесениях на мнение одного из наиболее авторитетных знатоков Ближнего Востока — посла

15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 65об.

16 РГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 151-154.

России в Риме (1901-1903) А. И. Нелидова (1835-1910), который до этого многие годы (1883-1897) был послом в Турции и сторонником захвата проливов. Так, Нелидов считал, что «увеличенное эллинское государство станет еще более притязательным в своих честолюбивых замыслах и представит еще сильнее затруднения к разрешению Восточного вопроса в смысле прав и желаний настоящих обитателей и хозяев балканского полуострова», выказывая при этом несомненно враждебное не только к славянам, но и к России настроение современного эллинизма¹⁷.

Р. Р. Розен, которого коллеги дипломаты прозвали «дипломатической Кассандрой», призывал внимательнее присмотреться к такому явлению как «эллинизм» и советовал русскому дипломатическому ведомству отказаться от охранительной политики России в отношении владений султана, предвидя, что он очень скоро все равно будет поставлен на очередь. Он писал, что «эллинизм несомненно есть сила, но сила не только материальная, сколько идейная, доказавшая свою живучесть тем, что пережила два тысячелетия иноземного владычества, рабства и изгнания, которым подверглось греческое племя». Розен сравнивал эллинизм в этом плане с иудаизмом. Как скривали Моисеева закона, так для эллинов греко-восточная церковь и Св. Евангелие, писанное святыми апостолами на древнегреческом языке, «служили в течение веков светочем, знаменем, святынею, поклонение которым одно лишь соединяло разрозненные элементы эллинского племени, заменяя священный огонь любви к отсутствующему отечеству». Эта сторона истории эллинизма, например, сыграла свою роль во время волнений в Афинах по поводу перевода Евангелия на новогреческий язык, который осуществлялся по инициативе и под покровительством королевы Ольги, считавшей необходимым приблизить текст к народному языку и привлечь новые души к православию¹⁸. С возникновением новогреческого королевства эллинизм, имевший века лишь идейную идеологическую силу, приобрел наконец осязаемое ядро, материальную почву, и расширение этой почвы несло естественно увеличение его значения. «Эллинизм, таким образом, представлял собою силу, с которой необходимо было считаться». В настоящий момент сила эта, несомненно, враждебна России, но Розен призывал смотреть шире и, главное, вдале. Так, барон Розен в секретном письме в МИД брал на себя смелость указать, что «русские политические интересы возможно не должны претворяться в жизнь путем отчуждения симпатий греческого народа, того народа, который во времена Крымской войны стоял за нас, и с большим риском для своей страны, послал добровольцев сражаться в рядах русской армии». «Я даже предположил, — вспоминал в своих мемуарах, написанных в эмиграции в США, Розен, — что возможно настанет день, когда мы будем рады приветствовать поддержку эллинизма как противодействие болгарскому господству на Балканах»¹⁹. Розен справедливо указывал, что русская политика на Ближнем Востоке никогда не была чем-то стройным и определенным на века путем, как любило представлять это себе русское общественное мнение в начале XX в., говоря «о наших исторических задачах» и о «нашей традиционной политике». Розен писал, что от Петра Великого, стре-

мившегося лишь к расширению русских пределов до побережья Черного моря, и Екатерины Великой, закрепившей за Россией это побережье с завоеванием Крыма, и до начала XX в., когда удалось фактически обратить Черное море в «русское озеро» и начать мечтать о завоевании Черноморских проливов, задачи внешней политики менялись сообразно обстановке. Было время, когда поддержание эллинизма входило в расчеты русской дипломатии, не говоря уж «о греческом проекте», когда воображение Екатерины Великой зашло совсем далеко. Если в настоящее время мы готовы считать славянские народности в будущем законными хозяевами Балкан, то где гарантии, что эти «хозяева», взлелеянные Россией, окрепнув и оперившись, будут мириться с нашим господствующим положением в черноморском бассейне в будущем. «Племенное родство, — писал Розен, — между народами, как показывает история, не составляет гарантии сохранения дружественных отношений, когда сталкиваются противоположные жизненные интересы»²⁰.

В Греции, в отличие от Крита, как вспоминал Р. Р. Розен, отрицательные эмоции в отношении России и ее политики в начале XX в. превалировали над наивными надеждами на скорую помощь. Политика западных держав была значительно тоньше, особенно на словах, поэтому то, видимо, король эллинов Георг I в разговоре с российским генеральным консулом на Крите фон Эттером сообщал об укоренившемся уже в Афинах мнении, что «Россия представляется единственным препятствием к достижению этого желанного результата»²¹.

Розен писал, что «нынешнее враждебное (России. — О. В.) настроение эллинизма есть, во всяком случае, явление нежелательное». А так как расширение греческого королевства — явление неизбежное, то и направлять его нужно в сторону, выгодную России, — «в наименее нежелательную сторону», имея в виду присоединение Крита к Греции. «Создавая же преграды для этого стремления со всех сторон, мы лишь укрепили бы в умах греков уже ныне составившееся убеждение, что единственный их враг — Россия!»²². Заметим, что для большинства критян греков такие настроения были совершенно не характерны!

То же, как великие державы пытались решить критский вопрос, он назовет в будущем в своих воспоминаниях «великой путаницей» и особо выделит безрезультатность политики России, стремившейся примирить требования Турции и национальные устремления греков. «Как и в каждом вопросе, связанном с ближневосточной политикой, традиционные разногласия между великими державами играли ту же пагубную роль, которая так долго служила лишь подпоркой для турецкого господства над христианскими народами, и было естественным, что участие России в политике, противной национальным греческим устремлениям, должно было рассматриваться в глазах греческого народа как предательство со стороны единовверного государства». Россия, что было очень важно, защищала греческую династию и стабильность!

Розен, как и другие русские дипломаты, считал решение критского вопроса важным и потому, что он послужит прецедентом в решении в будущем вопросов об устройстве остальных греческих

17 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 65об.

18 АВПРИ. Там же. Л. 65-66; Соколовская О. В., Чуркина И. В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым // Славяноведение. № 4. 1996. С. 70-73.

19 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 66; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 330; Baron Rozen. Forty Years of Diplomacy. N. Y. P. 186.

20 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 67.

21 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 311.

22 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3532. Л. 67-67об.

островов, для которых также с исторической неизбежностью настает час освобождения из под турецкого владычества²³.

Барон Розен считал, что, «избрав королевича своим верховным комиссаром на Крите, державы косвенно... уже признали... что Крит в более или менее отдаленном будущем должен сделаться составной частью эллинского королевства». Он призывал более внимательно присмотреться к возможности радикального решения вопроса. И подтверждал высказанный им еще ранее тезис: «Весь ход новейшей истории показывает, что стремления всех народов направлены не к образованию союзов из слабо связанных между собою, разрозненных единиц, а, напротив того, к группированию в возможно крупные и возможно крепко сплоченные государственные организации...»²⁴. В «Доверительном письме» барона Р. Р. Розена министру иностранных дел России графу В. Н. Ламздорфу, написанном через четыре месяца после его назначения в Афины (18 февраля 1902 г.), он писал: «Проследив историю критского дела во всех его фазисах за последние четыре года... нельзя не признать, что хотя в данный момент достигнуто было все, чего только можно было достигнуть при необходимости согласования столь разнообразных и отчасти неизбежно противоречивых интересов, тем не менее вопрос этот, подобно другим, впрочем, связанным с Балканским полуостровом, остается окончательно неразрешенным и, следовательно, обещает быть таким же обильным источником агитации и, быть может, осложнений в будущем»²⁵.

В своих рассуждениях Розен не соглашался с позицией признанных знатоков Ближнего Востока Нелидова и Ону, а также многих других дипломатов, работавших в этом регионе многие годы. Он раскритиковал в пух и прах всю русскую политику в критском вопросе. Нынешнее положение острова под протекторатом четырех держав и под управлением назначаемого этими державами верховного комиссара, с оставлением на острове международных отрядов войск, считал он, на многие годы продлится не может. Розен задавался вопросом: «Не своевременно ли было бы поэтому ныне уже выяснить, который из вышеупомянутых двух единственно возможных... вариантов окончательного разрешения критского вопроса наиболее соответствовал бы нашим интересам? — В виде формального присоединения Крита к эллинскому королевству или образования из этого острова самостоятельного государства?» При этом стало бы безразлично, сохранять или нет фиктивно сюзеренитет султана над островом²⁶. Несколько слов о мнении его оппонентов — Нелидова и Ону.

Так, Нелидов и многие в МИД России полагали:

- 1) автономный Крит «будет лнуть всегда более к России», чем в составе греческого государства в виде номархии (губернии);
- 2) Крит под покровительством держав не будет в состоянии принимать деятельное участие в возможной в недалеком будущем в Средиземноморье в борьбе за турецкое наследство;
- 3) если Крит станет составной частью греческого королевства, он должен будет разделить судьбу материка, не исключая оккупацию при известных обстоятельствах Судской бухты на Крите английским флотом с согласия афинского правительства в возмещение уступки Кипра Греции;
- 4) пока на Крите находится русская или иная международная

сила, никакой его захват немыслим. После перехода острова к Греции судьба его будет непредсказуемой. Нелидов считал, что постепенно на Крите выработается некое устройство, которое станет потом образцом для других островов, и не исключено, что они все создадут между собой нечто вроде морского союза, который существовал в древние времена²⁷.

Такое мнение во многом совпадало с мнением бывшего посланника в Афинах М. К. Ону, которое в свое время он высказывал греческому королю Георгу I. Свидетельство этому мы находим в письме королевы Ольги Константиновны императору Николаю II, написанном в Павловске 7 сентября 1900 г.: «Ники, прелесть моя! На днях я видела Ону и признаться слегка поспорила с ним касательно будущего Крита. Оказывается, что он сторонник автономии Крита и эту мысль он высказал Вилли [Георгу I — О. С.], который очень был ею возмущен. Я, даже не зная этого, услышав такое мнение Ону, тоже очень возмущилась. Никогда мне такая комбинация в голову не приходила, т. к. Крит только и может продолжать принадлежать Турции или же, освободясь от нее, окончательно соединиться с Грецией.

Автономия же дело немыслимое, антипатриотическое, с которым ни Вилли, ни George мириться не могут. Впрочем, кажется, что и ты сам никогда об этом не думал, и говорили только о продолжении полномочий George, если соединиться с Грецией окажется (через полтора года) еще преждевременно. Впрочем, вероятно, мнения Ону в этом деле не спросят и оно останется... без последствий»²⁸.

Розен считал такие взгляды Нелидова и Ону ошибочными. Во первых, лнуть Крит в основном будет к той державе, которая будет сильнее на Средиземном море, «а такой державой едва ли когданибудь будет Россия». Против второго и третьего пунктов возражения были следующими: нахождение международного отряда на Крите мера временная, «возможная вообще только в мирное время, пока между четырьмя державами покровительницами существуют вполне дружественные отношения», а в удалении международных сил эта гарантия на острове отпадет и возникнет вновь угроза захвата Судской бухты англичанами, «если допустить, что Англия, действительно, нуждается в занятии этого пункта и к этому стремится». В военное время Англия не встретит никакого сопротивления, если ей понадобится Судская бухта временно в стратегических целях, так как она будет располагать перевесом морских сил. При этом Англия едва ли будет думать о статусе Крита — входит ли он в греческое королевство или является автономным. И даже английскому флоту легче будет захватить Суду, если Крит будет автономным. Возможно, именно с этим связаны особенно категорические высказывания англичан на все предложения принца Георга по устройству судьбы Крита. Наконец, если бы державы устроили будущее Крита в виде маленького автономного государства, под номинальным сюзеренитетом султана, то греческий королевский двор никогда не поддержит его. Принц Георг никогда не согласится на роль фактического предателя интересов своей страны и своего августейшего родителя. «Избрав королевича своим верховным комиссаром на Крите, державы косвенно, казалось бы, уже признали в принципе, что Крит рано или поздно должен стать частью эллинского королевства». Поэтому от принца следует России лишь ожидать, что он водворит порядок на острове и,

23 Там же. Л. 65.

24 Там же; АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 330.

25 АВПРИ. Ф. Политархив. д. 2544. Л. 60об.

26 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3536. Л. 61об.

27 Там же. Д. 3536. Л. 62.

28 ГАРФ. Ф. 601. Д. 1315. Л. 136.

поддерживая порядок и спокойствие, с соблюдением осторожности подготовит обрисованное уже в будущем присоединение его к королевству²⁹.

Личность принца Георга произвела на Розена «самое благоприятное впечатление». Отнесясь сначала очень настороженно к барону Розену, принц мало помалу понял, что имеет дело с серьезным человеком, искренне интересовавшимся Критом. Дела острова полностью занимали все мысли принца Георга и во второй срок его пребывания на острове в качестве верховного комиссара великих держав. Принц говорил с Розеном в доверительной манере о затруднительности своего положения. Говорил спокойно, как вспоминал Розен впоследствии, но жаловался на консулов, за исключением бывшего русского генерального консула А. А. Гирса, хотя и не во всем одобрял его действия на острове. Принц не отвергал существование на острове партии автономистов (Венизелос), но ссылаясь на ее малочисленность, говоря, что подавляющее большинство критян жаждет воссоединения. Приводил в доказательство восторженные встречи на острове и манифестации с требованием присоединения. Он не отрицал, что присоединение увеличило бы податное бремя для населения Крита, как и вообще финансовые и экономические невзгоды в целом. Но они не были бы такими, как их рисуют автономисты. Критское население воодушевляет эллинский патриотизм, так что они с радостью принесут некоторые жертвы ради идеалов национального объединения. Основательность такой уверенности Розен находил в истории Ионических островов, население которых в немалой степени потеряло экономические выгоды, уйдя из под английского протектората в Грецию. Патриотизм критян не уступал патриотическим чувствам греков с материка. Но на быстрое присоединение Георг смотрел сквозь розовые очки³⁰. Позиция барона Розена по критскому вопросу не была одобрена в Петербурге и стоила ему быстрой отставки, но Розен никогда не жалел об этом, так как, по его словам, афинская миссия была обращена в «придворную контору». А его там не жаловали!³¹. Розен не понял главного — что сохранение династии в Греции было для России равнозначно сохранению православия на Ближнем Востоке и сохранению там своего влияния, хотя и очень уже подорванного. Россия была за эволюционный путь развития балканских и критских проблем, что было для нее принципиальным. Со своей стороны и двор, чувствуя пренебрежительное отношение Розена к Афинам, выказывал посланнику свое недовольство. Отношения английской миссии со двором были гораздо теснее и лучше. Розен сам просил о его переводе из Афин, что не было одобрено в Петербурге, но вскоре он вернулся снова в любимую Японию. Г. Я. Соловьев, который служил 2-м секретарем афинской миссии (1899–1903), в своей книге воспоминаний характеризует Розена как «одного из выдающихся, но непонятых при царском режиме русских дипломатов». На место Розена был назначен Ю. Н. Щербачев, как и его два предшественника, «необыкновенно интересный и умный человек». Щербачев в свое время пришелся по душе Александру III за свою «истово» русскую внешность и внутренний облик, и Николай II относился к нему так же хорошо. Естественно, что и греческая королева была с ним в превосходных отношениях.

Щербачев, в отличие от Розена, полюбил Грецию, прекрасно ориентировался в балканских делах и очень щепетильно относился к своим придворным обязанностям³².

Через год в политическом положении Греции, а также в русской политике на Балканах в целом и в критском вопросе в частности не произошло никаких существенных перемен. Единство веры, исторические традиции и родственные связи между императорским домом России и эллинской королевской семьей еще теснее скрепили недавно состоявшееся бракосочетание великой княжны Елены Владимировны с принцем Николаем. Все это обусловило доброжелательное отношение России к Греции, которое многократно проявлялось в отношениях двух стран и поддержке России, которая имела своей высшей задачей охранение православия на Востоке, что отвечало и интересам Греции. К сожалению, «сознание необходимости единения с Россией недостаточно проникло в умы эллинских правящих кругов», особенно греческого духовенства. Пользуясь тем, что в силу исторических условий значительная часть православного населения турецкой империи была подчинена в религиозном отношении греческим иерархам, а они «стремились превратить православие в орудие для проведения идей эллинизма», чем вызывали, естественно, сопротивление пасты негреческого происхождения, также стремящейся сохранить свою национальную самобытность». В письме к Щербачеву Ламздорф давал довольно ясную картину происходящего. Он писал, что греческие патриархи противятся деятельности русских религиозных учреждений на Востоке и осложняют задачу утверждения и развития православия в Турции. Следовало пристально следить за этой национально религиозной деятельностью политиков Греции и бороться за единство и согласие в православном мире, чтобы противостоять растущему напору католиков, протестантов и англикан, располагающих большими деньгами в своей деятельности на Востоке, вредя и умирняя «эгоистические замыслы греков»³³. Поэтому в напутственных инструкциях русского правительства новому посланнику в Афинах Ю. Н. Щербачеву повторялись указания, данные его предшественнику барону Розену. В том числе в них говорилось:

1) «Россия готова была бы содействовать осуществлению заветного желания греков, если бы, конечно, план присоединения Крита к Греции встретил сочувствие прочих великих держав»;

2) «Созданный ныне на Крите порядок вещей, особенно после состоявшегося продления срока полномочий верховного комиссара, представляется вполне благоприятным для развития политической жизни острова в национально эллинском духе»;

3) «При таких условиях единственно правильной политикой для Греции было бы держаться выжидательного образа действий и не вызывать каких либо осложнений на Крите» и т. д.³⁴.

Однако какой-то четкой политики в отношении Крита так и не было выработано. Российское правительство заявляло лишь о своей готовности способствовать умиротворению острова. Но сам «умиротворенный» Крит больше был похож на дымящийся вулкан, готовый вот-вот извергнуть лаву.

29 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3536. Л. 62-63.

30 Там же. Л. 64.

31 Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата... С. 124.

32 Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата... С. 126-127.

33 АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1342. Л. 6-7.

34 ИАК. Д-16. № 198.

Глава III

Накануне восстания

Уже в 1904 г. положение верховного комиссара на Крите принца Георга Греческого было сильно поколеблено в связи с непримиримой враждой со стороны оппозиционных сил, во главе которых стояли представители либеральной буржуазии Э. Венизелос и К. Фумис, сами бывшие советники верховного комиссара. Оппозиция осуждала принца за развал экономики, затягивание с решением критского вопроса, за недостатки «бесцветного», по мнению все укреплявшейся оппозиции, управления Георга (несмотря на безусловный патриотизм самого принца). Эти заявления, имевшие под собой некоторую объективную основу, все более возбуждали недовольство существовавшим порядком вещей и лично принцем Георгом и неминуемо вели к беспорядкам¹. Все яснее становилось, что воцарившееся было на острове спокойствие мнимое. Принц упустил возможность повысить свой авторитет во время предвыборной кампании в мае 1903 г. и нанести удар по своим противникам. Единственным оружием принца было изменение статута Крита, но его новая поездка в Европу в 1903 г., где он пытался предложить свой вариант независимости наподобие Боснии и Герцеговины, вновь не имела успеха. Великие державы хотели от принца одного — сдерживать стремления критян к присоединению, а это становилось почти невозможным. Российский консул в беседе со своими английскими коллегами, в том числе с новым английским генеральным консулом на Крите Эсме Ховардом, не раз говорил, что «нельзя делать принца жертвой обстоятельств, которые он не может контролировать»². Сторонники Венизелоса, устраненные от власти во время выборов в Народное собрание в 1901 г. и долго не имевшие материальной поддержки, теперь, после вступления в ряды оппозиции бывшего мэра Канеи, очень богатого и энергичного человека К. Маноса, получили большие средства на организацию манифестаций, митингов и, возможно, даже восстания. Оппозиционеры обвиняли принца Георга также в несоворочивости, нарушении конституции, экономических злоупотреблениях, в передаче всей власти в руки его личного секретаря грека Пападымантопулоса, в «расточительстве народного достояния» и во многих других грехах. Оппозиционеры ставили принцу в вину то, что за шесть лет пребывания на острове он не сумел добиться его присоединения к Греции, хотя его вины в этом совершенно не было³.

В свою очередь принц Георг попытался нерешенность критского вопроса переложить на державы покровительницы, «забывшие про самое существование Крита и отказавшие ему во всякой помощи и поддержке», и стал угрожать, что покинет свой пост в декабре 1904 г., т. е. по окончании второго срока его пребывания в качестве верховного комиссара⁴. В разговорах с новым генеральным консулом России на Крите А. Н. Броневским о положении на острове принц Георг перечислял минимальные

меры, которые державы должны были осуществить, чтобы он мог оставаться. По его мнению, великим державам следовало: отозвать международные войска и заменить их греческими, политически устроить остров по принципу Боснии и Герцеговины, то есть передать бразды правления на нем греческому королю с сохранением острова формально в составе Османской империи⁵.

Постепенно ситуация начала накаляться и выходить из под контроля. Принцу требовался в этой сложной ситуации совет и поддержка отца и великих держав. Весной он решил отправиться в очередной раз в Европу для переговоров с великими державами. Перед поездкой, на которую критяне греки возлагали большие надежды, он объехал международные войска с инспекцией и вел переговоры с начальниками отрядов, стремясь заручиться их поддержкой на случай бунта на острове.

В начале февраля 1904 г. верховный комиссар выехал на канонерской лодке «Храбрый» под командой капитана 2-го ранга Мартынова на две недели в Кандию, где его встречал батальон ирландских стрелков под командой подполковника Бэрда. Принц вручил 240 медалей стрелкам за проявленную ими в последнюю кампанию в Трансваале храбрость. Затем принц Георг на этой же канонерской лодке также на 15 дней пришел в Ретимно, где его торжественно встречала русская почетная рота на набережной, носившей уже имя Шостака, а на Скрыдловской площади состоялось представление к наградам русского батальона. Затем был дан солдатский спектакль и «живые картины» — «Архип Осипов» и «Майор Горталов», а в офицерском собрании состоялся парадный обед⁶. Отношение к принцу в русских войсках было превосходным, и верховный комиссар почувствовал сильное облегчение.

Нависшая в начале 1904 г. угроза русско японской войны почти полностью отвлекла Россию от дел Ближнего Востока. Как известно, министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, военный министр (1898–1904) генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин и министр финансов граф С. Ю. Витте, несмотря на натянутые отношения и раздоры между их ведомствами, теперь объединились, чтобы противодействовать авантюристической политике на Дальнем Востоке и не допустить войны с Японией, но тщетно. Начавшаяся в феврале 1904 г. русско японская война сделала портовые города в Греции и на Крите стратегически важными пунктами для русского флота, так как идущие на Дальний Восток русские военные корабли неизменно останавливались, и иногда надолго, в портах Греции и в Судской бухте.

Константинос Манос, один из трех руководителей восстания в Териссо, мэр Канеи

1 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2540. Л. 82об.

2 Holland R. The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissionership of Prince George of Greece in Crete. 1898–1906. P. 35.

3 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 71–72об; Там же. Д. 2540. Л. 2об.

4 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 72–72об.

5 РГАВМФ. Ф. 417. Д. 1748. Л. 1120.

6 ИАК. Д-16. № 156. Л. 226–227.

По воспоминаниям Ю. Я. Соловьева, служившего вторым секретарем дипломатической миссии в Афинах в 1898-1903 гг., в пирейском и судском портах в разное время года можно было видеть русские фрегаты, корветы, клиперы, канонерские лодки, крейсера, броненосцы, минные транспорты. За годы войны русские военные корабли всегда с подчеркнутым вниманием и любовью встречала и посещала греческая королева Ольга Константиновна, весь греческий двор, а также русская дипломатическая миссия. Греческая королева с первых лет своего пребывания в Афинах всегда дружила с моряками и покровительствовала им, интересовалась всем, что касалось русского флота. Неудачи, преследовавшие русский флот с самого начала русско-японской войны, болью отзывались в ее сердце. Одна за другой приходили в Афины страшные вести о гибели близких людей и любимых ею кораблей. Контр-адмирал С. О. Макаров, которого королева просто боготворила и хорошо знала, был назначен командующим Тихоокеанским флотом, но погиб в самом начале войны на эскадренном броненосце «Петропавловск» у Порт-Артура. Эта потеря была невосполнимой для русского флота и лично для Ольги Константиновны. В свое время Макаров командовал средиземноморской эскадрой и часто бывал в Афинах. Он сделал немало для развития морского порта Пирей, который стал прекрасной стоянкой для русских военных кораблей.

Ю. Я. Соловьев с грустью вспоминал: «Почти половина офицеров, с которыми я познакомился и отчасти подружился в Афинах, погибла в Желтом или Японском морях, под Порт-Артуром или Цусимой»⁷. Перечень погибших кораблей, составленный в свое время Ольгой для ее дворцового Морского музея, включал двадцать один корабль только из тех, которые заходили в Пирей и были обласканы королевой и поддерживали с ней переписку на протяжении долгих лет.

В Русский госпиталь в Пирее, построенный греческой королевой за два года до начала русско-японской войны специально для русских моряков, доставлялись тяжело раненные порт-артурцы и другие. Многие моряки, воевавшие в русско-японскую войну, проходили лечение в Русском госпитале в Пирее по дороге на родину. Тяжело переживая поражение, Ольга Константиновна уделяла очень много времени офицерам и матросам, лечавшимся в ее госпитале. Она могла часами, как видно из ее писем к младшему брату, великому князю Константину Константиновичу, просиживать в госпитале возле постелей больных и раненых моряков. В каждом письме она сообщала о состоянии здоровья ее подопечных, беспокоилась о судьбе русского флота. В своем госпитале она познакомилась с молодым 22-летним офицером, тяжело раненным в голову, героем Порт-Артура, лейтенантом М. Ю. Гаршиным, племянником писателя Гаршина, позже ставшим на многие годы ее личным секретарем.

В это время Афины оказались почти в центре событий, связанных с русским флотом, так как находились на пути следования кораблей на Дальний Восток. Соловьев описывает одну необыкновенную аферу, которую затеяли дельцы, имевшие большие связи при дворе, в Петербурге и Афинах. Стремясь пополнить свой флот, Россия закупила в Чили несколько кораблей. Русские агенты в Греции с ведома великого князя Алексея Александровича, возглавлявшего морское ведомство, и великого князя Александра

Герои Чемульпо с «Варяга» 1904 г.

Михайловича пытались склонить греческое правительство и отдельных лиц к предоставлению греческого флага русским кораблям, купленным в Чили. Операция состояла в том, чтобы эти корабли перешли сначала под греческий флаг, а только затем были бы включены в состав русского флота. Прямых переговоров с королем Георгом I никто не вел, так как дельцам, ведущим дела в Афинах, это было не выгодно с финансовой точки зрения. С греческой стороны переговоры вел некий банкир Георгиадис. Российской миссии в Афинах не было дано никаких специальных указаний, но оно должно было передавать зашифрованные телеграммы. В МИДе не хотели связываться с великими князьями, хотя они самовольно и «давали грекам совершенно необыкновенные обещания, например, уступить им находившийся в международной оккупации Крит». МИД предпочитал делать вид, что ничего не замечает и не знает. Дело кончилось, естественно, ничем, но агенты и греческий банкир неплохо на этом заработали. «Как бы то ни было, греки не пошли на эту фантастическую комбинацию, но они соблюдали в течение всей войны благоприятный для нас нейтралитет, — заключал Ю. Я. Соловьев. — Вернее говоря, они для нашего удобства не сохраняли никакого нейтралитета. Русские военные суда стояли в Пирее без ограничения времени. Это было облегчено полным отсутствием дипломатических сношений между Японией и Грецией...»⁸.

Греческое и критское население искренне желало победы русскому флоту и как могло проявляло свою солидарность. Так, в кафедральном соборе в Кане с разрешения принца был отслужен молебен критским митрополитом Евмением «о даровании русскому оружию полной и скорейшей победы над врагом на Дальнем Востоке». Собор, как вспоминают, был просто переполнен прихожанами, среди которых выделялась высокая фигура принца Георга в русском морском мундире. А в Ретимно несколько руководителей инсургентов последнего критского восстания даже обратились к полковнику К. И. Урбановичу с ходатайством об отправке их в качестве волонтеров на театр военных действий в Маньчжурию. Растерявшийся начальник русского отряда, не имея никаких указаний на этот счет, предложил им обратиться к генеральному консулу в Кане фон Эттеру⁹. Продолжение этой истории, к сожалению, неизвестно.

7 Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата... С. 136.

8 Там же. С. 138.

9 ИАК. Д-16. № 156. Л. 228.

Верховный комиссар также всячески стремился заручиться поддержкой русского флота. В марте в столичном пригороде Халепо в резиденции его высочества принца Георга состоялся обед в честь командующего русской эскадрой вице адмирала А. А. Вирениуса и командиров судов этой эскадры капитанов 1-го ранга Михнева и Сухотина, а также капитана 2-го ранга Мартынова (командир «Храброго»). В числе приглашенных был и русский генеральный консул. Вскоре русская эскадра в составе флагманского эскадренного броненосца и четырех миноносцев ушла из Судской бухты в Бизерту (в Алжир), а через несколько часов прибыл в Судскую бухту другой крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской» (погиб в Цусимском бою в 1905 г.), офицеры которого также посетили принца по его приглашению.

Русский отряд на Крите тем более не остался равнодушен к трагическим событиям русско японской войны. Так, на общем собрании офицеров ретимских рот было решено, что ежемесячно вплоть до окончания русско японской войны из содержания офицеров отряда будет удерживаться 1 %, а также стоимость ежемесячного общего обеда в офицерском собрании по 1 руб. 12,5 коп. с каждого офицера. Сумму удержанных денег вносили через соответствующее начальство на образование «Фонда помощи раненым и увечным воинам текущей кампании». Известно, что сам Урбанович направил в комитет под председательством супруги командующего войсками одесского военного округа баронессы Каульбарс 100 руб. из своего жалованья¹⁰. В марте, в то время как русские войска на Крите готовились к празднованию Пасхи, в порту Суды заканчивались приготовления для торжественной встречи последней группы «героев Чемульпо» — командира «Варяга» капитана 1-го ранга Руднева, офицеров и нижних чинов экипажей «Варяга» и «Корейца», а также казаков и стрелков из охраны русского посланника в Корею (в Сеуле) А. И. Павлова, возвращавшихся в Россию. Они шли на «Медоке» из Джибути (Порт Саид). Офицеры из ретимского отряда — командир русского батальона подполковник Пассовер, капитан Секачев и подпоручик Суханов — были направлены на срочном австрийском пароходе в Суду для встречи экипажей «Варяга» и «Корейца». В русском отряде по этому случаю были срочно приготовлены 50 куличей и 200 крашенных яиц для раздачи морякам. Для встречи прибыл и командир миноносца № 122 капитан 2-го ранга Иванов со своими офицерами. Затем, однако, было решено, что моряки с «Медока» на берег не сойдут, а будут тотчас пересажены на пароход «Крым» французского пароходного общества. Узнав об этом, встречавшие с букетами цветов, куличами и яйцами отправились на канонерской лодке «Храбрый» им навстречу. На французском стационаре — канонерской лодке «Кондор», встречавшей героев Чемульпо, находились французский консул Друэ, начальник канейского гарнизона полковник Десталь, командир «Кондора» капитан Эсканд с офицерами французского батальона и др. Ждали не расходясь целый день и местные власти на набережной. Во французских казармах в это время также решили угостить крашеными яйцами и куличами русских солдат. «Медок» прибыл в Суду только ночью и стал правее «Крыма», пришвартовался и перекинул сходни с одного борта на другой. Перегрузка людей началась

тотчас же, а встречавшие также перешли на пароход «Крым». Вместе с капитаном Рудневым, командиром крейсера «Варяг», прибыли лейтенант Заборовский, врач Банщиков с «Варяга», лейтенант Степанов с «Корейца» и четыреста сорок четыре нижних чина. Городской голова Канеи передал героям привет от всех критян, «преисполненных удивления перед геройским подвигом экипажей «Варяга» и «Корейца». Капитану Рудневу он вручил огромных размеров лавровый венок, перевитый голубыми лентами. Для моряков были переданы пасхальные угощения в нескольких корзинах. Руднев и все остальные были растроганы неожиданно теплой встречей. Они еще не ощущали себя героями. Все корабли были расцвечены флагами, а на вантах выстроились экипажи судов и криками «Ура» проводили славных сынов России на родину, которая ожидала их с таким нетерпением¹¹.

Критяне хорошо почувствовали ослабление России в результате поражения в русско японской войне, и многие посчитали момент подходящим для начала новой кампании по присоединению острова к Греции. К этому моменту на острове оставалось незначительное количество иностранных войск.

Весной 1904 г. русские силы на Крите были распределены так: в Ретимно находились 2-я, 3-я, 4-я и 8-я роты под общим начальством капитана Секачева; командиром батальона 58-го Пражского полка был подполковник Пассовер; 1-я рота под командованием капитана Августова стояла в Канее. Командующим международным эскортом принца Георга был подполковник Отфиновский. Все роты теперь находились под постоянным покровительством принца и королевы эллинов Ольги, и даже когда принц отсутствовал, она не забывала поздравить русский отряд с Пасхой и другими праздниками. Из России отряду также оказывались теперь знаки монаршей милости. Так, 1 августа праздновалось рождение наследника престола Алексея Николаевича, и в ответ на поздравления отряда император Николай II собственноручно начертал: «Сердечно благодарю критский отряд!»¹².

Как только принц отбыл на Пасху в Афины на королевской яхте «Амфитрида» с тем, чтобы оттуда ехать в Европу, на острове возникли крупные беспорядки. Броневский уже 4 марта сообщал о беспорядках и телеграфировал, что сокращение русских войск лучше планировать на вторую половину июля, после роспуска сессии критского Народного собрания. Он считал, что три роты должны находиться в Ретимно, а одна — в Канее¹³. В конце лета, после возвращения принца в Грецию по всему острову происходили хорошо организованные митинги. «Во всех городах и коммунах (деревнях. — О. С.) острова Крита, — докладывал Урбанович русскому генеральному консулу, — произведены манифестации в пользу присоединения острова к Греции». Суть манифестаций заключалась в прочтении народного постановления, которое после заполнения его подписями всех присутствовавших на сходках были представлены через префектов верховному комиссару. Текст постановлений был везде одинаков, лишь соратники Э. Венизелоса нашла нужным его несколько изменить. Постановление гласило: «Граждане (такого то города, деревни), собравшиеся сего... месяца 1904 года... уверены, что его высочество принц Георг во время своей будущей поездки сделает все от него зависящее

10 ИАК. Там же. № 157. Л. 232-233.

11 ИАК. Там же. № 158. Л. 240-241, 245, 250.

12 ИАК. Там же. № 168. Л. 252.

13 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 150, 189.

Критские добровольцы, сражавшиеся в Македонии

Кидония. Вооруженный митинг в Буцунарии

Кидония. Хаджи-Михали Яннарис и его сторонники на вооруженном митинге в Галате

Хаджи-Михали Яннарис и его сторонники на вооруженном митинге в Галате

для осуществления глубочайшего желания критского народа; они надеются, что великие державы признают это желание справедливым и легальным; тем не менее они считают себя обязанными заявить опять, что они готовы без колебания принести всевозможные жертвы для достижения полного национального восстановления, составляющего единственное условие их существования, и просят их августейшего принца довести до сведения великих держав об этом их твердом решении и о горячей их просьбе не откладывать более присоединение их к матери Греции, присоединения, которое составляет не только справедливый и возможный результат их усилий, но в то же время и единственный способ удалить затруднения, происходящие от теперешнего их переходного положения». Венизеллисты добавили к этому постановлению заключительную фразу о том, что «ни на какое другое решение, как присоединение к матери Греции, они (т. е. граждане) не согласны». На всех сходах после прочтения постановления произносились патриотические речи и тосты. Манифестанты кричали «Зито эносис!», затем с музыкой проходили по главным улицам. Самая многочисленная манифестация прошла в деревне Буцунария, ближайшей к столице Крита. В ней приняли участие 8 тыс. человек, которые затем направились в Халепо к резиденции принца Георга. «Толпа кричала «Эносис» до потери голоса и до тех пор, пока принц не вышел на балкон», — писал Урбанович¹⁴.

Начальник канейского гарнизона распорядился людей из казарм не увольнять, во всех международных войсках иметь дежурную часть под командой офицера (от русской роты 60 человек) и от всех частей выслать в штаб гарнизона по одному посыльному для связи. Вследствие изменившихся обстоятельств принц Георг отложил свою поездку в Ретимно, назначенную на начало августа, и умолял начальника русского экспедиционного отряда самому прибыть как можно скорее в столицу Крита.

После летних беспорядков, вооруженными людьми был поднят греческий флаг, принц поднял вопрос о подчинении ему международного отряда и жаловался, что только английские и русские войска участвовали в наведении порядка. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе (1898-1905) отвечал на жалобы Георга, что французские войска «не должны вмешиваться во все, что касается внутривосточных вопросов и раздоров»¹⁵.

Стремясь реабилитировать себя в глазах греческого населения, принц Георг вновь поднял вопрос о присоединении острова к Греции, прося державы «во избежание серьезных осложнений хотя бы несколько продвинуть дело вперед»¹⁶. С этой целью Георг летом 1904 г. снова отправился сначала в Афины, а затем намеревался предпринять поездку в столицы четырех держав покровительниц. Вожди критской оппозиции одновременно с Георгом прибыли в Афины, где через прессу

заявили о своих взглядах и причинах разногласий с принцем Георгом, получив поддержку широких кругов в Афинах. В это время афинская пресса бурно приветствовала желание критян присоединиться к Греции, но более трезвые политики считали, что «момент невыгоден Греции, т. к. осложнит отношения с Турцией, в том числе по македонскому вопросу»¹⁷.

Испугавшись взрывоопасной обстановки на Крите, Англия отказывалась оставлять войска на неопределенное время и предложила сократить все силы в два раза¹⁸. Россия подумывала вообще об отзывании своих войск под предлогом начала военных действий в Маньчжурии. Так, в сентябре 1904 г. планировался отъезд Прагского полка с Урбановичем без его замены другими силами под предлогом начала военных действий на Дальнем Востоке. Броневский возражал, считая, что этот шаг будет воспринят как слабость России. «Пока на Дальнем Востоке не прекратятся военные действия, — писал он, — не только отзывание с Крита нашего отряда, но даже и значительное его уменьшение является для русских интересов, безусловно, нежелательным. Как это, так и другое дает повод к превратным толкованиям, будто бы Россия дошла до крайнего предела своих усилий в борьбе с врагом, что только этим и вызвано упразднение или уменьшение нашего отряда на Крите. Уйти нужно, как и пришли — всем вместе»¹⁹.

В связи с этим особый интерес представляет переписка министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа с опытным дипломатом старой школы, российским послом в Турции И. А. Зиновьевым. В ней обсуждался вопрос: «Какую роль должен играть русский отряд, если бы на Крите произошли какие либо внутренние осложнения из за попытки королевича... возбудить агитацию в пользу присоединения к Греции?» Ламздорф спрашивал: «Не представляется ли для нас более желательным, чтобы на это время отсутствовала русская военная сила, которая в противном случае должна была бы либо принять участие в подавлении беспорядков, действуя таким образом против ставленника России, либо оставаться простою зрительницей нарушения обеспеченного трактатами строя Европейской Турции, что именно и послужило бы поощрением македонским вождям?» По мнению Ламздорфа, отзывание русского отряда было целесообразным также, если бы поездка принца в Европу не увенчалась успехом и его высочество решил бы окончательно покинуть Крит. В этом случае, до принятия державами решения о приглашении нового кандидата на пост верховного комиссара и установления какой либо формы автономии, на Крите неизбежно возникнут «временные затруднения, в улаживании коих участие русского отряда представлялось бы также не соответствующим интересам России»²⁰.

В ответной телеграмме И. А. Зиновьев дал резкую отповедь всем сомнениям министра. «Удаление нашего отряда

14 ИАК. Д-16. № 168. Л. 253-257.

15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 113об

16 АВПРИ. Там же. Л. 72.

17 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2540. Л. 25.

18 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 181.

19 АВПРИ. Там же. Л. 147.

20 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2540. Л. 160об.

с острова Крита, — телеграфировал он, — весьма нежелательно с политической точки зрения, особенно ввиду того деятельного участия, которое мы до сих пор принимали в критском вопросе. Такая мера лишит нас возможности непосредственно влиять на ход событий и отдаст решение судьбы Крита в руки других держав». По его мнению, в Константинополе известие о намерении принца Георга вновь ходатайствовать перед державами о присоединении Крита к Греции, а также удаление нашего отряда «будут истолкованы в смысле уступки нашей греческим притязаниям». Поэтому Зиновьев настойчиво просил не выделять критский вопрос из общего Восточного вопроса в связи с тревожным положением дел на Балканах (особенно в Македонии). Запутавшись в тонкостях критского менталитета, Ламздорф недоумевал: почему отозвание русского отряда вызовет «негодование», как писал Зиновьев, «ведь сами критяне хотят удаления международных отрядов»²¹. Однако, как показывали события, даже сами разговоры о возможности отъезда русских сил с острова вызвали недоумение у греков и страх среди мусульман.

В результате было решено оставить русский отряд в полном составе на случай народных волнений, как гарантию личной безопасности верховного комиссара, а также «для предотвращения попыток самим критянам решить судьбу своего острова». И последним аргументом было опасение, что сокращение войск тотчас же отразится на Балканском полуострове и «оживит утихшее волнение», которое послужит сигналом к общему восстанию в Македонии и, может быть, в других областях турецкой империи²². Было решено «не отделяться от держав и не изменять ничего в нашей политике», поскольку «при этом условии наше мнение будет иметь больше веса при решении критского вопроса»²³. При этом отряду было приказано «ни под каким видом не... принимать участия в местных замешательствах, имеющих партийный характер»²⁴. Другие державы разделяли эту точку зрения и также вскоре приостановили начавшееся сокращение своих войск.

Несмотря на политические меры, предпринятые европейской дипломатией, положение на Крите было весьма нестабильным. Ламздорф с огорчением писал Зиновьеву в сентябре 1904 г., что, «невзирая на присутствие международных войск и несмотря на отклонение державами ходатайства верховного комиссара, критяне в состоянии будут поднять восстание с целью присоединения к Греции». В связи с этим поднятый

было вопрос об отозвании русского отряда с Крита под предлогом русско-японской войны посчитали неактуальным²⁵.

Поездка принца в Европу в конце 1904 — начале 1905 г., начиная с Рима и кончая Петербургом (с заездом к родственникам в Данию), особых плодов, как и предыдущие, не принесла. А принц надеялся, что это будет настоящий прорыв. Одновременно греческий король Георг I также объезжал столицы Европы в поисках взаимопонимания. В столицах держав покровительниц принц встретил весьма любезный прием, но строгую сдержанность в отношении критского вопроса. Италия, Франция и Россия просили Георга отца и Георга сына «не нарушать статус кво в Турецкой империи в настоящее смутное время»²⁶. На призыв английского консула избавиться от этого назойливого критского вопроса и «позволить критянам лечь в греческую постель, если эта неудобная судьба их устраивает», правительство Великобритании заявило, что оно не готово взять «незрелые политические проекты» принца под свое покровительство²⁷. Англия не собиралась огорчать Турцию и посылкой новых войск на Крит.

Будучи в России, Георг I передал Николаю II «мемуар» об агитации на острове за присоединение к Греции и о невозможности более сдерживать это движение. Царское правительство отвечало уклончиво, что не может дать ответ без согласования с другими державами. Была отмечена несвоевременность обращения Георга «ввиду брожения в Македонии, которое получает новый толчок при первом же известии о нарушении status quo в одной из турецких провинций». Попросту говоря, великие державы поставили принца «на место», напомнив, что оккупационные отряды находятся вовсе не в его подчинении, а также о забытой им совещательной роли консулов четырех держав в случае непредвиденных обстоятельств. Одновременно державы заявили о своей заинтересованности в оставлении королевича верховным комиссаром, а Россия заявила также, что Криту следует сделать некоторые финансовые послабления, предоставить кредит и поднять перед Портой вопрос о критском флаге. Греческий флаг теперь был вывешен не только на частных домах, но и украшал казенные помещения²⁸.

Державы обсудили представленный Францией проект административных реформ на Крите. Верховного комиссара попросили не нарушать status quo и не увлекаться замыслами «критских и некоторых греческих политиков»²⁹.

28 АВПРИ. Там же. Л. 19, 52об-53, 86; Там же. Д. 2502. Л. 92.

29 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 178-179об.

21 АВПРИ. Там же. Д. 2540. Л. 38-38об.

22 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 103.

23 АВПРИ. Там же. Д. 2540. Л. 49об

24 Там же. Л. 122

25 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2540. Л. 48, 25.

26 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 139.

27 АВПРИ. Там же. Д. 2540. Л. 33, 76.

Начало восстания в Териссо и попытки умиротворения

В январе 1905 г. на Крите состоялись очередные муниципальные выборы, на которых победила правительственная партия, т. е. верные сторонники принца Георга. В русском секторе они прошли вполне спокойно, но в других секторах, как сообщало российское консульство, «не обошлось без некоторого кровопролития». В итальянском секторе войска вынуждены были стрелять, причем были убитые и раненые. В перестрелке погибли в том числе два итальянских солдата. Оппозиция во многих городах, благодаря примкнувшему к ним мусульманскому населению, имела значительный успех, и ее шансы победить на выборах в Народное собрание, назначенных на конец марта — начало апреля, сильно увеличились¹.

Еще накануне выборов в Народное собрание, 10 марта в горном монастыре возле селения Териссо состоялось собрание критских оппозиционеров во главе с Э. Венизелосом, которое объявило о начале восстания на Крите. В декларации, обращенной прежде всего к великим державам покровительницам, говорилось, что целью восстания является политическое объединение с Грецией в единое, свободное, конституционное государство, а также немедленная отставка принца Георга². Венизелос не стерпел обид (отставки и обвинения) и фактически направил движение на свержение принца. Во внешней политике расхождений практически не было, за исключением ориентации — на Запад или на Россию.

Однако с великими державами восставшие в Териссо воевать не собирались, боясь, что державы примут военные меры для подавления восстания на всем острове. Для предотвращения столкновений с международными войсками авторы декларации особо подчеркивали: «Впредь до образования временного правительства, которое примет на себя ответственность за положение на острове, мы, укрепившиеся в Териссо, не только признаем существующие власти, но и сделаем все возможное для сохранения общественного порядка»³. Кроме того, письменное изложение причин восстания направлялось генеральным консулам в Канею. В этом документе говорилось, что население Крита рассматривало оккупационный режим великих держав покровительниц и автономии острова как переходный на пути к полному освобождению от турецкого владычества. Однако в связи с тем, что этот «переходный период» затянулся и является, по их мнению, тормозом к экономическому и политическому развитию острова, восставшие требуют прекращения режима верховного комиссара и полное присоединение острова к Греции.

Поскольку восставшие в Териссо стремились сохранить хорошие отношения с представителями великих держав, то их мишенью стали в основном критские жандармы как представители ненавистной консервативной власти. Российский генеральный консул Броневский уже в конце марта сообщал о столкновениях

Церковь в Териссо, где 12 марта 1905 г. был провозглашен союз с Грецией

между отрядом канейской жандармерии и группой сторонников Венизелоса. Российский консул телеграфировал в МИД России о «вооруженной манифестации» оппозиционеров из партии Венизелоса в разных деревнях, например, около Лакоса. Посланные жандармы констатировали присутствие там 9200 человек, из них 600 вооруженных. Толпа при приближении жандармов открыла стрельбу⁴.

В тот же день верховный комиссар принц Георг, находившийся под особым покровительством России, обратился к Броневскому с просьбой о доставке в Канею дополнительного числа критских жандармов из Кандии и Ретимно, а также о посылке международных войск в горы против инсургентов, укрепившихся в Териссо⁵. Принц послал также телеграмму начальнику русского отряда полковнику К. И. Урбановичу, прося принять все меры для поддержания порядка и спокойствия на острове. Оба ходатайства принца были немедленно выполнены: в тот же день командир «Храброго» капитан 2-го ранга А. Кононов получил от Броневского телеграмму, в которой содержалась просьба доставить на «Храбром» из Ретимно и Кандии критских жандармов, необходимых для прекращения беспорядков, вспыхнувших в окрестностях Канеи. Уже на следующий день «Храбрый» направился в Кандию, где принял на лодку 67 жандармов, затем зашел в Ретимно, где принял еще 77 жандармов, а затем всех доставил в Суду⁶.

Еще раньше Генштаб России планировал отправление в Россию половину русского отряда — 200 из 400 нижних чинов — в мае. Принц собирался выступить с таким заявлением перед новым критским Народным собранием. Однако, Броневский уже 4 марта, сообщая в Россию о возникших на Крите крупных беспорядках, телеграфировал, что сокращение лучше планировать на вторую половину июля, после роспуска сессии критского Народного собрания⁷. Из за вспыхнувшего на Крите восстания ни о каком сокращении войск речи больше не было.

1 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 2-20б.

2 Chester S. Life of Venizelos. L., 1921. P. 95; Σβολόπουλος Κ. Η Κρητική Πολιτεία από το 1899. ΙΕΕ ΙΔ', 1977. σελ. 199-215 και 280-282; Μανουσάκης Γ. Ένας κόσμος σε δύσκολη πορεία. Η Κρήτη στις Αρχές του Αιώνα μας. Αθήνα, 1988. σ. 13 (σελίδες 11-24).

3 Chester S. Life of Venizelos. P. 96.

4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 198.

5 АВПРИ. Там же. Д. 2542. Л. 53.

6 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 634об-635.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 189.

Инсургенты в Териссо

12 марта в Риме открылось очередное совещание послов великих держав, где было принято решение удовлетворить просьбу принца Георга и командировать иностранные войска на помощь критской жандармерии — единственной местной военной силы — с целью усмирения восставших. Генеральным консулам было предписано сговориться со своими коллегами о мерах по восстановлению порядка на острове, причем все державы приняли решение о подчинении начальников отдельных отрядов своим генеральным консулам⁸.

Такое вполне логичное распоряжение вызвало недовольство русского военного министра В. В. Сахарова, который просил министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа «сообщить... те обстоятельства, которые побуждают... признать необходимым по вопросам, выходящим из рамок обыденной жизни, подчинить начальника отряда войск на о. Крите нашему генеральному консулу. Не зная сих оснований и не усматривая их в одних лишь примерах иностранцев, затрудняюсь высказать по сему вопросу окончательное свое заключение». Это фактически означало отказ, что вызвало негодование Ламздорфа. Для истории осталась его негодующая запись карандашом, сделанная на записке Сахарова: «Это — возмутительное письмо! Надо ответить в следующем смысле: содержание отряда на Крите преследует не какие-либо военно-стратегические цели, а является мерой политическою, ввиду чего всякий малейший шаг командира должен быть строго сообразован с указаниями единственного представителя России на острове — генерального консула, получающего инструкции от своего правительства, ссылка на иностранцев была сделана вовсе не для примера; г ну военному министру должно быть известно, что остров Крит находится под покровительством четырех держав, которые во всем действуют солидарно; эта общность действий является единственным залогом мира на Ближнем Востоке»⁹. Эту точку зрения Россия не меняла на всем протяжении кризиса. В связи с тем, что с этого времени по «высочайшему повелению» употребление оружия русским отрядом было «в крайних случаях

разрешено», МИД считал, что после этого было бы ошибкой предоставить начальнику отряда действовать по своему усмотрению, так как в этом случае «произойдет такая каша, которая отразится самым пагубным образом на всем Балканском полуострове!». Поэтому генеральным консулам теперь для большей оперативности передавалось право решения на месте образа действий иностранного отряда¹⁰.

Первым шагом мятежников из Териссо было воспрепятствовать выборам в Народное собрание, намеченным на весну 1905 г. Подача выборных списков делалась в каждой провинции острова по участкам, которые охранялись жандармами, а выборных участков было достаточно много: в одной только ретимской провинции — 42. Большая часть местных жандармов была сосредоточена в столице, а внутри острова их было очень мало и восставшим не трудно было помешать выборам где нибудь в глубинке и даже уничтожить сами списки, т. е. свести на нет результаты голосования. Поэтому мятежники разбились на отдельные отряды и направились в различные провинции острова¹¹. Один из видных инсургентов К. Манос время от времени совершал военные прогулки со своими людьми в Канею и обратно в Териссо. Затем инсургенты укрепились в близких к столице деревнях — Мурниес, Нерокуро, Периволье и других, но вскоре были вытеснены опять в горы международными отрядами, днем и ночью находившимися под ружьем.

Другой же стороне — правительству и партии принца — необходимо было, чтобы эти выборы состоялись, так как шансов победить, имея поддержку международного войска, было много. Это доказало бы населению Крита, что восстание носит чисто локальный характер. Поэтому правительство просило международные отряды великих держав защитить выборные участки с помощью военной силы. В связи с тем, что венизелисты собирались помешать выборам, необходимо было, как писал Урбанович, «действия выборных участков поддержать вооруженною силою и гарантировать неприкосновенность ящиков с выборными списками». Во все участки были направлены итальянские и греческие жандармы. По распоряжению Урбановича только в русской зоне было выделено 63 солдата для несения караульной службы на выборных участках для усиления жандармских постов. Солдат отправляли «на несколько дней с сухим пайком: хлебом, салом, макаронами, чаем и сахаром и с деньгами для приобретения на месте необходимого приварка»¹².

16 марта было обнародовано воззвание принца Георга к критянам, где объявлялось, что великие державы решили немедленно водворить порядок на острове с помощью своих войсковых отрядов. Принц и великие державы давали 30 часов для сдачи оружия и явки с повинной. Принц обратился также непосредственно к восставшим в Териссо, чтобы они немедленно последовали этому совету¹³. В тот же день державы покровительницы обратились к населению Крита с торжественной нотой, приуроченной к началу выборов в Народную палату, сообщая о тех улучшениях, которые они намерены сделать. Одновременно началось движение международных сил на острове в сторону Териссо.

8 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 202.

9 Там же.

10 ИАК. Д-16. № 175. Л. 262.

11 ИАК. Там же. № 175. Л. 260.

12 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2542. Л. 53об.

13 ИАК. Д-16. № 175. Л. 259.

17 марта к начальнику русского отряда Урбановичу явились два главных представителя партии Венизелоса в Ретимно — Саунаццо Полидор и Коронакис — с просьбой разрешить народную сходку для принятия ответной петиции о присоединении острова. Урбанович отвечал, что это не в его компетенции, но что ему приказано этому воспрепятствовать. После этого венизелиты распространили слухи, что русский начальник «угрожал разогнать их штыками солдат»¹⁴. Пришлось оппозиционерам подписывать петицию тайно, бегая из магазина в магазин. В это время Урбанович получил телеграмму императорского консульства, в которой сообщалось, что другие критские партии восстание венизелитов якобы не поддерживают, и оно не разрастется, хотя открытую цель восстания — присоединение — поддерживают все. Это на время успокоило начальника русского отряда.

Зная, что в Ретимно ожидаются манифестации сочувствующих восстанию в Териссо, и собираясь этого не допустить, начальник русского отряда К. Урбанович прежде всего обратился к епископу Дионисию, зная, что он возглавляет сторонников Венизелоса в Ретимно, с просьбой не производить колокольный звон и не собирать людей на манифестации, как это всегда делалось на Крите. Дионисий отвечал вежливо, но уклончиво, что он не может запретить колокольный звон в Ретимно¹⁵.

Через два дня, 19 марта, колонна в 212 солдат под командованием французского подполковника Любанского и 200 жандармов, доставленных на русской лодке «Храбрый», выступила против инсургентов и расположилась лагерем в 12 верстах от Териссо. Посылка смешанного отряда сначала носила демонстративный характер, а затем, после истечения срока ультиматума, Любанскому поручено было изолировать восставших, помешать присоединению к ним новых сил со стороны инсургентов¹⁶. В тот же день французский подполковник Любанский, а также русский штабс-капитан Анастасиаси и итальянский лейтенант Бруно сделали неудачную попытку вступить в переговоры с руководителями восставших в Териссо — Фумисом и Маносом. Последние не шли ни на какие уступки и отвечали, что сложат оружие только после присоединения острова к Греции. Поэтому было решено послать смешанный отряд международных войск — две французские роты, одну итальянскую и взвод из 40 русских солдат — под общим командованием командира французского батальона майора Буиссу из Канеи в самый близкий к Териссо пункт — Аликиано, чтобы основательно припугнуть восставших.

Принц Георг и консулы возлагали большие надежды на эффект, который произведет появление международных отрядов на горных тропинках, ведущих в деревни, где находились повстанцы. По их общему мнению, все невооруженные люди тут же должны были разбежаться, а вооруженные — сдать оружие. Они полагали, что дело едва ли дойдет до столкновения. Министр иностранных дел России Ламздорф также не сомневался, «что посылка военной силы в места манифестаций с приказанием не вмешиваться в совместные с жандармерией репрессалии, лишь присутствием своим произведет моральное воздействие на население, что весьма полезно»¹⁷. Консул

Броневский был уверен, что «некоторое участие иностранных войск действовало бы отрезвляюще на восставших, которые слишком рассчитывают на их невмешательство»¹⁸, однако разоружения со стороны восставших, как предполагал русский военный начальник, не последует. Так и произошло. Поэтому теперь, после истечения срока ультиматума, целью всех действий держав было — изолировать восставших инсургентов и не дать восстанию распространиться по всему острову.

Большую роль в умиротворении Крита великие державы отводили своим военным морским силам.

В Суде еще с начала кризиса постоянно находилось большое число военных судов держав покровительниц. Иногда количество их доходило до двадцати и более. В феврале в бухту Суды вошли и встали на якорь миноносцы «Пронзительный» (до мая 1905 г. командир капитан 2-го ранга Дитерихс) и «Прозорливый» (командир лейтенант Рыбалтовский), а вскоре прибыл миноносец «Резвый» из Джигути (командир лейтенант Хохлов)¹⁹. После «Резвого» пришел также и встал на рейде русский пароход «Малайя», который по предписанию адмирала З. Рожественского возвращался в Севастополь. В это же время в критских водах находился стационар — морская канонерская лодка «Храбрый» (командир капитан 2-го ранга А. Кононов) и при ней прибывший из Пирея миноносец № 213, а вскоре и миноносец № 212, а затем № 222. В самом начале весны 9 марта вечером на судский рейд вошла английская эскадра из 14 судов под флагом полного адмирала сэра Донвилля и флагманов вице-адмирала Гарри Гринфелла и контр-адмирала Лэмбтона. Морское превосходство Великобритании было налицо, что свидетельствовало о том, какое значение Великобритания придавала исходу выборов. Эскадра состояла из пяти броненосцев 1-го класса: флагманского «Бульварка» водоизмещением в 15 000 тонн, «Лондона» и др., восьми бронированных крейсеров, яхты адмирала и турбинного миноносца.

Военные корабли великих держав должны были охладить пыл восставших инсургентов, являя собой самый веский аргумент в пользу сохранения status quo на Крите. С этой целью они постоянно плавали вдоль критского побережья. На английском крейсере «Венус» было проведено заседание всех командиров иностранных стационаров на Крите, где встал вопрос о районах блокады («крейсирования», досмотра и т. п.) критского побережья, которые необходимо было согласовать с правительствами. Россия говорила о необходимости действовать сообща и контролировать побережье постоянно. К концу апреля в судской бухте в связи с выборами в Народное собрание постоянно дежурили миноносцы «Прозорливый», «Пронзительный», французский стационар «Кондор» и один английский крейсер²⁰. В апреле для поддержания порядка на острове побережье Крита было разделено на зоны действия каждой из четырех держав. Районом русского «крейсирования» были назначены пункты от мыса Трипители до мыса Ставрос. Самым уязвимым, с точки зрения военных, была береговая полоса в итальянском секторе, так как берег там оставался почти без всякого надзора, а выгруженное там оружие впоследствии направлялось в другие сектора, прежде всего — русский²¹. В эти местности, по взаимному согласию или

14 Там же. Л. 266.

15 Там же. Л. 259-160.

16 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 214; ИАК. Д-16. № 57.

17 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 199.

18 АВПРИ. Там же. Л. 200.

19 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 626.

20 ИАК. Д-16. № 222; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2542. Л. 178.

21 АВПРИ. Там же. Д. 2545. Л. 720б.

по просьбе консула, посылался периодически один миноносец с критскими жандармами. Главной целью посылки было: не допустить выгрузки с приходящих судов на побережье оружия, осмотр побережья — чисто ли оно от инсургентов, и доставка в Канею таможенных и почтовых денежных сборов. Довольно часто приходилось также доставлять отряды русских сухопутных войск из одного пункта в другой для усиления гарнизона в тех местах, где скопление повстанцев вызывало эту необходимость²².

Выборы в Народное собрание прошли спокойно за исключением десяти округов, где они «не состоялись из-за появления вооруженных шаек», как писал Броневский²³. Инсургенты в провинции Кидония в нескольких пунктах разбили урны и уничтожили выборные списки. На одном из этих участков от разрыва сердца умер судья, наблюдавший за урнами для голосования. Но на большинстве участков в русском секторе судьи доставляли урны в город под конвоем международных войск.

Так, в населенном пункте Георгиуполис (Приморском, как его называли русские военные) находился взвод 2-й роты под командованием поручика Мирецкого, направленного туда на канонерской лодке «Храбрый»²⁴. Инсургенты показались у деревни, но, увидев русских, немедленно ушли. Военная помощь была направлена также на выборные участки в Аликиано, Прасес, Лакки, Амары, Канданос. Англичане находились в деревне Каливес, итальянцы — в Пальохоре и т. д.

После выборов английский крейсер прибыл на канейский рейд из Пальохора и высадил сборную роту международных войск, охранявших выборы и «успешно выполнивших свою работу», а также 12 человек задержанных инсургентов, которые были немедленно отправлены в тюрьму «Фирка» в бывшем форте Изеддин. Толпа народа, сопровождавшая арестантов до самой тюрьмы, громко выражала им свое сочувствие и поддержку. Вскоре в городских церквях Канеи ударили в колокола, и еще более многочисленная толпа собралась возле собора, где начался стихийный митинг. Затем толпа двинулась к мэрии, чтобы поднять греческий флаг, но была остановлена жандармами²⁵. Международные силы были направлены во все главные пункты города и к тюрьме, опасаясь, что взбунтовавшийся народ попытается освободить заключенных. Рота французов заняла Черногорскую площадь (названную так в честь 80 черногорцев, уже покинувших Крит), а итальянцы усилили караул у тюрьмы «Фирка», затем жандармы заняли собор и колокольню, начались аресты активистов манифестаций.

Под контролем великих держав и жандармов повторные выборы прошли везде удачно, попытки инсургентов помешать этому были сорваны. Сторонники венизелитов, оценив активность великих держав, отстранились от участия в выборах, желая хотя бы своим неучастием сорвать их. Но в результате военной поддержки держав покровительниц в Народном собрании Крита депутатами стали исключительно лица, сочувствовавшие правительству. Венизелиты никак на это не рассчитывали, но сдаваться не собирались.

Накануне открытия палаты, полдвенадцатого ночи 24 марта/6 апреля к капитану «Храброго» А. Кононову приехал английский офицер с крейсера «Джуно» и сообщил, что завтра ожидается доставка на остров большого количества оружия и патронов для восставших критян на парусных судах, прося содействия двумя миноносцами, а утром прибыл и сам командир английского крейсера капитан Христиан. В совместной акции по аресту контрабанды должна была принять участие и жандармерия во главе с капитаном Монако. Неизвестно, участвовали ли в этой операции английский суд, но были посланы оба русских миноносца, № 212 и № 213, а также «Пронзительный», позже — «Прозорливый». Консул просил держать ситуацию под контролем также на следующий день, когда открывалась сессия палаты, и на случай мусульманских волнений в Канее. На канейский рейд из судской бухты был направлен миноносец № 222. На судна было принято по два три критских жандарма для ареста оружия в случае необходимости. «Крейсировали» днем и ночью вокруг столицы, но никакие подозрительные лодки к берегу не приставали. Вместе с тем на берегу и в горах часто вспыхивали какие-то сигнальные огни, но местные жители отказывались объяснять, что это означало²⁶. Позже, 8 апреля по распоряжению командира «Храброго» миноносец «Пронзительный» снялся с якоря в судской бухте и пошел в Канейский залив. Был задержан и осмотрен рыбацкий баркас, а затем шхуна к западу от острова Теодоро, но на ней оказалось только вино для Греции. Затем было осмотрено также парусное судно и исследовано устье реки Платания. Весь берег в этом районе до деревни Колимбари был недоступен для выгрузки и высадки, но все же находились убежища для самых маленьких судов. Район от Колимбари на протяжении двух миль представлял собой очень удобные для высадки песчаные пляжи.

Во время плавания русскими моряками были проведены также учебные стрельбы из орудий, ружей и из револьверов. Случались и необычные встречи. Так, Кононов описывал, как вблизи миноносца неожиданно появилась гигантская черепаха, по которой капитан Дитерикс «приказал для практики сделать выстрел 41 боевым патроном. Черепаха была убита, но спущенный вельбот не успел подхватить убитое животное, которое утонуло»²⁷. В деревне Платания капитан Кононов встретился и поговорил с игуменом монастыря и убедился, что здесь все поддерживают партию Венизелоса, боровшуюся за присоединение острова к Греции. Восставшие критяне были очень огорчены запретом подвоза оружия, которое, как они говорили, им нужно для защиты от террора правительственной партии, находившейся под влиянием итальянской политики²⁸.

Во время открытия Народного собрания было провозглашено присоединение острова к Греции. Здание, где проходило заседание палаты, было украшено греческими флагами и портретами королевской семьи, а под портретом королевы эллинов Ольги Константиновны висел еще и русский национальный флаг. Для охраны принца в здании палаты депутатов 7 апреля были направлены рота французов в 150 человек, рота итальянцев

22 АВПРИ. Там же. Д. 2016. Л. 691об.

23 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 229.

24 ИАК. Д-16. № 176. Л. 266.

25 Там же. Л. 269.

26 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 40-42.

27 РГАВМФ. Там же. Л. 33об.

28 Там же. Л. 35.

в 100 человек и взвод русских в 40 человек²⁹. Весь путь в палату депутатов, по которому должен был проследовать верховный комиссар, охранялся десятками солдат иностранных войск. Все офицеры международных отрядов были приглашены на торжественное открытие Народного собрания, что должно было несколько снизить накал страстей.

Заседание третьей очередной палаты депутатов открывала речь принца Георга, в которой он объявлял, что является самым горячим сторонником присоединения острова к матери родине Элладе, о чем свидетельствовала его последняя поездка по Европе. «К несчастью, державы, при всем благородном расположении своем к острову, — сказал он, — нашли, что при настоящих обстоятельствах они не в состоянии изменить его теперешнее политическое положение». «Прискорбным происшествием» он назвал восстание в Териссо. «Народ, выказавший столько благородства и обладающий таким умом, не может не понять, что вооруженными действиями изгоняются лишь завоеватели, а не его благодетели, что совершенно иными мерами при единогласии и при уважении к закону критский народ может приобрести расположение держав и всего цивилизованного мира и достичь столь справедливых, столь священных своих вождений», — сказал он в заключение³⁰. Принц, стараясь смягчить обстановку, объявил на открытии собрания «о некоторых реформах в либеральном духе». Броневский 2 апреля 1905 г. писал, что «если это не внесет успокоения и не отвлечет от восставших часть более умеренных сторонников, то без присылки подкреплений движение вряд ли будет подавлено»³¹.

Правительство Крита предложило на рассмотрение Народного собрания некоторые экономические законопроекты. Принц предложил депутатам воспользоваться своими конституционными правами и способствовать деятельному обсуждению всего, что поможет острову. После отъезда принца депутаты христиане, несмотря на просьбы принца, выработали свое первое постановление, в котором потребовали присоединения острова к Греции под скипетром короля Георга I. В конце концов по своим личным каналам, т. е. тайно, принц просил державы определиться и либо способствовать присоединению острова, либо подавить как можно скорее восстание на Крите.

Еще накануне открытия сессии палаты начальник русского отряда К. И. Урбанович был уверен, что «во всех больших городах Крита по случаю открытия палаты депутатов будут произведены правительственной партией манифестации в пользу присоединения острова к Греции», что вызовет недовольство оппозиционных сил и обострит обстановку. И действительно, оппозиция отвечала на это своими манифестациями также в пользу присоединения острова к Греции, но только под знаменем свободы и конституции. Вечером в день выборов перед резиденцией принца Георга в Халепе прошла манифестация, устроенная сторонниками Венизелоса, в которой принимали участие и сторонники правительственной партии. То же было в Ретимно. На улицах столицы появились прокламации, написанные известным на Крите патрио-

том Рикарисом, призывавшие критян образумиться и не подвергать отечество опасности вновь потерять самостоятельность, но члены правительственной партии были явно в меньшинстве³².

На заседании критской палаты было провозглашено «объединение Крита с Грецией с тем, чтобы навсегда стать частью ее под конституционным управлением короля эллинов — Георга»³³. «Правительственная партия, — писал Урбанович, — достигнув при помощи международных отрядов, и главным образом русского, удачного производства выборов в палату депутатов, объявила в палате о присоединении к Греции». Таким образом, правительство под охраной международных отрядов пыталось выбить почву из под ног венизелитов³⁴, так как единственной целью восставших в Териссо официально было воссоединение острова с Грецией. Теперь же им необходимо было раскрыть свои карты полностью и обнаружить свои антидинастические взгляды. Вследствие такого решения палаты, все официальные органы — правительственные учреждения, включая суды — прекратили временно свою деятельность до выяснения, кому они служат: королю Георгу I или принцу Георгу? Напуганные разрастанием восстания, представители всех правительственных учреждений на острове обратились в конце апреля к префектам городов и деревень, чтобы были выделены средства на организацию их охраны.

Канейские торговцы отреагировали на политические заявления принца Георга о присоединении по своему: немедленно потребовали беспешинного провоза в Грецию и обратно своих товаров. Лишь вмешательство консулов великих держав приостановило это нарушение условий установления автономии на острове, которые могли вызвать конфликт с Турцией. Державы покровительницы разъясняли критянам, что «присоединение» можно рассматривать лишь как пожелание, так как без санкции держав покровительниц такое решение не будет иметь силы.

Великие державы и верховный комиссар всеми силами пытались не дать восстанию разгореться в полную силу. В связи с началом восстания критян все войсковые отряды великих держав в Кане, Кандии и Ретимно и их окрестностях были приведены в боевую готовность, устанавливалось патрулирование улиц, разрешено было в крайних случаях применять оружие³⁵. Несмотря на приближение празднования Пасхи, приказом по канейскому округу предписывалось держать в полной готовности одну французскую и одну итальянскую роты, а также одно отделение русской роты. Канейскому гарнизону было одновременно приказано: французам — занять деревни Цикалярия, Нерокуро, итальянцам — Мурниес и Периволье, а русские стояли уже на краю деревни Аликиано. Уже 2 апреля управляющий морским министерством адмирал Ф. К. Авелан телеграфировал командиру канонерской лодки «Храбрый»: «Высочайше разрешено, по ходатайству консула в Кане, в случае необходимости высаживать с «Храброго» и миноносцев десант с пушкой для охраны порядка в местности по указанию нашего дипломатического представителя на Крите». На следующий день, 3 апреля, в Суду пришла канонерская лодка «Черноморец» с поручением от посланника

29 ИАК. Д-16. № 176. Л. 272.

30 ИАК. Там же. Л. 275.

31 Там же; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 242.

32 ИАК. Там же. № 179. Л. 296.

33 Kerofilas C. Eleftherios Venizelos: His Life and Work. L., 1915. P. 42.

34 ИАК. Там же. № 176. Л. 276 277.

35 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 225.

в Афинах дать «Храброму» идти в Пирей и команде спокойно подготовиться к важнейшему православному празднику и отговорить накануне Пасхи. В связи с начавшейся «новой смутой инсургентов», консул убедил посланника оставить «Храброго» на Крите и капитану Кононову телеграфировал: «Со дня на день можно ожидать всяких беспорядков, и присутствие здесь именно Ваше, а не другого командира будет особенно ценным, тем более что Вы в курсе всего дела и у Вас установились известные отношения с иностранными командирами стационаров, и поэтому присылка «Черноморца» никак не может заменить «Храброго»». Немедленно командировали из Ретимно русского священника на миноносец № 212 «для проведения говения в команде»³⁶.

Несмотря на беспокойную обстановку на острове, очередную Пасху иностранные отряды отметили, устроив парусные гонки между английскими, французскими, итальянскими и русскими гребными судами. Затем, докладывал капитан Кононов в Морское министерство, «пробовали силу тягой каната наши вельботные и катерные с английскими и, можно сказать, одолевали наши. Раздача призов производилась местными дамами высшего общества. Англичане благодарили меня и гг. офицеров за участие и внесенное оживление, как на словах, так и письменно на другой день»³⁷.

Вскоре в народе распространился слух, что великие державы вступили с инсургентами в Териссо в переговоры с целью прийти к обоюдному согласию относительно условий сдачи оружия и присоединения острова. На самом деле никаких серьезных переговоров пока не велось, а состоялось единственное свидание с руководителями повстанцев, которое организовали уполномоченные международные парламентарии, целью которых было склонить восставших «заявить о своих требованиях законным образом», что успеха не имело. В ответ четыре консула, Негри, Ховард, Броневский и Моруа, опубликовали более жесткие разъяснения, «что четыре державы единодушно воспротивятся всякой насильственной попытке, клонящейся к изменению политического положения острова»³⁸. В результате в Канее прошла новая манифестация во главе с бывшим председателем Народного собрания с требованием немедленного присоединения острова к Греции. На зданиях префектуры, мэрии, таможни и конака вновь взвились, вместо критского автономного, греческие флаги, неизвестно кем поднятые. Только на жандармерии флаг поднять не решились³⁹. Державы попытались воспротивиться незаконному поднятию греческого флага. Так, 18 апреля Броневский телеграфировал Урбановичу, что «англичане завтра меняют греческий флаг на критский, и следует в Ретимно сделать то же самое». Броневский только советовал попросить сначала власти — начальника жандармской роты капитана Каросини и префекта Мариса — сделать это добровольно. Марис, естественно, отказался, и флаг поменяли русские солдаты, при этом спуске и поднятии был соблюден весь полагающийся церемониал. В Канее критский флаг также беспрепятственно заменил греческий на зданиях префектуры, таможни и зданиях судебных учреждений. Смена флагов была произведена при помощи трех смешанных международных отрядов каждый из 25 французов, 25 итальянцев и 13 русских. Чтобы припугнуть инсургентов, было решено дополнительно послать

в канейскую гавань миноносец «Прозорливый», который встал напротив почты и таможни. Это облегчало властям снятие греческих флагов с административных зданий и собора и замену их, по решению четырех держав, вновь критскими флагами. Однако как только в столице узнали о снятии греческих флагов, начались новые волнения — огромная толпа собралась перед дворцом в Халепо, и многие выкрикивали, что готовы умереть за греческий флаг. После этого у критских флагов были выставлены часовые. То же было сделано в Ретимно и Кандии. Из судской бухты перешли на канейский рейд итальянский броненосец «Сардиния», русский стационар «Храбрый» и миноносец № 222. Однако критяне искали любого повода, чтобы вернуть греческий флаг даже в честь тезоименитства принца Георга. Донесения о появлении инсургентов в разных пунктах и замене критского флага на греческий приходили по несколько раз в день, и уже не хватало сил для водворения «порядка»⁴⁰. По донесениям с мест, население острова было настроено против европейцев за насильственный спуск греческого флага. Как доносил штабс капитан Анастасиади, из пункта близ Аликиано «прибывающие к инсургентам из городов личности подбивают их произвести нападение на европейские отряды»⁴¹. К этому времени почти все сельское и городское население, кто мог купить оружие, было вооружено (в основном револьверами за 20 франков) без всякого на то разрешения. Никакие действия великих держав, похоже, не могли уже остановить движение.

19 апреля командир «Храброго» капитан (теперь уже) 1-го ранга А. Кононов получил телеграмму от консула в Канее Броневского следующего содержания: «Жандармерия критская доносит, что большая шайка восставших приближается к селу Пирго Паслонеро в 8 милях от Канеи с намерениями атаковать жандармский пост и захватить таможню. Будьте добры согласиться товарищески с итальянским стационаром, чтобы попеременно посетить эту местность. Было бы желательно, чтобы какой нибудь из стационаров показался бы там сегодня же...» Он просил также произвести стрельбу по безлюдному участку берега «для устрашения шаяек». Командир итальянского стационара «Минерва» согласился тотчас же сняться с якоря и пошел туда на два дня, затем его должен был сменить русский стационар «Храбрый» и миноносец № 222. Сменив итальянцев, командир «Храброго» А. Кононов осмотрел казарму жандармов, их траншеи и сторожевые посты. На следующей день после запланированных стрельб инсургенты попросили встречи с командиром «Храброго» и она состоялась в 2 часа дня на берегу, куда Кононов сошел с русскими и итальянскими офицерами и с критскими жандармами. Кононов описал эту встречу в своем рапорте в Морское министерство: «Пошли в деревню, занятую инсургентами. С раннего утра партии вооруженных численностью от 15 до 20 человек спускались с гор, бегом проходили лужайки и группировались на опушке оливковой рощи, откуда утром было произведено 4 выстрела, никого, однако, из жандармов не ранивших. Проселочные дороги здесь были настолько глубоки, что человека в них не видно и они могли бы служить прекрасными траншеями, а за каменными заборами, во всех направлениях пересекавшими остров, стрелки инсургенты могли

36 АВПРИ. Там же. Д. 3352. Л. 39.

37 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 669-669об.

38 ИАК. Д-16. № 176. Л. 271 272; Там же. № 179. Л. 297 (Рапорт капитана «Храброго» Кононова от 13 Апреля 1905 г.).

39 ИАК. Там же. № 176. Л. 278.

40 ИАК. Там же. № 178. Л. 286.

41 ИАК. Там же. Л. 295.

Критяне. Стоит с тростью — капитан Калогерис

иметь надежное прикрытие»⁴². В Пирго Паслонеро их встретила толпа человек в 100 и предложила войти в кофейню подождать, пока пошлют за вождями инсургентов. Первым пришел статский господин, говорящий по французски и представившийся как местный врач. Из разговоров с ним Кононову стало ясно, что он выходец из Греции и только два года живет на Крите, т. е. это «агитатор, но не вождь». Когда подошли вожди — человек шесть горцев, с головы до ног вооруженные, то они высказали пожелание говорить с русским командиром отдельно от толпы. Все они поднялись на второй этаж дома с офицерами и вождями. Кононов попросил переводчика спросить, что это были за четыре выстрела сегодня? И предупредил, что «имеет право открыть огонь, но не хотел бы проливать кровь православных», поэтому предлагал инсургентам уйти из деревни. Инсургенты уверяли, что они только обороняются. После переговоров и горячих дебатов инсургенты дали слово, что удалятся, и отвергали всякие о них слухи, что они «хотят перерезать жандармов». Выйдя к толпе, Кононов провозгласил здравицу русскому императору, правительству Крита и принцу Георгу. В результате толпа кричала «Зито!» и провожала делегацию букетами роз⁴³.

В это же время прошел слух, что инсургенты вскоре собираются захватить и саму столицу, хотя все подступы к ней охранялись тремя отрядами — итальянским, французским и русским, постоянно производилось патрулирование города и окрестностей столицы. Начальник гарнизона отдал приказ наблюдать за входом в город, русская рота во главе со штабс капитаном Анастасиади следила за дорогой в Аликиано — в самом ближнем к восставшим в Териссо пункте⁴⁴. Солдаты заняли бывший турецкий блокгауз на горе в одной версте от деревни для лучшего наблюдения за восставшими⁴⁵. В случае нападения инсургентов тремя правительствами великих держав было разрешено своим войскам отвечать огнем. С началом сумерек 26 апреля в стороне д. Мурнэс появились многочисленные костры инсургентов и с их стороны

раздавались свистки и выстрелы, но к ночи костры были потушены и инсургенты ушли. Так повторялось несколько дней кряду то в одном, то в другом месте вокруг города. В результате очередное заседание палаты депутатов было фактически сорвано, чего и добивались восставшие. В течение месяца депутаты не могли даже выбрать председателя.

В апреле 1905 г. как в канейском, так и в ретимском секторах ситуация все более выходила из под контроля. Постепенно «дерзость» инсургентов и противостояние их с международными отрядами возросли. Вскоре произошло кровавое столкновение восставших с международными войсками в деревне Вукомес, где были убитые и раненые. После этих событий было разрешено применять огнестрельное оружие не только сухопутным силам всех держав, но и морским десантам, но с особого разрешения.

Несмотря на превентивные меры держав, произошли некоторые кровавые стычки между восставшими и критскими жандармами, участились случаи разоружения жандармов, а затем и убийства. Броневский сообщал о столкновениях восставших с жандармами в деревне Селино, расположенной в окрестностях Суды, где в ответ на арест 13 инсургентов были захвачены и уведены в Териссо 10 критских жандармов. Отряд в 150 человек под начальством Кологериса в деревне Кондомари захватил жандармский пост из десяти человек и разоружил их⁴⁶. Вскоре стало известно, что один из вождей повстанцев Биракис захватил в плен жандармов в Мелидони. «Разоруженные жандармы присоединились к банде», — записывал Урбанович. Урбанович и другие русские командиры называли отряды инсургентов не иначе как «шайки» и «банды». Участились случаи дезертирства жандармов, которые также уходили к восставшим в горы. Высшее духовенство, сочувствуя инсургентам, освободило нижние чины местной жандармерии от принятой ими присяги на верность, после чего еще около 60 жандармов перешли на сторону восставших⁴⁷. Для несения полицейских обязанностей в Ретимно было оставлено всего 7 жандармов. Русский отряд состоял из трех рот по 100 человек в каждой, несущих усиленную караульную службу.

В Ретимской провинции участились случаи краж, порчи деревьев, звучали угрозы сожжения домов сторонников принца, а крестьяне греки пасли скот на чужих полях мусульман, и т. д. То же происходило и в пригородах Канеи. Так, например, штабс капитан Анастасиади передавал 18 апреля, что в деревнях близ Аликиано рубятся деревья, а неизвестными в деревне Воталако вырублена апельсиновая роща в 90 деревьев, принадлежащая стороннику консервативной правительственной партии. «И так каждый день, — пишет Урбанович. — Все расшаталось внутри страны; местные власти или отсутствуют вовсе, или лишены своего назначения за отсутствием силы; все порочные инстинкты, не сдерживаемые страхом наказания, проявились повсюду и действуют с полной беззастенчивостью. В результате: местной безопасности нет, а кражи, похищения ежедневные и не только ночью... Пойманные объясняют просто: думал, что теперь восстание, властей нет, жандармов нет, следовательно, все можно делать»⁴⁸.

42 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 671.

43 ИАК. Там же. Л. 293.

44 ИАК. Там же. Л. 295.

45 ИАК. Там же. № 178. Л. 282.

46 ИАК. Там же. № 176. Л. 270.

47 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2503. Л. 51; ИАК. Там же. № 178.

48 ИАК. Там же. № 184. Л. 346.

Особенно беспокоило мусульманское население провинции. В связи с началом восстания на Крите мусульмане Ретимно обратились к начальнику русского отряда с просьбой о покровительстве над ними русских войск и о защите их от опасности. Урбанович заверял, что мусульманам нечего бояться, «ибо управление на Крите существует по прежнему, а международные войска охраняют всех жителей без различия вероисповедания». Что еще он мог им сказать? ⁴⁹ Однако вскоре они вновь обратились за советом к Урбановичу, — не стоит ли жителям деревень мусульманам бросить свои дома и укрыться в городе под защитой русских войск, хотя оставление своих хозяйств равносильно разорению. Урбанович вновь старался их успокоить, сказав, что великие державы удвоят или утроят свои силы, но не дадут восстанию разрастись. На это мусульмане сказали ему, что из многократного опыта знают, что такие смуты христиан кончаются насилием над мусульманами ⁵⁰. В результате угроз многие мусульмане продавали свои земли грекам за бесценок. Мусульманское население стремительно сокращалось. Только с конца 1898 г. в Турцию выехало около 30 тыс. мусульман, 30 еще оставались на острове: в Кандии — 12 тыс., в Канеи — 10 тыс., в Ретимно — 8 тыс. ⁵¹ Международные силы были поставлены в весьма щекотливое положение. Главной задачей в эти дни стало соблюдение хотя бы внешнего спокойствия и недопущение погромов мусульман. Беспокоились мусульмане не зря, так как повстанцы, несмотря на предупреждения великих держав, приступили к вытеснению мусульманского элемента с острова. Так, недалеко от Ретимно на горе Врисино стояла деревня Генни, в которой проживало 15 мусульманских семейств, слывших в провинции «за зажиточных». 3 мая полсотни инсургентов вошли в деревню и посоветовали жителям немедленно ее покинуть и уйти куда хотят, иначе они могут быть поголовно вырезаны. «Мусульмане не заставили повторять этот совет дважды, — сообщал Урбанович консулу. — Тотчас же бежали в Ретимно, захватив только жен и детей». Утром бежавшие явились к русскому полковнику, ища защиты, но не застали его дома. В мае мусульманское население выразило Урбановичу благодарность «за выказанную заботу и покровительство мусульманам, жителям округа путем установления постов из русских солдат в разных местах, что способствовало восстановлению пошатнувшегося спокойствия» ⁵². Делегация просила и впредь устанавливать новые посты, чтобы мусульмане могли возвратиться к своим очагам.

29 апреля деревня Аликиано, расположенная недалеко от Териссо, несмотря на охрану дороги жандармами и русским отрядом, все таки была окружена инсургентами во главе с Маносом, которые затем двинулись в сторону Канеи. Вечером опять видны были костры повстанцев. Город волновался. Консулы четырех великих держав распространили в Канеи воззвание к критскому народу, в котором еще раз говорилось, что державы не находят возможным в настоящее время соединить остров с Грецией. «Ввиду возникшего и непрекращающегося движения в пользу присоединения, — говорилось в нем, — мы обязаны настоящим обращением опять отклонить всякое предположение о возможности изменения существующего порядка. Сообщая вам об этом непреклонном решении

наших правительств, в то же время мы уполномочены довести до вашего сведения, что правительства, руководствуясь чувством благорасположения, которым они воодушевлены по отношению к вам, готовы обсудить, как только восставшие сложат оружие, те административные и финансовые преобразования, которые они признают нужными для благоденствия страны». Державы надеялись, что после этого воззвания восставшие успокоятся. «Если же, сверх ожидания, несколько бунтовщиков, вопреки голосу разума и общественной пользы, будут упорствовать в восстании, продолжение которого повлечет за собою гибель страны, мы обязаны будем поставить их в известность, что державы покровительницы твердо решили прибегнуть к таким мерам при помощи флота и сухопутных войск, какие правительства признают необходимыми для... восстановления порядка, — говорилось там. — Критяне! Этот призыв к вашей мудрости и к послушанию перед законами будет вами услышан и страна, выйдя снова на путь мирного преуспевания, при правильной деятельности ее учреждений сможет продолжить свое экономическое развитие, отвечающее законным ее вождениям. Халепо. 29 апреля 1905. Подписи: Негри, Эсме Ховард, А. Броневский, Л. Моруа». В ответ на это воззвание отряд Биракиса перешел из Кастели в Невс Амари и объявил эту провинцию присоединенной к Греции ⁵³.

Жители провинции сначала собирались оказать сопротивление, но, увидев себя окруженными повстанцами, согласились подписать акт о состоявшемся присоединении, который в копии препроводили префекту Ретимно. В Суду прибыли два итальянских броненосца. Штабс капитан Анастасиади, не справившийся с удержанием деревни, был заменен в Аликиано подпоручиком Зиминим ⁵⁴. 2 мая состоялось собрание депутатов Народного собрания, которые требовали, наконец, выбрать председателя и приступить к очередным делам. Но обстановка была не рабочей, так как большинство депутатов поддерживало восставших и настаивало на том, чтобы всем отправиться в Териссо и остаться там, требуя вместе с восставшими присоединения острова к Греции. Вскоре прения приняли бурный характер, и умеренная правительственная партия, чтобы избежать побоища, поспешно удалась из здания палаты. Для охраны депутатов на время ее заседаний каждый раз отправлялась сводная рота от частей канейского гарнизона. А те, кто не поддержал восставших, стали опасаться за свою жизнь. Так, по улицам Канеи гуляли депутаты под охраной своих людей, вооруженных дубинками ⁵⁵. Для охраны депутатов была сформирована рота под командой французского офицера из 30 французов, 30 итальянцев и 10 русских. 3 мая депутаты избрали своим председателем Михелидакиса и разошлись до следующего заседания.

Великие державы, стремясь успокоить восставших, вынуждены были объявить о том, что как только восстание прекратится, они сократят вдвое свои оккупационные отряды и проведут новые финансово экономические мероприятия. Одновременно, несмотря на возражения принца, они начали переговоры с руководителями мятежников. Вместе с тем державы жестко объявили, что они намерены «прибегнуть к таким новым морским и военным мерам, какие окажутся необходимыми для поддержания порядка» ⁵⁶.

49 ИАК. Там же. № 175. Л. 258.

50 ИАК. Там же. Л. 263.

51 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913гг... Л. 206.

52 ИАК. Там же. № 184. Л. 344.

53 ИАК. Там же. № 179. Л. 300.

54 ИАК. Там же. № 176. Л. 273; Там же. № 179. Л. 300.

55 ИАК. Там же. № 180. Л. 301 302.

56 Kerofilas C. Elefterios Venizelos. P. 42 43; Dutkowski J. S. L'occupation de la Crete... P. 107.

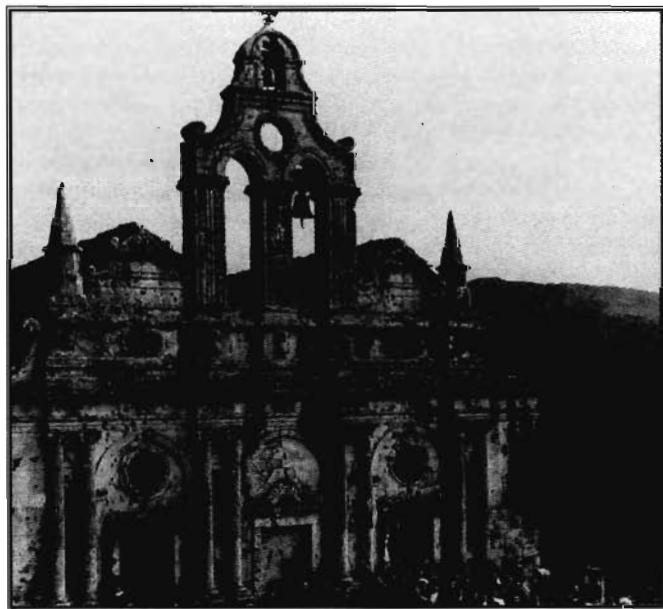
Инсургенты в Териссо

Возмущенные тем, что даже после обнародования воззвания к критянам никакого разоружения не последовало, они решили увеличить свои войска.

В конце апреля — в начале мая 1905 г. в Риме состоялось совещание послов держав покровительниц. На нем было единодушно решено:

- 1) не допускать присоединения Крита к Греции;
- 2) приступить к финансовым и административным преобразованиям;
- 3) выразить поддержку принцу Георгу⁵⁷.

При обсуждении вопроса об увеличении войск российский консул спрашивал Урбановича, сколько необходимо еще войск для водворения порядка. И Урбанович отвечал: «Для усмирения восставших необходимо держать крепко провинцию, тогда города притихнут под угрозой стационаров. Чем больше у нас будет сил, тем скорее мы покончим с инсургентами. В Ретимской провинции, в которой сравнительно тихо, необходимо занять постоянно 8 пунктов силою в 800 штыков, для караулов, патрулей и службы в городе на три смены — 200. Для действий в городе в случае беспорядков и для активных действий против «банд» по крайней мере — 400, в Канею доставить 150, да накинуть 150 — на весь отряд на больных, нестроевых и домашние наряды, итого 1200. Имеется около 400, недостает — 800, это самое меньшее. Откладывать нельзя. Для других отрядов расчет должен быть тот же самый»⁵⁸. Урбанович рассчитывал, что весть о посылке отрядов сама по себе заставит инсургентов испугаться и они «уберутся подальше». Впоследствии оказалось, что Урбанович совершенно не понял духа восставших и сильно заблуждался. Но он выполнял указания своего правительства, которое всеми силами защищало монархию и православие в Греции, на Крите и в целом на Ближнем Востоке. Урбанович четко следовал указанию принять все меры к умиротворению острова и по мере возможности сохранял прекрасные отношения как с христианами, так и с мусульманами острова.

Монастырь Аркадия

57 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2542. Л. 138об, 209, 229.

58 ИАК. Там же. № 178. Л. 289.

Инсургенты почувствовали силу

Постепенно инсургенты почувствовали свою силу. Появились сообщения о захвате оружия, продовольствия, о нападении на пороховые погреба жандармерии, о захватах деревень, таможен и почт восставшими, об увеличении числа вооруженных инсурентов, которые все чаще находили приют в монастырях. Так, группа вооруженных повстанцев в 65 человек под командой Биракиса поселилась в историческом монастыре Аркадия, расположенном недалеко от Ретимно, откуда Биракис прислал приглашение ретимскому префекту Марису и начальнику таможни пожаловать к нему в монастырь для получения письменного утверждения в занимаемых должностях.

Фактически сами критяне готовы были признать власть восставших в Териссо. Так, делегация жителей Ретимно в 30 человек во главе с известным адвокатом Манусакисом отправилась, по приглашению Биракиса, в монастырь для приветствия восставших. Православное духовенство также было на стороне греческого населения Крита. Епископ Дионисий дал всем своим подведомственным монастырям указание принимать и кормить всех зашедших к ним инсурентов.

Восставшие собирались в ближайшее время войти в Ретимно. К встрече инсурентов в Ретимно русские готовились по своему. Среди местного населения была распространена инструкция с разъяснением, кто такие инсургенты. Например, в инструкции говорилось, «что инсургенты сами не работают, а существуют на средства населения и монастырей»... И первоначально русским военным показалось, что мера идеологического воздействия была успешной, а идея восстания сильно потускнела. Доходили слухи, что и монастыри тяготились пребыванием в них инсурентов, и что жители некоторых деревень просили Биракиса к ним не заходить и даже угрожали применить силу. К тому же в деревнях производило впечатление и чтение посланий начальника русского отряда, который напоминал населению о возможности расхищения и гибели нового урожая.

Но на самом деле все обстояло иначе. Из донесений начальника русского отряда поручика Лодзевского, отправленного наблюдать за монастырем Аркадия, было видно, что монахи встречали русские отряды очень плохо, отводили им самое грязное помещение, а критским жандармам и того хуже — отказывали не только в еде, но даже в сене для лошадей. Итальянский капитан Каросини, возглавлявший жандармерию в Ретимно, сообщал, что монахи отказались дать даже стакан молока для заболевшего жандарма. Дело дошло до префекта ретимского округа, в котором находился монастырь Аркадия, и епископу Дионисию пришлось оправдываться перед русскими властями ретимского сектора. На все обвинения в адрес монастыря епископ отвечал Урбановичу: «У нас монастыри никогда не закрывают своих дверей ни перед кем, принимают всякого приходящего, не спрашивая, кто он такой». Дионисий пригласил монастырские власти и сделал им на словах «внушение», а Урбановичу сообщил, что «такое изумление этих людей и настолько категоричен их протест, что мы непоколебимо уверились — монастырь находится под тягостью страшной клеветы»¹.

Вскоре К. Урбанович в своем дневнике уже описывает посещение вооруженными повстанцами Ретимно, где произошла радостная встреча населением группы инсурентов во главе с Биракисом. Встрече этой, писал Урбанович, русские, естественно, не препятствовали, «так как против русских войск не были направлены действия повстанцев, ненадолго зашедших в город». Повстанцы могли торжествовать, но руководитель восставших в ретимском округе продолжал жаловаться своим соратникам на недостаток патриотических чувств у жителей самого Ретимно, которые несколько опасались военного рвения русского полковника. И не напрасно. Урбанович, с разрешения Броневского, готов был стрелять в восставших в случае их неповиновения местным властям. Тем не менее в Ретимно было множество сторонников Венизелоса, поддерживавших восстание в Териссо, которые даже занимали видные правительственные должности. В числе особо рьяных последователей партии Венизелоса были председатель суда Францискакис и начальник почтового отделения. На одной из демонстраций один из них кричал: «Долой русских!» Немедленно оба были отозваны в Канею и на свои места не вернулись. Представители правительственной партии послали принцу телеграмму с благодарностью, что он избавил город «от столь вредного элемента». По слухам, инсургенты собирались с помощью охранника венизелиста освободить из тюрьмы в Ретимно всех заключенных. Побег был предотвращен, однако подозреваемый охранник не был взят под стражу, так как в свое время был назначен по протекции личного секретаря принца Георга Пападыамантопулоса. Прокурор, также уличенный в симпатиях к венизелистам, умолял Урбановича не лишать его должности — этого «единственного куска хлеба». Вскоре Ретимно было взволновано новым событием. Двери мужской и женской школ, а также квартира их директора г на Генералиса, который был противником революционных методов присоединения острова и числился сторонником правительственной партии, были опечатаны, а на печатах было написано: «Присоединение или смерть» и подпись: «Революционный комитет». К вечеру выяснилось, что авторами этих печатей были три ученика старшего класса.

В апреле были получены известия о выгрузке большой партии оружия для повстанцев в русском секторе. Генеральный консул Броневский предупреждал К. Урбановича еще раньше, что в Ретимно также готовятся беспорядки, и выражал надежду, что они не застанут русский отряд врасплох. Броневский предлагал отправить туда стационар, и Урбанович соглашался, что «присылка стационара, время от времени, только принесла бы пользу»².

Активизация действий восставших и их отказ сдать оружие, по мнению начальника русского экспедиционного отряда К. Урбановича, была связана с их «твердым убеждением, что все действия международных войск против них будут иметь лишь демонстративный характер». Прошел даже слух, что критская жандармерия была разоружена международными отрядами, но начальник критской жандармерии капитан Монако, собрав жандармских офицеров, пытался объяснить эту ошибку и вызвал к их разуму: «Помните, что вы люди, что вы греки и что вы, как вооруженная сила, представляете священный идеал отечества. Не забывайте, что его величество король Греции посвятил Криту 40 лет своей жизни, что Греция израсходовала на него 500 миллионов и что из за него вязалась в несчастную для нее войну»³.

1 ИАК. Д-16. № 184. Л. 346–347.

2 ИАК. Там же. № 178. Л. 292; Там же. № 180. Л. 303.

3 ИАК. Там же. № 185. Л. 368.

Русские офицеры во время встречи с повстанцами после боя в Аджиопоуло

В это же время руководители венизелитов передавали всем восставшим, что некоторые консулы (кто именно, не сообщалось) уговаривают инсургентов не сдаваться и потерпеть еще некоторое время, так как скоро Крит получит самоуправление наподобие Боснии и Герцеговины⁴. По всем предположениям Урбановича, это могли быть итальянский или французский консулы — ведь все действия западных держав до сих пор были этому подтверждением. А. Н. Броневский докладывал в МИД России: «Большинство французских офицеров во главе с их начальником подполковником Любанским относятся с явной симпатией к восстанию и выражают недоверие верховному комиссару и его деятельности», а французский генеральный консул «если не придерживается крайних взглядов своих соотечественников, то во всяком случае склоняется скорее в пользу инсургентов, нежели королевича»⁵. Английский консул также передавал, что итальянский консул открыто был на стороне восставших, если не вместе с ними. Французский консул в Ситии был не раз замечен в компании врагов принца⁶. Биракису, который постоянно перемещался по Ретимскому округу, также был оказан теплый прием даже в доме французского консула в Ретимно Саунаццо. В результате в итальянском и французском секторах положение было очень нестабильным — законы больше не действовали. Однако итальянцы ничего не собирались менять. Российский посол в Риме А. Н. Крупенский передавал, что Италия полагала, будто

«ее роль исчерпана уже тем обстоятельством, что по ее настояниям Рим стал центром академических заседаний по критским делам, в то время как остальные три державы увеличивают войска для подавления восстания на острове». По мнению русского и английского консулов, пока Франция и Италия не получают тех же инструкций, а именно увеличив отряды, локализовать восстание, общее положение не изменится. Императорское правительство в который раз предупреждало другие державы, что «только единодушными действиями четырех держав можно заставить критян подчиниться их воле, в противном случае Россия будет принуждена сократить численность командированного отряда, «не усматривая оснований принимать на себя всю тяжесть борьбы с мятежным критским населением»⁷.

В мае императорское правительство разрешило свезти на берег десант со стационара — канонерской лодки «Храбрый» (15 мая капитан 2-го ранга Н. А. Петров принял лодку «Храбрый» от капитана А. Кононова). В командовании стационара «Храбрый» находились также три миноносца: № 212, № 213 и № 222. В конце мая из России на помощь Урбановичу прибыло еще 183 молодых солдата призыва 1905 г. (на смену 1901 г.) из 52-го пехотного Виленского полка под командой штабс-капитана Богдасарова 2-го. Однако Главный штаб России, по просьбе консула, приказал задержать на Крите также солдат 1901 г. призыва. Из Одессы вскоре были высланы 117 недостающих винтовок⁸.

4 ИАК. Там же. № 184. Л. 340.

5 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 305об.

6 Holland R. The Prince, The Powers and "The unfortunate regime"... P. 37.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 272об.

8 ИАК. Там же. № 182. Л. 181, 311, 316.

Прошел слух, что на совете в Териссо решено было послать 250-300 инсургентов под командой одного из вождей — Какуриса — в ретимскую провинцию на помощь Биракису и для удаления русских войск из занимаемых ими пунктов⁹. Помощь должна была прибыть с западной стороны округа, где находились деревни Апокорона, Рустика, Епископи, которые русские войска хотели занять одну за другой. Биракис созвал всех вооруженных людей в деревне Ай Мамас, откуда направился, по распоряжению центрального комитета повстанцев, на соединение с начальником другого повстанческого отряда Какурисом, оперирующим в Аргирополисе против русских отрядов поручика Косяченко и фельдфебеля Тарабукина. Отряд инсургентов, находившийся в Принэ, намеревался захватить крупный населенный пункт деревню Аджиопоуло. Ретимский префект сообщал 31 мая, что из Апокоронского уезда вышла в ретимский округ часть «банды» Биракиса из 200 человек под предводительством Какуриса. Будто бы Какурис ставит целью вытеснение русского отряда из мест его стоянки¹⁰. Урбанович отнесся к этому сообщению со всей серьезностью.

В начале июня беспокойное положение в русском секторе заставило консула послать туда из Канеи небольшое подкрепление для усиления русского отряда. В июне 1905 г. прибыл на Крит 3-й батальон 136-го пехотного Таганского полка в составе 326 нижних чинов при 10 офицерах и был доставлен в Ретимно.

Хотя англичане сначала не хотели активно вмешиваться в события, после того как стало известно о заявлении «териссиотов» о том, что «Англия не будет действовать против инсургентов», английское руководство решило действовать более коллегиально и порой готова была участвовать в совместных акциях¹¹. После долгих колебаний Англия, хотя все войска великих держав получили указания своих правительств действовать сообща, также отправила 20 мая/1 июня 550 человек подкрепления, которые начали занимать отдельные деревни в своем секторе — Айос-Мирон и Эпаносифи, а затем, без лишнего шума, все наиболее важные пункты внутри их сектора. Причем все они были связаны теперь оптическим телеграфом, что позволяло уже через 10 минут в Канеи получать донесения из деревни Дыбаки, расположенной на южном берегу острова. Французы ограничились присылкой «Клебера», итальянцы — двух судов. Французы и итальянцы, стремившиеся «отделиться полумерами», по выражению российского генерального консула на Крите, вскоре вынуждены были последовать примеру России и Англии и увеличить свои сухопутные силы. Французские силы в целом к концу июня составили около 1 тыс. человек. В начале июня итальянцы прислали 126 солдат для пополнения сокращенного ранее отряда¹². Отряды этих стран выступили для занятия прибрежных пунктов на западе от Канеи и внутри острова, но ни в какие действия против инсургентов не вступали, считаясь с мнением своих демократических парламентов. Инсургенты встретили эти меры спокойно, прося лишь не восстанавливать там власти жандармов, и французский подполковник Любанский отправил жандармов обратно. Более активных действий от Франции и Италии ожидать не приходилось в связи с их внутрисекторскими соображениями, так как парламенты, узнав о целях восстания, вряд ли одобрили бы их действия.

Колимбари. Монастырь Гонияс

Тем временем восставшие приступили к замене глав правительственных учреждений, вплоть до мэров крупных населенных пунктов, в том числе в д. Аджиопоуло. Туда немедленно отправились 40 жандармов во главе с капитаном Каросини, которых местные жители называли «негодьями и изменниками», когда они пытались восстановить старого мэра. Затем туда же был направлен взвод под командой Косяченко для охраны мэрии. Но положение их было достаточно забавным и долго продолжаться не могло, так как вооруженные инсургенты нарочно усаживались в десяти шагах от русских солдат пить кофе, что у населения вызывало мысль о сотрудничестве. Такое поведение инсургентов было связано с их уверенностью, что русские войска предпринимают все эти меры лишь для видимости, но оружие никогда не применяют. Все осторожные действия держав были тому подтверждением.

Начавшееся движение смешанных отрядов в ретимском округе сразу встретило молчаливый протест — жители отказывались предоставить мулов для перевозки грузов, а в Аджиопоуло отряд столкнулся с сопротивлением инсургентов, которые отказывались дать дорогу жандармам.

Служака Урбанович решил, что «необходимо было дать урок и инсургентам, и жителям Аджиопоуло, бывшим заодно с инсургентами». Урбанович докладывал консулу: «Приготовили роту к выступлению, в деревне заняли две колокольни на главных соборах, долго искали спрятавшегося правительственного мэра и сделали попытку его восстановить в должности против его воли. Мэр трясся как в лихорадке. Произвели обыски и арестовали пять человек, хранивших в доме оружие». Женщины деревни встретили жандармов камнями. Урбанович просил передать, что первой же женщине, которая бросит камень, будут надеты наручники и ее доставят в тюрьму¹³. Везде местные жители поддерживали инсургентов и все кричали, что русских пропустят куда угодно, но не жандармов. Стрельба была открыта поверх голов.

9 ИАК. Там же. № 183. Л. 336.

10 Там же. Л. 341.

11 Holland R. The Prince, The Powers and "The unfortunate regime"... P. 36.

12 ИАК. № 184. Л. 340.

13 ИАК. Там же. № 182. Л. 322-323.

В связи с ухудшением положения, началом развала экономики в конце мая появилось воззвание к критскому народу, подписанное депутатами консерваторами, в котором они призывали прекратить беспорядки и разоружиться, что не получило отклик в народе. Тогда депутаты решили направить депутацию в Териссо для увещевания восставших сложить оружие. Но в этот момент пришло письмо от некоего Эммануила Пападероса, полицмейстера в Териссо, обращенное к депутатам. Он писал, что, узнав о решении депутатов, он пожалел, что дома для умалишенных он упрямился. «Никто и в расчет не принимает ваше существование... Всякий здравомыслящий человек не может не заметить, что вы в высоком понятии о себе превзошли самого Дон Кихота. Вы желаете, чтобы мы сложили оружие? Пожалуйста, получите его. Но прихватите с собой и ваших дубинконосцев крестьян (нанятых охранять депутатов. — О. С.), для того, чтобы вы не утомились очень. Ей богу, я вас жалею, несчастные!» Письмо настолько охладило решение депутатов еще раз попытаться склонить комитет восставших в Териссо прекратить восстание для блага острова, что они прекратили свои заседания и вообще разъехались по своим провинциям¹⁴. Вскоре председатель революционного комитета в Териссо извинился за грубое письмо Пападероса к депутатам и просил прислать для переговоров депутацию, но было уже поздно.

Урбанович, который перестал понимать происходящее, посчитал это уступкой «перед бродячей шайкой инсургентов», и принял решение занять несколько пунктов внутри ретимской провинции для водворения законной власти, временно ниспровергнутой инсургентами повстанцев, и очистить округ от инсургентов. Для этого были назначены пять смешанных отрядов из нижних чинов ретимского русского отряда и критских жандармов под командой четырех офицеров и одного унтер-офицера для занятия монастырей Аркадии и Арсани, деревень Рустика, Мелидони и Спилли. А деревня Аджипопуло уже была занята. Инструкции начальникам этих отрядов были даны на русском и греческом языках, чтобы с ними могло ознакомиться и население. Епископу Дионисию, в чьем подчинении находились монастыри в провинции, Урбанович сообщил о своем распоряжении лично. Россия четко выполняла решения Римской конференции о поддержке принца. Российский генеральный консул писал в Петербург: «Предпринимаю все с негласного, конечно, одобрения его высочества», т. е. принца Георга. С этого момента вообще становится более четкой линия России на спасение греческой династии от антимонархической партии Венизелоса¹⁵.

Затем Биракис объявил, что идет в Кастели. Это был небольшой необорудованный порт, который благодаря своему географическому положению быстро разрастался, а в будущем мог даже перетянуть к себе всю торговлю из г. Ретимно. Многие ретимские торговцы, имевшие там свои магазины и склады с товарами на сотни тысяч франков, были в испуге, в том числе английский и австрийский вице-консулы, которые были владельцами магазинов в Ретимно. Вскоре Биракис выполнил свою угрозу и перешел в Кастели, где захватил таможенную и почтовую. На запрос Урбановича, нужно ли оказывать сопротивление, Броневицкий отвечал:

«Остается предоставить всю провинцию на произвол судьбы до прихода подкреплений, о которых просим». Итальянский полковник сосредоточил все силы в Канее и тоже отказывается посылать отряд внутрь страны.

25 апреля на ретимский рейд прибыл английский крейсер «Венус», который, приняв командира жандармской роты итальянского капитана Каросини с несколькими жандармами, направился в Кастели. По прибытии туда командир крейсера пригласил к себе Биракиса для переговоров, но тот отказался, сказав, что если командир крейсера хочет что-то у него спросить, он готов принять его у себя в доме. Командир и другие съехали на берег и имели продолжительную беседу с главой местных инсургентов. В результате достаточно большие суммы денег в 300 франков от таможен и почты были повстанцами возвращены англичанам и отвезены в Канею¹⁶. Но вскоре там опять хозяйничали инсургенты.

Из рапортов начальников отрядов, выступивших во внутренние районы ретимского округа, было видно, что жители относились к русским сдержанно, а иногда благодарили за то, что пришли, но к итальянским карабинерам (в отличие от итальянских войск) и к критским жандармам относились вообще очень враждебно. Дорога Аликиано-Канея находилась в руках восставших, и русский отряд Богдасарова оказался на какое-то время отрезанным от города. «Поэтому вряд ли будет возможным, — заключал Урбанович, — даже в будущем, когда настоящий кризис минует, оставить на острове Крит тот же род вооруженных сил, какие существуют сейчас». В Аликиано были назначены дополнительные силы с Русского бастиона в Канею — отряд в 10 человек из 16-й роты, который в сопровождении роты французов вышел на военную прогулку¹⁷. Инсургенты каждый день открывали огонь по русскому отряду в Аликиано, стараясь не причинить никакого ущерба отряду, и все ближе и ближе подходили к постам.

По канейскому гарнизону было приказано: частями гарнизона занять деревни Кисамо Кастели — ротою итальянцев, Пирго Псилонери — ротою французов, Колимбари — взводом французов. Деревня Аликиано была вновь занята русскими¹⁸. Самого принца охраняли караулы у дворца из итальянцев и французов.

Несмотря на то, что в Мелидоне, куда также выступили русские силы, было столкновение между отрядом и инсургентами, но ни убитых, ни раненых нигде не было. Но порядок был восстановлен очень хрупкий. Первые пули, выпущенные восставшими, летели через голову, и жертв не было. Русским войскам было приказано воздерживаться от перестрелки, однако уже в Мелидони были первые раненые среди восставших. Решимость русских властей жестко подавлять восстание с помощью оружия возымела свое действие. Начался спор, кто первый открыл огонь, и обстановка накалилась. Биракис поклялся отомстить русским, и вскоре все стычки восставших с войсками стали носить серьезный характер. 25 мая был произведен обыск в деревне Мелидони, в том числе и в доме самого Биракиса, найдено несколько ружей. Вскоре к начальнику русского отряда прибыла депутация от жителей Ретимно, которые были огорчены событиями в Мелидони, где был открыт огонь. Они сообщали, что в Ретимно существует революционный комитет, который поддерживает и направляет

14 ИАК. Там же. № 181. Л. 313, 319.

15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 308; ИАК. Там же. № 182. Л. 314.

16 ИАК. Там же. № 179. Л. 294.

17 ИАК. Там же. № 183. Л. 332; Там же. № 184. Л. 340.

18 ИАК. Там же. № 184. Л. 353.

революционное движение в провинции, и что без устранения этого комитета невозможно восстановить спокойствие на Крите. Оказался в депутатии и один венизелит, который поинтересовался, какие инструкции даны выступившим вглубь страны отрядам, и был изумлен, узнав, что отряды обязаны арестовывать вооруженных людей и могут открывать огонь. Капитан Каросини отправился в Гаразо поднять там критский флаг и произвести обыски.

Один из главных начальников революционного движения в Териссо К. Фумис прислал письмо Урбановичу, с которым был очень хорошо знаком ранее. В письме, носившем в целом прорусский характер, он указывал на то, что во всех прежних восстаниях критян вначале ни Греция, ни европейские государства не одобряли восстания, а затем соглашались с инсургентами и даже им помогали. Он надеется, что и в нынешнем восстании произойдет то же самое, что они тем более поражены случившимся в Мелидони. Наконец, зная характер и рвение Урбановича, он полагал, что лучше бы ему покинуть Крит, получив благодарность критского народа, нежели его ненависть. Урбанович отвечал Фумису, что все, что он делает, он делает по поручению его правительства и что он исполняет свои военные обязанности по принесенной им присяге, которая для него имеет значение. «Поэтому мне не в чем себя упрекнуть», — заключал он ¹⁹.

Вскоре было проведено расследование, которое показало, что русские в Мелидони первые не стреляли, но после задержания одного инсургента Биракис поклялся отомстить, и инсургенты при первом же выходе дозора из казармы открыли по нему огонь. После этого столкновения Биракис со своими людьми скрывался в монастыре Мони Халепо, на границе с Мальвези и с занятием войсками уезда Милопотамо. Не только деятельность его сразу оборвалась, но и люди его стали терпеть нужду: для пропитания и пристанища они могли использовать лишь два-три монастыря. Но все равно в июне Биракис продолжал кружить вокруг Мелидони, выжидая удобный момент, когда можно будет вытеснить оттуда отряд поручика Мирецкого. Жители деревни привозили потихоньку баранину и другие съестные припасы для восставших. Даже советник принца Георга Кундурос подал в отставку, хотя Георг и не принял ее. Кундурос тем временем собирал вокруг себя людей, собираясь уйти в горы и бороться за присоединение острова к Греции. Свои действия он объяснял тем, что великие державы не предпринимают никаких мер для умиротворения острова, водворения спокойствия и порядка, а беззаконие с каждым днем увеличивается. По его мнению, единственный способ — постараться самим восстановить пошатнувшийся порядок, установить особое управление всей страной, за исключением трех приморских городов, которые могут оставаться во власти международных войск. Двое других советников королевицы также готовы были подать в отставку и отправиться в горы ²⁰.

В начале июня русские войска находились уже в девяти населенных пунктах против намеченных шести. «Отряды эти, — писал Урбанович, — производят прогулки в соседние деревни, настолько часто, насколько позволяют силы и обувь» ²¹. Отряды эти были очень маленькие, и акции носили более демонстративный характер.

Активные действия России по остановке восстания на Крите с самого начала вызвали раздражение у греков. «Масса разных

слухов и угроз по адресу иностранцев, в особенности итальянцев и нас, русских, распускаются по Канеи и Ретимно, — писал Урбанович 27 апреля. — Итальянцев ненавидят, опасаясь в них увидеть наследников прежних венецианцев, владевших когда то островом, а нас укоряют в том, что мы единоверцы и действуем против них» ²².

Так, российский посланник из Афин сообщал, чтобы «Храбрый», который шел в Пирей, туда не приходил или немедленно ушел из греческих вод, чтобы не раздражать общественное мнение, считавшее, что Россия мешает присоединению Крита. Миноносцам вскоре было предписано вернуться в Россию. Другой пример. В Канейском заливе выше деревни Скитиланос на обрывистом берегу стоял монастырь, богатый и влиятельный, игумен которого выражал удивление русским военным, что Россия противится присоединению Крита к Греции и что русские суда препятствуют выгрузке оружия, которое им необходимо для самозащиты, а отнюдь не для нападения. Все население, по словам игумена, возмущается такими действиями русских ²³.

Практически все население поддерживало восстание. Урбанович признавался, что очень трудно было наверняка знать о наличии инсургентов в том или ином месте, «так как вся разница между инсургентами и прочими мирными жителями состоит в том, что у первых в руках оружие. Поэтому, услышав о подходе русских войск, инсургенты прячут свое оружие в домах и нарочно выходят на улицу для встречи военного отряда». Так, в Платании местные жители сказали, что вооружен только один житель, а русский дозор чуть ранее обнаружил 150 вооруженных инсургентов ²⁴.

2 июня мэр деревни Аноя доносил ретимскому префекту о вооруженном нападении на него со стороны партии венизелитов. На его защиту встали родственники и все члены правительственной партии. Мэр просил о присылке в их деревню военной силы. Мэр Анос Пневмы сообщал, что население перестало платить земельные налоги и что полное отсутствие денег ведет к прекращению его деятельности.

Начальникам отрядов в Епископи и Рустике было сообщено о возможности перехода отряда Какуриса через границу русского сектора. Русские отряды должны были объединиться под командой поручика Косяченко и выйти навстречу «банды». Урбанович должен был усилить эти отряды силами русских войск из деревень Аджиопоуло, Арсани и Аркади, что вместе составило бы силу в 125 штыков, т.е. силу, способную остановить повстанческий отряд. В населении распространялось донесение Биракиса в Териссо о столкновении с русским отрядом. «Как и следовало ожидать, — писал в дневнике Урбанович, — в донесении инсургенты показаны жертвами жестокости русских и невинно пострадавшими». Но что было «перлом нахальной лжи, что русские, задержав вооруженного инсургента, якобы били его жестоко, солдаты прикладами ружей, а офицер палкой» и т. д. Для разоблачения лжи Урбанович вместе с местным прокурором Кеprasом и начальником жандармерии отправились в тюрьму к пострадавшему и допросили его. Теперь пострадавший говорил, что с ним обращались хорошо, а русские солдаты кормили его хлебом ²⁵.

19 ИАК. Там же. №183. Л. 332, 338.

20 ИАК. Там же. № 185. Л. 355-356.

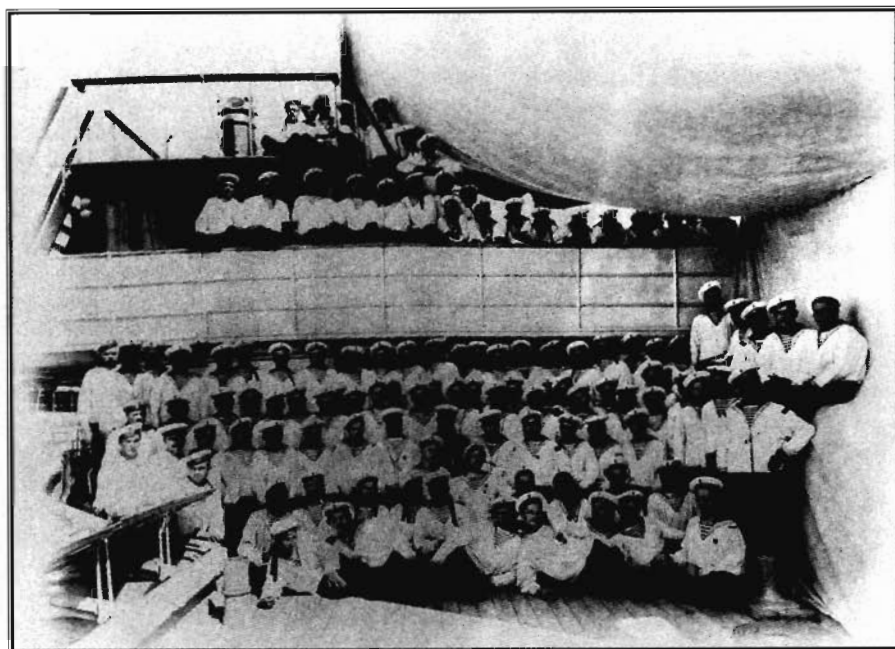
21 ИАК. Там же. № 184. Л. 346.

22 ИАК. Там же. № 178, л.296.

23 ИАК. Там же. № 185. Л. 362; ЦГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 42об.

24 ИАК. Там же. № 185. Л. 364-365.

25 ИАК. Там же. № 184. Л. 342, 351-352.

Канонерская лодка «Храбрый» 1901 г.

В начале июня генеральный консул сообщал уже начальнику русского сухопутного отряда, что большинство инсургентов небольшими отрядами в 50 человек переходят в русский сектор. По сведениям майора Монако и капитана Каросини, туда тайно перешло уже более 250 человек, которые собирались нанести удар по русским отрядам в Рустике, где находился поручик Косяченко с отрядом и в других местах. Как стало вскоре известно, в Аргируполис (по донесению фельдфебеля Тарабукина) уже прибыла «банда» инсургентов, и отряд просил помощи со стороны Косяченко. Совместными силами деревня была оцеплена с трех сторон постами русских. Затем Тарабукин пригласил к себе начальника восставших Какуриса для переговоров. И через некоторое время переговорщики сошлись на дороге в стороне от деревни, пожав друг другу руки и спросив по греческому обычаю «Как поживаешь?», а затем через переводчика состоялись переговоры. На вопрос, зачем он пришел сюда, Какурис отвечал, что для поддержания порядка. Он сообщил, что будет посылать дозоры по деревням, и просил их не трогать, так как он русских не тронет и стрелять в них не будет, если они сами не откроют огня. Какурис сообщил также, что он против русских ничего не имеет, а жандармов они видеть там не хотят, и все было из за них. На это Тарабукин отвечал, что русские стоят здесь как раз чтобы наводить порядок, что лучше бы им никаких своих дозоров по деревням не посылать, так как ему приказано их задерживать и переправлять в Ретимно. Тарабукин также обещал, что первый стрелять не будет. На этом они расстались, пожав снова друг другу руки. Затем прибыл Косяченко и принял командование отрядом, а Какурис наутро прибыл к Косяченко с жалобой, что «он окружен постами, как будто они воры или разбойники, что он не против русских». Невооруженным солдатам в деревню доступ был теперь открыт, и Косяченко послал туда дозорных.

Солдаты по возвращении доложили, что в деревне не менее 150 инсургентов, которые спрашивали, не прибудет ли сюда сам полковник Урбанович. В результате отряды оказались стоящими друг против друга у Аргируполиса. Императорское консульство забеспокоилось и телеграфировало Урбановичу о необходимости соблюдать «особую осторожность для избежания всякого столкновения теперь, а потом мы будем иметь время отыграться». «Мне показалось странным, — писал Урбанович позже, — что консул особенно рекомендовал осторожность, после того как мы зашли значительно вперед с целью показать инсургентам, что мы решили не уступать и действовать против них оружием». Урбанович телеграфировал в ответ, что «теперь он не может ручаться, что столкновения не будет, потому что мы препятствуем действиям повстанцев... Поэтому одно из двух: или приказать повстанцам идти, куда хотят, и делать, что хотят, что невозможно, потому что дискредитирует войска, или отозвать

все отряды в город и выжидать подкреплений, невзирая на то, что будет внутри страны. Прошу указаний, как поступить». В ответе говорилось: «При наших настоящих силах следует лишь держать порядок в занятых пунктах и близких к ним деревнях, уклоняясь от активных действий и не препятствуя движениям крупных банд, что можно будет лишь, когда мы усилимся; вступать же в вооруженный конфликт, не имея полной и безусловной уверенности на успех, слишком рискованно, тем более что ждали три месяца, так можно подождать две недели до прихода войск и тогда действовать наверняка. Полагаю, что и Вы разделите мои опасения»²⁶.

Русские представители на Крите, следуя указаниям императора, стремившегося всеми силами помочь принцу Георгу, активнее всех великих держав приступили к подавлению восстания, действуя порой силой оружия. Готовность русских военных стрелять в инсургентов привела к поражению Венизелоса. Однако позиции принца, которому пришлось прибегнуть к силе международных войск, чтобы подавить восстание на острове, выступавшее под греческим флагом, были сильно подорваны. В этом смысле Венизелос одержал над принцем огромную победу.

Даже российский консул теперь засомневался в целесообразности активных действий. Однако Урбанович расценил неповиновение и даже слабый отпор восставших как оскорбление чести русского солдата, и все его дальнейшие действия носили все более жесткий характер, ничем не оправданный. Он отвечал консулу: «Нам нельзя отступать, напротив, нужно действовать как можно энергичнее». Несмотря на рекомендации русского правительства — «уклоняться от активных действий и не препятствовать движению крупных банд», — ситуация выходила из под контроля. Державы решили вводить военное положение в самых беспокойных районах, что несколько не остановило восставших, а, напротив, еще более их ожесточило.

Положение серьезное Русские силы в Платании и Кастели

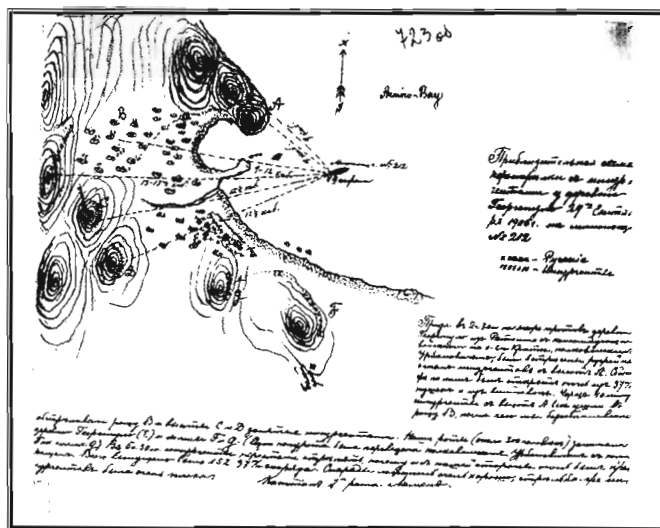
Положение на острове становилось все серьезнее, поскольку восстание охватывало все новые и новые районы. Английский отряд занял местность Каливес с таможней, куда заходили парусные суда, возможно, с грузом оружия. Франция и Италия вскоре вынуждены были последовать примеру России и Англии: их отряды выступили для занятия прибрежных пунктов на Западе от Кандии и внутри острова, но ни в какие действия против инсургентов не вступали, считаясь с мнением своих парламентов и оберегая жизни своих солдат. Таким образом, державы теперь действовали сообща, но постепенно все больше проявлялось желание западных держав использовать русские сухопутные и военно-морские силы для наведения порядка, самим оставаясь в тени. Командир «Храброго» капитан 2-го ранга Н. А. Петров в рапорте в Главный морской штаб сообщал 9 июня, что французы нередко обращаются к русским морякам за помощью. Так, во французской зоне в местечке Тойлу на отлогом берегу острова были арестованы беглые жандармы, и по просьбе французского консула Петров послал за ними миноносец «Резвый», который доставил в крепость «Фирка» пятерых арестованных. Инсургенты с приходом миноносца, полагая, что на нем находится десант ушли в горы. Случай этот был не единичным. Вскоре командир французского крейсера «Клебер» просил Петрова отправиться с вверенной ему канонерской лодкой в Палео Кастро, где высаживается каждый день патруль в 15 человек в военной амуниции для давления на инсургентов. Он отклонил эту просьбу, объяснив, что «Клебер» как большой крейсер произведет гораздо большее давление на 200 инсургентов, чем канонерская лодка «Храбрый», и эта часть острова находится в ведении французов. Восемь инсургентов в деревне Платания на берегу Канейского залива остановили французского жандармского полковника и солдат и заставили их вернуться, произведя несколько выстрелов в воздух. Французы немедленно подчинились. По просьбе русского генерального консула Петров держал миноносец № 212 в состоянии полной готовности днем и ночью, чтобы оказать содействие английскому отряду по условному сигналу с крепости Изеддин. Но и англичане приходили порой на помощь. В местечке Вамос в провинции Апокорона инсургенты окружили критских жандармов, решив их морить голодом. На выручку был послан в Каливес (русскую зону) английский небольшой отряд и английский крейсер «Минерва»¹. 14 июня Н. А. Петров телеграфировал в Морское министерство: «Инсургенты теснят французов у Платания по заявлению консула, быть может, на днях придется открыть огонь с лодки по инсургентам, если присутствие «Храброго» и угрозы окажутся недостаточными. Консул считает, что только энергичное действие против восставших может остановить поголовное восстание»².

Императорский консул А. Н. Броневский передавал из Канеи Урбановичу: «Французы и итальянцы из Платания и Киссамо вернулись в город. Спрашивал: "Насколько помогло бы введение военного положения в Ретимно?"» По мнению консула, «необходимо было бы показать зубы, чтобы остановить другие партии от

решения уйти в горы»³. Последующие события на Крите в июне 1905 г. были показательны для позиции императорского правительства России, напуганного революционным штормом в самой России, который угрожал свержением династии Романовых. Восстание на Крите также представляло угрозу для греческой династии, родственной романовской. Венизелос из всех сил стремился доказать, что принц был повинен в том, что остров до сих пор не соединен с родиной матерью Грецией.

«Показать зубы» российский генеральный консул, действовавший по договоренности с принцем Георгом, решил в деревне Платания, где не справились французы. 14 июня он сообщил Урбановичу о своем намерении послать «Храбрый» против инсургентов, находящихся в Платании, и «если на предложение очистить эту деревню они не согласятся, то открыть огонь против них и выстрелами заставить очистить занятую позицию». Урбанович пытался отговорить Броневского: «Думаю, задержать партии уйти в горы войска не в состоянии. После того, что заявил Криарис у английского консула и что сделалось известным, они не могут остаться — их засмеют венизелиты». Урбанович отказался объявить военное положение в Ретимно, не имея достаточного количества людей для патрулирования. «Да и что может помочь, если в четырех верстах от города останавливают и обыскивают солдат?» Из всего сказанного Урбанович заключал: «Необходимо уничтожить банды инсургентов; выступить в один день против них всем отрядом, а не только русским и не для прогулки только, — тогда, пожалуй, остановите движение в горы, и то, кажется, уже поздно»⁴.

В июне генеральный консул сделал распоряжения о формировании в Канее смешанного отряда в составе 58 человек 16-й роты под командованием поручика Зимина и 33 матросов при одном орудии, свезенном с «Храброго», под общим начальством мичмана Н. Дратищева. Отряду предписывалось выступить 17 июня на прогулку в деревню Колимбари через прибрежные деревни Платания и Пирго Паслонеро. Все эти три деревни были заняты приблизительно

Приблизительная схема перестрелки с инсургентами миноносца №212 у Георгиуполиса 29 сентября 1906 г.

1 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 694-696.

2 РГАВМФ. Там же. Д. 3352. Л. 46.

3 ИАК. Д-16. №185. Л. 358

4 ИАК. Там же. № 187. Л. 351. № 185. Л. 363.

200 инсургентами, с которыми не сумели (не хотели) справиться французы. Для содействия отряду был отправлен стационар «Храбрый».

15 июня 1905 г. глава Российского императорского консульства А. Броневский уже в письме к командиру «Храброго» Николаю Аркадьевичу Петрову сообщал о необходимости участия лодки в активном подавлении восстания: «Для обуздания все растущей в канейской провинции, — ввиду бездействия международных отрядов, — дерзости инсургентов, а также в расчете остановить имеющее произойти не сегодня завтра присоединение к восстанию других партий, я считаю необходимым, не стесняясь присутствием в окрестностях Каней инсургентских банд, послать 17-го сего июня в пятницу из столицы через Платания к деревне Колимбари отряд наших войск»⁵. Броневский писал далее: «Не имея достаточной численности их для этой цели, прошу Вас, милостивый государь, согласно телеграфному предписанию г. министра иностранных дел от 4 апреля сего года, усилить его присылкой десантного отряда с прикрытием. Отряду следует выйти из Каней в 5 утра; а Вас прошу поддержать оный своим присутствием между Платания и Колимбари; в случае если бы где либо по дороге инсургенты воспротивились проходу нашего отряда и открыли бы по нему огонь, прошу Вас открыть огонь с лодки по инсургентам, дабы заставить их замолчать и пропустить наш отряд, которому во что бы то ни стало следует перейти мост на речке Платанос, от которого французский отряд во главе с подполковником Любанским вынужден был отступить 6-го июня. Еще раз повторяю, что маневр этот считаю, по обстоятельствам настоящего времени, необходимым, а стало быть, и Ваше участие, как на берегу, так и с моря, неизбежным. Что касается подробностей предстоящего дела, то я не премину сообщить их Вам при нашем свидании завтра на "Храбром"»⁶.

В пятницу 16 июня Петров отправил мичмана Дратищева, который оказался в экспедиции старшим и начальником всего смешанного отряда, с оружием Барановского и прикрытием всего 33 нижних чинов, из Суды по шоссе в Канею, где команда заночевала в русских казармах.

Следует обратить внимание на то, что перед отправкой отряда из Каней на задание Дратищев получил лично от консула последние указания. По его приказу отряду следовало идти в Колимбари, а оттуда в Аликиано, о чем еще не было известно командиру всего отряда Н. А. Петрову.

19 июня капитан «Храброго» послал шифрованную телеграмму в Морское министерство: «В пятницу, по настоянию консула, свез десантную пушку с прикрытием на берег для усиления русского отряда, шедшего из Каней через Платания в Колимбари. Отряд у Платания был встречен упорным огнем инсургентов. По просьбе консула поддержал отряд выстрелами с лодки. У нас убитых и раненых нет, у инсургентов — неизвестно. Подробности рапортом. Петров»⁷.

В своем рапорте в Управление Морским министерством от 21 июня 1905 г. Петров описывал произошедшие события так: «Утром полпятого 17 июня «Храбрый» снялся с якоря и пошел к деревне Платания, находившейся в 6 милях от Каней, куда прибыл в 7.15. Через четверть часа показался наш отряд, идущий из Каней. Отряд остановился, не доходя до Платания, и «сделал семафор»:

«все благополучно ведем переговоры». Затем все происходило, как изложено в рапорте мичмана Дратищева. Русский отряд на берегу и канонерская лодка «Храбрый» постоянно обменивались сообщениями через «семафор». Так Дратищев в 9.30 спрашивал Петрова: «часть инсургентов вышла из деревни другая часть не знаем можем пройти без препятствия как прикажете». Я ответил: «предупредите если будут выстрелы то буду стрелять по инсургентам идите вперед». Семафор из отряда: «ждать ли ответа из Террисо что будет очень долго или пройти мимо низом самим взять деревню почти невозможно так как у них имеется вооруженных 150 человек придется оставить оружие почти без прикрытия». Мой ответ: «нижняя деревня подняла белые флаги буду поддерживать огнем если потребуются теперь идите вперед, иначе теряем время»⁸. В 10 ч. 30 мин. дал команде обедать. На рейде стоял французский миноносец «Шевалье». Командир миноносца прислал ко мне офицера поздравить с приходом, узнать, что это за отряд на берегу, зачем я пришел, и нужно ли мне его содействие. Я его просил передать командиру следующее: он должен пройти через д. Платания; инсургенты, по видимому, делают затруднения, тем не менее отряд наш все равно пойдет вперед. Если инсургенты откроют огонь, то я дам от одного до трех предупредительных выстрелов; 1-2 холостых и 1 в берег ниже людей, а затем, если это не поможет, то буду стрелять по инсургентам и ожидаю, что Вы по 2 й моей пушке поступите так же. Офицер мне ответил: «Поверьте, командир, мой командир сделает все, что он вправе сделать, но у него есть определенная инструкция — он может открывать огонь только в случае, если инсургенты откроют огонь по нашим войскам». Я ответил: «Конечно, если у вашего командира есть инструкция, то пусть он по ней и поступает, но надо помнить, что раз мы действуем соединенно, то наши люди — это ваши люди, а я только тогда и открою огонь, если инсургенты будут стрелять по нашим людям. Ведь завтра же я должен идти в бухту Каливес, чтобы отразить инсургентов, если они будут штурмовать форт Изеддин, в котором находится более 80 ти французов». Сказав, что передаст все это командиру, офицер отбыл на миноносец, а в 11 ч. 15 мин. на берегу инсургентами был дан первый выстрел во фланг нашему отряду. Я тотчас же ответил холостыми выстрелами из 47 к. и. оружия. Вслед за этим инсургенты открыли огонь по нашему отряду. Я сдерживал их, пуская снаряды где можно в гору около стрелявших (больше из 47 к. и.), а иногда и шрапнелью из 62 орудия, особенно там, где они стреляли за прикрытием. Каждый выстрел давался по личному моему приказанию в точно указанное место, причем, благодаря удивительной точности и удобству определения расстояния по дальномеру Барр и Стюд, попадания были весьма точные. Эффект от снарядов был такой, что инсургенты разбегались обыкновенно после первого выстрела, так что более одного выстрела сразу я почти не давал. Тем не менее инсургенты стреляли упорно из за разных прикрытий, в которые я посылал снаряды только тогда, когда виделся дымок от выстрелов... Во время стрельбы я не стрелял по домам и вообще, когда можно, давал по одному выстрелу и тотчас прекращал, когда инсургенты разбегались. Инсургенты стреляли с большой дистанции, чему я приписываю, что у нас нет раненых, так как пули падали вокруг рядовых. Видя, что инсургенты оказали неожиданно

5 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 61.

6 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 61.

7 Там же. Л. 61-62.

8 Там же. Л. 47.

такое сопротивление, и боясь, что нашим не хватит патронов (так как выдано было всего по 60 штук), я послал на берег 3000 ружейных патронов и 60 Барановского и 20 человек подкрепления. Французский миноносец также стрелял, следуя моему движению. В 2 ч. 30 мин. из деревни Платания были вытеснены инсургенты, которые отступили за железный мост на реке Платанос, находящейся на расстоянии одной мили от деревни. Командир миноносца «Шевалье» прибыл ко мне за распоряжениями, и я, поблагодарив его за содействие, отправил его по согласованию с ним в Каливис, к командиру французского крейсера «Клебер», старшему из командиров судов, чтобы доложить обо всем, а сам съехал на берег к нашему отряду. Штабс капитан Богдасаров, бывший в Аликиано, услышав стрельбу, сам по своей инициативе пришел с 20 солдатами и 18 критскими жандармами на помощь и принял командование отрядом. Он просил меня взять орудие на судно, из за отсутствия дорог оно чрезвычайно замедляет движение, а в Аликиано надо прийти засветло, а сам с отрядом двинулся дальше. Я, погрузив орудие на свой катер, взял его на лодку и еще до выгрузки его слышал начало перестрелки у моста. Подняв орудие и шлюпки, в 5 часов снялся с якоря и пошел к мосту, где редкими выстрелами удалось принудить инсургентов прекратить огонь и отступить. Здесь во время стрельбы неоднократно я видел скопление инсургентов с ружьями, но по ним не стрелял, так как они не открывали огня, снарядами я отгонял только тех, кто стрелял в наш отряд. Около 6 часов семафор из отряда: «ввиду того, что нельзя прийти сегодня засветло в Аликиано, начальник отряда просит принять отряд на лодку». Я ответил: «можно отогнать инсургентов», что и было сделано. Когда отряд отходил к шлюпкам, инсургенты опять бросились на него, но были отбиты уже почти без участия моих орудий. Приняв отряд на лодку около 9 ч. 30 мин. вечера, снялся с якоря и пошел в Канею...»⁹.

Мичман Дратищев в своем рапорте командиру канонерской лодки «Храбрый» Петрову от 18 июня 1905 г. подробно описывал события 17 июня:

«Согласно приказанию Вашего Высокоблагородия я со вверенным мне отрядом, состоящим из 58 солдат под командой подпоручика Зимина, орудия Барановского и 33 нижних чинов вверенной Вам лодки, составлявших прислугу и прикрытие орудия, выступивших в 4.30 утра 7 июня из Канеи. От ротного командира капитана Комаровского я получил дополнительную словесную инструкцию, состоящую в том, чтобы берегом моря пройти через деревню Платания, дойти до местечка Колимбари, а оттуда пройти засветло до Аликиано, где и заночевать. Если бы где нибудь инсургенты оказали сопротивление, то не останавливаться, а если нужно — пройти силой, употребив все усилия, чтобы все обошлось мирно.

До деревни Платания отряд дошел благополучно. По пути из расспросов прохожих я знал, что там находится около 100 вооруженных инсургентов.

Немного не доходя деревни нас встретили посланные от начальника инсургентов Пападояниса и сообщили, что нас пропустят, так как при отряде нет критских жандармов. Я потребовал личного свидания с ним, на что тот согласился. Пападоянис обещал вывести своих людей из деревни и сообщить мне, когда я могу вводить своих. Кроме того, он дал честное слово, что мы

никаких препятствий не встретим. Я перешел ближе к деревне, выслал дозор вперед... Вернувшийся дозор доложил, что деревня не только не очищается, но, наоборот, была полна вооруженными людьми, а бывшие там мирные жители заявили, что инсургенты нас через деревню не пропустят и будут стрелять, если мы пойдем дальше. Я дал им полчаса времени для исполнения моего требования, после чего я объявил, что пройду через деревню силой, так как мне приказано пройти через Платания, и чтобы они не думали, что это просто угроза, я занял позицию на берегу, навел орудие на деревню. Я предупредил жителей, что в случае сопротивления буду поддерживать огнем «Храброго». Подождя более часа, я получил сведения, что вооруженные люди все прибывают, и приказал подпоручику Зимину с солдатами идти на окружающие высоты, а сам расположил орудие так, чтобы не дать инсургентам занять лошину и скалу между деревней и нашей целью. Сообщение с Зиминим поддерживали с помощью семафора. Как только люди тронулись, инсургенты начали стрелять, на что немедленно получили ответ с нашей стороны. Я приказал орудиям стрелять шрапнелью по кустам, окружавшим церковную ограду, где засели инсургенты. Огонь «Храброго» очень помогал, так как снаряды, падавшие за церковью, производили большой переполох. Перестрелка шла, усиливаясь, пока подпоручик не занял высоты Маври Корфи. По моей позиции стреляли из дома под белым флагом, частым и довольно метким огнем, так что пришлось дать один выстрел по этому дому. Снаряд разорвался у окна, после чего стрельба прекратилась. К этому времени подпоручик Зимин потребовал подкрепления и я послал ему людей от прикрытия. Между двумя часами и половиной я услышал три залпа в тылу у инсургентов, после чего деревня была занята, а инсургенты бежали за реку Платанос. Отряд, стрелявший инсургентам в тыл, оказался отрядом штабс капитана Богдасарова, пришедшего из Аликиано на выстрелы. Штабс капитан Богдасаров как старший по званию принял командование над отрядом, и мы двинулись далее в Аликиано. Пройдя немного, наш дозор был встречен сильным огнем. Начальник отряда сейчас же рассыпал цепь, и началась перестрелка. Мои люди занимали левый фланг. Вскоре инсургенты отступили, а мы заняли мост, продолжая двигаться вперед. Видя, что начинает темнеть и дойти до Аликиано не удастся засветло, а ночью горные тропинки, занятые инсургентами, труднопроходимы, отряд отошел к берегу, был посажен на шлюпки и доставлен на «Храбрый»¹⁰.

После прихода лодки «Храбрый» в Канею, куда были доставлены отряды Дратищева и Богдасарова с орудием, Н. А. Петров поехал к консулу, чтобы сообщить о произошедшем. «Консул нашел задачу выполненной и был особенно доволен, что стрелял французский миноносец». Броневский с удовлетворением докладывал в МИД России: «Можно надеяться, что остротка подействует...»¹¹.

После «прогулки» русских войск в деревню Платания, где по инсургентам был открыт огонь с «Храброго» и были жертвы со стороны инсургентов, в Канею началось сильное брожение. Действия русских имели большой резонанс и в Греции. В РГВМФ имеется перевод одной из вечерних греческих газет за 17 июня 1905 г., где описывалась дневная стычка русского десанта с инсургентами в Платании. На переводе имеются многочисленные замечания на полях самого капитана Н. А. Петрова, в которых он

9 Там же. Л. 55-56об.

10 Там же, л. 59-60об.

11 Там же. Л. 56об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 311.

объяснял для Морского министерства каждый выстрел, произведенный из орудий с лодки. Перевод был сделан с записи подробного пересказа статьи поставщиком русского отряда грека Бриониса. «Русские продолжали ход, когда они были на песке против деревни Айа Марина, то остановились, видя, что там были инсургенты, и послали к ним сказать, чтобы они уходили и не мешали им пройти, иначе будут в них стрелять; тогда Пападоянис сказал им, что они могут пройти, но только без жандармов, но Тараскакис и еще 15 или 20 инсургентов сказали, что они будут стрелять; тогда Пападоянис им сказал: «Делайте, что хотите, только чтобы дальше из деревни». Тогда они ругались между собой и чуть чуть между ними не произошла драка и стрельба. Тогда Тараскакис и его люди поднялись на гору, называемую Маври Корфи (между Айа Марина и Платания), и сейчас начали стрелять по русскому отряду; но у русских были окопы, так что выстрелы в них не попадали. «Храбрый» сделал один выстрел холостой, но они продолжали оставаться на своих местах, и тогда началась стрельба с «Храброго» всюду, где были инсургенты. Через час инсургенты отступили. Пушка, которая находилась на берегу, была взята на «Храбрый», а отряд в перестрелке с инсургентами под прикрытием «Храброго» и французского миноносца вошли в Платания, а затем пошли дальше. А инсургенты числом около 80 человек начали опять стрелять и кидались на русских, а «Храбрый» опять помог русским, стреляя по инсургентам частым огнем. К этому времени бывшие в Аликиано русские и жандармы получили известие о стычке и поднялись через Куфу и заняли верхушку горы Кастелу, после чего инсургентам пришлось оставить деревню, и они отступили, а русские пошли вперед и заняли Герани и Сарай. В это время инсургенты отступили от Маври Корфи и заняли верхнюю часть Платания, тогда снарядом был разрушен один дом и в нем смертельно ранена старуха Маргарита Мастеракаки. Ружейным выстрелом русских был ранен один человек, прохожий из Нохия. О раненых и убитых с обеих сторон неизвестно». На этом переводе Н. А. Петров сделал собственноручно ряд важных замечаний на полях:

«1. Стрельба производилась только по стрелявшим инсургентам. Вооруженные инсургенты видны были повсюду, но по ним не стреляли, пока они не открывали огонь.

2. Частого огня не открывали, а по несколько выстрелов одновременно из мелких орудий давали, когда инсургенты усиливали огонь, и линия их засады была велика.

3. По последним сведениям консула, оказывается, что эта старуха — чесоточная и лежала при смерти больная. Страх от выстрелов ускорил ее смерть. Ранена другая женщина, стоявшая за стрелявшими инсургентами, она получила увечье деревянным осколком. Ей сделана перевязка и она жива и, как говорят, вне опасности».

В Кане после событий 17 июня возникли сильные антирусские настроения, грозившие их семьям. Войска были приведены в боевую готовность в казармах. «Так как до сего времени только мы одни оказывали инсургентам некоторое сопротивление, все же остальные войска на Крите держали себя таким образом, чтобы инсургенты считали эти войска к себе расположенными, — записывал в дневнике К. Урбанович, — что и высказывали нам с удивлением при всяком удобном случае, поэтому я просил российского генерального консула разъяснить, как нам держаться по

отношению инсургентов — не уступать им и действовать против них оружием или избегать с ними встречи». Что это за ответ держав, которому так рады венизелисты, — спрашивал Урбанович Броневского. Консул: «Не было никакого ответа держав. Вчера греки меня и всех русских грозились уничтожить, но сегодня успокоились». Консул советовал действовать по обстоятельствам, не подвергая отряд опасности. Сообщал, что подкрепления уже вышли из Одессы, а французы открыли огонь с миноносца у Платании в поддержку русского отряда. Эти сведения консул просил распространить широко в Ретимно¹².

Когда в мае 1905 г. Н. А. Петров вступил в командование лодкой «Храбрый», начальник сухопутного отряда полковник К. И. Урбанович, находившийся в Ретимно, имел в своем распоряжении 800 человек и занимал, кроме Ретимно, небольшими отрядами русских войск еще главные окрестные пункты русской зоны, в том числе и береговые таможни, от которых получали главный денежный доход Крита. Из этих таможен в русской зоне самая важная была «Кастели Панормос» в провинции Милопотамо. Селение Кастели с таможней находилось в 11 милях от Ретимно. Гористая местность вокруг Кастели была вся занята инсургентами. Кастели постепенно превращался в важный торговый центр ретимской провинции, где многие ретимские торговцы имели свои магазины и склады с товарами на сотни тысяч франков. Инсургенты во главе с Биракисом неоднократно захватывали таможню и почти и все их денежные сборы в Кастели.

По мере расширения восстания содержать эти пункты под своим контролем незначительными отрядами в 15–20 человек становилось все труднее. Инсургенты все более и более теснили отряды, стреляя по ним и иногда даже окружая их. На запрос Урбановича, нужно ли оказывать сопротивление, императорский консул Броневский отвечал, что остается предоставить всю провинцию на произвол судьбы до прихода подкреплений, о которых он просил. Вскоре несколько сот человек были по просьбе А. Н. Броневского отправлены на подмогу русскому отряду на пароходе РОПиТа «Император Николай II» из Севастополя. В то время как раз в Севастополе и Одессе вспыхнули беспорядки, и пароход «Николай II», дойдя до Константинополя, вернулся обратно. Урбанович, не считая более возможным держать отряды на опасных постах, стянул их в Ретимно, а инсургенты заняли оставленные пункты, в том числе и Кастели, где стали получать регулярный доход от ввоза и вывоза продуктов и употреблять его главным образом на покупку оружия. Для воспрепятствования доставке оружия по просьбе консула капитан Н. А. Петров ежедневно посылал миноносцы, которые в разные часы дня и ночи два раза обходили в русской зоне все бухты, в которых могла происходить выгрузка оружия, и осматривал суда и шхуны, если они встречались. На миноносцы для этого в распоряжение командиров посылались итальянские и критские жандармы и перевозчики. Пароходы, делавшие регулярные рейсы, не осматривались, так как на них всегда находились для этой цели жандармы. Командиры миноносцев были снабжены необходимыми для осмотра судов документами за подписью четырех консулов держав покровительниц. В то же время миноносцы, постоянно заходя в Ретимно, по просьбе консула входили в сношение с полковником Урбановичем, готовые исполнить его поручения. В это же время, по слухам, в итальянской зоне в провинции Киссамо оружие провозилось

беспрепятственно¹³. Англичане несколько раз также пытались навести порядок в Кастели, но в основном безуспешно.

После получения подкреплений Урбанович намеревался восстановить порядок в Кастели. Он писал: «Необходимо проучить этих негодяев и жителей деревни, сплошь венизелистов». Понимая опасность и деликатность происходящего, императорский консул решил сам проконтролировать ситуацию и вышел на «Храбром» в Ретимно 23 мая. Через день на ретимской пристани его встречали мэр Ретимно и пять членов муниципального совета, командир жандармской роты, российский вице консул, подполковник Урбанович, все русские офицеры с дамами. Это был его первый официальный визит в место расположения русского отряда. Префект ретимского округа Марис встретился с ним на квартире Урбановича. По сведениям Броневского, в Кастели находилось приблизительно 200 инсургентов и 30 русских солдат, и консул полагал, что лучше Кастели оставить, так как никто русских не поддержит. Урбанович считал, что сведения консула о 200 инсургентах сильно преувеличены, так как это просто вооруженное население Кастели. Поэтому он настаивал: «Нам нельзя отступать, напротив, необходимо действовать как можно энергичнее, инсургенты и жители убеждены, что мы ничего не предпримем против инсургентов; теперь испугаться — потерять все. Прошу о присылке миноносца как можно скорее, я пошлю человек 50 с капитаном Коваленко, также необходимо арестовать главарей в городе, от которых исходят все распри»¹⁴.

2 июля консулами четырех великих европейских держав покровительниц был подписан ультиматум инсургентам. Им предлагалось добровольно в течение нескольких дней очистить таможню в Кастели Милопотамо, в противном случае предполагалось освободить ее силой российского морского (канонерской лодки и двух миноносцев) и сухопутного (в несколько сот человек) отрядов. Командир «Храброго», хорошо познакомившийся с обстановкой на острове, отнесся к ультиматуму скептически. «Весьма трудно представить, чтобы он привел к желаемому результату, — писал Н. А. Петров, — так как Кастели Мелипотамо своими таможенными сборами дает инсургентам значительный доход, в котором они сильно нуждаются, и поэтому вряд ли очистят место без сопротивления». По его мнению, «о согласии действия всех четырех наций в данное время не может быть и речи, так как восстание на Крите растет, а французы и итальянцы стеснены в действиях своими парламентами, симпатизирующими инсургентам». Англичане применили огнестрельное оружие, но в последней стычке имели двух раненых солдат, из которых одному ампутировали ногу, что также охладило их пыл¹⁵.

3 июля 1905 г. в Суду прибыл русский батальон в 330 человек и тотчас же был отправлен в Ретимно. После присылки в Ретимно дополнительных сил из Одессы консул Броневский считал необходимым и возможным с этими силами взять Кастели обратно у инсургентов. 10 июля командир «Храброго» отправил шифрованную телеграмму за № 642 управляющему Морским министерством, в которой писал: «Державами предписан инсургентам ультиматум срок 18 июля, после чего предполагается очистить занятую ими таможню русской зоны Кастели Мелипотамо. Возможна необходи-

мость открыть огонь для поддержки сухопутного отряда». Телеграмма эта была вызвана его встречей с генеральным консулом Броневским и обсуждением ими плана занятия Кастели. Броневский сообщил, что Урбанович может выставить только 400-500 человек и что с ними пройти все расстояние до Кастели невозможно, так как двигаться можно только под прикрытием канонерской лодки или миноносцев, а 1/3 часть дороги уходит от берега в горы. Тогда появился проект доставить десант и, высадив его, взять Кастели. На это Петров заявлял, что считает эту задачу невыполнимой, так как десант, особенно сухопутный, можно было высаживать, только очистив место от инсургентов, а это в гористой местности невыполнимо без содействия сухопутных войск на берегу, так как «все инсургенты скроются по склонам гор, которые с лодки не могут быть обстреляны». Кроме того, лодка не имела достаточного количества десантных ботов, а на судовых шлюпках десант мог быть высажен только по частям не более 80-100 человек сразу. Поэтому Петров был уверен, что их перестреляют из за прикрытия раньше, чем шлюпки дойдут до берега, даже при условии уничтожения всего поселка в 64 дома, так как инсургенты будут стрелять из за больших камней и с вершин окружающих Кастели гор. Командир считал, что если предпринимать совместные действия сухопутных войск и лодки, то ему необходимо было заблаговременно в Ретимно посоветоваться с Урбановичем для всестороннего обсуждения операции, принимая в расчет самые худшие обстоятельства. В результате поход этот был отложен на неопределенное время и консул запросил в России дополнительные подкрепления, которые вскоре были присланы¹⁶.

Н. А. Петров торопился доложить об этом в Главный морской штаб, так как понимал, что все это «вызовет необходимость открыть огонь по инсургентам», и хотел получить письменное одобрение таких действий и соответствующие инструкции. До сих пор у Петрова было только словесное приказание Главного морского штаба открывать огонь по просьбе нашего консула. Как работал бюрократический аппарат в России, хорошо видно по датам прохождения рапорта Петрова. На рапорте имеется пометка от 30 июля В. А. Безобразова: «Доложить министру для получения общих указаний». Доложено 4 августа. И только в середине августа «министр приказал телеграфировать, чтобы капитан руководствовался указаниями консула в отношении открытия огня»¹⁷.

Петров с беспокойством докладывал в Морское министерство: «Инсургенты стекаются со всех сторон к Кастели Мелипотамо, что доказывает, что они намерены оказать сопротивление и дело может быть серьезным и не обойдется без жертв на сухом пути с обеих сторон. Я открываю огонь только для защиты русских войск, когда по ним стреляют инсургенты и когда о том меня просит наш генеральный консул»¹⁸.

24 июля Броневский получил секретное уведомление от Урбановича, что в настоящее время Кастели мало защищено, инсургентов там почти нет и взять его очень легко. Для этого необходимо на «Храбром» доставить туда две роты из Ретимно и содействовать их высадке. Вечером того же дня генеральный консул в письме к Н. А. Петрову поставил задачу: как можно скорее изгнать инсургентов из Кастели Панормос, «чтобы прекратить взимание

13 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 78-80.

14 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 78-80.

15 ИАК. Там же. № 182. Л. 327; Там же. № 183. Л. 330-333.

16 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 71-71об.

17 Там же. Л. 80, 82-83об.

18 Там же. Л. 69-71об.

ими в свою пользу довольно значительных таможенных поступлений, идущих на содержание многочисленных банд в пределах русского сектора и специально в провинции Мелидони...». Необходимо было во что бы то ни стало лишить восстание этого крупного источника дохода ¹⁹.

При этом Броневский все время устно и письменно подчеркивал, что «было бы желательно произвести эту операцию путем мирным, дав инсургентам краткий срок для очищения города». Однако если это будет невозможно, «если увещевания Ваши не произвели бы на повстанческие шайки желательного действия, то прошу Вас подготовить высадку, очистив город от инсургентов действительным огнем, под прикрытием которого и произвести попытку съезда на берег десанта». Петров считал операцию трудно выполнимой, но Броневский настойчиво просил произвести эту операцию, не откладывая ни на день, считая ее «чрезвычайно важной для дальнейшего успеха наших действий в ретимском секторе» ²⁰. Н. А. Петров просил Броневского, чтобы на «Храбром» в операции принял участие и сам начальник русского отряда Урбанович, так как он лично не верил в возможность занятия Кастели, и 25 июля командир «Храброго» дал телеграмму в морское министерство за № 669: «Завтра по просьбе консула иду Кастели. Предполагается поддержка огнем русского отряда». 25 июля в

8 часов утра лодка снялась с якоря и направилась в Ретимно. Здесь капитан получил телеграмму от Урбановича, который сообщал, что сам не сможет прибыть и принять участие в операции, так как у него вновь воспалились раны на ноге. Тогда капитан Петров немедленно поехал к нему домой, безуспешно уговаривая прибыть на лодку. Другой штаб офицер также отказался идти, и командир «Храброго» остался начальником экспедиции, причем ему были поручены 2 роты (184 человека) сухопутных войск при офицерах и 10 критских жандармов, при начальнике — итальянском капитане Каросини. Урбанович подтвердил, что инсургентов в Кастели почти нет, что они разбегутся при первых же выстрелах с лодки и что с гор пули до Кастели не достают. Кроме того, и Урбанович, и генеральный консул просили, чтобы «на этот раз огонь был действительный, так как иначе предводители восстания уверили инсургентов, что европейцы по ним стрелять не будут». «Хотя я не считаю себя вправе предпринимать агрессивных действий и приказание открывать огонь по просьбе консула понимаю в смысле прикрытия или защиты атакованных русских войск, — писал Петров, — но в данном случае не считаю возможным отказаться от экспедиции, понимая, что внезапность ее вызвана исключительно случаем, который может более не представиться (отсутствие инсургентов)». Понимая важность занятия Кастели,

Кандия (Ираклион)

¹⁹ Там же. Л. 72.

капитан «Храброго» пошел туда и послал на шлюпке главу критской жандармерии итальянского капитана Каросини, при мичмане Петре Губонине и сухопутном офицере, на берег объявить инсургентам, что русский отряд получил приказание своего начальства занять Кастели. Во избежание бесцельного кровопролития он предложил инсургентам в получасовой срок очистить селение и в доказательство того, что это исполнено, поднять белые флаги. Тогда русские роты высадутся на берег и займут селение. Причем он предупреждал, что если в это время из какого либо дома будет дан выстрел, то этот дом будет разрушен. Если через полчаса инсургенты Кастели не очистят, то он будет вынужден открыть огонь с лодки и поэтому предлагал женщин и детей вывести в указанное капитаном «Храброго» место. Шлюпка отошла от «Храброго», и пока шла к берегу, в нее уже несколько инсургентов прицелились из разных мест. Когда шлюпка подошла к берегу, ее приняли грубо и, не дослушав уведомления, сказали, чтобы она сейчас же шла обратно, и тут же прицелились из ружей в русских офицеров, которые отплывали обратно к лодке. Вскоре затем частная шлюпка с белым флагом пошла к лодке. В ней сидело два человека, которых принял капитан «Храброго» лично. Ими оказались начальник почтовой конторы и местный купец Захариу, оба верные правительству. Воспользовавшись этим, русский капитан передал через них инсургентам письменное объявление того же содержания, и они ответили, прося сроки для вывода женщин и детей. Н. А. Петров прибавил срок по их желанию до одного часа, и через 1.15 после того, как они пристали обратно к берегу в 3 ч. 20 мин., он дал первый холостой выстрел. По этому выстрелу женщины и дети вышли на указанное место за прикрытие, а инсургенты стали собираться на позиции. Через 5 минут «Храбрый» открыл огонь по инсургентам на горах и по ним же в селении. Они отвечали ружейными выстрелами. Через 20 мин. в Кастели и окрестностях никого не было видно, и Н. А. Петров посадил десант на гребные суда — на баркас, катер и шестерку — 100 человек. Как только десант отплыл от «Храброго», инсургенты открыли огонь со всех окружающих гор; пули долетали не только до десанта, но и до «Храброго». Десант не успел дойти и до половины пути, как там был легко ранен один солдат, несколько пуль попало в катер, и десант, по приказанию старшего поручика Мирецкого, вернулся обратно. «Храбрый» поддерживал десант все время огнем из скорострельных пушек, стреляя над шлюпками и с флангов. Но огонь с лодки не уменьшал огня инсургентов, которые стреляли со всех гор. В ответ стреляли по домам, например по двухэтажному дому купца Захариу, в который капитан «Храброго» послал фугас и полдома разрушил. Несмотря на все это, инсургенты до конца не отступили, и Петров счел «неблагоприятным» послать десант второй раз, так как при этих условиях пришлось бы потерять большую часть людей во время высадки, а добравшиеся до берега и укрывшиеся в домах были бы уничтожены ночью»²⁰. Затем он принял десант обратно на вверенную ему лодку и доставил его в Ретимно, где сообщил полковнику Урбановичу, что он ошибочно предполагал, что пули с гор не достают и что инсургентов в Кастели мало. Урбанович вынужден был согласиться, что посылать десант второй раз, зная, что будут большие потери в людях, не следовало.

После визита «Храброго» в Кастели было много поврежденных домов и были раненые и убитые инсургенты. Таким образом, капитан «Храброго» оказался начальником экспедиции, в которой вынужден был самостоятельно действовать агрессивно против инсургентов. Не считая себя уполномоченным на такие действия (он был назначен нести «стационарную службу») и получив приказание только в крайнем случае открывать огонь по просьбе консула для поддержания русских отрядов, он не считал возможным без особого на то приказа своего начальства в Петербурге предпринимать впредь такие поручения, о чем Петров немедленно предупредил генерального консула Броневского²². Н. А. Петров очень волновался, что оказался замешанным в это дело. Он посылал срочные телеграммы в Петербург, сообщая об открытии огня, тщательно описывая все детали происходящего.

В середине августа Петров отправился на «Храбром» вместе с Броневским в Ретимно для обсуждения с Урбановичем плана совместного действия для новой атаки и взятия Кастели, у которого скопилось уже около двух тысяч вооруженных инсургентов во главе с Биракисом. Петров с беспокойством писал в морское ведомство: «Таким образом, в то время, когда иностранные державы-покровительницы все меньше и меньше действуют оружием даже и сухого пути, мы переходим в наступательные действия, чем вызываем усиливающуюся ненависть к себе как на Крите, так и особенно в Греции, где каждое дело «Храброго» вызывает большое возмущение, так как «Храбрый» единственное военное судно, действующее на Крите огнем из орудий против инсургентов». Командир «Храброго» был обеспокоен реакцией на выстрелы со вверенного ему военного судна и просил уточнений в Морском министерстве. 6 августа на его запросы адмирал Вирениус телеграфировал ему в Суду: «Министр приказал руководствоваться указаниями консула по вопросу об открытии огня». Фактически Петербург давал добро на применение огня. Дневники, напомним, отсылались еженедельно генеральному консулу в Канею, а следовательно, о настроениях критян можно было немедленно телеграфировать в МИД и довести до сведения русского правительства.

Прибывший для устрашения восставших в Кастели стационар «Храбрый» выполнил задачу — Биракис покинул Кастели по просьбе напуганных жителей. Затем Кастели было занято только что сформированной правительственной стражей и несколько каменных одноэтажных домов и складов вождей инсургентов Биракиса, Скуляса, Скливакиса было приказано разрушить, наложить штрафы и обыскать все дома. В конце августа отряд Маноса сделал попытку пройти из Руссоспити в Кастели на соединение с 120 инсургентами во главе с Биракисом, но был остановлен стражей. Но постепенно, несмотря на крайне недоброжелательное отношение восставших к русским войскам и особенно жандармам (брань, недопущение сойти на берег, огонь по войскам и страже) в условиях военного положения, объявленного державами, восстанавливалась «законная власть» верховного комиссара держав принца Георга. Кастели окончательно был занят русскими войсками в конце августа после объявления военного положения на острове.

20 Там же. Л. 65-66.

21 Там же. Л. 83-85об.

22 Там же. Л. 86-87.

Восстание идет на убыль

После занятия европейскими войсками всех важнейших центров на Крите генеральные консулы решили вновь провести переговоры с повстанцами. Большинство разделяло мнение французского консула Моруа, что в сложившейся на Крите обстановке державам покровительницам лучше пойти на мирное урегулирование вопроса. Моруа полагал, что гораздо полезнее согласиться на некоторые уступки восставшим, чем еще больше обострять борьбу и втягивать оккупационные войска в длительные военные действия с повстанцами¹.

В конце июля 1905 г. в монастыре близ Мурниеса состоялась встреча представителей четырех держав — генеральных консулов — с вождями повстанцев — Э. Венизелосом, К. Маносом и К. Фумисом. Английский консул обратился к повстанческим вождям с речью, в которой указывал на всю безрассудность мятежа, ведущего к разорению острова. Консулы заявили, что не имеют намерения и не считают возможным менять политический статус острова в настоящее время, что они готовы выслушать и обсуждать мнение восставших о необходимости проведения различных внутренних реформ на острове. Повстанцам была обещана амнистия, как только они сложат оружие. Были предложены различные пути политического урегулирования конфликта. При этом державы объявляли, что в случае отказа они готовы применить репрессивные меры. Предводители восставших высказывались в том смысле, что прекратить восстание уже невозможно, но все силы инсургентов будут направлены на борьбу с существующим административно политическим режимом принца Георга². Они требовали созыва Национальной ассамблеи, избранной совместно палатой депутатов и повстанческим центральным революционным Комитетом в Териссо, которая должна была решить критскую проблему. Они готовы были к смене режима. Сдавать оружие повстанцы категорически отказались.

Переговоры держав с инсургентами вызвали обиду принца и привели «в бешенство» правительственную партию. Разногласия между ними и великими державами на время парализовали действия держав, и восстание продолжалось³.

Вскоре Венизелос обратился к своим единомышленникам в Кандии с письмом, как передавал Броневский, в котором заявлял, что «ввиду невозможности изменить международное положение Крита, усилия инсургентов должны быть направлены на радикальную борьбу с существующим внутри острова режимом». В письме содержалось открытое обвинение в адрес верховного комиссара, призвавшего иностранные войска для борьбы против критян и создавшего невозможные политические условия на острове⁴. Венизелос лукавил, так как греческая королевская семья делала все, чтобы решить вопрос о присоединении Крита к Греции как можно быстрее.

В связи с тем, что переговоры с повстанцами зашли в тупик, российский генеральный консул А. Н. Броневский поднял вопрос

о присылке на остров греческого отряда взамен международных войск. Он полагал, что при одном появлении на Крите греческих солдат все само собой разрешится». Греческий король Георг I выразил готовность послать на Крит греческие войска, однако Франция, Англия и особенно Италия посчитали, что это было бы равносильно присоединению острова к Греции, и вопрос сам собою отпал⁵. Однако министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф полагал, что «все это отнюдь не устраняет надобности в неотложной, строгой и энергичной репрессии против восстания»⁶.

Предложение Броневского полностью согласовывалась и с желанием Греции. В одном из перехваченных в это время писем Венизелоса на имя кандийского адвоката Хадзидакиса Венизелос сообщал, со слов депутата Андриадакиса, который виделся в Афинах с премьер министром Д. Раллисом, что тот очень благосклонно отзывался о восстании и осуждал действия критского Народного собрания. Ралли был уверен, что критский вопрос будет в скором времени решен в национальном духе, т. е., что на Крит будут высланы греческие войска и что будет назначен в качестве администратора кто то из видных греческих политиков, таких как Константинопулос или С. Драгумис. Об этом будет объявлено после возвращения короля Георга I из заграничной поездки, чтобы показать грекам, что его действия способствовали успеху дела⁷.

В конце июля, несмотря на возражения Италии, которая предпочитала блокаду острова после провала переговоров с повстанцами, консулы объявили о введении военного положения в самых неспокойных районах острова, а также что оно не будет снято раньше полного разоружения инсургентов! Державами были выработаны правила военного положения для каждого из секторов. Наиболее строгими были они в английском секторе, где вводилась предварительная цензура всех газет и брошюр политического содержания, писем и телеграмм, за исключением официальных. В Кане было учреждено цензурное бюро во главе с адъютантом французского батальона капитаном Бубалем. Однако уже 8 августа консул сообщал об обидной ошибке цензуры: пропущено в газете «Элефтерон вима» сообщение об уходе итальянских войск, о несогласии между державами, о решении России предпринять поход против Крита. Все эти преднамеренные сведения были, естественно, ложными. Все экземпляры были арестованы⁸.

В русском секторе вводилась ответственность деревень за преступления против личности или имущества мусульманского населения, а в начале августа была сформирована гражданская стража из сторонников правительственной партии⁹.

В начале августа депутация от провинции Ай Васил, оставшейся верной сторонницей принца, во главе с депутатом Цудеросом, обратилась к Урбановичу с желанием образовать свою критскую вооруженную стражу в провинции для защиты жизни и имущества населения и недопущения инсургентов в пределы провинции. В связи с недостаточностью экспедиционного отряда, а также недоступностью многих районов сектора, образование критской

1 Chester S. Life of Venizelos. L., 1921. P. 117; Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905-1912 гг. С. 30

2 Там же. С. 128.

3 Holland R. The Prince, The Powers and "The unfortunate regime"... P. 38.

4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 333об.

5 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 330; Там же. Л. 199-200.

6 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 337об; там же. Д. 2542. Л. 48.

7 ИАК. Д-16. № 190. Л. 394.

8 ИАК. Там же. № 191. Л. 402-405.

9 Kerofilas C. Eleftherios Venizelos... P. 45; Alastos D. Venizelos. Patriot. Statesman. Revolutionary. L., 1942. P. 51.

собственной стражи могло принести большую пользу международному отряду и было русскими властями одобрено с условием, что по окончании восстания все ружья будут сданы. В провинции Ай Васильос — для коммун Меламбос, Айя Пневма и Лямбис стража составила 65 человек, в ретимской провинции в коммуне аркадийской — 27 человек, в провинции Милопотамо (для четырех коммун) — 100 человек. Поставленную задачу — воспрепятствовать убийствам и грабежам в секторе, население которого наполовину было «предано главарям восстания», часто из боязни возмездия со стороны инсургентов, должны были решить сами жители. Так, депутации мусульман, пришедшей с жалобой на тяжелое положение — они потеряли урожай с полей, а теперь они могли потерять оливки, — Урбанович посоветовал организовать, наподобие христианской, собственную стражу¹⁰.

Военное положение, введенное державами в самых беспокойных районах Крита, не только не остановило восставших, но, напротив, еще больше их ожесточило. Инсургенты отреагировали немедленно: была перекрыта дорога, ведущая в Канею, поставлен пост у источника, где русские брали воду. Броневский беспокоился, что восстание станет всеобщим. Хотя была установлена стража у канейских ворот для наблюдения за вывозом припасов, мера не подействовала, и вскоре стало известно о присылке в Териссо 300 мешков муки и огромного количества провианта из Канеи¹¹. Вскоре стало известно о столкновениях между стражей и жителями в деревне Пиги, в полутора часах хода от Ретимно, которая была все время на стороне восставших и давала приют инсургентам. Как сообщал Урбанович консулу, «ранее русский отряд был встречен стрельбой, но «прошел через деревню силой, невзирая на выстрелы инсургентов и протесты со стороны жителей». Урбанович не сомневался, что «нужно было немедленно проучить враждебное население и поддержать авторитет установленной нами внутренней стражи». Поэтому, несмотря на позднее время, в 10 ч. вечера была выслана полурота Таганского полка под командой поручика Яковлева с приказанием объявить и ввести в Пиги военное положение, захватить скот в обеспечение уплаты жителями деревни венизелитами денежного штрафа в 2000 франков и арестовать всех, кто принял участие в сопротивлении проходу стражи. Было арестовано 10 человек и выполнены все другие указания Урбановича, о чем он с удовлетворением сообщал консулу. На просьбу о дополнительной присылке ружей консул отвечал, что вряд ли это будет возможно — «слишком все здесь этому не сочувствуют». Урбанович настаивал на том, что «ружья и патроны необходимы для полного успеха, и не все ли равно 300 или 350». Вскоре Броневский сообщил Урбановичу об отправке в Ретимно 300 ружей и 900 патронов, которые были немедленно розданы русским отрядам в Милопотамо, Аркадии, Вриссино, Меронас, Спилли, Рустика, Агрируполис. Войска вошли и в Амари¹².

В Ретимно производились обыски в домах сторонников Венизелоса, в том числе в доме ретимского купца Гавазидакиса, который в случае ликвидации должности комиссара великих держав на Крите и изгнания принца Георга с Крита должен был стать префектом Ретимно от «терисского правления». Найдена была

тетрадь, доказывавшая, что он был кассиром революционного комитета, записывал в нее все вклады местных граждан на дело восстания и расходы, произведенные из собранной суммы. В числе жертвователей находились и все три брата французского консульского агента в Ретимно Саунаццо. Четырнадцать человек из этого списка были арестованы для производства следствия, но большинство было вскоре отпущено, так как они дали расписку, что они не были членами организации. Главным участником революционного комитета оказался сам епископ Дионисий. Урбанович писал, что «к сожалению, главный участник этого комитета епископ Дионисий все же остается на свободе и, насколько известно, не прекращает даже и после объявления военного положения своей антиправительственной деятельности через священников и диаконов»¹³.

В числе писем инсургентов были доказательства того, что итальянский генеральный консул и итальянский отряд поддерживали тесные отношения с повстанцами¹⁴.

Вскрыты были два письма Венизелоса; одно из них — к начальнику отряда Какурису. В нем он просил помочь образованию правительственной стражи в провинции Апокорона, т. е. поставить стражу под контроль инсургентов.

Найдены были письма Биракиса и Маноса к Венизелосу, в которых описывалось положение инсургентов в ретимском округе как «отчаянное, так как после создания стражи люди стали покидать отряды инсургентов». Биракис боялся, что «если русские объявят амнистию — то и последние 17 человек его покинут». Биракис проклинал тот день, когда Манос прибыл в Аджипопуло, последствием чего было кровавое столкновение с русскими войсками, столь неудачное для инсургентов. Он сокрушался потерей авторитета, что было равнозначно гибели. Напротив, в найденных письмах Венизелоса высказывалась твердая уверенность в успехе их предприятия, указывалось на то, что после «диких распоряжений русских в Ретимно» сочувствие к восстанию усилилось в Греции и что, в конце концов, «опасения за ненадежность трона заставит и короля, и королевскую семью открыто и серьезно хлопотать о присоединении острова к Греции». В письме также сообщалось, что Манос выступает с 150 повстанцами в ретимский округ «для воодушевления восстания, так как вследствие дикого отношения русских к повстанцам последние напуганы»¹⁵.

Прочитав письма, 14 августа Урбанович немедленно напечатал прокламацию, предлагая населению сдать оружие в обмен на амнистию инсургентам. Он был уверен, что желающих сложить оружие будет вскоре очень много, так как появилось ощущение, что восстание агонизирует. В связи с этим Броневский отказал Урбановичу в присылке новых подкреплений из России¹⁶.

В середине августа Урбанович сообщал консулу, что Манос, Биракис, Пападерос и Скуляс все еще в Рустике. Ночью собираются уйти в Апокорона, останется человек 40 в Рустике и 20 в деревне Амари, а остальные сдадутся. «Со временем сделаю то же (как в Пиги. — О. С.) и в Рустике, только строже, и в Амари и с восстанием в секторе покончим». 16 августа 1905 г., однако, в Апокорону ушел только Манос, а остальные решили оказать

10 ИАК. Д-16. Л. 396; ИАК. Там же. № 190. Л. 420.

11 ИАК. Там же. № 191. Л. 403, 405.

12 ИАК. Там же. № 192. Л. 416.

13 ИАК. Там же. № 190. Л. 397.

14 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 157.

15 ИАК. Там же. № 191. Л. 394, 410-411.

16 Там же. № 191. Л. 414.

сопротивление русским войскам, если они туда войдут. «Ввиду угрозы моей, объявленной жителям Аджиопоуло, что я сожгу деревню в случае покушения на жизнь кого либо из отряда, занимающего эту деревню, инсургенты прислали объявить жителям дер. Аджиопоуло, что если они не отстроят разрушенные русскими дома, то они, инсургенты, нападут на русские посты, для того, чтобы русские сожгли деревню». Руководитель «банды» Ляндрис потребовал от жителей заплатить ему лично 200 наполеондоров за его разрушенный дом в деревне¹⁷.

Во французском секторе в конце августа в провинции Сития и Лясити было еще несколько вспышек восстания, возникших по призыву местного духовенства (был образован отряд в 100 человек), но быстро потуших, стоило отряду жандармов войти в деревни. «Жители по своему характеру соответствуют ровному равнинному характеру местности», — писал довольный Урбанович консулу. Затем были попытки к образованию отрядов в провинциях Милопотамы и Амари в связи со слухом, что через две недели придут войска из Греции¹⁸. Тем не менее консула беспокоило, что сдача ружей в русском секторе проходила очень вяло, так как многие являлись с повинной, но ружья сдавать не хотели. Урбанович считал это естественным, так как многие ружей вообще не имели и не принимали участия в восстании, или у них уже их отобрали инсургенты, многие же срочно уезжали, боясь арестов за участие в демонстрациях или в сборе денег в пользу инсургентов. Сдача ружей самими инсургентами произойдет обязательно, но позже под угрозой арестов и больших денежных штрафов, налагаемых на все население деревень. Так в свое время жители деревни Мелидони разоружили 14 жандармов и отобрали у них оружие — ружья и револьверы. Урбанович теперь поставил им условие: или все возвратить, или штраф в 3000 франков.

Чтобы помешать Маносу «прогуливаться по русскому сектору», Урбанович просил разрешения консула занять Георгиуполис, расположенный в канейском секторе, «но имеющий для нас огромное стратегическое значение — это позволит задерживать любые идущие к нам банды». Броневский свое согласие дал. О дальнейших передвижениях Биракиса и Маноса неоднократно сообщал Урбановичу начальник английского отряда в Кандии подполковник Пантон и получил благодарность от русского начальника «за оказанную товарищескую помощь»¹⁹.

Для занятия Георгиуполиса необходимо было сначала вытеснить инсургентов из Аджиопоуло. Видимо, вояка Урбанович истосковался во время «миротворческой акции» по более серьезным военным действиям!

Уже 22 августа 1905 г. К. Урбанович сообщал консулу о результатах экспедиции: «Только что вернулся, Рустикку взяли с боя и с боя удержали; отряд преследовал инсургентов через три деревни; у нас солдат ранен неопасно. У инсургентов — точно неизвестно, говорят — два убито, три ранено. В тот же день занята деревня Константинос, а на следующий день, без боя, Аргируполис. Инсургенты и венизелиты бежали, большею частью в Апокорона. В Рустике объявлено военное положение, 3000 штрафа,

разрушены три дома, ружей принесено одно, в Константиносе — 4000 руб. штрафа. Несколько венизелитов арестовано, в том числе — священник Папа Василис, заменивший Петихакиса. Банды инсургентов больше нет; бродят одиночные, не представляющие опасности. Везде обещали сдавать оружие. Раненому лучше»²⁰. Тогда же Урбанович с нескрываемой гордостью записал: «Таким образом, поход наш увенчался большим успехом: сопротивление инсургентов в русском секторе сломлено и по всему вероятно, на все время нашего пребывания на Крите». Это не означало окончания деятельности революционного комитета в Терриссо и прекращение стычек, но восстание, действительно, пошло на спад, не встретив ожидаемой реакции великих держав²¹. Той благоприятной почвы для восставших, какая была в начале года, более не было, особенно среди самого критского населения.

Во время восстания, пока русские отряды подвергались ежедневным нападениям со стороны повстанцев, российские миноносцы через день, а часто и ежедневно, обследовали побережье. 23 августа на миноносце было доставлено еще 100 ружей и 300 патронов, о которых ранее просил Урбанович для вооружения стражи в провинции Невс Амари.

23 августа Урбанович успокаивал консула, что, несмотря на передвижения инсургентов по сектору, «в ретимском секторе с восстанием покончено. Почти все мусульмане вернулись в деревни беспрепятственно. Все же я просил министра прислать батальон, потому что людей не хватает, а мы только половину заняли»²². К российскому генеральному консулу вскоре явились мэр Канеи Юсуф бей и кади с выражением благодарности от всего мусульманского населения сектора за столь быстрое восстановление порядка, благодаря которому все мусульмане вернулись уже в свои деревни и уже приступили к сбору оливок, а равно к восстановлению домов, разрушенных инсургентами. Не во все дома и поместья возвращались мусульмане, и этим пользовались самые предприимчивые. Так, в октябре поступила жалоба на родного брата французского консульского агента Саунаццо, который лично руководил сбором оливок с нескольких деревень, принадлежащих жалобщикам мусульманам дер. Маргаритес и Мариулы, и собранный урожай увез, срубив при этом одно дерево. Так как этот драгоман находился под покровительством держав, его дело передали на рассмотрение российскому консулу²³. К концу августа 1905 г. русскими войсками были заняты с объявлением военного положения Кастели, Мелидони, Маргаритис, Пиги, Рустика, Аргируполис и Аджиопоуло. Урбанович собирался занять также пункты Гаразо, Аноя в провинции Милопотамы, Пископи, Армирос в провинции ретимской и Невс Амари в провинции амарийской. По подсчетам Урбановича, в экспедиции по занятию деревень принимало участие две роты Виленского полка, полурота Таганского полка, полурота критской жандармерии под командованием капитана Каросини. Спокойно было теперь в деревнях Гония, Цифлики, Принз, но для занятия остальных провинций войск не хватало. «Пришлось передвигать отряды с места на место... при отвратительных дорогах и жаре... Необходимо не уменьшать,

17 Там же. Л. 417-418.

18 ИАК. Там же. № 193. Л. 434, 437.

19 ИАК. Там же. № 190. Л. 406.

20 ИАК. Там же. № 193. Л. 430.

21 ИАК. Там же. № 192. Л. 427.

22 ИАК. Там же. № 193. Л. 432.

23 ИАК. Там же. № 198. Л. 459.

а увеличивать отряд»²⁴. 24 августа в новой прокламации разъяснялось, что все преступления, за исключением уголовных и дезертирства жандармов, подлежат амнистии. «Кто пожелает вернуться к своим очагам и приняться за свои мирные занятия, может это сделать без всякого опасения; тот должен явиться лишь к русскому офицеру в ближайшую деревню, в которой находится русский отряд, сдать ему свое оружие и дать подписку о том, что впредь в революционном движении никакого участия принимать не станет»²⁵. По словам одного греческого негодянта, беседовавшего с российским консулом на Мальте Г. А. Саксом, «русское имя и русский отряд навлекли на себя несколько не скрываемую ненависть жителей, которые решили даже произвести неожиданное нападение на русский отряд». Он говорил также, что «отряды других держав, в особенности англичан, такой ненависти к себе не возбуждают...»²⁶. Однако правительство России держало ответ лишь перед царским двором, аппарат прогнал и был консервативен, и слово «восстание» воспринималось лишь как красный цвет для быка.

В сентябре 1905 г., несмотря на спад восстания, на заседании критской палаты, под давлением оппозиции, по предложению правительства был поставлен вопрос о проведении реформы, ограничивающей права верховного комиссара. Борьба с принцем продолжалась. В палате депутатов в Кане обсуждались также вопросы избрания мэров и членов муниципального совета самой палаты депутатов, а не принцем Георгом, установление зависимости чиновников судебных учреждений, таможни и почты от соответствующих министерств, организация внутренней стражи в 1200 человек для усиления местной жандармерии и другие. Палата поддержала требование повстанцев о созыве Народного собрания с законодательными полномочиями (Национальной ассамблеи) и об изменении системы производства выборов в депутаты. В собрании должно было принять участие удвоенное число депутатов, т. е. 130 человек, при этом отменялось назначение части депутатов принцем²⁷. На заседании звучали резкие высказывания в адрес принца и его, как считала оппозиция, авторитарной манеры управления островом.

Однако дальше разговоров дело не пошло. Отношение же к принцу большинства критян было таково, что в октябре начальник гарнизона в Кане объявил, что для большей безопасности принца Георга во время его прогулок ежедневно будет наряжаться международный патруль из 4–6 человек при старшем, который будет осматривать предварительно местность.

Последнее время во французском и в английском секторах были проведены активные меры по умиротворению острова, и большинство инсургентов ушли в итальянский сектор в западную часть острова, где чувствовали себя свободнее всего. В это время итальянский крейсер «Ломбардия» ушел в Италию; из итальянских судов оставались два минных крейсера и один миноносец. Восстание продолжалось теперь лишь в итальянском секторе, в который вскоре вошли русские и английские войска для усмирения восставших.

Русский стационар «Храбрый» с начала сентября совершил обход Крита, посетил Ретимно, Кандию, Спиналонгу, Молдо, Ситию, Иерапетру, Дыбаки, Лутро, Румили, ночевал у Селино Кастели, где было много инсургентов. У мыса Китри, на острове Петалидес, в 7 ч. утра задержал, по просьбе консула, частных водолазов, подозревая в них губколовов, так как губколовый промысел с помощью водолазного аппарата на Крите был запрещен. У мыса Спалда осмотрел две шхуны, подозревая доставку на них оружия в итальянский сектор, но оружия не нашел. Затем прошел вдоль южного берега Канейского залива, где офицеры картографы нанесли на карту правильные названия и места селений, пользуясь присутствием местных критских жандармов. Затем прибыл в Суду 15 сентября²⁸.

В связи с тем, что английский генеральный консул Эсме Ховард ушел в отпуск, Броневский был старшим среди европейских консулов в Кане. Императорский консул, в полном согласии с принцем Георгом, дал указание о преследовании инсургентов в итальянском секторе. С этой целью, после прибытия «Храброго», Броневский приступил к ранее задуманному плану по прекращению восстания в последнем, итальянском секторе. 28 сентября русский сухопутный отряд выступил из Ретимно в Георгиуполис, находящийся в итальянском секторе, и был встречен огнем инсургентов. Отряд также открыл по ним огонь, и инсургенты, потеряв троих ранеными, отступили. После этого отряд занял Георгиуполис (Приморское), но вскоре был окружен значительными силами инсургентов, открывших огонь со всех окружающих гор²⁹.

В первых числах октября по просьбе консула начальник русского стационара на Крите капитан 2-го ранга Петров приказал миноносцу № 212 во главе с командиром капитаном 2-го ранга Ломеном доставить из Ретимно в Георгиуполис полковника Урбановича, который собирался сам командовать операциями по наведению порядка в итальянском секторе. Кроме того, доставил одну роту солдат, одного офицера, а также патроны и бушлаты на весь отряд. Кроме того, миноносец № 212 был послан для поддержания связи между базой в Ретимно и русским отрядом, находящимся в Георгиуполисе. Сам «Храбрый» произвел учебные стрельбы в Армиро бэй возле Георгиуполиса «по просьбе консула... для устрашения находившихся там инсургентов», а чуть позже даже открыл, по просьбе консула, огонь по инсургентам³⁰.

Все занятые пункты подвергались время от времени налетам отрядов инсургентов, поэтому между войсками в Аргируполисе, Епископи, Георгиуполисе была установлена связь при помощи дозоров, обязанных сходиться на середине между этими пунктами и докладывать о происходящем³¹. Но особенно тяжело было в Георгиуполисе, где находились русские и жандармские посты. Инсургенты не раз пытались войти также в Аргируполис, находившийся также в итальянском секторе, занятый русскими, и взять его обратно с боем. В октябре здесь были кровавые стычки, приведшие к жертвам с обеих сторон (3 октября были убиты два русских солдата).

24 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 80.

25 ИАК. Д-16. № 193. Л. 435.

26 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 220.

27 Kerofilas C. Elefterios Venizelos... P. 45; С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг... С. 207.

28 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 720-724об.

29 РГАВМФ. Там же. Л. 721-722об.

30 Там же. Л. 720, 724, 728-729.

31 ИАК. Там же. № 197. Л. 441.

Россия оправдывала вхождение в чужой сектор тем, что ее позиции находились постоянно под прицелом инсургентов на границе. Само соседство не усмиренного сектора нас очень стесняло, — вспоминал Урбанович, — постоянные набеги, беспокойство для отрядов Рустика и Епископи и т. д. — все это заставляло войти в Апокорона и предпринять прогулку туда с целью остаться на несколько дней. Консул считал, что нужно воспользоваться первым же предложением и пойти дальше в Вамос, если туда и также в Каливес еще не войдут итальянцы. Он требовал подготовиться к операции в Вамосе, на что Урбанович возражал, считая дальнейшее наступление «рискованным», а отряд в 240 человек очень маленьким для операции в чужом секторе за 30 с лишним верст от базы. Он указывал на то, что отряд устал от походных условий при холодном дожде, но консул торопил, желая опередить итальянцев, выступивших в Вамос. Русские войска готовы были перейти далее в международный сектор, но Броневский, спохватившись, остановил дальнейшее продвижение отрядов. Генеральный консул сообщал Урбановичу, «что наше занятие Георгиуполиса возымело, как и ожидалось, удручающее действие на инсургентов». Поэтому «дальше идти отсюда не следует, и дело правительств решить на будущее время вопрос о действиях наших войск в чужом секторе»³².

Западные державы не высказывали своего несогласия с действиями русских, а англичане, согласно традиции «загрести жар чужими руками» даже не возражали против расширения зоны действий русских войск на часть их сектора.

Однако в результате действий русских войск чуть не разразился дипломатический скандал между Россией и Италией. Итальянский консул граф Фатиотти принес Броневскому протест на действия русских сил и занятие ими Георгиуполиса. Сообщил, что начнет сам оккупировать свой сектор. На что Броневский отвечал, что будет этому рад, так как в итальянской зоне нет ни одного жандарма и ни одного итальянского солдата, что способствовало действиям инсургентов и мешало навести порядок. Итальянский консул просил российского коллегу 3 октября, чтобы русские войска не трогали инсургентов, если они сами не будут на русский отряд нападать, и в этом случае итальянцы начнут оккупацию Каливеса и Вамоса. Броневский сказал, ссылаясь на Урбановича, что «также атаки уже имеют место, и что он развязал руки Урбановичу и не может более сдерживать войска и не наступать. Инсургенты, по его словам, сами не сдержали слово — не нападать на русские силы». На это итальянский консул заявил, что тогда итальянцы воздержатся от наступления³³. Итальянцы, протестуя, требовали, чтобы русский отряд прекратил продвижение вглубь их сектора и не двигался далее Георгиуполиса. Николай II на секретной телеграмме Броневского написал: «Вот народ, сами ничего не делают, а другим мешают!» В октябре 1905 г. император, внимательно ознакомившись с донесениями Броневского, дал указание не сокращать русские силы на Крите³⁴.

После встречи с итальянским консулом Фатиотти российский консул просил Урбановича дать указание своим отрядам остаться в Георгиуполисе, а в Вамосе вызвать вождей повстанцев на переговоры. На переговорах следовало предложить им сдать оружие, пообещав, что «никаких репрессий не будет» и что «все равно, кому его сдать — нам или итальянцам». Т. е. постараться «прекратить напрасную борьбу и вызвать их на откровенный разговор, спросив, на что же они надеются все еще?»³⁵

В письме Фумиса от 5 октября к российскому консулу сообщалось, что начальники инсургентов почти не в состоянии разоружить инсургентов и им просто лучше покинуть остров. Фумис от имени руководителей повстанцев просил также, чтобы критская палата издала закон, разрешающий критянам носить оружие. Эта мера, по его убеждению, способствовала бы умиротворению острова. Броневский оценил это письменное обращение одного из вождей повстанцев как их слабость: «Становится очевидным, что восстание решило сдаться и... переговорами старается лишь выговорить себе как можно больше льгот»³⁶.

На все вопросы к инсургентам, заданные по совету консула начальником георгиупольского русского отряда штабс-капитаном Потуловым, они отвечали, что лучше направить их в письменном виде самому Венизелосу, и он даст ответы. Повстанцы говорили, что весьма сожалеют, что идет кровопролитие. Один из руководителей Какурис добавил, что он приказал по русским не стрелять, когда они занимали Георгиуполис, но некоторые не послушались — открыли огонь и этим вызвали столкновение. Он обещал, что очистит любую деревню в Апокороне, лишь бы русские его заранее предупредили о своем приходе. Какурис заявил также, что инсургенты ждут окончательного решения Европы относительно участи Крита. Если вся Европа объявит о необходимости обезоружить инсургентов — они покорятся. Если же решение Европы не будет единогласным, то они сдадут свое оружие только греческому королю³⁷.

Венизелос и Фумис предпочитали, чтобы оккупацию деревень осуществляли итальянцы, которых все жители встречали теперь как друзей. Сами итальянцы также убеждали инсургентов: «Лучше сдайтесь нам, иначе вам будет хуже, т. к. придут русские или англичане»³⁸. После этого прошел слух, что Венизелос собирает в Вамосе подписи населения, чтобы просить итальянцев занять другой важный пункт — Апокорону.

Через несколько дней итальянский консул вновь направился к российскому. Он заявил, что, как он выяснил через своего секретаря Мангузо, инсургенты не нападали на русских, никаких столкновений не было, и нападать не собирались, а поэтому он, барон Фатиотти, уже отправил итальянские войска для оккупации сектора. Сегодня будут заняты этими войсками Каливес и Вамос³⁹. В одном из перехваченных писем повстанцев было сказано: «Назло русским мы пригласили итальянцев, и они заняли

32 ИАК. Там же. № 197. Л. 439, 442, 445.

33 ИАК. Там же. Л. 444-445.

34 ИАК. Там же. № 198. Л. 454; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 35.

35 ИАК. Там же. № 197. Л. 441.

36 ИАК. Там же. Л. 455.

37 Там же. Л. 448.

38 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 60об.

39 ИАК. Там же. № 197. Л. 447.

Каливес и Вамос». Итальянцы объявили о военном положении в этих пунктах, но лишь в пределах 1 км вокруг городов⁴⁰. Инсургенты в Вамосе устроили торжественную встречу итальянским войскам, о которой рассказал российскому генеральному консулу житель деревни, преданный принцу. Венизелос, Фумис и Манос вышли навстречу со стрельбой и криками приветствия. В Вамосе они вместе пьют и гуляют, едят.

После занятия Вамоса и Каливеса итальянцами инсургенты решили очистить провинцию Апокорона и перейти в Кидонию. Поэтому, пока Георгиуполис будет находиться в наших руках, опасности проникновения инсургентов в русский сектор со стороны Аргируполиса (оставлен отряд в 50 человек), не будет. Но набег из Айя Гония будут до тех пор, пока восстание не будет прекращено во всем итальянском секторе⁴¹.

Повстанцы обещали отомстить жителям Георгиуполиса как только русские войска удалятся, и поэтому они просили русских не покидать их. Жандармы из Вамоса, а также жители деревень Брознеро, Фрез, Вафез, также бросились искать защиты у русских войск, так как их положение между братающимися итальянскими войсками и инсургентами было очень затруднительное. Из итальянского сектора свои люди передавали российскому консулу, что итальянцы ежедневно встречаются и советуются с начальниками восставших. Вместе с тем в конце октября 1905 г. прошел слух, что жители провинции Апокорона решили выступить с просьбой о введении российских сил, так как итальянские не могут навести порядок и восстановить спокойствие, как это достигнуто в русском секторе⁴².

Итальянцы пришли в деревню Каламици, находившуюся в полутора верстах от Эксономис, занятую русским постом. 19 октября начальник русского отряда в Георгиуполисе послал отряд разведать, правда ли это. Когда дозор вошел в деревню, оттуда выехали семь итальянцев и, загородив дорогу русским, стали кричать, что русским вход в деревню закрыт. Отряд, выполнив задание, т. е. подтвердив наличие итальянцев в этой деревне, вернулся в Георгиуполис. Консул сообщил Урбановичу 20 октября: «Вчера соседи заняли Каламици. Если придут в Приморское, уступить немедленно!» Одного дипломатического скандала Броневскому было достаточно!⁴³.

Итальянцы собирались в конце октября занять Георгиуполис и Колимбари, поэтому российский консул потребовал быстро ввести русские войска в деревню Периволье и перебросить недостающие силы из Ретимно в Канею. В Рустике оставался отряд в 15 человек, в Георгиуполисе — рота Таганского полка. Роте Виленского полка было приказано вернуться к штабу отряда. Часть Виленского полка отправилась в Канею по распоряжению консула. В русских отрядах в Георгиуполисе и Аргируполисе в это время началась лихорадка, и многие солдаты были в таком состоянии, что ни ехать, ни тем более идти не могли. За ними пришлось прислать миноносец № 213.

По соглашению российского генерального консула и начальника канейского гарнизона было дано распоряжение о занятии Периволье небольшим отрядом от 16-й роты, находившихся там итальянцев, которые должны были перейти в Колимбари. Для этого командир 16-й роты отозвал по 10 человек из отрядов из Дораццо и Халепо. Отряд англичан занял, в свою очередь, Мурниес вместо итальянцев. Итальянцы заняли в начале ноября Колимбари и Платанию. В результате этого усиление русского отряда в Георгиуполисе становилось излишним, и войска были возвращены в казармы.

Несмотря ни на что, инсургенты были полны решимости бороться до победного конца, но надвигавшаяся зима, сулившая восставшим новые лишения, а также действия держав против повстанцев побудили их вождей пойти на переговоры. К императорскому консулу был послан делегат с письмом от вождей повстанцев — Венизелоса, Фумиса и Маноса. Они писали, что желают знать, может ли состояться общее примирение и на каких условиях. Они, однако, настаивали на даровании критянам права ношения оружия и на амнистии для перешедших к ним в отряды жандармов. Консул писал, что принял этого господина, нарочно очень сурово сказав, что эти условия он не будет даже передавать в Петербург, так как уверен, что ни одна из европейских держав с ними не согласится⁴⁴.

Несмотря на полицейские меры, предпринятые по усмирению восстания, Россия принимала активное участие в переговорах великих держав с повстанцами и первая распустила гражданскую стражу в своем секторе, что произвело самое благоприятное впечатление на жителей. Броневский подчеркивал, что «русские отнюдь не имеют в виду какие либо репрессии за участие в восстании»⁴⁵. В дальнейших переговорах участвовали начальники инсургентов: Какурис, Грилос — из Аликамбо, Зеврос — из Сфакии, и др.

17 октября 1905 г. генеральные консулы великих держав послали в Териссо на имя начальников восставших ноту, в которой объявляли им, что решение инсургентов о прекращении борьбы может быть принято на следующих условиях: восставшие должны сложить в каком нибудь условном месте 800-1000 ружей новейших систем и в хорошем состоянии, а также соответствующее количество патронов к этим ружьям. Им будет даровано прощение за все их действия во время восстания. Наконец, правительства великих держав обещали назначить временную специальную комиссию по наблюдению за реформами, какие будут признаны необходимыми для благоденствия острова, а также четкого исполнения конституции и всех существующих законов. Заявляли также о своем решении обеспечить полную свободу выборов в Народное собрание Крита.

На следующий день был получен ответ: восставшие сожалели, что правительства не признали возможным присоединение острова к Греции. Все же они не могут не признать значительного учас-

40 ИАК. Там же. № 198. Л. 454.

41 ИАК. Там же. Л. 456-457.

42 Там же. Л. 451, 457-458.

43 Там же. Л. 458-459, 462.

44 ИАК. Там же. № 197. Л. 429, 439.

45 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 123.

тия и доброжелательства держав, которые старались уменьшить страдания критского народа, происходящие из за существующего ныне порядка. Они надеялись, что жандармы будут прощены, уважая мотивы их поступка. Они полагали, что трудно или почти невозможно заставить повстанцев сдать оружие, и предлагали его вывезти в Грецию. В конце они заявляли уже в форме угрозы, что если консулы будут настаивать на сдаче оружия, то этим они лишат их полноты власти, и порядок будет опять нарушен. Насколько тон письма от 5 октября (т. е. вслед за занятием Георгиуполиса) был покорный, настолько это письмо отличалось заносчивостью. «Очевидно влияние на инсургентов со стороны наших соседей», т. е. итальянцев, считал консул. Письма инсургентов присылались через драгомана (переводчика при консульстве), итальянского консула в Кане Манкузо⁴⁶. Три сектора теперь были свободны от инсургентов, и полным ходом шла сдача оружия. Броневский возмущался, что итальянцы «входят с ними в соглашение и не трогают их, и поэтому пока восстание не прекратилось». Однако отсутствие денежных средств и наступившие холода скоро вынудили инсургентов сложить оружие⁴⁷.

Вожди довели до сведения великих держав, что они готовы доверить им решение критского вопроса⁴⁸. 3 ноября состоялась встреча Венизелоса с консулами, на которой решено было прекратить военные действия на основе сдачи повстанцами оружия правительству в количестве 750-800 ружей. Инсургентам предложено было сложить до 1 тыс. винтовок⁴⁹. Державы еще раз подчеркнули, что будут считаться свободными все, кроме жандармов дезертиров и уголовных преступников, осужденных уже полевыми судами. Началось постепенное сокращение международных сил. Еще недавно на судском рейде скапливалось иногда до 12 военных судов, а теперь они уходили. 2 ноября английский крейсер «Диана» ушел из критских вод, и ходили слухи, что больше английских судов на Крите не будет. Конечно, это были лишь слухи. 5 ноября отправились в Севастополь подлежащие увольнению в запас 93 солдата на пароходе РОПиТа «Император Николай II». 16 ноября 1905 г. Броневский телеграфировал своему начальству в Петербург: «Счастлив донести Вашему сиятельству, что с восстанием покончено. В воскресенье было сдано инсургентами от 700 до 750 ружей, после чего предводители с некоторым числом приверженцев временно покинули остров»⁵⁰.

Постепенно были отпущены все повстанцы, арестованные за сопротивление русским войскам в деревнях Пиги, Мелидони и других. Вскоре решено было не требовать выдачи дезертировавших жандармов и дать им возможность покинуть остров. Повстанцы обратились к Греции с просьбой прислать за ними пароход и отбить в Грецию, куда собирались перевезти и все свое оружие. «9 ноября, — писал Петров в рапорте, — с острова Акротири отправились в Грецию беглые критские жандармы. Восстание с этого момента можно считать прекратившимся, хотя в городах еще есть вооруженные критяне, которых разоружить было невозможно, так как они не повинуются своим вождям, которые, сдав около 750 ружей, покорились правительству. По частным известиям восстание опять поднимется весной, если сепаратисты найдут для этого достаточно средств и оружия; в противном случае восстание предполагается только через год весной»⁵¹.

Большая часть ретимских граждан (особенно мусульман) не сочувствовала восставшим и тяготилась ими. Многие после учреждения правительственной стражи уже открыто выступали против Венизелоса. Но в русском секторе гражданская стража была раньше всего упразднена, хотя, как писал Урбанович, «местная гражданская стража сделала в свое время свое дело и принесла нам великую помощь в умиротворении сектора». Урбанович сообщал консулу, что теперь, когда все бригады жандармов в секторе были восстановлены, а все местные власти, мэры, мировые судьи и судебные следователи беспрепятственно несли свои обязанности, стража могла быть упразднена⁵².

22 ноября капитан 2-го ранга командир крейсера «Храбрый» Петров телеграфировал морскому министру, что предполагает с разрешения генерального консула идти в Пирей. Миссия по подавлению восстания, которую Петров всячески хотел свести лишь к «крейсированию», что не удалось, теперь заканчивалась. Он тяжело переживал, что ему пришлось открывать огонь, но император остался вполне доволен таким образом действий русских военно-морских сил на Крите.

25 ноября 1905 г., после сдачи оружия инсургентами, была официально объявлена амнистия всем участникам восстания. «Так или иначе, принятые в Териссо решения и последовавшее затем движение критских патриотов побудили критскую палату активно включиться в борьбу за ликвидацию оккупационного режима на острове»⁵³.

46 ИАК. Там же. № 198. Л. 462-463.

47 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 724об.

48 Chester S. Life of Venizelos. P. 117.

49 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 45.

50 АВПРИ. Там же. Л. 116; ИАК. Там же. № 198. Л. 454, 457.

51 РГВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016. Л. 732-732об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 48об.

52 ИАК. Д-16. № 198. Л. 464-465.

53 Dutkowski J. S. L'occupation de la Crète. Une expérience d'administration internationale d'un territoire (1897-1909)... P. 110; Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905-1912 гг. С. 30.

Глава IV

Создание административной комиссии и Россия

С конца октября 1905 г. на Крите начала работу комиссия, созданная для оценки ущерба, нанесенного восстанием, более чем в пятидесяти населенных пунктах¹. Одновременно великие державы предусмотрели создание постоянного органа надзора за введением и применением реформ на Крите — международной административно-финансовой комиссии. А уже 24 ноября 1905 г. в секретной телеграмме в МИД России говорилось: «Положение вещей на острове таково, что ничто более не препятствует посылке комиссии». Ближайшей задачей ее было бы, ознакомившись с администрацией и финансовым управлением острова, прийти к соглашению в отношении желательных изменений и представить их на усмотрение правительств». Комиссии следовало выработать проект реформ на острове «для упорядочения внутреннего строя Крита»².

В комиссию вошли новые для Крита лица, которые могли беспристрастно оценить ситуацию на острове. От Англии был назначен сэр Эдуард Ло, член тайного совета, который в качестве министра финансов Индии имел большой опыт управления; от Италии — почетный президент секции Госсовета Карнегуале; от Франции — г-н Банст³.

Российским представителем в международную административную комиссию первоначально предполагалось назначить Свечина, хорошего знакомого греческой королевы, но затем в январе 1906 г. (к большому огорчению русского посла в Константинополе Зиновьева) в нее вошел опытный дипломат, советник посылства в Константинополе В. С. Сергеев.

Правительство России, активно участвуя в деятельности административной комиссии на Крите, делало все, чтобы сохранить status quo в Восточном Средиземноморье, а также защитить своего ставленника — принца Георга. В то же время российское общественное мнение, с которым никто и никогда в России не считался, было на стороне критского народа. Общественность в России негодовала по поводу резких и бездарных действий России на едином Крите. Лишь предложение российского генерального консула на Крите А. Н. Броневского о замене международного экспедиционного отряда на греческий вполне согласовывалось с общественным мнением России, высказанным в русской прессе, в частности в «Русском времени», которое неоднократно предлагало отдать остров Греции⁴. Газета «Слово» поместила 10 августа 1905 г. статью под характерным заголовком «Критская нелепость», в которой писала: «Может быть, ни в чем так ярко не выказывается вся моральная несостоятельность нашего «апсieu re'gime», как в этом маленьком (по теперешним масштабам) критском вопросе.

Может ли быть что нибудь нелепее того положения, в котором мы там очутились? Россия проигрывает огромную, тяжелую войну; внутри государства идет грозный «процесс распада» старого строя; величайшие опасности нависли над страной... и в эту минуту мы находим время, возможности и силы заниматься подавлением восстания единомысленного нам народа, восстания, вызванного вполне законными и естественными требованиями. Поистине — предел бездарности! Иностранные военные суда пока еще не открывали огонь, — наша канлодка «Храбрый», которой место было в Балтийской эскадре, уже нашла случай расстроить злополучных критян. Ну что же: авось хоть в этой, не слишком почетной борьбе наше оружие обновит лавры, завядшие на Дальнем Востоке!»⁵ Дипломатия других государств, как видно из парламентских отчетов, готова если не вполне уступить требованиям критян, то выработать какой нибудь компромисс. Мы, конечно, не можем быть посвящены в заповедные глубины ее тайнодействий, но, судя по явным признакам, она невозмутимо «хранит традиции» своего прямого духовного предка — незабвенного Меттерниха. Газета подчеркивала связь дипломатии с временами Священного союза и «никolaевских усмирений мятежных верноподданных»⁶. Газета подчеркивала отсталость и антинациональный характер российской дипломатии: «И ведь сколько усердия на этом традиционном пути; какое рвение в применении излюбленных заветов великого Меттерниха! Оккупационные отряды других государств ведут себя сравнительно сдержанно, — наш усерднее всех борется с инсургентами». И газета восклицала: «Когда же кончится эта недостойная комедия? Или в самом деле нужно полное обновление от корня всего нашего государственного строя, прежде чем мы расстанемся с ветошью политических призраков, и Россия научится вести внешнюю политику согласно с ее реальными интересами и национальными чувствами»⁷. Газета осуждала дипломатический корпус, состоящий из не православных и не русских подданных Российской империи, которым были чужды русские интересы. «Чего же другого ждать от исправляющей обязанности русской — нашей «русляндской» дипломатии, дирижеры которой до сих пор вербуются (также согласно традиций) в Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, на о ве Даго, Эзел и пр. Недавно в газетах появились телеграммы из Канеи, что туда придут из Одессы еще 350 русских солдат. Не полезнее ли было бы оставить их в Одессе? Ведь ничего не слышно об усилении английского или французского отрядов...»⁸.

Газета «Рассвет» писала 3 сентября 1905 г.: «Навязывание России роли усмирителя, с необходимостью даже пускать в ход оружие для усмирения благодетельствуемого нами населения, дело едва ли могущее входить в область чисто русских интересов и создано, как нарочно, для окончательного подрыва нашего и без того сильно пошатнувшегося престижа и для того, чтобы возбудить слепую и, скажем от себя, отчасти справедливую ненависть к России среди именно таких людей, которым мы решились создать новую и более светлую жизнь. Ведь на Крите мы дали гораздо, в тысячу раз более того, чем мы даем и можем дать в Македонии.

1 ИАК. Д-16. № 198. Л. 457.

2 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 22, 27.

3 АВПРИ. Там же. Л. 29, 46.

4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 337об.

5 АВПРИ. Ф. 2-я газетная экспедиция Оп. 476. Д. 438. Л. 19.

6 Там же. Л. 19.

7 Перцев П. Статья // Слово. 10.08.1905.

8 АВПРИ. Ф. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 438. Л. 19.

И какой же получился результат? Кровавое столкновение между русскими войсками и освобожденными нами жителями Крита». Статья заканчивалась словами: «Лучше совсем бросить это несчастное дело умиротворения, чем полумерами и канцелярскими отписками навлекать на себя ненависть там, где нам нужен авторитет и сознание населением той роли, которую мы ценою потоков русской крови играли на Балканском полуострове». Мы всегда были глубоко убеждены в том, что вмешательство внесет рознь в наши отношения с балканскими странами. Население чутко прислушивалось и прислушивается к голосу России и в громадном большинстве случаев готово идти навстречу всем нашим требованиям, но отсюда до подавления силой оружия беспорядков, вызванного насущною нуждою в чужой нам, хотя и родственной, стране — огромный шаг (назад!!). На Крите так уже случилось, а в Македонии это будет в ближайшем будущем! Лучше уж предоставить самому населению разобраться в своих делах. Оно сделает это и скорее, и лучше, чем с помощью наших «опекунов». Газета резюмировала: «Роль блюстителей порядка нам решительно не идет и не дается»⁹.

В газете «Сын Отечества» 6 сентября 1905 г. ее собственный корреспондент на Крите писал: «Как известно, в деле подавления национального движения на Крите особо видное участие приняла Россия, представителями которой на острове являются генеральный консул А. Н. Броневский и начальник русского отряда полковник К. И. Урбанович. Канонерская лодка «Храбрый» после банкета в кают компании, на котором присутствовал и королевич Георгий, первая начала обстреливать критские города (Платанья), в результате которого превратила в развалины церковь, несколько домов и убила двух старух. Столкновение русских войск с инсургентами при Аликиано закончилось тем, что отряд должен был поспешно отступить на борт «Храброго», а 16-я рота Виленского полка потеряла при этом сумку с патронами, шинели, походную кухню и другое имущество. Подобной же неудачей окончилась высадка 200 человек десанта для взятия г. Кастели. Отступивший отряд, впрочем, успел разрушить две церкви и сжечь много складов с товарами. По возвращению «Храброго» в г. Ретимно высадка десанта произошла ночью, во избежание враждебных манифестаций. Вся русская полицейская система водворена в г. Ретимно, объявленному на военном положении. Достаточно одного слова местного шпиона итальянского офицера Каросини — и человек попадает в тюрьму, где уже находится немало местных адвокатов и врачей под самым зверским присмотром. Архиепископ Дионисий который должен был покинуть город, так как не встретил у администрации решительно никакой защиты от представителей туземной черной сотни, появляется в городе вместе с новыми административными порядками. Архиепископу угрожал даже арест, что он предупредил своим выездом из города. Шпион Каросини пишет доносы даже на русских офицеров, обвиняя их чуть ли не в измене. Приход с почтой газеты большей частью задерживается по самым ничтожным поводам, одну, например, задержали за оглашение факта, что королевич Георгий посылает своего лакея на работу в качестве шпиона. Жители Ретимно имеют теперь полную

возможность на практике почувствовать *Modus administrandi*, принятый в одной из держав «покровительниц». Нет ничего удивительного, что население страшно раздражено. По слухам, подготавливается повторение Варфоломеевской ночи». Подпись: «Канейский»¹⁰. Правительство в конце ноября 1905 г., стремясь реабилитировать себя в глазах российского общества, подготовило и опубликовало в «Правительственном вестнике» 12 ноября сообщение о событиях на Крите¹¹. «Брожение на Крите приняло минувшим летом весьма серьезные размеры, потребовавшие от четырех держав покровительниц особо энергичных мер в видах умиротворения острова. Русское правительство неоднократно указывало уже ранее на необходимость прибегнуть к активным мерам, но это не встретило сочувствия у других держав. Надеждам этим не суждено было, однако, осуществиться. Недовольство правлением принца Георга разрасталось, приводя, наконец, державы к убеждению в неотложности отправки военных отрядов на остров. Войсками России, Франции, Англии и Италии заняты были наиболее взволнованные части острова, причем каждому из отрядов поручено было самостоятельно водворить порядок в отведенной ему части острова. Вскоре спокойствие было восстановлено на всем пространстве Крита почти без всяких жертв людьми. Дольше других оказала сопротивление часть острова, предоставленная итальянским войскам, количество которых оказалось недостаточным. Это обстоятельство побудило русский отряд вступить в соседний округ, занятый итальянцами, для совместных последующих действий. Одновременно с великими державами велись переговоры с вождями движения для внушения им скорейшего подчинения во имя блага страны. Переговоры эти благополучно закончились ныне. Повстанцы приступили к сдаче оружия, главарям разрешили свободно выехать с острова, и, наконец, державы покровительницы приняли решение неослабно следить за дальнейшим проведением реформ на острове»¹².

Это официальное сообщение вызвало бурю негодования во дворце принца, который спрашивал Броневского, правда ли это? В. Н. Ламздорф отвечал, что этим оправдывалась неотложность присылки международных войск на Крит, «что соответствует действительности»¹⁴.

Теперь для укрепления позиции России на острове необходимо было проявить мудрость хотя бы в деятельности международной административной комиссии. Однако, в политических вопросах представитель России В. С. Сергеев должен был действовать в полном согласии с генеральным консулом на Крите А. Н. Броневским, который, как сообщал В. Н. Ламздорф, обнаружил «за время последнего кризиса на острове правильную оценку событий и понимание окружающей обстановки». По финансовым вопросам следовало опираться на специалиста, которого специально должны были направить на Крит от министерства финансов России. В инструкции Сергееву говорилось: «Основные принципы управления и особенности международного положения не подлежат, конечно, пересмотру, как и связанные с ним отдельные вопросы, как, например, вопрос об оккупационных отрядах»¹⁵.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 220, 254об.

10 АВПРИ. Ф. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 438. Л. 26.

11 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 132об.

12 Там же.

13 АВПРИ. Там же. Л. 135.

14 АВПРИ. Там же. Л. 139 (документ от 24 ноября 1905 г.).

15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 55, 68об.

13 февраля 1906 г., накануне начала работы международной комиссии, Ламздорф телеграфировал Броневскому: «Императорское правительство считает необходимым оставить дело таким образом, чтобы оппозиция не могла получить теперь доступ к управлению». Следовательно, задача ставилась таким образом:

- 1) сокращение предвыборного срока;
- 2) постепенное производство выборов по округам, дабы они могли происходить под наблюдением большого количества войск»¹⁶.

Основной целью России, поддерживавшей принца Георга, было не допустить оппозицию к власти. Руководствуясь указаниями из Петербурга, Броневский постоянно вмешивался в работу комиссии и оказывал серьезное давление на нее с тем, чтобы лишить оппозиционеров доступа к управлению островом¹⁷.

С 14 февраля в Кане — столице Крита — началась активная работа комиссии по выработке реформ на Крите. Работа по финансовым реформам была возложена на русского и английского делегатов, а по административной реформе — на французского и итальянского¹⁸.

Когда делегаты международной административно-финансовой комиссии отправили правительствам четырех держав свою первую телеграмму от 15 февраля 1906 г. с изложением предлагаемой перемены личного состава кабинета Броневский сделал подобное же предложение, но в несколько измененном виде. Проект Броневского, который был удостоен одобрения императорского МИДа, сводился к следующему:

1. Дабы дать некоторое удовлетворение оппозиции теперь же перед выборами и сделать шаг к более примирительной политике, королевичу надлежало бы не включать вообще членов оппозиции¹⁹.

2. Дабы дать меньше простору предвыборной агитации — приблизить день выборов, назначенных ныне на 7 мая. Т. е. сократить предвыборную кампанию, не дать оппозиции провести предвыборную кампанию.

3. Дабы обеспечить правильное течение выборов присутствием в каждом выборном центре достаточного для поддержания порядка количества войск — произвести выборы не в один день по всему острову, а по районам в течение того времени, которое потребуется для передвижения отрядов из одного района в другой. Обстоятельства показали практичность этих мер, так как сами вожди согласились с этим²⁰.

Ламздорф пришел в восторг от проекта Броневского и в письмах к Сергееву настойчиво рекомендовал следовать указаниям генерального консула. В циркулярном письме Сергееву Ламздорф почти слово в слово повторил сказанное в проекте Броневского. Он четко излагал «сущность желательных реформ» в интересах России, а скорее монархических домов России и Греции.

Проект должен был способствовать упорядочению внутреннего строя Крита. Общее же наблюдение за ходом политической жизни острова оставалось и во время пребывания комиссии у консулов, которые и позже следили за правильным ходом реформ. Задача состояла в том, чтобы, четко разграничив функции,

Конституционный комитет Крита 1906-1907 гг. Э.Венизелос, К.Манос, К.Фумис и другие во дворе дома К. Маноса

координировать все действия новых властей. Ламздорф писал Сергееву: «Нет сомнения, что советы и указания Броневского окажутся в настоящем случае весьма ценными». Он рекомендовал Сергееву также оказывать влияние на коллег с целью сохранения статуса кво. Сергееву был предоставлен консульский шифр и помощь канцелярии. Особым вопросом было отношение к верховному комиссару. Ламздорф давал и здесь указания: «Императорское правительство, поддерживая авторитет власти, получившей полномочия от великих держав, и видя в сохранении за королевичем Георгием занимаемого им поста один из главнейших залогов спокойствия греческого и критского населения — всегда старалось всячески оберегать его авторитет и значение. Таково наше намерение и ныне... Нет сомнения, что искреннее желание его высочества продолжить опыт управления во благо критскому народу сделают весьма ценным в глазах комиссии высказанные им взгляды на желательное направление реформ. Императорское правительство стремится исключительно создать прочный порядок на острове и поднять там благосостояние...» Ламздорф надеялся, что российский представитель «соберет все материалы... и отнесется с полным беспристрастием к требованиям различных партий, опросит сведущих людей, примет в серьезные соображения интересы также и меньшинства населения — мусульманского элемента». «Имеющиеся в министерстве данные, — заканчивал Ламздорф инструкцию, — вполне подтвержденные и генеральным консулом на Крите, указывают, что для административного строя острова нет нужды в коренных преобразованиях, и что частичные улучшения вполне удовлетворяют население»²¹. В более запущенном состоянии на Крите было финансовое хозяйство. Правительство России считало, что нужно по возможности обойтись без увеличения податного и налогового обложения, и без того лежащего значительным бременем на населении. Выход надо было искать в более целесообразном распределении доходов и установлении правильного контроля над расходами.

16 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 88об.

17 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 97об, 103об.

18 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 83.

19 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 97об, 156об.

20 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 156об-157.

21 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 67-69.

Патриотическое общество «Кодрос»

Вопрос о добавочной пошине и таможенных доходах Россия предпочитала решать совместно с другими державами. Наиболее сложным был вопрос о добавочной 3 процентной пошине, из поступлений которой должны выдаваться вознаграждения пострадавшим от беспорядков на острове.

В процессе работы Сергееву поручалось также внести на рассмотрение вопрос о мерах к недопущению вербовки на Крите добровольцев для отправления в Македонию. Тем не менее отряды («четники греко македонских банд») формировались очень успешно и целыми партиями отправлялись в Пирей²². Комиссия бралась пересмотреть дела мусульман участников событий 1898-1899 гг. и передать их в военные трибуналы. Мусульмане, административно высланные с острова, объявлялись амнистированными²³.

В феврале 1906 г. на одном из первых же заседаний комиссии выступил глава критской оппозиции Э. Венизелос с обличительной речью, направленной против, в присутствии вызванного туда секретаря верховного комиссара Папаядымантопулоса²⁴. Вопрос о замене советников принца Георга еще до выборов обсуждался неоднократно членами комиссии. В марте Англия ратовала за назначение своей кандидатуры — Сфакьянакоса, известного критского деятеля, но Россия была категорически

против, так как, по ее мнению, замена советников верховного комиссара... была бы крайне неприятна принцу и, «следовательно, не обеспечила бы нормального хода управления островом»²⁵. Среди консулов и делегатов известным сочувствием пользовалось предложение Венизелоса о включении в состав нового министерства одного или двух членов оппозиционной партии. Однако Россия выступила против, так как «эта мера, по мнению российского генерального консула Броневского, представляла бы значительные неудобства для верховного комиссара, лишая его поддержки тех партий, на которые он опирался во время восстания и которые сочтут означенную меру изменою по отношению к ним» (из письма Ламздорфа Сергееву)²⁶.

На аудиенции генеральных консулов великих держав у принца Георга 16 марта 1906 г. было решено, что:

1) увольнение некоторых своих чиновников принц примет к сведению;

2) принц согласится установить избирательные центры и пойдет на постепенные выборы по районам²⁷.

В соответствии с рекомендациями держав, власть палаты критских депутатов и функции советников расширялись. В целом принц счел требования держав справедливыми, к тому же они не слишком ущемляли интересы его сторонников.

22 АВПРИ. Там же. Л. 95, 183об.

23 АВПРИ. Там же. Л. 57.

24 АВПРИ. Там же. Л. 97.

25 АВПРИ. Там же. Л. 112; АВПРИ. Там же. Д. 2545. Л. 91.

26 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2548. Л. 97.

27 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 157.

Выборы 1906 г. и брожение в итальянском секторе

Новая попытка отозвать русские войска с острова была принята в самом начале 1906 г. Так, узнав о некотором успокоении Крита, 20 декабря 1905 г. военный министр В. В. Сахаров обратился к министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу с письмом: «Повсеместные беспорядки в Империи требуют в настоящее время громадных нарядов войск для их подавления... Вследствие этого и принимая во внимание, что движение повстанцев на Крите подавлено, прошу Ваше сиятельство уведомить, не представляется ли возможным вернуть с Крита находящиеся там 2 батальона (25 го Виленского и 136 го Таганского полков) или хотя бы один из них». Архив внешней политики Российской империи хранит оживленную переписку по этому вопросу между двумя министрами и русскими дипломатами в Греции и на Крите. В МИДе большое впечатление произвела секретная телеграмма Е. П. Протопопова, секретаря и драгомана, временно замещавшего генерального консула, который писал: «Полагаю совершенно невозможным отзывание или уменьшение отряда ранее июня, т. е. по окончании выборов Учредительного собрания: остров далеко еще не спокоен. Хотя вооруженное восстание и окончилось, — возбуждение умов не улеглось»¹. Прислушиваясь к твердому отрицательному мнению консульства в Кане, решено было временно оставить войска на острове в неприкосновенности.

Учитывая политическую ситуацию на острове, которая, по мнению России, зашла в тупик, так как брожение продолжалось, а это было не в интересах России, мечтавшей убрать войска с Крита в связи с революцией в самой Российской империи, императорское правительство сделало попытку вновь обсудить вопрос о присылке на помощь державам греческих войск и о передаче управления островом Греции². Во всеподданнейшей записке царю министр иностранных дел России 17.01.1906 излагал причины и условия передачи управления Критом Греции и предлагал России выступить инициатором. Он считал, что меры по подавлению недавнего восстания, организованного критянами в присоединительных целях, породили в среде христианского населения обиду и даже ожесточение. При этом вся тяжесть пала на русский и частично на английский отряды. В то же время Франция и Италия «обнаружили стремление уклоняться от принятия репрессивных мер против повстанцев». Положение дел, по мнению министра, было «несовместимо с интересами России, имеющей в качестве покровительницы православных народностей вполне определенные задачи на турецком востоке». Он видел выход из этого тупика лишь в передаче управления островом Греции на условиях признания суверенитета Турции, покровительства мусульманам острова и др. Россия строго соблюдала данное султану обещание охранять верховные права падишаха. Вместе с тем Николай II начертил собственной рукой: «Вполне согласен и считаю, что именно России подобает первой поднять этот вопрос и привести его к естественному разрешению». Однако державы боялись открытого недовольства не только султана, но и Вильгельма II,

а также неблагоприятного воздействия на положение в Македонии и на всем Балканском полуострове и возможности нарушения status quo, и вопрос не был решен положительно³.

6 апреля 1906 г. посол во Франции А. И. Нелидов писал Ламздорфу, что передача Греции управления островом вызовет неудовольствие Болгарии, Румынии и Сербии, которые также потребуют новых территориальных уступок у Порты.

В сентябре российский генеральный консул на Крите А. Гирс писал в МИД: «Благодаря несчастной войне (с Японией. — О. С.) и внутренней неурядице, а также складывавшимся сочетаниям европейских держав, мы переживаем эпоху, затрагивающую все будущее наших отношений к Турции и к балканским государствам, нами же созданным; из последних самое сильное — Болгария. Утратив, или даже ослабив, тесную и естественную связь нашу с нею, мы рискуем утратить самую прочную точку опоры властного вмешательства в дела Балканского полуострова»⁴. Во время беседы с премьер-министром Греции Раллисом 1 му секретарю российской миссии в Афинах В. В. Муравьеву Апостолу Коробыну в сентябре 1906 г. пришлось выслушать упреки с греческой стороны «по поводу постоянных репрессий, применяемых к критянам». Русский дипломат пытался объяснить, что «репрессии... относятся не к критянам, а к инсургентам» и прекратятся, как стихнет восстание и Греция перестанет оказывать помощь инсургентам. Основному населению Крита было очень трудно объяснить разницу между критянином и инсургентом. Раллис сетовал на отказ держав поддержать предложение о присылке на Крит греческих войск и прочее, так как «последнее слово в критском вопросе все равно будет за Грецией»⁵.

Русские войска, несмотря на возражения военного министра, все таки еще надолго задержались на Крите, но число их постепенно сокращалось. Для того чтобы освободить большие пароходы РОПиТа от необходимости заходить в Суду по дороге в Александрию, с конца апреля 1906 г. РОПиТ устанавливал особые рейсы между Пиреем и Критом и поставил на эту линию маленький пароход РОПиТа «Игорь». В мае 1906 г. было открыто в Кане отделение этого общества, но в результате оказалось, что бессменный и незаменимый ранее агент РОПиТа на Крите, а также драгоман русского генерального консульства Бумаридис, помогавший всем русским на Крите, будучи

Французские солдаты в Кане. 1906 год

1 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 150, 178.

2 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 147; АВПРИ. Там же. Д. 2546. Л. 88; Там же. Д. 2502. Л. 176, 242.

3 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 148; Там же. Д. 2502, 2590б; Там же. Д. 2503. Л. 51; Там же. Д. 2542. Л. 54; ИАК. Д-16. № 178.

4 АВПРИ. Там же. Д. 2544. Л. 7.

5 АВПРИ. Там же. Д. 2542. Л. 209; Там же. Д. 2502. Л. 3050б.

Первый поход критской милиции на учения во главе с греческими офицерами в Кидонии

заменены по распоряжению пирейского агентства господином Миссури. В Ретимно отделение РОПиТа было передано местному коммерсанту турку Вагри эфенди, который совершенно не владел русским языком. На все протесты Урбановича и его предложение о назначении подрядчика русского отряда г на Тривулидиса не было даже ответа. Урбанович сокрушался, что «теперь наши солдаты не будут пользоваться этим агентством, так как в нем говорят только по гречески». Российское общество пароходства и торговли давно не защищало интересы России, а было полностью во власти иностранцев. В начале мая из России на пароходе РОПиТа прибыло 53 человека молодых солдат и 7 унтер офицеров для пополнения рот батальона Таганрогского полка. Во время плавания неизвестные вели с ними пропаганду, «что все равны и они не обязаны повиноваться таким же, как и они, и т. д.». Урбанович быстро справился с крамолой в их головах и, как он писал, «вправил мозги молодняку, объяснив нелепость подобных наущений и смысл присяги Царю и Отечеству». Этим и ограничилось влияние первой русской революции на русский отряд на Крите, и он продолжал выполнять свою «миротворческую» миссию на острове ⁶.

Очередные муниципальные выборы на Крите состоялись в январе 1906 г. Борьба между партией принца и оппозиционной партией Венизелоса сильно обострилась.

А. Н. Броневский, как мы уже писали, считал, что державам «потребовались бы десятки тысяч войск для усмирения восстания... тогда как при одном появлении на Крите греческих солдат все само собой успокоилось бы» ⁷.

На январском 1906 г. совещании консулов четырех держав по Криту было решено, что начальники международных отрядов будут помогать друг другу для поддержания порядка во время выборов, а именно высылать в главные выборные центры отряды достаточной силы и под командованием офицеров. Об этом было сообщено критскому населению в официальном обращении консулов.

Положение на острове, как доносил в МИД России управляющий генеральным консульством на Крите Е. Протопопов, временно замещавший в январе Броневского, в период выборов оставалось нестабильным, и особенно беспокоил итальянский сектор, где находилось наибольшее число инсургентов. Особый настрой создавало также то,

что критские добровольцы, составлявшие в Македонии четы, пролили кровь за общенациональное греческое дело, что укрепляло в народе идею соединения с родиной матерью ⁸.

Консулы держав покровительниц признали желательным возобновить «крейсирование» военных судов у берегов Крита ввиду данных о ввозе оружия на Крит из Греции через итальянский сектор ⁹. По просьбе В. Н. Ламздорфа командующий Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирал А. А. Бирилев дал указание командиру отремонтированной в Пирее канонерской лодки «Храбрый» вернуться в критские воды и возобновить «крейсирование» у берегов Крита, что, по мнению Ламздорфа, могло сыграть важную роль в связи со слухами о близости нового восстания, а также новых случаев тайного возвращения из Пирея вооруженных групп бывших инсургентов с целью кровавой мести ¹⁰.

В русском секторе выборы в муниципальные органы прошли вполне спокойно, но в других секторах, как сообщало российское консульство, «не обошлось без некоторого кровопролития». Например, в итальянском секторе в Георгиуполисе и Камбосе ввиду беспорядков итальянцы вынуждены были стрелять, и были убитые и раненые. В столкновениях с итальянскими войсками было убито четверо и ранено 16 жителей Крита. Один итальянский солдат был также ранен, а при поспешном отступлении был брошен своими и добит разъяренной толпой, состоящей из членов правительственной партии, как сообщал Е. Протопопов. По его мнению, кровавые события были вызваны тем, что итальянцы, и консул, и отряд, «слишком явно становились на сторону оппозиции, чем и вызвали озлобление толпы». Таким образом, великие державы оказались во время муниципальных выборов на Крите как бы по разные стороны баррикад. Критское правительство выразило соболезнования итальянцам, но в очень краткой форме, что не могло удовлетворить итальянского генерального консула барона Фатиотти. Итальянцы пригрозили захватом таможен в итальянском секторе, что ослабило бы позиции администрации принца ¹¹.

Посланник России в Афинах Ю. Н. Щербачев о действиях итальянского генерального консула на Крите писал: «Барон Фатиотти, будучи человеком богатым и независимым, ввиду известного стремления итальянцев играть более заметную роль на Востоке...

6 ИАК. Д-16. № 178.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 330.

8 С.Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 207.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 13 (Протопопов из Канеи 8\20 января 1906 г.).

10 РГАВМФ. Ф. 414. Оп. 1. Д. 3352. Л. 88.

11 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 606, 8.

усиливает тон своих требований и придает особую энергичность своим действиям, как то было в вопросе об удовлетворении за убийство итальянского солдата. Всеобщее здесь сотование на то, что Италия, которой греки приписывают какие то тайные виды на Крит, распоряжается с попустительства держав на острове, как в оккупационной неприятельской стране». Русскому полковнику Урбановичу с близкого расстояния действия итальянцев не казались столь агрессивными. Он чаще сообщал лишь о потворстве итальянцев восставшим и об их дружбе с ними. Граф Ламздорф предупреждал российских посланников в четырех столицах европейских держав и в Греции, что «резкие действия итальянцев могут вызвать новое восстание». И предлагал «подействовать на итальянцев в умиротворяющем духе». Посланник в Афинах Белатти сам старался усмирить Фашиоти, но это ему не удавалось. Все таки это были не «резкие» действия, а полная моральная поддержка оппозиционеров — «териссиотов». В результате ситуация на острове могла снова выйти из под контроля держав¹².

На очередном заседании консулов в Риме (совместно с военными представителями международных сил), состоявшемся в конце марта 1906 г., признавалась «полная несостоятельность итальянского отряда для умиротворения и хотя бы частичного разоружения населения, т. е. того, что другие отряды уже выполнили». Было решено, что итальянский отряд усилится за счет колонны жандармов из других секторов в числе 200-400 человек; при колонне должны находиться для наблюдения по одному офицеру от каждой из четырех держав¹³. В результате, по инициативе Великобритании, было сделано совместное заявление Англии, Франции и России об увеличении каждого отряда на 500 человек. Была даже высказана идея о необходимости сократить итальянский сектор.

В начале мая российский генеральный консул сообщил Урбановичу о возможном уменьшении итальянского сектора и задавал ему вопрос: что лучше — увеличение международного сектора или русского? Урбанович не задумываясь отвечал, что «присоединение к нашему сектору провинции Апокорона отягчения не вызовет, разве на первое время, пока мы установим свои порядки. Мне кажется, что увеличить наш регион значит увеличить наше влияние!!!»¹⁴. В целом консул был того же мнения, и ответ был найден. Однако вскоре Ламздорф телеграфировал Сергееву, что в связи с улучшением положения в итальянском секторе решено отказаться от посылки туда иностранных офицеров и жандармской колонны¹⁵.

Время подготовки и проведения выборов в критский парламент оказалось самым горячим для международного контингента войск. Оппозиционеры вновь стали закупать оружие в Греции и доставлять через итальянский сектор; поговаривали о новой вспышке восстания. По единодушному мнению консулов, «единственным средством к окончательному водворению порядка на Крите являлось разоружение всего населения» там, где это еще не было сделано, особенно в итальянском секторе.

Посланники европейских держав в Греции и консулы на Крите старались всячески разрядить обстановку и уменьшить все еще готовую в любой момент вспыхнуть вражду. Они с осуждением относились к резким нападениям на оппозицию со стороны принца Георга в греческой печати (в газете «Патрис»), что произвело крайне тяжелое

впечатление на острове. Ламздорф телеграфировал Щербачеву 19 января 1906 г. «Если коллеги Ваши не получают от своих правительств инструкций оказать воздействие на королевича, Вам как русскому представителю нет, конечно, оснований брать на себя какой либо дальнейший почин в этом деле»¹⁶. Россия, как всегда, фактически была на стороне представителя греческой династии.

То в одном, то в другом месте на Крите с ужасом передавали слухи о том, что опять появились вооруженные люди, что усиливается контрабанда оружия из Греции и т. д. И правда, в конце апреля в провинции Киссамо итальянского сектора высадилось около 20 вооруженных человек. Российский консул вскоре подтвердил сведения о высадке неизвестных лиц, хорошо вооруженных современным оружием. Члены правительственной партии поспешили объяснить появление на острове новых вооруженных людей стремлением главы оппозиции Э. Венизелоса вызвать новые беспорядки на острове и этим воспользоваться для личных целей во время предстоящих выборов¹⁷.

Очень показательно донесение Броневского об обсуждении в международной комиссии грядущих весной выборов в Народное собрание.

Венизелос и Фумис, как сообщал Броневский в апреле 1906 г., просили об отсрочке этих выборов, Франция, Италия и Англия почти готовы были согласиться, но Броневский настоял на отрицательном ответе. Он не хотел давать оппозиции никакого шанса провести полноценную предвыборную кампанию. К категории необоснованных требований Броневский причислял предложение Венизелоса о составлении, еще до выборов, кабинета, включив в его состав членов оппозиции. Это было чисто «техническое» предложение Венизелоса, чтобы до выборов ввести одного или двух своих единомышленников в управление Критом. Удайся это Венизелосу, это было бы крупным шагом к достижению им своей главной цели — победы оппозиционной партии на выборах в Учредительное собрание. А что вступление одногодвух человек от оппозиции в правительство увеличило бы число голосов за оппозицию на выборах — в этом сомнений ни у кого не было¹⁸.

Стремясь увеличить число своих сторонников, оппозиция обратила свои взоры на ущемленное теперь и испуганное мусульманское население. Инсургенты стали говорить о том, что они не видят особых противоречий с мусульманами острова. Негласная пропаганда венизелистов заключалась в том, что сначала они «бьют великие державы, а затем турок». Благодаря примкнувшему к партии Венизелоса Фумиса Маноса мусульманскому населению (около 30 тыс. человек), шансы на победу у оппозиции увеличивались. Но большинство христиан острова были недовольны такой пропагандой и союзом с мусульманами и призывали жестко извлекаться от мусульман, которые были теперь отрезаны от помощи Константинополя. Английский консул, так же как и российский, на поступавшие к нему жалобы мусульман давал стереотипный ответ, что «мусульманам нечего бояться», хотя прекрасно видел, как растет эмиграция. Принц Георг обращал внимание держав на то, что, сохраняя статус кво, державы не помогают сохранять стабильность положения мусульман на острове. Еще меньше помощи им оказывали итальянцы и французы¹⁹.

12 АВПРИ. Там же. Л. 5, 14.

13 Там же. Л. 124, 127.

14 ИАК. Д-16. № 211. Л. 477.

15 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 186.

16 АВПРИ. Там же. Л. 67.

17 ИАК. Д-16. № 211. Л. 466, 468.

18 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 156-156об.

19 Holland R. The Prince, The Powers and "The unfortunate regime"... P. 38-39.

Миротворцы на Крите

В Кане ощущалось предвыборное оживление. В первый же день выборов активность партии венизелитов (оппозиционеров) была очевидна. Толпы народа скандировали на улицах столицы «Да здравствует Венизелос!». Действительно, глава оппозиции в столице был чрезвычайно популярен. Повсюду встречались сторонники Венизелоса с его портретами или с веткой лавра — эмблемой оппозиции, все извозчики украсили свои экипажи портретами Венизелоса, Фумиса, и лишь ученики школ имели в петлицах портрет принца Георга.

Русский сухопутный контингент наряду с отрядами других европейских держав принял самое активное участие в охране выборных центров. Консулы решили, что в первый день выборов, 7 мая, из русского сектора отправятся несколько отрядов в итальянскую и английскую зоны, а на второй день выборов в русский сектор придут английские отряды. В Канею и Кандию было отправлено 290 русских солдат.

Летучая колонна жандармов была направлена из столицы в итальянскую зону, что могло вызвать бегство «разбойников» в русский сектор. В связи с этим было решено, что русские войска займут временно деревни, находящиеся на границе русского и итальянского секторов, и будут наблюдать за всеми передвижениями через границу. Консул просил Урбановича занять в первый день выборов восемь центров в провинциях Апокорона и Сфакия. На каждый центр приходилось в среднем по 30 человек. В этой операции участвовало всего 240 человек. В 15 деревнях проводились обыски в домах венизелитов²⁰. Как только проходили выборы, войска возвращались в казармы. Иногда в результате облав попадались и настоящие разбойники, скрывавшиеся от правосудия.

Были заняты деревни Аргируполис, Мириокефали, Родакино, Рустика, Епископи, Драмия, Каринос, наблюдение велось за дорогой из Георгиуполиса (из итальянского сектора). Для «поддержания порядка и спокойствия» русские войска (из Виленского полка) расположились на время муниципальных выборов также в Акротири, в Айя Триаде, в Айос Константиносе и некоторых других пунктах.

Консул передавал Урбановичу жалобы, поступившие на него со стороны оппозиционеров, говоривших, что он это сделал с умыслом, чтобы помешать свободному голосованию на предстоящих выборах и арестовать венизелитов. Консул просил производить «только строго мотивированные аресты». Урбанович возмущался той откровенной ложью, которую распространяли против него венизелиты. Для него все оппозиционеры, составлявшие две трети населения, например в Рустике, были под подозрением и считались бандитами, а поэтому и арестовывать их он считал своим гражданским долгом. Сообщал он и о провокациях венизелитов, певших антиправительственные песни нарочно на глазах у жандармов. Так, одна из песен начиналась словами: «Во дворе у дома Венизелоса вырыта большая яма, а в ней сидит принц Георг». Депутаты немедленно удалились из таверны, а жандармы Каросини вынуждены были арестовать венизелитов. Венизелос просил защиты у консулов «против притеснений русских властей» и жандармов. Урбанович оправдывался, говоря, что эти притеснения находятся «в преднамеренной фантазии господ венизелитов». В это время капитан Каросини с жандармами прочесывали ближайшие к столице деревни²¹.

Начальник канейского гарнизона собрал 1 мая всех начальников частей для распределения участков. От русской роты были посланы два отряда для занятия пункта Родовани в провинции Селино и Каливеса в провинции Апокорона. В самой Канею на русскую роту выпало дежурство на таможне, на двух выборных пунктах — на моряков с канонерской лодки «Храбрый»²².

Проводились и совместные операции. Так, 40 человек от 161-й роты Виленского полка были доставлены на английском крейсере «Суфолк» вместе с отрядом английских войск в Пальохору, откуда русский отряд прошел в Родовани, а английский отряд частью остался в Пальохоре, частью — перешел в деревню Камбета. По окончании выборов они собрались снова в Пальохоре и на «Храбрый» вернулись в столицу. 6 мая из Судской бухты вышли французское военное судно «Кондор» и русская мореходная канонерка «Храбрый», прибыли в Канею и высадили часть экипажа на берег²³.

Из Ретимно 5 мая выступили отряды для занятия в итальянском секторе пунктов Курна, Фрэ, Кефала, Каламици, Родакино, Аскифа и др. Из Канеи российский консул сообщал, что «здесь настроение довольно нервное и в деревнях опасаются свалок». Броневский просил увеличить отряд в провинции Апокорона. В целом вмешательство иностранных отрядов в выборы было беспрецедентным! Генеральный консул совершенно хладнокровно сообщал Урбановичу, что «здесь мы уполномочили отрядных офицеров в случае серьезных беспорядков опрокинуть урны и прекратить выборы во избежание худшего и необходимости употребить оружие». И спрашивал: «Не сделаете ли то же и Вы?» Однако Урбанович считал, «что разрешение опрокидывать урны — вещь опасная, иному нервному пустяк покажется серьезным, и он прикажет остановить выборы». Урбанович не сомневался, что в русском секторе большинство и так получит правительственная партия и крайние меры не нужны²⁴.

При этом выборы прошли совершенно спокойно и были благоприятны для оппозиции: если в Кандии (английской зоне) прошли все 32 депутата от правительственной партии, то в Канею (международной зоне) все 24 от оппозиции и в Сфакии неожиданно также прош-

20 ИАК. Д-16. № 211. Л. 472, 474.

21 ИАК. Там же. Л. 470-471.

22 ИАК. Там же. № 212. Л. 479.

23 Там же. Л. 479.

24 Там же. Л. 480.

ли еще 12 венизелистов. Оппозиция праздновала победу: самые ярые пытались разнести магазины своих политических противников, слышны были отдельные выстрелы (случайно был ранен в ногу мальчик). В Ретимно в клубе венизелистов также праздновалась победа. Урбанович корил жандармерию, которая не разгоняла митинги, а была лишь наблюдателем.

Следом за международным и итальянским секторами выборы проходили в русском секторе. Встречали и принимали русских солдат везде по-разному: в Аскифе и Курне деревенские жители выказали полное радушие и хотели сотрудничать. В деревне Родовани старики целовали руки русским солдатам, угощали их вином, пели греческие песни, говорили: «Вы наши спасители!» Они были убеждены, что с русским отрядом у них будет спокойно. Крестьяне очень отдаленных районов были все за принца. Им были неслышны и непонятны речи Венизелоса. Принц для них был символом присоединения к Греции. Зато в приморских деревнях Фрэ, Каламици и Кефала жители остались равнодушны при виде войск, и «услужливости с их стороны замечено не было», — писал Урбанович²⁵.

После того как прошел слух, что в русский сектор для агитации направляются лидеры оппозиции — Фумис и Пологеоргиос, сторонники правительственной партии обратились к Урбановичу с ходатайством не пропускать их в русский сектор. Иначе, по их мнению, не избежать кровавых столкновений! Ждали даже самого Венизелоса. Урбанович, который уже не мог поручиться, что столкновений в его секторе не будет, принял самое простое решение: «Я попросту их не пушу!» И ждал только согласия консула, который был его единомышленником и решение немедленно дал. Утром встречать пароход из столицы собралась тысячная толпа, но слух оказался ложным и никто из агитаторов в Ретимно не прибыл. Консул сообщал Урбановичу: «Венизелос на «Пантелеймоне» (австрийском пароходе. — О. С.) не уехал. Согласен вполне их не пускать, достаточно местной агитации!» Когда лидеры оппозиции пришли к русскому консулу за разрешением посетить русский сектор, им было любезно в этом отказано. Тогда Фумис и другие поехали агитировать во французский сектор. Когда позже прибыл очередной пароход, на котором находились несколько вождей — Венизелос, Фумис и Манос и 100 человек вооруженной охраны, на берег в Ретимно никто не решился сойти. В Кандии на пристани встречать австрийский пароход собралась трехтысячная толпа, состоящая из представителей правительственной партии, которые заявили английским властям, что воспротивятся высадке главарей на берег. Во избежание кровопролития английский начальник сухопутных войск запретил венизелистам высаживаться. Тем не менее около 40 человек, в том числе главари, пересели в лодку и хотели пристать к берегу, но им этого сделать не дали. Некоторым венизелистам удалось все таки высадиться в малоизвестном местечке Сиси в провинции Мирабелло и показаться позже в Неаполисе. Остальные принуждены были плыть до Пирея, а затем вернуться на Крит²⁶. Правительственная партия, имевшая поддержку международных сил, беззастенчиво провоцировала столкновения.

Во время выборов в Ретимно присутствовали российский генеральный консул и дополнительные военные силы из Канеи. В Ретим-

но было три избирательных центра (участка) — два мусульманских и один христианский. Вечером три главных оппозиционера — Минос Петихакис, Георгий Саунаццо, Марк Скулудис — явились к российскому консулу с жалобой на действия российских войск и поддержку ими правительственной партии. Урбанович в присутствии консула написал распоряжение начальникам русских отрядов, чтобы они действовали объективно. «В городе полнейшая тишина», — записывал Урбанович в дневнике 14 мая 1906 г. в день окончания выборов²⁷. Подсчет голосов закончился поздно ночью 15 мая и по результатам дал незначительное преимущество венизелистам. Но в провинции выборы превзошли все ожидания: везде прошли кандидаты от правительственной партии.

В провинции выборы проходили в основном спокойно, но были и случаи кровавых столкновений, как у деревни Ай Иоаннис, в трактире Кубэ Платания, где был убит один венизелист, похороны которого были превращены в митинг. Тело убитого несли на открытых носилках, чтобы рана на голове со следами несмытой крови была хорошо видна. В Ретимно под охраной жандармов прошли факельные шествия правительственной партии под лозунгами «Да здравствует принц Георг!», «Да здравствует (масличная) оливковая ветвь!» («Зито элия!» — символ правящей партии). Но вскоре в связи со смертью еще двух человек, пострадавших в стычках, Урбанович запретил публичные мероприятия. В телеграмме венизелистов консулам держав говорилось: «В течение трех дней положение отчаянное, правящая партия после избирательной победы явно при вмешательстве властей предается оргиям». В свою очередь Урбановича посетила делегация от правительственной партии с жалобами на действия венизелистов, которые провоцировали беспорядки в Рустике, Айос Константинос, Гонии, Периволье и других местах, уничтожая оливковые деревья сторонников победившей партии²⁸. 27 мая на Крит прибыл из Афин принц Георг. Правительственная партия после своей победы на выборах хотела устроить ему торжественную встречу, но принц категорически отказался и все торжества благоразумно отменил.

Выборы, проведенные в мае 1906 г. под контролем военных сил великих держав, дали, как и на предыдущих 1905 г., большинство мест правительственной партии — 78 мандатов против 36 от оппозиции. Однако восстание не прошло бесследно, и новым правительством был сделан значительный шаг вперед в экономической и политической сферах.

И снова на первом же заседании депутаты единодушно провозгласили присоединение Крита к Греции, хотя и на этот раз разногласия между правительственной партией и оппозицией обнаружились по поводу осуществления присоединения. Прогрессом можно было назвать лишь то, что на этот раз партии имели возможность открыто дискутировать о путях его присоединения. Теперь все понимали, что критский вопрос должен быть решен. Поднявшаяся новая волна недовольства на Крите грозила перерасти опять в восстание, но греческий премьер министр Д. Раллис обратился к критянам с призывом о терпении.

25 Там же. Л. 480.

26 Там же. Л. 483-485.

27 Там же. Л. 486-487.

28 Там же. Л. 490.

Окончание «несчастливого режима»

В июле и августе (10 июля и 1 августа) 1906 г. были оглашены ноты держав-покровительниц принцу Георгу и королю эллинов, в которых Криту были предложены новые административно-финансовые реформы, еще более расширявшие автономию острова. Принцу рекомендовалось немедленно приступить к введению реформ, суть которых сводилась к следующему:

1. Реорганизация жандармерии, которую впредь должны будут возглавлять не итальянские, а греческие офицеры, которые не числились в списках греческой армии.

2. Создание критской милиции, после чего последует вывод европейских сил.

3. Предоставление Криту займа в 9 млн. 300 тыс. франков. Из них две трети предназначалось для проведения общественных работ и одна треть — для возмещения ущерба пострадавшим во время освободительной борьбы против Турции.

4. Учреждение иностранной финансовой инспекции.

Кроме того, предусматривалось предоставление равных прав христианам и мусульманам, пересмотр конституции Крита, ежегодный созыв Народного собрания, утверждение годового бюджета и многое другое. Все это являлось большим успехом Греции в критском вопросе, вызвавшим зависть у других балканских народов¹. Можно было говорить о том, что восстание 1905 г. не прошло бесследно и новым правительством был сделан значительный шаг вперед в экономической и политической сферах. Великие державы решили не возобновлять полномочия принца на острове.

Державы немедленно приступили совместно с критским правительством к проведению обещанных административно-финансовых реформ, выработанных Критской международной административно-финансовой комиссией. Однако вопрос о присоединении Крита к Греции, хотя и обсуждался державами, был опять отложен на неопределенное время. Это вызвало новую волну негодования на острове, грозившую перерасти в новое восстание. Афинская печать старалась выяснить, кому из держав принадлежала идея написания «коллективной ноты», названной ею «орудием пытки»².

Насколько великие державы стремились к передаче Крита Греции, хорошо иллюстрируют выдержки из западной прессы тех лет, сохранившиеся в АВПРИ МИД России. Статья «Назойливый остров» («Journal des Debats», июль 1906 г.): «Нет основания нарушать права султана в пользу островитян, которые ничем себя не проявили, чтобы заслужить доверие». Если уступить Греции, то Болгария потребует уступок для себя и постарается ассимилировать другие народности балканского полуострова. Греки, по мнению газеты, «обманываются в своих расчетах, так как кроме исторического прошлого не обладают ни одним из качеств, необходимых для роли, которую хотели бы играть». В июле 1906 г. французские газеты выделяли мнение русских газет о том, что Россия поддержит всякое предложение, благоприятное Греции и Криту, так как она не имеет могущественного флота и боится, что остров сделается добычей Англии или какой-либо другой морской

державы. По мнению других французских газет, единственным противником присоединения Крита является Вильгельм II, друг султана. Некоторые газеты утверждали, что Англия высказалась за присоединение Крита к Греции на определенных условиях, но не встретила сочувствия на совещании послов³. 3 августа австро-венгерская газета «Зейт» писала, что «правительственная партия с одной стороны, а с другой — партия Венизелоса, сближившаяся с мусульманским населением Крита, ведут остров к междоусобной войне. В то же время державы тщетно пытаются оградить Крит от воздействия Афин, где политическая борьба партий сосредоточена на критских делах»⁴. «Pester Lloyd» 9 августа, «Державы не допустят дальнейших реформ, направленных на присоединение острова к Греции. Непреклонность их полезна не только для поддержания европейского мира, но полезна самим грекам, которые могли убедиться за последние недели, насколько глубока ненависть к их расе со стороны остальных христианских народов Балканского полуострова. Они могут легко вообразить, что их ожидало бы в Македонии, если бы Крит был присоединен к королевству. Для держав же главное — поддержание на Балканах status quo, необходимого в интересах мира»⁵.

Оппозиция во главе с ненавидящим принца Э. Венизелосом вскоре поставила вопрос о смене верховного комиссара острова. Не помогли даже ходатайства королевы эллинов Ольги Константиновны перед российским императором Николаем II. Вопрос о назначении нового верховного комиссара Крита носил весьма острый характер и вызвал бурные дебаты как в Греции, на Крите, так и между великими державами. Россия, в которой бушевала первая русская революция, не могла более настаивать на удержании на острове члена королевской греческой семьи — принца Георга. В конце концов, главной задачей на Крите русской дипломатии, которая всегда ранее не упускала случая сделать приятное для членов императорской фамилии, было сохранение там спокойствия, т. е. умиротворение острова. В результате было решено, что в сентябре на Крит прибудет новый верховный комиссар — известный греческий политик Александрос Заимис. Он одинаково удовлетворял правительства четырех держав-покровительниц, отвечал интересам Афин и являлся новой надеждой критян в их стремлении к воссоединению с Грецией. Критская оппозиция во главе с «автором отъезда принца», т. е. Венизелосом, торжествовала.

Недовольны были, естественно, сторонники самого принца Георга, т. е. в основном члены правительственной партии во главе с И. Михелиудакисом, которые понимали, что их влиянию приходит конец, и немалая часть крестьян, которые рассматривали нахождение на Крите представителя греческой династии как гарантию скорого присоединения острова к Греции. На острове началась агитация против решения держав и волнения. Поднявшаяся новая волна протестов грозила перерасти опять в восстание. Все великие державы сочли агитацию за оставление принца совершенно неуместной.

Министр иностранных дел России А. П. Извольский телеграфировал в эти дни (2 сентября 1906 г.) российским посланникам в столицы европейских держав и Афины: «Императорское правительство готово сделать в Афинах заявление Теотокису о согласии

1 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544. Л. 5; Сн. 160.

2 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2546. Л. 133.

3 АВПРИ. Там же. Л. 119, 132-133.

4 АВПРИ. Там же. Л. 176.

5 Там же. Л. 133.

на назначение Заимиса верховным комиссаром при условии, что агитация на Крите прекратится и будут приняты все условия, сформулированные в нотах держав от 10 июля и 1 августа. Дата ухода верховного комиссара должна быть им выбрана добровольно. Россия подчеркивала, что уход принца не будет означать изменение политического положения на острове. Отъезд должен носить «мягкий оттенок» и ничем не задевать достоинство принца Георга⁶. Броневский же считал, что для умиротворения острова, если потребуются, принца можно заставить уехать даже силой.

В середине сентября Броневский уже сообщал о результатах демарша великих держав в Греции: «Премьер Греции Теотокис немедленно телеграфировал королевичу в энергичных выражениях, порицающая агитацию, которая велась представителями правительственной партии, называя ее «безумной» и указывая, что королевичу надлежит положить оной немедленный конец, пояснив своим приверженцам, что его высочество ни в коем случае больше не останется на острове». Премьер Теотокис передал также соответствующие пожелания критской жандармерии. Он писал, что было бы желательным, чтобы прибытие А. Заимиса на Крит состоялось до отъезда принца, который должен был представить Заимиса критянам. Греческое судно, доставив его, должно было отбыть обратно в Грецию с принцем на борту. Принц был вынужден согласиться⁷. Вместе с тем возвращение принца в Грецию на греческом военном судне, на чем настаивал Теотокис, было сочтено всеми державами совершенно неуместным.

Начались долгие обсуждения по поводу длительности пребывания нового верховного комиссара на Крите и его задач. Страсти накалились до такой степени, что потребовались иностранные войска для успокоения умов. Так, например, Броневский передавал из Канеи 10 сентября 1906 г., что на одном из заседаний международной комиссии по финансам Крита, на которой Венизелос говорил о необходимости установить международный контроль над финансами Крита, один из бывших министров обвинил его в отсутствии патриотизма. В результате начались беспорядки, которые остановили лишь итальянские войска, с трудом очистившие помещение зала заседаний. Остров вновь погружался в анархию.

Русские моряки собирались сделать все возможное, чтобы отъезд носил торжественный характер и не унижал греческую династию. Как докладывал капитан канонерской лодки «Донец» капитан 2-го ранга Федоров в Главный морской штаб, получив уведомление от российского консула в Канее, что отъезд его высочества принца Георга должен был состояться из Суды во вторник 12 сентября около четырех пополудни, он собрал, как старший на рейде, командиров итальянского и французского судов (английский корабль еще не подошел). На этом совещании решено было воздать принцу те же почести, какими его встречали при прибытии на Крит, кроме конвоирования судами⁸.

Накануне отъезда принц обратился к критянам с воззванием в патриотическом духе, но это не способствовало умиротворению острова. В ответ появились воззвания руководителей отрядов повстанцев из крестьян Кидонии и Апокороны, которые стали спускаться к Суде. После полудня 12-го на Малакасе и на судской

дороге собралось несколько тысяч вооруженных ружьями сторонников принца, не желавших его отъезда. Затем многие из них направились к дворцу в Халепо, где произошли столкновения с международными силами и были погибшие⁹.

В 3 часа дня капитан «Донца» Федоров получил письмо российского генерального консула, в котором он сообщал, что ввиду этих обстоятельств отъезд состоится не из бухты Суды, а из Канеи. И через 45 минут «Донец» был в пути и к 7 вечера прибыл на канейский рейд, где уже стояли греческий крейсер «Псара» и английский минный крейсер «Бэхэм», которые только утром 12 сентября пришли в Суду. Итальянская канонерка «Говерноло» пришла в Суду лишь в 9 вечера, а французский миноносец «Фако» совсем не пришел. Около 8 вечера состоялось отплытие королевича на крейсере «Псара». Только на следующий день капитан «Донца» узнал от консула об обстоятельствах отъезда принца из резиденции в Халепо. Причем консул сообщил Федорову, что он имеет веские доказательства участия приближенных принца в беспорядках¹⁰. Одним выстрелом был убит кавас из охраны принца, а другим — ранен в ногу унтер офицер Виленского полка Дергачев, стоявший в почетном карауле. Кавас стоял рядом с консулом у окна его кабинета, выходившего на улицу Халепо, и из толпы сторонников Георга, прорвавшихся в эту минуту на улицу, где жил принц, раздались выстрелы. Это случилось около 4 часов дня. В итальянского консула, барона Фатиотти, находившегося на улице и умирившего разгоряченную толпу, «направлено было также несколько дул револьверов». Тогда российский консул, ожидая серьезных беспорядков, отправился из Канеи к принцу с предложением ему отплыть на «Псара» непосредственно из Халепо. Принц подчинился этому требованию весьма неохотно и был чрезвычайно оскорблен, что ему приходится «убегать, как вору или преступнику»¹¹. При таком вынужденном отъезде прямо из дворца в Халепо, находящегося на самом берегу, его не провожали ни консулы, ни официальные лица. И впрямь это было настоящее бегство! Принц, который в 1898 г. прибыл на остров и воспринимался как консолидирующая сила, уезжал в обстановке почти полного хаоса, в котором сам был повинен лишь в небольшой степени. «Автором самого отъезда» был его многолетний противник Э. Венизелос.

Через несколько дней опять возобновилась переброска русских рот из Ретимно в Канею на «Донце» для дальнейшей отправки в Россию. Россия потребовала от Крита выплатить компенсации семьям погибших во время отъезда принца по 15 тыс. франков¹².

В Пирее, куда прибыл принц Георг. На пристани его ожидали не только братья Николай и Андрей, но также и английский посланник сэр Ф. Эллиот, который произнес неожиданно теплую речь. Как стало известно позже, Эллиот выполнял указание нового министра иностранных дел Великобритании лорда Эдуарда Грея, который считал необходимым все таки поблагодарить принца за его многолетний нелегкий труд. Это был приятный и «неожиданный сюрприз» для принца, что «смягчило тяжелые чувства от отъезда» с острова, который, по его глубокому убеждению,

6 Там же. Л. 168.

7 Там же. Л. 148.

8 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3451. Л. 490.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2546. Л. 239.

10 АВПРИ. Там же. Л. 250.

11 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3451. Л. 491.

12 С.Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 208.

Канея. Сторонники принца Георга, вооруженные дубинками

Иоаннис Михелиудакис с сыном

состоялся «вопреки мольбам большинства населения». Греческое население встретило королевича более чем прохладно. А вот назначение А. Замиса верховным комиссаром держав на Крите очень одобрило¹³.

После скоропалительного отъезда принца остров находился в ожидании смены властей. В донесении российского посланника из Афин 13 сентября 1906 г. говорилось: «Раллис показал только что полученные письма трех представительных депутатов Крита, в которых они спрашивают его совета, не настало ли время ввиду анархии на острове поднять общее восстание, встать в ряды повстанцев. Этот крик не мог не отозваться в моем сердце, — говорил Раллис, — как не останется никогда чуждым или ослабленным для каждого грека стремление к присоединению Крита к королевству».

«Оставаясь лояльным в моей политике и верным обещанию, данному державам, — заключал Раллис, — я и теперь, как и вчера, и завтра, отвечаю на такие письма: терпение, умеренность и вера в лучшее будущее, о котором заботятся ваш верховный комиссар и великие державы»¹⁴. В субботу 16 сентября, как писал капитан Федоров, «в Канеи и окрестностях наступило значительное успокоение вследствие отъезда принца, благодаря произведенным арестам и усилению гарнизона»¹⁵, а также благодаря совету премьер министра Греции Д. Раллиса из Афин.

Так закончился этот «несчастный режим» принца и начался новый период в истории автономного Крита. «Несчастливым» этот режим оказался не только из-за персональных неудач принца Георга, который был неопытным политиком и неважным дипломатом, но в основном из-за отсутствия четкой цели его режима на острове, которую бы поставили великие державы. Ведь задача, которую преследовали великие державы в этот период — умиротворение острова, — не совпадала с интересами христиан Крита. Кроме того, либеральная оппозиция не могла примириться с авторитарным стилем управления принца. Представители оппозиции теперь были ориентированы все больше и больше на западноевропейские ценности, и влияние монархической России на острове им претило. Вскоре великие державы наконец то начали четко понимать, что единственным решением критского вопроса может быть лишь присоединение острова к Греции.

13 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2546. Л. 247-249, 257об.

14 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2543. Л. 324.

15 РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3451. Л. 492, Д. 2543. Л. 209.

А. Заимис и русские войска

После скоропалительного отъезда принца с Крита остров находился в ожидании смены властей. Греческий король Георг I одобрил кандидатуру нового верховного комиссара великих держав на Крите Александра Заимиса, который уже дважды занимал пост премьер-министра Греции. А. Заимис, в отличие от принца, был опытным человеком и «потомственным политиком», (что не редкость в Греции). По словам британского посланника в Афинах Ф. Эллиота, «Заимис был молчалив, но быстр в решениях, при этом не был так активен, как принц», т. е. был умен, опытен и предсказуем¹.

Российский поверенный в делах в Афинах просил капитана «Донца» Федорова отправиться на Милос в воскресенье 17 сентября для доставления в Канею нового верховного комиссара. В Суде состоялось совещание командиров иностранных судов, на котором был выработан церемониал встречи Заимиса — поднятие критского флага, салют и прочее. 17 сентября на Милосе встретились «Донец», английский минный крейсер «Бэхэм», итальянский миноносец «Пелликан» (лодка «Говерноло» не могла участвовать в церемонии вследствие малого хода), французский миноносец «Фако». Против ожидания, греческая яхта «Сфактория» под критским флагом пришла лишь около 8 утра 18 сентября. Состоялось представление капитанов новому верховному комиссару держав, затем Заимис сообщил, что пойдет далее на Крит с капитаном «Донца» как со старшим из командиров иностранных судов. На «Донце» был поднят критский флаг и суда, как описывал впоследствии Федоров, «выстроились по старшинству командиров и следовали его движениям, проявляя полную корректность друг к другу». В полдень 18 сентября они прибыли на канейский рейд. Прибывшие на «Донец» консулы держав покровительниц приветствовали нового верховного комиссара, позже, когда катер ушел на берег, был произведен салют. На рейде стоял английский броненосец «Куин» под командованием капитана Белли и итальянская лодка «Говерноло». Федоров позже писал в рапорте в Главный морской штаб, что он лично не сомневался, «что броненосец «Куин» прибыл в Канею с целью верховодить во всех выше изложенных обстоятельствах, но опоздал». Убрав ставленника России, Великобритания намеревалась активизировать свою политику через своего протеже — А. Заимиса. По приходе на рейд к русскому командиру «Донца» даже не был послан английский офицер с вновь прибывшего судна для поздравлений, как было принято. На другой день при встрече в конаке, где командиры судов представлялись новому верховному комиссару, капитан Белли извинился «в этом упущении, не приводя веские доводы». Федоров думал, что скорее это было сделано по недосмотру, но тем не менее заявил английскому капитану, что с визитом у него как у старшего теперь также не будет, так как уходит в Суду².

Прибывший на смену принцу верховный комиссар Крита А. Заимис немедленно приступил к внедрению на острове

реформ, выработанных международной финансово-административной комиссией держав покровительниц³. Для успеха реформ необходимо было справиться с анархией. Прежде всего, было разрешено всем зачинщикам восстания на Крите покинуть остров. 17 октября 1906 г. российский консул телеграфировал Урбановичу: «Главные зачинщики последнего восстания сядут, возможно, в Ретимно на пароход «Фессалия», чтобы убраться в Грецию, и в этом им не следует чинить никаких препятствий, пусть уходят. Если их проезд послужит поводом к манифестациям, то местных следует наказывать для примера». После их отъезда консул приказал Урбановичу снять всякий контроль на таможне в Ретимно. Итальянцы же хотели сразу после прибытия А. Заимиса на Крит отозвать с острова все свои войска. Англичане, французы и русские решили задержаться из-за тревожного положения дел на острове⁴.

В октябре Национальная ассамблея продолжила свою работу и приняла проект реформ, изложенных великими державами в нотах от 10 июля и 1 августа 1906 г. Ассамблея внесла соответствующие изменения в конституцию Крита, которая была опубликована в феврале 1907 г. Главными изменениями и дополнениями были следующие:

1. Православная религия объявлена господствующей на острове.
2. Палата депутатов Народного собрания состоит впредь только из выборных членов.
3. Выборы производятся каждые три года, но палата собирается ежегодно на два месяца.
4. Законы, принятые палатой на двух последующих сессиях, не требуют утверждения комиссара.
5. Комиссар не может объявлять военное положение.
6. Крит разделяется на пять департаментов: Канея, Ретимно, Кандия, Сития, Сфакия.
7. По одному суду первой инстанции располагается в каждом департаменте, апелляционные — в Канее и Кандии.
8. Председатель, прокурор и по два члена в апелляционных судах могут быть греческой национальности и состоять на службе в Греции.
9. Верховный комиссар назначает и смещает кадиев. Верховный комиссар, все чиновники и кадий перед вступлением в должности должны принести присягу на верность критскому государству (конституции и верховному комиссару)⁵.

В ноябре произошла смена русских войск. 19 октября 1906 г. начальник штаба Одесского военного округа известил Урбановича, что шесть рот 13-го стрелкового полка выходят через три дня на Крит из Одессы, а он во главе двух рот Виленского полка должен готовиться к возвращению в Россию.

Греки устроили самые теплые проводы уходящим в Россию ротам во главе с К. Урбановичем. В телеграмме председателя Народного собрания Крита Михелиудакиса высказывалась благодарность Урбановичу «за те великие услуги и благодеяния, которые он, исполняя столь сложные и трудные обязанности, оказал Криту, находившемуся в чрезвычайно затруднительных

1. Holland R. The Prince, The Powers and "The unfortunate regime"... P. 42; Miller W. A History of The Greek People... P. 113.

2. ПИАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3451. Л. 493-494об.

3. Alastos D. Venizelos... P. 54.

4. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2546. Л. 247; ГАК. Там же. № 130. Л. 503.

5. С. Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 208.

Прибытие Александра Заимиса на Крит

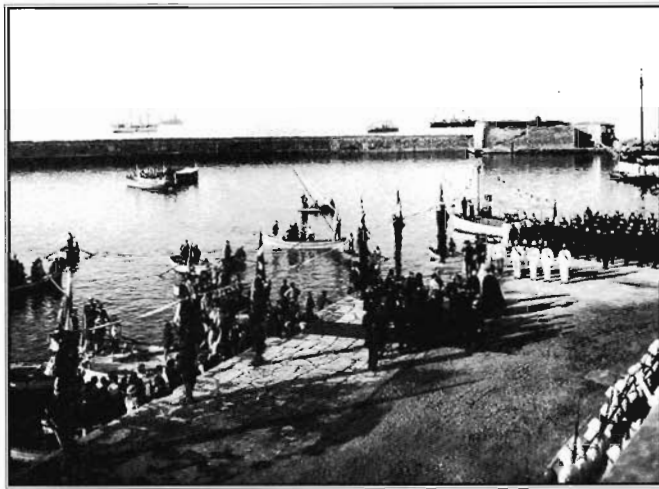
условиях». Урбанович отвечал: «Глубоко тронут чувствами Критского собрания, выраженными в Вашей телеграмме. Я чрезвычайно счастлив, что, исполняя инструкции, данные мне моим правительством, мне удалось способствовать упрочению благоденствия Вашего отечества, с которым меня связывает столь много приятных и симпатичных воспоминаний». Урбанович всегда четко исполнял приказания русского правительства, поддерживавшего принца Георга, и пользовался огромным авторитетом у его сторонников.

На пристани собрались проводить русские войска префект, муниципальный совет, вице консулы и консульские агенты, депутаты мусульман г. Ретимно, наконец многочисленные знакомые без различия партий, вероисповедания и положения. Мэр города преподнес Урбановичу адрес от муниципального совета и серебряную вазу от ретимской коммуны. Другой адрес был от мусульман ретимской провинции. «Вообще проводы носили простой задушевный характер», — записал в своем последнем рапорте Урбанович.

Путь батальона 52-го пехотного Виленского полка лежал из Ретимно сначала в Суду, а затем, на пароходе РОПиТа «Царь», взявшем курс сначала в Россию в Одессу, а затем в г. Феодосию, где был расквартирован их полк. В Одессе войска получили похвалу от командующего войсками Одесского округа генерала от кавалерии барона Каульбарса «за прекрасную службу на о. Крит». Последние строчки дневника, подписанного Урбановичем, сообщали: «В батальоне ко времени его прибытия в Россию больных нижних чинов не было»⁶.

29 октября в Ретимно выгрузились на берег шесть рот 13-го стрелкового полка во главе с полковником М. Рошковским. В тот же день полк был размещен в казармах, за исключением 7-й и 8-й рот полка, которые затем отправились в Канею на смену находящимся там двух рот.

Новый начальник русского отряда на Крите полковник М. Рошковский, по отзывам, был очень скромным и порядочным

Прибытие Заимиса на Крит в сопровождении К.Маноса, М.Кундурса и других. 18 сентября 1906 г.

человеком, обладавшим незаурядными организационными способностями. Он очень быстро освоился в Ретимно и завоевал всеобщее уважение и даже любовь горожан.

В состав 13-го стрелкового полка входили: подполковники Поповиченко, Билинский, фон Ланге, капитаны Азарьев, Колесников, Посохов, Кузьмин, Загорский, Терновский, Голубов, Шахин, штабс капитаны Головин, Бреслер, Завиша, Индиев, Милеант, Добрянский, а также девять поручиков, четыре подпоручика, два прапорщика и 905 нижних чинов. Прибыли с полком старший врач Кедров, священник отец Стефан Сченснович и несколько прикомандированных штатских⁷. Для размещения полкового оркестра, учебной команды, складов и цейхгаузов были сняты дома у частных лиц ввиду недостатка помещений.

«Казармы найдены в весьма плохом состоянии, — докладывал Рошковский. — Полы прогнили до того, что при мойке полов на верхнем этаже вода протекает в первый этаж. При ходьбе наверху пыль сыплется в нижний этаж. Лестницы и перила еле держатся, рамы в окнах прогнили до того, что щели между рамами и оконными коробками в вершок. Нары и топчаны почти все неисправны и в недостаточном количестве и не передаются, как казарменное имущество, а продаются сменяющим их частям, хозяйственные постройки в грязном запущенном виде. Столовой и конюшней служат старые деревянные сараи, которые в дождливую погоду протекают. Для складов провианта и для цейхгаузов помещений не имеется. Приходится нанимать частные дома. Все приводится в порядок пока на хозяйственные суммы полка»⁸. В Канею был поднят русский флаг на батарее. Русские солдаты стояли на карауле в таможене, осматривали приходящие грузы, стараясь не допустить ввоза оружия. Русские солдаты также несли ночью караульную службу у дверей кассы на таможене, стояли в карауле у тюрьмы «Фирка». В Канею роты были размещены в двух отдельных, но очень тесных помещениях, как и в Ретимно. Рошковский осматривал помещения и огорчался: «Кухня, хлебопекарня найдены в полуразрушенном состоянии — очаг и печи

6 ИАК. Д-16. № 130. Л. 506-510.

7 ИАК. Д-15. № 20.

8 Там же. № 129. Л. 513.

Канея. Александр Заимис (стоит в центре)

полуразрушены. Казармы расположены на бастионе, который с трех сторон оканчивается крупной обрывистой стеной саженной в 10 высоты. На обрыве имеются полуразрушенные перила, которые при прикосновении к ним падают». Рошковский первым делом распорядился обнести бастион проволоочной изгородью для предупреждения несчастных случаев. В Канею он представился новому российскому генеральному консулу молодому энергичному дипломату Б. П. Пелехину, А. Заимису и всем столичным властям, а также начальнику канейского гарнизона французскому полковнику Любанскому и, конечно, консулам великих держав. Затем он осмотрел критскую жандармскую команду, которая была в полном порядке, и представился начальнику критской жандармерии подполковнику Отфиновскому.

В конце ноября 1906 г. русские войска в Ретимно посетил (на миноносце № 212) российский консул и передал Рошковскому новые инструкции по военному отрядному суду. 6 октября 1906 г. преступления политического характера были изъяты из компетенции военных судов. В случае спора вопрос о передаче дела решал совет консулов. Зная о приезде русского консула в Ретимно, взбунтовались арестанты в местной тюрьме, и их перевели в казематы в крепость. С 31 октября новым комендантом г. Ретимно был назначен капитан Азарьев.

3 ноября 1906 г. было опубликовано решение консулов держав покровительниц: «Агенты Англии, Италии, Франции и России

на Крите по приказанию своих правительств на меморандуме, приложенном к ноте от 9 октября 1906 г., имеют честь донести до сведения его превосходительства главного комиссара решение держав покровительниц.

1. Державы даруют полную амнистию всем, осужденным военным и международным судами, за участие в беспорядках 12 сентября 1906 г.

2. Дают верховному комиссару право даровать свободу содержащимся в тюрьмах по этой категории.

3. Не подлежали амнистии виновные в уголовных преступлениях (против каваса русского генерального консульства Матиудак и унтер офицера русской императорской армии Дергачева).

4. Разрешили Заимису воспользоваться правом помилования и в отношении жандармов дезертиров или за политические преступления.

5. Четыре державы изъяли из компетенции военных цензуру как журналов, так и телеграмм (надзор за общественной таможней был снят раньше), и ограничили компетенцию военных судов разбором преступлений, направленных только против международной власти гражданской и военной, а также иностранных сухопутных и морских войск и только по распоряжению генеральных консулов.

6. Международные военные суды прекращали применение закона о разоружении к концу 1906 г., если верховный комиссар

сочтет это возможным в отношении безопасности общественно-го порядка.

7. В отношении мусульман компетенция военных судов прекратится тогда, когда будет создан самостоятельный критский суд»¹⁰.

В декабре 1906 г. итальянские офицеры, стоявшие во главе критской жандармерии, постепенно начали заменяться греческими офицерами. Так, первый греческий офицер прибыл 4 декабря в Ретимно для заведования критской жандармерией и был радостно встречен населением — музыкой и громкими приветствиями. Итальянцы готовились к отправке на родину. Создание национальной милиции было дальновидным шагом держав, направленным к союзу Крита с Грецией.

Обстановка в самих международных войсках в этот период была самая дружественная. Начальник гарнизона Канеи и командующий международными войсками канейского сектора французский полковник Любанский пригласил русских офицеров участвовать, «с целью взаимного сближения», на сообщениях иностранных офицеров в течение зимнего времени. Русские войска продолжили в режиме мирного времени учебные стрельбы, рекогносцировку местности и другие занятия. По случаю тезоименитств особ императорского дома служились в главных соборах Ретимно службы, как раньше, архиепископом ретимским и полковым священником. Но Заимис, которого ждали все, так и не появлялся на этих мероприятиях. Перед церковью проходило парадное построение морской команды канонерской лодки «Хивинец» под командованием капитана 1 го ранга Шмидта¹¹. Опять устраивались солдатские спектакли и семейные вечера в офицерском собрании, куда приглашались и граждане Ретимно. В Канее проходили также молебны, на которых присутствовали представители международных войск.

Прошел слух о присылке на Крит из России 300 новобранцев. Консул решил протестовать, так как «присылка новобранцев, т. е. усиление нашего отряда на 500 человек, без предварительного обсуждения этого вопроса дипломатическим путем, может вызвать неожиданные недоразумения во внешней политике». При этом необученные новобранцы были бесполезны в случае каких либо волнений. «Ведь русский отряд на Крите должен представлять из себя исключительно боевую силу, годную к выполнению боевых задач, что совершенно не вяжется с видом наших необученных молодых солдат, могущих повлечь даже ложные толкования о нашей армии», — писал Пелехин. Кроме того, быстрое обучение было невозможно в полном объеме, так как летние месяцы из за жары выпадают. Сами военные также считали, что больше 965 человек солдат на Крите держать нельзя, можно прислать только такое количество, какое будет с тем же пароходом отправлено обратно в Россию. Ввиду желательности оставить на острове старослужащих, начальник русского отряда просил прислать 160 молодых солдат и 50 человек без замены, до числа 960, разрешенного Главным штабом. Вскоре в Ретимно прибыла канонерская лодка «Хивинец», и был отслужен молебен по случаю ее благополучного прибытия на Крит. После скоростной кончины полковника Любанского пол-

ковник Рошковский должен был стать на его место, но отказался ехать в Канею из за болезни тифом своего сына. В дневнике для начальства он, однако, записал: «Отказался от предложения больше потому, что не мог оставить свой сектор без наблюдения». Обязанности французского полковника по решению совета консулов передавались русскому подполковнику Отфиновскому, несмотря на протесты иностранцев, не желавших подчиняться жандармскому офицеру. Консул отстаивал честь русской армии, так как Отфиновский был старшим по чину в Канее¹².

Международный отряд скорбел по поводу смерти Любанского как никогда искренне, так как он вызывал всеобщее уважение и симпатию. Рошковский писал, что утрата эта была ощутимой не только для французов, но и для русского отряда. «Высокообразованный, известный своими трудами в области военной литературы, энергичный, неутомимый, он при всей своей корректности к прочим национальностям, выказывал не только на словах, но и на деле свои особые симпатии к русским. Запомнились приглашения русских унтер офицеров, вместе с французскими, на музыкальный вечер, на собственную квартиру, предложения совместных конкурсов по стрельбе и маневрированию, которые свидетельствовали об искреннем его стремлении к сближению представителей двух дружественных наций, что соответствовало и влечению даже нижних чинов, которые наносили дружественные визиты в казармы и вели дружбу»¹³.

Всего к началу 1907 г. на острове оставалось: итальянцев — 327 человек, французов — 750, англичан — 817, русских — 960 человек. Весной 1907 г. новый генеральный консул в Канее Б. П. Пелехин настойчиво рекомендовал значительно сократить «дорогостоящий» русский отряд, вслед за Францией и Италией¹⁴. Деятельность международных сил на острове носила все более мирный характер и подвергалась строгим ограничениям. Так, совещание консулов держав покровительниц по соглашению с верховным комиссаром острова Крита выработали правила о действиях международных отрядов во время выборов в Народное собрание, назначенных на 27 мая.

16 мая 1907 г. Рошковский получил от коменданта Канеи инструкции относительно подготовки и образа действий интернациональных отрядов при выборах в случае возникновения беспорядков в Канее или окрестностях. Управляющий российским императорским консульством в Канее, в свою очередь, направил письмо Рошковскому с подробным изложением правил о действиях международных отрядов во время предстоящих 27 мая выборов депутатов палаты, выработанных на совещании консулов держав покровительниц Крита и согласованных с Заимисом.

В «Инструкции ротным командирам на случай вызова войск для усмирения беспорядков на острове в день выборов 27 мая» подчеркивалось, что «международные войска не имеют задачей оказывать содействие в полицейских мероприятиях в нормальное время и начнут действовать только в случае серьезных беспорядков», если критская жандармерия окажется бессильной их подавить. Международные силы могут принять участие в подав-

10 ИАК. Д-16. № 127. Л. 518-519.

11 Там же. № 125. Л. 520, 523.

12 Там же. Л. 524.

13 Там же. Л. 526-527.

14 ИАК. № 222. Д-16. Л. 140; АВРИ. Ф. Политархив. Д. 2542. Л. 178; Там же. Д. 2502. Л. 245-246.

лении беспорядков только по решению четырех генеральных консулов, получая каждый раз указания своих начальников экспедиционных отрядов. Действия международных войск были ограничены защитой личности и имущества и поддержанием порядка в центрах населения, избегая, насколько возможно, углубления в страну. Накануне выборов Рошковский совершил поездку внутрь сектора вместе с командирами рот и начальником охотничьей команды «ввиду предполагаемой экспедиции отряда во время выборов депутатов палаты»¹⁵.

Выборы депутатов палаты прошли в назначенный день совершенно спокойно, но войска (все офицеры и солдаты) оставались в казармах в полной боевой готовности, писал полковник Рошковский. Была получена даже конфиденциальная инструкция на случай применения оружия (приказ №25/9). К вечеру офицеры получили разрешение отлучаться из казарм, так как обстановка в столице Крита, даже несмотря на манифестации победителей на выборах, была очень спокойной.

30 и 31 мая с канонерской лодки «Хивинец», стоящей в Суде, в день судового праздника отправился оркестр и некоторые из офицеров полка для присутствия на празднике в Канее. Прибывший накануне в Канею полковой оркестр 13-го стрелкового полка играл для нижних чинов на бастионе канейского отряда, затем вечером два часа играл в городском саду, куда стекались офицеры и нижние чины интернациональных войск, а также городские жители, извещенные полковником Деларю, начальником гарнизона¹⁶. Судовой праздник пришелся как никогда кстати. Город и войска праздновали успешное проведение и окончание выборов в новый парламент, а венизелиты — свою первую настоящую победу.

В мае русские солдаты несли караулы на острове у входа в Судскую бухту возле интернациональных флагов.

В июне открылась сессия парламента, которая как всегда началась с объявления о присоединении острова к Греции, но серьезных политических последствий эти заявления уже не имели.

В октябре верховный комиссар Крита А. Заимис отправился на русской канонерской лодке «Хивинец» в инспекционную поездку по Криту и 3 октября посетил русский экспедиционный отряд в Ретимно. В 11 часов утра полковник Рошковский прибыл на «Хивинец» для приветствия верховного комиссара. На пристани был выстроен почетный караул в составе одной роты в 24 ряда и оркестр. Подъехав к пристани на катере с «Хивинца», верховный комиссар прошел по фронту караула, а затем караул

прошел церемониальным маршем перед ним. В течение дня состоялся официальный завтрак у командира русского отряда Рошковского. Роты и оркестр были построены на Скрыдловской площади. При подходе верховного комиссара оркестр играл «встречный марш», а при прохождении его по фронту — греческий (он же — критский) гимн. Затем Заимис обошел полковые казармы и службы и остался доволен увиденным, что неоднократно затем повторял во время официального обеда в офицерском собрании в его честь. Заимис не отказал русским офицерам в удовольствии сняться на память среди офицеров «такого славного полка». И отбыл далее в Кандию, где размещались англичане.

Реформы, проведенные под руководством А. Заимиса, были весьма успешными. Принятая в 1907 г. конституция Крита, несколько смягчила обстановку на острове и сильно наклонила весы в пользу греков. В марте 1907 г. было завершено формирование критской национальной милиции. С видимым удовольствием Заимис говорил русскому посланнику в Афинах в марте 1908 г. «о господствующем спокойствии» в политической жизни Крита и заметных успехах, «достигнутых им по всем отраслям управления». Однако по-прежнему заветной мечтой критского населения, по его словам, было «отозвание международного отряда». При этом если великие державы говорили о постепенном выводе войск, то А. Заимис скорее имел в виду единовременный акт¹⁷.

Реформы подготовили почву для ухода иностранных войск с Крита, и вскоре договоренность с державами об эвакуации иностранных войск была достигнута, о чем Заимис объявил в мае в Народном собрании. Консулы поставили условие, что критские власти обеспечат на острове порядок и завершат формирование милиции¹⁸.

Решение об эвакуации с Крита великие державы приняли еще до младотурецкой революции в мае 1908 г. В обращении великих держав говорилось, что они дали Криту автономию в 1899 г., расширили ее в 1906 г., а теперь жизнь вошла в нормальную колею и европейские войска могут покинуть Крит. Они отзовут поэтапно свои войска с Крита до 1 июля 1909 г.

В январе 1908 г. на Крите оставалось все еще более 1750 миротворцев, из них: 500 англичан (60 в Канее, остальные — в Кандии); 500 французов в Канее и Суде (летом французский сектор будет очищен полностью); 250 итальянцев в Канее (итальянский сектор будет очищен еще раньше); русских — 500 человек (в Ретимно 1-я, 2-я, 6-я роты, в Канее — 4-я рота 13-го стрелкового полка)¹⁹.

15 ИАК. Д-16. № 194. Л. 529-530.

16 Там же. Л. 533.

17 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 284, 290, 306.

18 Chester S. Life of Venizelos. P. 124.

19 ИАК. Д-15. № 18.

Вывод международных сил с Крита

В соответствии с планом 1 июля 1908 г. началась эвакуация международных отрядов, которая должна была закончиться через год. Русские войска также начали подготовку к эвакуации. Одесская таможня дала право беспрошленного провоза имущества, принадлежащего русскому отряду. 11 июля М. Рошковский получил от командующего войсками Одесского военного округа барона Каульбарса телеграмму с приказом «немедленно изготовиться к отправке 13 го июля штаба полка с двумя ротами, всего 448 стрелков, согласно предположениям 492». Уже на следующий день 14 июля началась погрузка отряда на пароход РОПиТа «Игорь». За пять часов до отправки на пристани собрались провожающие: власти города Ретимно, иностранные консулы, критская милиция, жандармерия и многочисленные жители города и окрестностей. Депутация Ретимно во главе с мэром и президентом городского совета преподнесли М. Рошковскому диплом почетного гражданина г. Ретимно и в своих речах теперь именовали его не иначе как «согражданин». В постановлении муниципального совета Ретимно выражалась глубокая благодарность за «благородные чувства и ревностную деятельность главного начальника уважаемого г на Рошковского, мудрое управление и выдающиеся административные способности, которые были причиной безупречного поведения 13 го стрелкового полка, высоко державшего знамя солдатского достоинства». В дипломе гражданину Ретимно также говорилось о признательности горожан «за примерное поведение русского войска во время всего пребывания в нашем городе». В нем были и такие теплые слова: «Будьте убеждены, господин полковник, что, несмотря на необъятность разделяющих нас морей, Ваше необыкновенное благородство и приветливость останутся навсегда в нашей памяти. Наши, всегда искренние пожелания будут всюду следовать за Вами, и Ваше счастье будет здесь отраженной радостью для Ваших сограждан». И подпись: «В надежде, что и в своей родной стране Вы также не перестанете относиться с тем же чувством признательности к нашей стране». Граждане общины Ретимно преподнесли ему ценные подарки: копию бюста Гермеса работы Праксителя из мрамора и другие. Затем полковник Рошковский со штабом 8-й роты и учебной командой в составе 3 штаб офицеров, 6 обер офицеров, 1 врача, 3 чиновников и 230 нижних чинов на пароходе «Игорь» отбыли в Пирей, где перегрузились на пароход РОПиТа «Королева Ольга», а затем через Константинополь отправились на родину. В Одессу они прибыли 20 июля 1908 г.¹ Несмотря на значительное сокращение войск, оставшиеся русские военные силы в течение года несли обычную караульную службу, проводили различные учения — стрельбы, ротные строевые занятия, учения по пехотному и инженерному делу, изучали сигнализацию, занимались гимнастикой, повторением воинского устава, совершали длительные военные прогулки. 1-я рота, стоявшая в Ретимно, под командованием капитана Голубова совершила поход вглубь острова для ознакомления с южной частью русского сектора по маршруту Ретимно — Арменос — Коксары — Превилис — Ардактос —

долина р. Платинопаменос — Соматос — Генна — долина р. Ставроменос (Платанос) — Ретимно. В течение 10 часов марша было пройдено около 90 верст с переходом горы Кедрион (Кедрос) на высоте более 500 метров над уровнем моря².

Постепенно силы подтягивались ближе к Канею, т. е. к пункту последней дислокации. Так, в сентябре 1908 г., когда спала жара, сначала 4-я рота, а затем и 6-я в составе 72 стрелков под командой капитана Терновского выступила на новую стоянку в Канею по маршруту Ретимно — Вамос — Георгиуполис — Канея. Русские роты были очень радушно встречены иностранными отрядами и критской милицией. Встречали во главе с начальником интернациональных войск французским полковником Деларю. В казарме критской милиции был заранее приготовлен завтрак для русских солдат. По пути следования по городу к месту дислокации — на бастионе Кум Капу — русских солдат приветствовали все иностранные отряды — итальянский и французский. Французская рота передала русской свои казармы в идеальном состоянии. Был приготовлен праздничный стол с вином, играл французский оркестр. Однако в пространном отчете нет ни слова об отношении местного населения к войскам, как это было до 1905 г.

На последнем этапе эвакуации войск из Ретимно, которая началась в январе 1909 г., М. Рошковского на посту начальника русского отряда сменил полковник С. Войцеховский. 11/24 января 1909 г. 4-я и 6-я роты получили приказ вернуться в Одессу. На этот раз ротам готовились еще более торжественные проводы, которыми руководил исполнительный комитет критского правительства. На прощание на кладбище в Ретимно, где было похоронено из русского отряда на православной части 53 человека, на католической — 18 человек, а также на магометанской один и два на еврейской, была отслужена общая панихида по всем чинам русского экспедиционного отряда, похороненным на Крите. Богослужение провел отрядный священник отец Стефан Сченснович, присутствовали все чины отряда, врач, сестра милосердия и вице консул Хаджигригоракис. После пения «Вечная память» под звуки «Коль славен» роты произвели три залпа холостыми патронами, «чем почтили вечную память оставляемых, быть может, навсегда, своих войсковых товарищей однополчан в г. Ретимно». Все могилы были переданы на попечение вице консула. Затем состоялся официальный обед у мэра, где русский отряд благодарил за все сделанное им на острове на протяжении 11 лет³.

На следующий день в казармах был отслужен напутственный молебен, и солдаты приступили к погрузке на пароход имущества. Затем все постройки — двухэтажная казарма с подвальным помещением, флигель с кухней, караульные помещения, околотов, прачечная, кузница, канцелярия, склады патронов, керосина, деревянная на каменном фундаменте столовая, отхожие места — в полной исправности и чистоте были переданы по акту мэру города.

На австрийском пароходе, который по договору, составленному под руководством агента компании, по совместительству (или наоборот) английского вице консула Трифили, часть отряда и имущества отправилась в Канею. Отплытие состоялось в полночь 17 января, но тем не менее на пристани собралось большое число горожан проводить русский отряд. Проводы были несколько сомканы, но носили искренний и дружелюбный характер —

1 ИАК. Д-15. № 48.

2 ИАК. Там же. № 60.

3 ИАК. Там же. № 13.

ведь критяне связывали с эвакуацией войск немедленное присоединение острова к Греции. Мэр Ретимно сказал: «Не день и не год, а одиннадцать лет русские войска провели среди нас, и мы все всегда жили, как настоящие братья». Город Ретимно широко пользовался вашими благодеяниями всякого рода и навсегда сохранит нежные и самые искренние воспоминания о русской армии, которая в мрачные времена ему оказала столько действительно искреннего покровительства и дружбы». Сафтер Клапсаракис, а затем член Исполнительной комиссии Минос Петихакис отметили гуманные чувства, заботу о поддержании общественного порядка, проявленные русскими войсками, «сглаживание ненависти рас и религий и, наконец, великодушие русского солдата и народа». С. Войцеховскому были вручены властями Ретимно ценные подарки, в том числе серебряный ятаган. В ответ Войцеховский пожелал, чтобы «Ретимно, да и весь Крит, стали такими же благополучными местами, как во времена Гомера»⁴. В эти дни Э. Венизелос от имени критского правительства обратился к генеральному консулу России с письмом, в котором выражал «глубокую признательность всего критского населения русскому народу за участие, принятое ими в судьбе единоверцев критян, и за 11 лет службы русских войск, способствовавших делу цивилизации и свободы». По просьбе российского генерального консула, чтобы «избегать неловкости в торжественный момент отхода войск после 11 летнего пребывания в наилучших отношениях и братской дружбы с населением», Венизелос прислал в Ретимно своего представителя, выступившего с надлежащей речью. И русские, и греки следили за тем, чтобы кто нибудь из выступавших «лишнего не наговорил». Особенно российский генеральный консул боялся, что начальник русского отряда С. Войцеховский, «растроганный торжественностью обстановки... присоединится к каким либо их (греков) несвоевременным заявлениям, придав им, таким образом, официальный характер». Русские силы во главе с Войцеховским теперь оставались лишь в Канее. Таким образом, Россия первая выполнила соглашение по эвакуации войск. После младотурецкой революции весной 1908 г. многие обозреватели в Европе отмечали, что появление у власти младотурок может не только изменить положение вещей на Крите, но «повлечь за собой многие затруднения во взаимной заинтересованности держав»⁵. И они были правы!

Младотурецкая революция 1908 г. и соглашение между Турцией и Австро Венгрией по вопросу о Боснии и Герцеговине, полная независимость Болгарии во многом изменили картину международных отношений на Балканах, в том числе вызвали новый подъем национально освободительной борьбы на Крите, который происходил на фоне эвакуации международного контингента. Автономный Крит поначалу отнесся с большим уважением к революции в Турции и был уверен, что младотурки покончат со всякой атрибутикой оттоманского сюзеренитета⁶. Но произошедшие вскоре события не оправдали ожиданий!

Вывод международных войск происходил в соответствии с коллективной нотой великих держав от августа 1906 г. и начался в январе 1908 г. Генеральный консул России на Крите Б. Пелехин с беспокойством наблюдал за реакцией большинства критского греческого населения на вывод международных войск

Французские моряки с броненосца «Фако» на Крите в 1909 г.

с острова. С планируемым окончательным уходом войск великих держав с Крита и заменой их греческими силами эллинизм связывал окончательное решение вопроса о присоединении острова к родине матери Греции. Так, еще в конце сентября 1908 г. Пелехин передавал, что в Канее состоялся 10 тысячный митинг, на котором была принята резолюция о присоединении острова к Греции. Резолюция была сообщена европейским консулам и королю Греции. На титуле главной критской газеты появилась надпись: «греческое государство». Такая реакция была спровоцирована самими великими державами, которые весь 1908 г. не переставали давать Греции успокоительные и благосклонные обещания по поводу присоединения Крита, связывая их лишь с сохранением критянами порядка на острове. Такие обещания делались даже непосредственно греческому королю во время его путешествия в 1908 г. по Западной Европе.

Греция обращалась ко всем европейским державам с просьбой взять на себя инициативу в деле окончательного решения критского вопроса. Премьер министр Греции Теотокис с оптимизмом передавал разговор посланника Греции в Петербурге

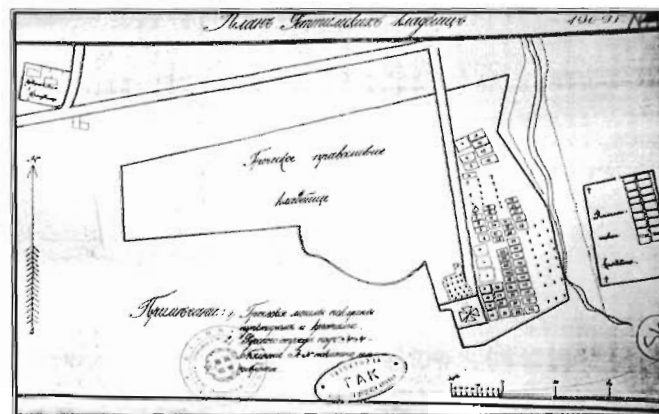

Схема Ретимского кладбища

4 ИАК. Там же. Д 15. № 13.

5 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 287, 291, 321, 294об, 309, 326об.

6 Foster E. S. A Short History of Modern Greece. 1821 1940. L., 1940. P. 43 44.

с МИДом России по поводу присоединения острова. Затем просьба была обращена к Франции, которая всегда весьма сочувственно относилась к интересам Греции, а теперь во главе правительства был искренний эллинофил Ж. Клемансо⁷. Парижский кабинет давал эллинскому правительству особо теплые заверения. Позже Греция получила еще раз от французских и английских кругов заверения, что переговоры держав с Турцией могут начаться тотчас же после созыва предполагаемой международной конференции по Балканам. Даже Германия обещала оставаться «сторонним наблюдателем» событий на Крите⁸. Все это чрезвычайно ободряло греков, и в высших сферах велись частные разговоры о подробностях самой передачи острова греческому королю.

Но успокоительные заверения держав лишь ненадолго успокоили греков, и политическое положение как на Крите, так и особенно в Греции продолжало оставаться серьезным. Пока А. Заимис вел переговоры в Афинах, очередная сессия критского парламента вотирует постановление о присоединении Крита к Греции. Затем критское правительство, милиция и жандармерия присягнули на верность греческому королю и греческой конституции. Чуть позже, в октябре 1908 г., критская палата депутатов сообщила об этом греческому правительству, избрала новое правительство Крита, назвав его Исполнительным комитетом. В его состав вошли председатель — Михелидакис и четыре члена — Венизелос, Пологеоргис, Логонадис и Петихакис⁹. Эллинское правительство вновь обратилось к державам-покровительницам Крита с ходатайством об ускорении переговоров о дальнейшей судьбе острова.

Россия и Англия считали, что если принять французскую программу, то Крит сразу присоединится к Греции. Грекам было ясно, что державы в этом им мешать не будут, но греческому населению в Османской империи будет грозить всеобщий бойкот со стороны мусульман, «но перед этим ни греки, ни критяне не остановятся и будут сожалеть, задним числом, что так долго слушались советов Европы, без которой, в конце концов, обошлись». «Таким образом, — заключал российский посланник в Афинах Ю. Н. Щербачев, — только полное присоединение могло бы удовлетворить греков. При других комбинациях и греки, и критяне, вероятно, не согласились бы сообразовываться далее с указаниями держав»¹⁰. Так и произошло позже.

Греция, безусловно, опасалась, что критский вопрос будет снова отложен на неопределенное время из-за нерешительности держав и разногласий между ними. В декабре 1908 г. новый генеральный консул А. Ф. Шебунин также передавал из Канеи, что «стоит критянам убедиться, что решение их жизненного вопроса отложено на неопределенное время или встретило какие-либо задержки, как они немедленно ответят на это внушительными демонстрациями, за которыми не преминут последовать серьезные беспорядки»¹¹.

Зимой 1909 г. Ю. Н. Щербачев писал министру иностранных дел России А. П. Извольскому, что со времени передачи греческому королю великими державами ноты, приблизившей присоединение острова к Греции, прошло три года. В международной политике Греция, как в отношении критского вопроса, так и в Македонии, вела себя безукоризненно и самым чистосердечным образом стремилась воздействовать на критян, чтобы те сохраняли спокойствие и благоразумие. Щербачев не раз в своих депешах министру Извольскому за 1909 г. отмечал образцовое поведение греческого правительства, которое несмотря на все разочарования, постигшее греков, «продолжало внушать как критянам, так и грекам терпение и благоразумие». В афинской печати также постоянно появлялись статьи успокоительного содержания и перепечатывались целые столбцы из европейских газет с благожелательными в отношении критского вопроса советами¹².

До созыва обещанной международной конференции по балканским делам министр иностранных дел Греции Балтаджи обещал еще некоторое время обеспечивать «до поры до времени» сохранение прежнего спокойствия как на Крите, так и в Греции». В это время в Пирее находилось более 1 тыс. инсургентов. Греческий министр одновременно предупреждал, в том числе временного поверенного в делах в Афинах Б. А. Татищева, что, как только критяне убедятся, что вопрос опять отложен, «они немедленно ответят на это внушительными демонстрациями, за которыми не преминут последовать серьезные беспорядки», а Греция «не в силах будет сдерживать народное неудовольствие...»¹³. Татишев телеграфировал в МИД России, что «за сохранение эллинским правительством благоразумной умеренности в критском вопросе возможно ручаться лишь до тех пор, пока население самого острова остается покойным». Если же там вспыхнут беспорядки, то никакое греческое министерство не будет в силах сдерживать народное недовольство и даже против воли вынуждено будет прибегнуть к каким-либо решительным мерам, несмотря на всю опасность, которую они могли бы представлять для королевства». Поэтому, считал он, «обнаруженное ныне османским правительством отношение к критскому вопросу, по скромному моему убеждению, может привести к нежелательным осложнениям»¹⁴. Уж не новая ли греко-турецкая война имелась в виду?

Российскому посланнику Щербачеву удалось откровенно побеседовать по критскому вопросу с турецким посланником Наби беем, который доверительно «признал себя сторонником разрешения критского вопроса согласно вожеланиям греков», т. е. в смысле присоединения. Наби бей подчеркнул в разговоре с посланником России, что «вообще о возможности возвращения Крита Турции в Константинополе никто серьезно не думает, и затруднения к присоединению острова к Греции делаются только ввиду того дискредитирующего младотурок впечатления, которое присоединение это произвело бы в настоящую минуту в мусульманском мире»¹⁵.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 325. Л. 1.

8 Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции... С. 41.

9 Галкин И. С. Там же. С. 32-33.

10 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 45-45об.

11 АВПРИ. Там же. Д. 325. Л. 6.

12 АВПРИ. Там же. Д. 323. Л. 78об.

13 АВПРИ. Там же. Д. 2502. Л. 284, 293, 306, 308, 311.

14 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 5-6.

15 АВПРИ. Там же. Л. 84-85.

Турецкий посланник считал, что положение Греции осложняло и то, что со времени объявления турецкой конституции, хотя греческое правительство вело себя в отношении перемен в Порте совершенно корректно, греческое население Османской империи сумело, наоборот, как нельзя более восстановить против себя турецкое общественное мнение. В Турции греки стали действовать как в завоеванной стране, требования Вселенского патриарха грека превзошли всякую меру, константинопольская греческая печать приняла невозможный тон, а греки находятся во враждебных отношениях с младотурками, которые «уже в силе». Такое поведение греков повлекло за собой цензуру для греческих газет в Турции, а турецкая печать начала кампанию против передачи Крита Греции. Османские правительственные круги, побуждаемые некоторыми турецкими государственными деятелями из бывших критских мусульман, были теперь также настроены против решения критского вопроса в пользу Греции. Таким образом, по мнению посланника, для пользы самих же греков необходимо было повременить с разрешением вопроса, хотя бы в течение нескольких месяцев. Фактически от этого ничего бы не изменилось, Греция продолжала бы главенствовать на острове. Выборы в афинскую палату, по мнению турецкого посланника, также нужно было бы отложить, по крайней мере, до декабря, а к этому сроку решить критский вопрос окончательно. При этом он также сказал, что державы сами в достаточной мере не воздействуют сообща на Порту «из нежелания восстановить против себя младо-турок». Так, во время поездки Фарид паши во Францию Ж. Клемансо заверил его, что Франция в критском вопросе «ни на чем настаивать не будет». «В таких условиях, — писал российский посол А. И. Нелидов из Парижа, — сохранение *status quo* и отсрочка отзыва отрядов явилась бы самым удобным решением», если бы не представляла опасность нарушить данное критянам слово и подорвать их доверие к Европе...» Греческий посланник в Петербурге Аргиропуло в феврале 1909 г. обращался к А. П. Извольскому с вопросом: «Не примет ли Россия, неизменная покровительница Греции, инициативы в деле окончательной постановки на очередь Критского вопроса?» Но русское правительство по многим политическим соображениям предпочитало

в этот период, чтобы почин в этом деле исходил от какой либо другой из держав покровительниц острова, и лучше всего Франции, всегда сочувствовавшей Греции и имевшей во главе правительства искреннего эллинофила Ж. Клемансо. А. П. Извольский указывал Ю. Н. Щербачеву на необходимость добиться единства действий представителей всех четырех держав на основе французской платформы¹⁶.

Успокоению греков и критян, по мнению Щербачева, особенно мешали два обстоятельства: Первое, случайное — окончание срока работы афинской палаты депутатов и неизбежность новых осенних выборов. Вот тогда то вопрос о посылке в Афины критских депутатов примет острую форму и справиться с ним будет почти невозможно. Второе — греческое правительство не верит в серьезность принятого турецкой стороной угрожающего тона в отношении королевства. По твердому мнению греков, Турция поставлена будто бы в такое трудное финансовое положение (ей приходится тушить революцию дома, заботиться о поддержании порядка в провинциях), что воевать против Греции она не сможет. Двинься она против греков, так не только христианские, но и мусульманские народности — албанцы, арабы и др. — потянут в разные стороны и поставят Порту в безвыходное положение. Поэтому дальше бряцания оружием турки не пойдут.

Российский посланник пытался внушить министру иностранных дел Греции Балтаджи, что в случае войны с Грецией в Турции проснется мусульманский фанатизм и внутренние раздоры будут немедленно забыты, а сама война встретит повсюду в Турции сочувствие, как выход из униженного щекотливого положения после испытанных турками неудач в боснийско-герцеговинском и болгарском вопросах. Легкий успех, одержанный над Грецией, «блестяще восстановит кредит младотурецкого режима и надолго пригнет греческий элемент в Турции», — заключал русский посланник¹⁷. 1 февраля 1909 г. известный английский журналист и большой знаток Балкан Е. Диллон писал о международном положении на Ближнем Востоке в «Дейли телеграф»: «Хотя видны просветы на Балканах, но нависшие тучи еще не рассеялись». По мнению Б. А. Татищева, не трудно было предвидеть, «что в недалеком будущем критский вопрос вновь вступит в острый фазис»¹⁸.

16 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 84об; Там же. Д. 2502. Л. 272, 287, 290, 295, 305.

17 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 79.

18 АВПРИ. Там же. Л. 6.

Чаней. Народ Крита празднует союз с Грецией. 1913 г.

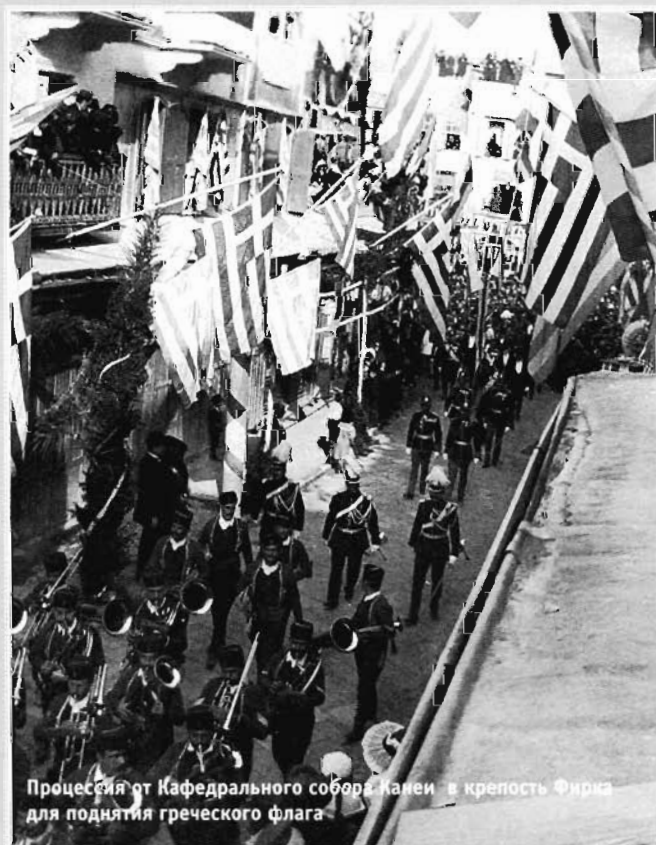
Официальная церемония, возглавляемая греческим королем Константином, направляется в крепость Фирка для поднятия греческого флага. Лето, 1913 г.

Греческий король Константин и премьер-министр Греции Э.Венизелос на благодарственном молебье в крепости Фирка

Конец турецкого господства — поднятие греческого флага в Суде 1 февраля 1913 г.
Рядом со знаменем стоит Стефанос Царулис

Процессия от Кафедрального собора Чаней в крепость Фирка для поднятия греческого флага

Послесловие

К лету 1909 г. с острова были выведены все иностранные войска, и Крит, и Греция, становившиеся все более субъектами международных отношений, должны были решать вопросы по-новому. В широких кругах греческого населения Крита и особенно в самой Греции все более росло недовольство зависимостью афинского правительства от европейских держав и их крайней осторожностью в критском вопросе, который, вопреки всем ожиданиям, не получил желаемого полного разрешения. Летом 1909 г. правительство Теотокиса пало, так как «из-за своей вялой политики не сумело добиться полного успеха в критском вопросе».

Газеты предрекали начало греко-турецкой войны сразу после ухода международных войск с острова. «Речь» подчеркивала 30 июля 1909 г., что для обновленного османского национализма совершенно невыносима мысль о потере Крита. Сама младотурецкая революция произошла во имя идеи нераздельности турецкой территории. Столкнулись два течения — османский национализм и греческий мегализм, т. е. два мира — мусульманский и христианский. Турция обратилась к Востоку после потери европейских провинций с призывом «об усилении мусульманского движения, с которым придется всем считаться»¹. Сохранение Крита в составе Турции стало задачей комитета «Единение и прогресс». Не склонны были к уступкам и сторонники великогреческой идеи, т. е. греческие националисты, которые наблюдали, как на протяжении десятилетий эта идея приближалась к осуществлению в критском вопросе, как происходило расширение автономного правления на острове, как верховная власть султана постепенно сужалась и становилась фиктивной. Фактическое преобладание греков на острове, соединенное лишь с формальным сохранением суверенитета султана, делало попытки младотурок нереальными. Критская конституция 1907 г. еще более накренила весы правосудия в критском вопросе в пользу Греции.

Однако в июле 1909 г. критский вопрос вновь вошел в острую фазу. И по единодушному мнению почти всей европейской прессы, «смуты и погромы на острове были неизбежны». Младотурки решили предоставить правительству право в любую минуту объявить войну Греции, «так как этого требует честь Османской империи»². Многие европейские газеты того времени задавались вопросом: есть ли это признак приближающейся новой грозы?

Следует сказать, что объективно в течение десяти лет после подписания австро-русского соглашения 1897 г. балканские державы имели мало шансов на самостоятельные маневры. Кроме того, после поражения в греко-турецкой войне Греция все равно не имела возможности вести активную политику на Балканах, и в этом смысле политика status quo была ей также выгодна. Но когда в декабре 1909 г. критская палата снова поменяла правительство и избрала Исполнительный комитет, поручив ему ввести на Крите греческие законы, Греция осталась безмолвной. Вскоре на Крите и в Греции произошли важные политические

события, в которых не последнюю роль сыграли «новые люди» — критские неопыты во главе с Э. Венизелосом.

В 1910 г. критяне создали Национальную учредительную ассамблею при 130 выборных депутатах: 114 христиан, 16 мусульман, т. е. пропорционально соотношению этносов. Однако вновь предложение об объединении острова с Грецией осталось без ответа. В марте состоялись выборы в Народное собрание Крита, которые дали 53 депутата партии Венизелоса, 44 — партии Михелидакиса, 11 — партии Кумундурса, 4 — Палогеогиса, 2 независимых. Венизелос к этому времени стал уже наиболее авторитетной фигурой как на Крите, так и в Греции, к величайшему огорчению греческой королевской семьи и всех монархических и консервативных кругов, которые почувствовали, какая угроза для них исходила от этого человека. 21 апреля новый парламент присягнул королю Греции. Мусульманские депутаты в знак протеста покинули Собрание. В августе 1910 г. Э. Венизелос вступил в афинский парламент как гражданин Греции, а уже в ноябре, благодаря своим способностям и связям, сделался членом кабинета министров Греции³.

Неудача Греции в критском вопросе, ее неспособность справиться с внутренними задачами, деморализация и разочарование в обществе стали причинами вспыхнувшего вскоре мятежа Военной лиги, который поставил весьма щекотливый династический вопрос. Неудачу с присоединением Крита прямо вменили в вину не только принцу Георгу, но и греческому королю Георгу I, «от которого ожидали «большей энергии и настойчивости» перед Европой в достижении заветной народной мечты»⁴. Военная лига вскоре предложила вождю критских повстанцев возглавить реформирование Греции и занять пост премьер-министра. В результате восстания Военной лиги в Греции к власти пришло новое поколение политиков-либералов, ориентировавшихся на Запад и его ценности и потеснивших традиционные власти и греческую монархию, тесно связанную с российским императорским домом.

Элефтериос Венизелос, ставший премьер-министром Греции в 1910 г. по просьбе Военной лиги, сумел объединить весь греческий народ на основе идей эллинизма, и для Греции и Крита начался новый исторический период.

Окончание итало-турецкой войны в 1911 г. и ликвидация проблемы занятых Италией турецких островов выдвинули вновь на первое место критский вопрос. В октябре 1912 г. Греция в составе сильной военно-политической коалиции балканских государств вступила в войну с Турцией. Греция, как и другие балканские государства, очень надеялась на мощную российскую поддержку. Россия по мере сил способствовала сближению всех православных балканских народов в решении их коренных интересов в годы Первой балканской войны 1912 г., помогла и Греции. Критское правительство также решило отправить на помощь воюющей Греции критскую милицию в 6 тысяч человек и 1 тысяч жандармов, а также содействовало отправке на фронт многочисленных добровольцев. По мнению русского посланника в Афинах Е. П. Демидова, «развертывавшиеся события представляли собой бесподобный случай... для окончательного разрешения критской проблемы и присоединения острова к Греции».

1 АВПРИ. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 429. Л. 10.

2 Земщина. 30 июля 1909 г.

3 См.: С. Т. Хроника дипломатической истории... Кн. 4.

4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 326, 332об.

И Греция не упустила свой исторический шанс. Вскоре критские депутаты, все как один одевшиеся в темно-синие национальные костюмы, были допущены в качестве гостей в афинский парламент, а Венизелос приветствовал их появление при общем энтузиазме депутатов-греков⁵. В критских газетах появилась прокламация афинского кабинета о присоединении Крита к Греции и существовании теперь единого парламента⁶. Россия смолчала, оказав тем лучшую поддержку этой акции. Она всеми силами воспротивилась объявлению блокады Крита во время Балканских войн⁷. Король эллинов Георг I назначил генерал-губернатором Крита заслуженного греческого политика Стефаноса Драгумиса и принял все меры к полному объединению острова с Грецией. 1 февраля 1913 г. при общем ликовании критян Драгумис лично поднял греческий флаг и выставил при нем караул. Таким образом, в этот исторический день с острова был удален последний символ турецкой власти и поднят флаг единения острова с Грецией. Окончательное присоединение к Греции великого острова Средиземноморья — Крита стало одним из крупнейших успехов Греции.

Великие державы с начала первой балканской войны убрали с Крита свои корабли стационары; последней отбыла с острова русская канонерская лодка «Хивинец».

История пребывания международного контингента войск на Крите в 1897–1909 гг. представляет собой не только интересный, но даже поучительный пример совместной военно-морской миротворческой акции великих европейских держав, которая в конечном счете привела к положительному результату. Однако в конце XX в. историки разных стран почти единодушно признали ошибочным нежелание великих держав вовремя вдумчиво решить критскую проблему, признать значимость национального фактора и силу идей эллинизма. Великие державы боялись присоединения Крита к Греции, т. е. события, которое было все равно неизбежным в силу географического положения острова, его этнического состава, национального самосознания критского греческого населения, не мыслившего себя вне Греции, вне греческой единой нации. При этом великие державы игнорировали тот факт, что другие балканские государства никогда не претендовали на этот остров. Державы лишь боялись, что пример будет заразителен и Османская империя рухнет окончательно слишком быстро и с непредсказуемыми последствиями.

В то же время достаточно активная политика царской дипломатии в критском вопросе в начале XX в. была в основном направлена на удержание греческого принца в роли верховного комиссара Крита и на укрепление престижа греческой монархии. Тем не менее она во многом отвечала интересам критского населения и способствовала закреплению результатов национально-освободительной борьбы, которую греки вели особенно остро в XIX — начале XX в. Россия никогда не высказывалась против законных притязаний критян, а лишь считала их несвоевременными, что прекрасно понимали и учитывали в своих действиях критяне. Главной заботой как России, так и великих

держав было не вызвать конфликта между Грецией и Турцией, не нарушить общего согласия и не вызвать протестов со стороны Германии и Австро-Венгрии, т. е. служить стабилизирующим фактором. Сами критяне порой вели себя слишком нетерпеливо и резко, что вызывало раздражение европейских кабинетов, которых постоянно преследовал призрак мировой войны. При этом активность критян была оправдана и привела к желаемому результату. Критяне постоянно привлекали внимание к своей проблеме и добились соединения с Грецией — осуществления заветного «эносиса».

Изучение и объективное изложение политики России осложнено тем, что именно в этот период и именно в балканской политике с наибольшей силой проявился ее двойственный характер. Политика России на Ближнем Востоке была, с одной стороны, направлена на сохранение стабильности в регионе и сохранение на время целостности Османской империи. Россия стремилась помешать укреплению Германии за спиной Турции в Средиземном море и на проливах и стать гегемоном на Ближнем Востоке. Большую роль играл и антагонизм с Великобританией. В связи с этим Россия, как и другие державы, прислав свои военно-морские силы на Крит, стремилась, с другой стороны, решить критскую проблему реформаторским путем без кровопролития, имея конечной целью присоединение острова к Греции и сохранение его в орбите православного мира. И в этом контексте пребывание на острове контингента русских императорских войск и военно-морских сил России сыграло большую и весьма положительную роль. Российский посол Щербачев писал, что, хотя «греки и упрекают нас горько за попечение императорского правительства об интересах славян Балканского полуострова, однако, в тяжелые минуты, по прежнему обращают взоры на свою исконную православную покровительницу». Даже по мнению министра иностранных дел Греции Балтаджи, «если Россия, покровительствуя греческим интересам, и не принимала на себя иногда инициативы, то все же содействие ее приносило прямую и весьма ощутимую пользу Греции, например в критском вопросе»⁸. Глава самой многочисленной оппозиционной партии в Греции (во времена Теотокиса) Д. Раллис, который был женат на русской и проявлял особую приверженность к России, также неоднократно подчеркивал, что «из всех держав одна только Россия обыкновенно оказывала Греции действительную помощь». Он говорил российскому посланнику в Афинах Ю.Н. Щербачеву в июле 1909 г. (когда последние европейские миротворцы покидали Крит), что он хорошо сознает, что без помощи Европы Греция в критском вопросе обойтись не могла, и обещал «свято следовать указаниям держав»⁹.

Главным достижением европейских держав в критском вопросе (этом сложном этнорелигиозном конфликте) было то, что благодаря присутствию на Крите международного контингента войск в 1897–1909 гг. остров был сохранен для христианского мира. Это была безусловная победа европейской цивилизации над распадавшейся мусульманской Османской империей.

5 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 175

6 С.Т. Хроника дипломатической истории Крита... С. 217.

7 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 214.

8 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 93.

9 АВПРИ. Там же. Л. 110–110об.

Новые книги издательства «Индрик»:

Никодим Павлович Кондаков.

Византийские церкви и памятники Константинополя — М.: Индрик, 2006. — 424 с.: ил.

ISBN 5-85759-348-4

Монументальная книга Н. П. Кондакова о византийских памятниках Константинополя остается одним из его высших достижений. Написанная в жанре научного путешествия, она была первой и единственной работой в русской дореволюционной науке, поставившей вопросы комплексного изучения влияния византийского искусства (с его центром в Константинополе) на формирование и славянской и западноевропейской культур. Вопреки названию, книга менее всего является собственно исследованием по архитектуре. Посетив Константинополь в тот период, когда Византийские древности еще оставались на поверхности посреди большого количества городских пустырей и огородов, Н. П. Кондаков имел богатые возможности для исследований, которые недоступны современному ученому. Обладая массой сведений, почерпнутых из византийских источников, он создал научное полотно, в котором сотни единичных фактов образуют в конечном счете подобие энциклопедии византийской культуры.

В новом издании сокращены некоторые снимки мозаик монастыря Хора, добавлены литографии с рисунков А. Г. Паспати, на которые часто ссылается Н. П. Кондаков, а в приложении помещен альбом современных фотографий памятников Константинополя, выполненных А. И. Комечем.

Новые книги издательства «Индрик»:

Константин Михайлович Базили.

Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. — М.: Индрик, 2006. — 464 с.: ил.
ISBN 5-85759-356-5

Российской читающей публике 30–40-х годов XIX века имя Константина Михайловича Базили (1809–1884) было известно по имевшим успех сочинениям "Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах" (СПб., 1834), "Очерки Константинополя" (СПб., 1835), "Босфор и новые очерки Константинополя" (СПб., 1836). О его литературном таланте и глубоком проникновении в предмет, который его занимает, высоко отзывались современники (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь).

Представитель богатой греческой семьи, вынужденный бежать от турецких погромов из Константинополя в Одессу, К. М. Базили получил образование в лучших южнорусских учебных заведениях: Нежинской гимназии высших наук и Лицее князя Безбородко (где его товарищами были Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник, В. И. Любич-Романович и другие), а затем в Ришельевском лицее. Вступив в государственную службу, он большую ее часть провел на дипломатическом поприще на Востоке, который он так хорошо знал и умел описать.

Главной темой его Очерков выступает история реформ, осуществленных султаном Махмудом II: истребление янычарского корпуса, административные, религиозные и военные преобразования в Турции. Но повествование об этих событиях вплетено в канву бесконечно разнообразных историй из народной жизни громадной Османской империи, представляя как бы одно эпическое полотно. Автор умеет открыть перед читателем весь специфический, присущий только Востоку колорит и неподдельное очарование столицы султанов Стамбула, среди дворцов, рынков и минаретов которой еще проглядывал в его время прежний лик столицы всего восточнохристианского мира — Константинополя. Под его пером зарисовки бытописателя, суждения политика и экзотика романиста обретают образ, вечно близкий сердцу русского человека, имя которому — Царьград.

Герд Л. А.

Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). — М.: «Индрик», 2006. — 448 с.

ISBN 5-85759-344-1

Монография посвящена церковной стороне восточного вопроса, центрального для политики великих держав XIX в. В ней на основе архивных материалов рассматриваются отношения России и Константинопольского патриархата в 1878–1898 гг. — двадцатилетний период по завершении русско-турецкой войны. Для Константинопольской церкви вторая половина XIX в. является временем реформ; введение светских представителей в систему церковного управления обусловило усиление политического и националистического начал в церковной жизни. В России 1880–1890-е гг. характеризуются возрождением византийских идей государственной жизни: шла идеологическая подготовка к решению восточного вопроса. На фоне скрытого противоборства двух вселенских идеологий — русской и греческой — развивались конкретные направления взаимоотношений России и Константинопольской церкви (русское присутствие на Афоне, участие России в греко-болгарском вопросе, в борьбе Церкви за сохранение своих прав в Турции, Мирликийское дело, открытие константинопольского подворья в Москве и др.). Благодаря общности православной веры с христианским населением Турции церковное направление, основанное на средневековой идеологической модели, и в Новое время остается одним из приоритетных в ближневосточной политике России.

НИНА

ГАЛЕРЕЯ КНИГИ

www.kniginina.ru

Москва, ул. Бахрушина, д. 28

☎ (495) 959•2103, 959•2094

в будни – с 10.00 до 20.00

в субботу и воскресенье – с 10.00 до 18.00

м. Павелецкая-кольцевая

Москва, Старосадский пер., д. 9
киоск при Исторической библиотеке

☎ (495) 921•4895

в будни – с 11.00 до 18.00

м. Китай-город

Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
киоск в Институте русского языка
им. В.В. Виноградова

в будни – с 11.00 до 17.00

м. Кропоткинская

Выяснить, в каком магазине
имеется в наличии интересующая Вас книга, можно по

☎ (495) 959•2103, 959•2060

Приобрести книги можно через интернет-магазин

www.kniginina.ru

Научное издание

Ольга Владимировна Соколовская

Россия на Крите

Из истории первой миротворческой операции XX века

Оригинал-макет А.В. Гришаев, Я.Б. Русанова
Редактор Т.И. Томашевская

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Отзывы и замечания просьба присылать по адресу:
117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а, ИСл РАН, каб. 806, Соколовской О.В.
e-mail: elolga@mail.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) - 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60х90 1/8. Печать офсетная.
18,5 п.л. Тираж 1000 экз.

